

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 8

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Хапчаев И. А.</i> Культура как форма сообщения и ее образующая сущность	6
<i>Бармина О. В.</i> Сознание как опыт различения	10
<i>Богатова Е. Б.</i> Является ли документ философской проблемой?	15
<i>Ступникова В. В.</i> К вопросу о происхождении образа китайского дракона	21

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Трушкова И. Ю.</i> Этнические культуры российского юга на российском севере: некоторые аспекты деятельности гражданского общества в Кировской области в 2010-х гг.	27
<i>Хабибуллин М. З.</i> Народы Среднего Поволжья в ракурсе историко-конфессиональных исследований преподавателя Казанской духовной академии Михаила Александровича Машанова (1852–1924 гг.)	30
<i>Машковцев А. А.</i> Лютеране Среднего Поволжья и Приуралья в 1855–1881 гг.: взаимоотношения с региональными властями и православным духовенством	36
<i>Смольняк И. В.</i> У истоков политики Сдерживания: Черноморские проливы как фактор напряжённости внутри Большой тройки на завершающем этапе Второй мировой войны	48
<i>Садаков Д. А.</i> Восприятие американцами советской политики в северной части Корейского полуострова в 1945–1948 гг.	58
<i>Росина М. А.</i> Позиция Соединенных Штатов по румынской проблеме в 1944–1945 гг.	69

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Байкова О. В., Березина Ю. В.</i> Этническая и языковая идентичность современных российских немцев Кировской области	79
<i>Губик С. В.</i> Стратегии экспрессивности в экономическом медиадискурсе (на материале журнала “The Economist”)	82
<i>Григорьева Т. В.</i> Аксиологические особенности оппозиции ‘сладкий – горький’ в русском языке	87
<i>Шаймарданова М. Р.</i> Гендерные стратегии и тактики в условиях актуализации фрейма предостережения в английских и русских поговорках	93
<i>Шарипова В. А., Валиахметова Э. К.</i> Функционально-когнитивная сфера – новый тип организации лексики	100
<i>Суханова И. А.</i> Стихотворение Александра Кушнера «Зачем Ван Гог вихреобразный...» с лингвоинтермедальной точки зрения	105
<i>Чехлова Л. А.</i> Австрийский фантастический роман первой половины XX в.	110

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Плотников Д. А.</i> Некоторые процессуальные особенности рассмотрения гражданских дел о выплате страхового возмещения в рамках ДТП.....	115
<i>Путихина Н. В.</i> Сущность и содержание понятия «позиция адвоката-защитника» по уголовному делу.....	120
<i>Елкина В. В.</i> Территориальные органы ветеринарного и фитосанитарного надзора в иностранных государствах.....	125

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Коряковцева О. А., Тарханова И. Ю.</i> Непрерывное образование как средство социализации взрослого человека.....	132
<i>Батухтина Е. В.</i> Педагогические условия формирования социально-экологических компетенций будущих бакалавров биологии	135
<i>Тимофеева И. Л.</i> Об использовании кванторов в определениях школьного курса математики	140
<i>Козлова Е. А.</i> Художественно-языковая компетенция как фактор лингвокреативности и коммуникативной эффективности будущего специалиста	147
<i>Козлова Н. Г.</i> Реализация принципов модульно-рейтинговой системы в процессе иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза (на материале НОУ ВПО «Тольяттинская академия управления»)	151
<i>Сведения об авторах</i>	157
<i>Information about authors</i>	160

CONTENTS

- Hapchaev I. A.* Culture as a form of communication and its formative essence
- Barmina O. V.* Consciousness as the experience of discernment
- Bogatova E. B.* Is the Document a Philosophical Problem?
- Stupnikova V. V.* To the Question of Origin of Chinese Dragon
- Trushkova I. Yu.* Ethnic cultures of Russian South in the Russian North: some aspects of civil society activities in Kirov region in the 2010s.
- Khabibullin M. Z.* The peoples of the Middle Volga region in the perspective of historical-religious studies of the teacher of the Kazan spiritual Academy Mikhail Alexandrovich Mashanov (1852–1924)
- Mashkovtsev A. A.* Lutherans of the Middle Volga region and Ural region in 1855–1881: relationship with regional authorities and the Orthodox clergy
- Smolnyak I. V.* At the beginnings of the policy of Containment: «The Black Sea Straits as a factor of tension inside the Big three in the final stage World War II»
- Sadakov D. A.* American perception of soviet foreign policy in North Korea in 1945–1948
- Rosina M. A.* The position of the United States on Romanian problem in 1944–1945
- Baikova O. V., Berezina Yu. V.* Ethnic and linguistic identity of modern Russian Germans in the Kirov region
- Gubik S. V.* Strategies of expressiveness in economic media discourse (on language material of “The Economist”)
- Grigoreva T. V.* Axiological features of opposition ‘sweet – bitter’ in Russian
- Shaimardanova M. R.* Gender strategies and tactics used in the process of precaution frame actualisation in the english and russian paroemias
- Sharipova V. A., Valiakhmetova E. K.* The Functional – cognitive sphere – new type of lexicon arrangement
- Sukhanova I. A.* The poem of Alexander Kushner «For what whirling Van Gogh...» from the linguointermedial point of view
- Chekhlova L. A.* Austrian fiction novel of the first third of the twentieth century
- Plotnikov D. A.* Some procedural features of consideration of civil cases about payment of insurance compensation within a road accident
- Putikhina N. V.* The Essence and Content of the Concept “Position of the Defense Counsel” in a Criminal Case
- Elkina V. V.* Territorial bodies of veterinary and phytosanitary surveillance in foreign countries
- Koryakovceva O. A., Tarkhanova I. Y.* Continuing education as means of socialization of an adult
- Batukhtina E. V.* The Pedagogical Conditions of Forming Social and Environmental Competencies of Future Bachelors of Biology
- Timofeeva I. L.* About the usage of quantifiers in definitions of school course of mathematics
- Kozlova E. A.* Lingo-artistic competence as a factor of aesthetic growth, linguistic creativity and communicative efficiency of future specialist
- Kozlova N. G.* Realisation of the principles of module and rating system in the process of Foreign Language preparation of the non-linguistic university students (on the basis of non-governmental

Культура как форма сообщения и ее образующая сущность

В статье исследуется социальная природа культуры как специфической формы информации. Раскрывается, что на основе традиций происходит накопление и трансляция социального опыта, взаимодействие, взаимопроникновение, взаимообогащение культур. С этих позиций обосновывается, что традиции – это социальные механизмы передачи культуры от поколения к поколению, развитие самоорганизации человека на основе усвоенной им культуры и в соответствии с его отношением к ней.

The article studies social nature of culture as a specific form of information. The article reveals that interaction, interpenetration and mutual enrichment of cultures happen on the basis of traditions of the accumulation and transmission of social experience. From this perspective the idea of tradition as a social mechanism of cultural transmission from generation to generation, development of human self-organization based on the assimilation of culture in accordance with his attitude to it is confirmed.

Ключевые слова: культура, сообщение, накопление, организация, дефиниция, традиция, социальные ценности.

Keywords: culture, message, storage, organization, definition, tradition, social values.

Еще с момента возникновения человека появилась его способность прогнозировать результаты поступков. Это способствовало тому, что информация, утратив твердую, как наподобие обычных животных рефлексов, взаимосвязь с определенным поведением, стала запасаться впрок, что способствовало существенному увеличению продуктивности ее использования. Способность набирать знания, изолированные от определенной обстановки, определенного поведения, раскрыла личности огромную возможность – созидать ранее неизведанное, нечто новое, не наличествующее в природе, осуществлять такие разновидности и формы организации материи, которые бы не появились естественным способом.

Благодаря разуму для личности стали возможны такие разновидности совершенствования, которые не смогли бы появиться под влиянием обыкновенных рефлексивных механизмов. Указанные механизмы семафорили бы о приближении к опасной черте, за которой останавливается гомеостазис, и принудили бы видоизменять их действия. Представляется, что личность вопреки указанным механизмам совершила свой выбор, приобрела навыки производить орудия труда, осознав пути приспособления, выучилась набирать информацию и т. д.

При этом появившаяся в период формирования социума система запретов гарантировала возможность появления новой формы «памяти», которая стала помогать сбережению и трансляции информации, привычек, возникающих традиций и т. д., в результате развития которых возникает культура.

В философской литературе существуют самые многообразные дефиниции, взгляды по вопросу культуры. В силу этого у нас нет возможности рассмотреть все это огромное множество определений, точек зрения, ибо это требует специального и самостоятельного анализа. Поэтому мы рассмотрим лишь те дефиниции культуры, которые более созвучны нашему мнению. В этом плане стоит отметить, что, согласно М. Веберу, культура – это поле организации коллективных идей, понятий, обратно влияющих на весь состав групп, осуществляющих их через образцы общественного действия. При этом здесь М. Вебер говорит только о традиционных идеях и понятиях, транслирующихся из поколения в поколение и выступающих в качестве «общего запаса знания и ценностей». Следует заметить, что ученый обосновывает наличие особой формы «памяти» и благодаря этому – трансляцию конкретной информации из поколения в поколение [1].

Подобную точку зрения выдвигает также Т. Парсонс. По его мнению, культура есть компонент общества, в котором сосредоточены общественные ценности, транслируемые из поколения в поколение и аккумулирующие общественный опыт. Согласно мнению ученого, культура реализует функцию «поддержания образца» в социуме [2], а также несет в себе самоорганизующее начало.

Говоря о культуре, А. В. Петров, М. К. Горбатова считают, что культура представляет собой совокупность материального и духовного мира цивилизации всего человеческого рода, возникшей в ходе разнообразной деятельности человека, транслируемой от старшего к младшим, создающей и совершенствующий индивида и личность [3].

Другой мыслитель, Н. Трубецкой, исследуя культуру в контексте развития человеческой цивилизации, утверждает, что «культура в каждый данный момент представляет из себя сумму получивших признание открытий современного и предшествующих поколений данного народа» [4].

Не умаляя значения вышеприведенных подходов при анализе культуры, мы акцентируем внимание лишь на специфике культуры как формы информации и ее организующей сущности. С этих позиций особенность культуры как формы информации состоит в отличии человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни. Действия у биологических систем определяются заложенными в них от рождения транслирующимися биологическим способом по наследству генетическими программами, хотя у наиболее высокоорганизованных животных существуют относительно совершенные индивидуальные формы действий, которые выступают продуктом научения и опыта. Однако следует отметить, что они не развиваются прогрессивно, ибо не сберегаются из поколения в поколение. В организм же человека от рождения, конечно, заложены анатомо-физиологические задатки, функции. Но вне социальной среды эти задатки, функции не могут развиваться. Это обусловлено тем, что в ходе жизни человек формируется как культурно-историческое существо. Поэтому специфические свойства человека представляют собой следствие приобретения общественных ценностей, приобщения к традициям, овладение языком, а также освоение характерными для данной культуры способами деятельности и т. д. В силу этого деятельность человека качественно отличается от поведения животных тем, что действия человека обладают надбиологической природой. Это обусловлено тем, что деятельность человека управляется надбиологически развитыми и общественно укрепленными способами и механизмами деятельности, которые развиваются из поколения в поколение. Действия людей вызвали не только интегрирование усилий людей и определение между ними налаженной системы отношений, но и накопления опыта изготовления и применения орудий труда, развития профессиональных навыков и т. д.

С нашей точки зрения, культура представляет собой один из наиболее важных механизмов самоорганизации человека. Стоит также подчеркнуть, что культура выступает критерием человеческого в человеке, выражает общественную природу индивида. Заметим, что материальная культура находится в постоянном взаимодействии с человеком. Личность на основе взаимодействия с материальной культурой изучает предшествующую культуру и в результате этого распредмечивает ее, создавая тем самым возможности для своей деятельности. На основе этой деятельности, опредмечивая свои знания и способности, он развивает элементы культуры, обогащает предшествующую культуру новыми элементами.

Безусловно, чем лучше традиции соблюдаются, тем сообщество одностороннее и стабильнее. Но стабильность традиций не должна превращаться в их неизменность. Дело в том, что социально-исторический процесс невозможен без преодоления сложившихся стереотипов, обновления старого, развития новых общественных связей и отношений, соответствующих возникшим объективным условиям бытия.

В связи с этим следует отметить, что человек отражает культуру в соответствии со своими интересами, предпочтениями, потребностями и т. д. Поэтому развитие человека, его самоорганизация происходит на базе изученной им культуры и в соответствии с его отношением к последней.

Индивид, усвоив культуру прошлых лет, подновляет ее, вносит в нее нечто новое и тем самым повышает свою самоорганизацию. В силу этого культура содержит, с одной стороны, «островки» устойчивого, «консервативного», а с другой – возникновение нового, развивающегося, изменяющегося.

К числу устойчивых компонентов культуры относятся научные, религиозные, нравственные, эстетические, трудовые и т. д. традиции, на базе которых осуществляется накопление и трансляция общественного опыта в развитии социума. С этих позиций каждое новое поколение, опираясь на прошлый опыт человечества, имеет возможность актуализировать социальный опыт, включающий в себе различные традиции, которые передаются от поколения к поколению.

Однако некоторые исследователи сводят традицию к социальному опыту [5]. С нашей точки зрения, традиция не включает в себя не актуализированный социальный опыт в настоящее время. По нашему мнению, к традициям можно отнести лишь ту часть культуры, которая до известной степени непрерывно воспроизводится в общественном сознании и коллективном поведении. Другая же часть культуры «будучи неактуальной здесь и сейчас, остается в специальных хранилищах, архивах как культурный фонд, который обладает потенциальной ценностью и в нужный момент может быть призван к актуализации» [6]. Вследствие этого все то, что «доходит до нас из прошлого, что передается во взаимосвязанном, нарастающем историческом процессе, составляет наследие общества, тогда как к традиции относятся только те фрагменты наследия и социального опыта, которые не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним» [7].

При этом традиция является устройством набирания и трансляции наиболее важного социокультурного опыта. В результате этого происходят набирание, выбор и стереотипизация опыта и трансляция

стереотипов, а стереотипизация есть суть механизм традиции. Говоря о недопустимости отождествления некоторыми учеными традиции с культурой, К. Чистов отмечает, что «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» – механизм его формирования, трансмиссии и функционирования [8].

При этом, по его мнению, традиция всегда включает в себя возможность изменения и развития. К. В. Чистов считает, что совершенствование традиций – это процесс непрерывного изменения стереотипов и формирование новых [9]. С его точки зрения, изменение есть «способ существования традиции» [10]. Поэтому общественно-исторический процесс невозможен без необходимости преодолевать сложившиеся стереотипы.

Представляется, что лишь принятые традицией инновации, признанные основной частью общества, трансформируются в стереотипы, так как традиции изменяются людьми на основе изменившихся условий, оценки и актуальности их для современности. Традиция и новация выражают диалектически связанные стороны единого процесса развития культуры: новации возможны лишь на путях опоры на традиции, находятся в них в зародыше; все положительное и ценное, что было в традициях, в «снятом виде» остается в новациях.

На основе различных форм традиций новое поколение изучает успехи достигнутого общественного опыта, отжившие временем компоненты культуры, и в соответствии с требованиями объективных условий вводятся новые традиции.

Благодаря этому реализуется процесс «научения», а значит упрощается ход приспособления к определенному социуму с конкретными устоявшимися обычаями, налаживаются обратные связи, помогающие сохранению равновесия между человеком и внешней средой. Представляется, что в результате этого индивид организует в себе новые свойства, квалифицирующие его не только как существо общественное, но и культурное. Все это возвышает человека над природным миром.

Набранный традицией каким-либо одним поколением опыт не отмирает, не утрачивается с уходом предшествующего поколения, ибо возникает необходимость в формировании новых механизмов наследования и передачи информации. В связи с этим следует подчеркнуть, что социальная природа культуры, как специфической формы информации, выражает ее существенную особенность. Своеобразием надбиологической природы культуры является передача последующему поколению предыдущим накопленного опыта на основе новых механизмов наследования.

Преемственность в развитии культуры представляет собой, с одной стороны, активное употребление новыми поколениями набранного ранее опыта, а с другой – воздействие достигнутых успехов прошлых лет на формирование и развитие культуры будущего. Следовательно, происходит непрерывный процесс увеличения, обогащения и углубления масштабов информации, активное ее воздействие на жизнь появившихся поколений, присоединение культуры в общественно-исторический процесс. В той мере, в какой содержат в себе новизну научные, эстетические, технические, нравственные и т. д. традиции, в такой же мере они присоединяются в общественно-исторический процесс, вводят в него новые компоненты и таким путем осуществляют свою организующую функцию.

Формирование и внедрение новых традиций и развитие истории общества осуществляется на основе различных способов и форм. В современной философской литературе выделяются два основных способа возникновения новых традиций: горизонтальный и вертикальный. Так, например, по мнению П. Штопки, горизонтальный способ связан с отношением к прошлым обычаям основной массы населения, оценка их ценности и актуальности для современных исторических условий. Вертикальный способ – «когда традиция выделяется, отбирается и даже навязывается теми, кто обладает властью» [11].

С этих позиций можно говорить об историческом существовании традиций в рамках определенной эпохи, конкретной страны и вне этих пределов, взаимодействия с другими культурами и т. д.

В современную эпоху культурное развитие общества происходит в процессе взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения культур народов, ибо это является одной из важнейших закономерностей мирового культурного развития. В соответствии с этой закономерностью в процессе взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения культур народов более развитая культура оказывала более значимое обогащающее влияние на развитие менее развитых национальных культур. Естественно, что история развития культур народов России подчиняется указанной закономерности.

Исторические факты свидетельствуют о том, что под влиянием более развитой русской культуры происходило прогрессивное развитие культур народов России. Такое влияние способствовало расширению и обогащению культурной информации, возникновению инновации в сфере культуры адекватных требованиям объективных условий. Прогрессивное влияние русской культуры на развитие научных, нравственных, технических, музыкальных, трудовых и т. д. традиций народов России, при сохранении и совершенствовании у последних всего ценного и положительного, невозможно переоценить.

Говоря о русской культуре, следует отметить, что одним из ее существенных признаков является то, что она содержит наибольшее множество общечеловеческих культурных ценностей, которое способствует всечеловеческому единению народов, диалогу межнациональных культур и тем самым обуславливает их развитие.

Представляется, что культура нации и культура межнациональных отношений неотделимы. При этом в основе межнациональных отношений лежит культура, ибо только в диалоге культур происходит их взаимопроникновение, взаимообогащение и достигается обнаружение социальных ценностей в культурах друг друга. И чем более развита национальная культура, тем больше ее стремление к диалогу, оказанию помощи другим народам, всечеловеческому единению, любви и т. д.

В связи с этим Ф. М. Достоевский, говоря о такой черте русского народа, как стремление оказать помощь другим народам, пишет: «Русская душа, что гений народа русского, может быть наиболее способна из всех народов совместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное» [12].

Однако в процессе такого влияния русской культуры в то же время происходит и обратное воздействие культуры народов России на русскую культуру. Это, в свою очередь, способствует развитию русской культуры. Следовательно, в результате взаимовлияния культур народов России происходило их взаимообогащение и развитие. Так, например, горцы Северного Кавказа под влиянием русских традиций стали отходить от таких жестких обычаев старины, как умыкание девушек без их согласия, кровная месть, под воздействием русских традиций изменилось устройство жилищ Северо-Кавказских народов, происходит однотипное изменение в архитектуре и расположении карачаевских, кабардинских, черкесских, балкарских и т. д. жилищ. Горцы из саки стали переселяться в дома русского стиля. Вместе с тем русские в свою очередь переняли некоторые элементы культур народов Кавказа. Например, строят дома на основе русских традиций, но внутреннее убранство жилища было перенято у горцев: русская печь с широким устьем и свободными лавками по-кавказски покрывались коврами и т. д.

Стоит также отметить, что выдающийся русский композитор М. А. Балакирев сделал запись на Северном Кавказе произведения горского музыкального фольклора, а потом издал девять кабардинских, карачаево-черкесских и две чеченских мелодий под заглавием «Записки кавказской народной музыки». Следует также указать на то, что развитие русской культуры и культур народов Северного Кавказа происходит и через такие общие обычаи, как система куначества, любви к лошадям и других традиций.

Представляется, что модернизация традиций посредством творчества есть необходимость, традиция по сути своей пластична, в ней творческая и консервативная стороны существуют в неразрывном единстве. Вместе с тем ни в коем случае недопустима бездуховная, безрассудная новация, которая способна разрушить всю сложившуюся традицию. Это, как правило, приводит к тяжелым, негативным социальным последствиям. Однако следует подчеркнуть, что если старые традиции продолжают существовать и в том случае, когда объективные условия для этого отсутствуют, то эти устаревшие традиции будут противоречить сформировавшимся новым социальным условиям, вступят в противоречия с изменившимися объективными условиями. Это, разумеется, будет оказывать негативное влияние на модернизацию социума.

Однако поскольку устойчивость любых традиций включает в себя их изменчивость, то традиции вообще и этнические традиции в частности трансформируются. При этом изменение традиции может быть обусловлено не только под влиянием обычаев одного народа на традиции другого или изменениями объективных условий и т. д., но и с признаками человеческого разума... устремленного к творчеству и новации, наделенного воображением и фантазией [13]. Поэтому в социокультурной толще имеются элементы, как ускоряющие процесс обновления традиции, так и препятствующие модернизации.

Таким образом, процесс развитие культуры как формы информации и ее организующей сущности, процесс обновления традиций происходит диалектически. В социуме, несмотря на целостность и фундаментальность традиций, под влиянием различных причин происходит постепенное преодоление одних традиций и формирование новых, более прогрессивных, способствующих развитию общества.

Примечания

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 156.
2. Парсонс Г. Человек в современном мире. М.: Прогресс, 1985. С. 17.
3. Петров А. В., Горбатова М. К. Основные тенденции развития высшего юридического образования в современной России. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 8.
4. Трубецкой Н. Европа и человечество. М., 2014. С. 120.
5. Культурные традиции народов Сибири: сб. ст. АН СССР / отв. ред. Ч. М. Таксами. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 91.
6. Хараев Ф. А. Альманах размышлений. Нальчик: Республ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2011. С. 328.
7. Штопка П. Социология социальных изменений / пер. с нем. М.: Аспект-Пресс, 1996.
8. Чистов К. В. Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14–22. С. 15.
9. Он же. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 118–119.
10. Там же.
11. Штопка П. Указ. соч. М., 1996. С. 96.

12. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. М., 1984. С. 130–131.
13. Штопка П. Указ. соч.

Notes

1. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Progress. 1990. P. 156.
2. Parsons G. *Chelovek v sovremennom mire* [Man in the modern world]. M. Progress. 1985. P. 17.
3. Petrov A.V., Gorbatova M. K. *Osnovnye tendencii razvitiya vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii* [Main trends in the development of the higher juridical education in modern Russia]. N. Novgorod. Publishing house of NNSU. 2007. P.8.
4. Trubetskoy N. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and mankind]. M. 2014. P. 120.
5. *Kul'turnye tradicii narodov Sibiri: sb. st. AN SSSR* – Cultural traditions of the peoples of Siberia: collection of art of the USSR / resp. ed. C. M. Taksami. L. Nauka, Leningrad Dept. 1986. P. 91.
6. Kharaev F. A. *Al'manah razmyshlenij* [Almanac of thoughts]. Nalchik. The Republican polygraph plant named after The revolution of 1905. 2011. P. 328.
7. Shtopka P. *Sociologiya social'nyh izmenenij* [Sociology of social changes] / transl. from Germ. M. Aspect Press. 1996.
8. Chistov K. V. *Tradiciya i variativnost'* [Tradition and the variability] // Soviet Ethnography, 1983, No. 2, pp. 14-22, p. 15.
9. Chistov K. V. *Narodnye tradicii i fol'klor* [Folk traditions and folklore]. L. 1986. Pp. 118-119.
10. Ibid.
11. Shtopka P. Op. cit. M. 1996. P. 96.
12. Dostoevsky F. M. Full coll. of works: in 30 vols. Vol. 26. M. 1984. Pp. 130-131.
13. Shtopka P. Op. cit.

УДК 111.1

О. В. Бармина

Сознание как опыт различения

В статье рассматриваются различные философские концепции сознания в философии и науке. Проанализированы четыре типа понимания сознания: сознание как отражение; сознание как спонтанная творческая активность; сознание как причинно или функционально обусловленное практикой или социальными отношениями; сознание как усмотрение смысла. Показан способ сопоставления сознания с опытом различений. Определены иерархия и типы различений, первичный опыт сознания, деформация опыта, устойчивые типы человеческого опыта, регулятивный принцип и предпочтение, различие переднего плана и фона, объективация. Характеризуется понятие различения как источник предмета, знака или образа, который соотносится с их значением, но не отождествляется с ними самими. Предложена структура понимания сознания через различение, синтез и идентификацию, которая позволяет исследовать сознание с философской точки зрения.

Discusses the various philosophical conceptions of consciousness in philosophy and science. Analyzed four types of understanding consciousness: consciousness as a reflection; consciousness as spontaneous creative activity; consciousness as a causal or functional caused by the practice or social relations; the mind as a sense discretion. Shows how a comparison of consciousness with the experience of the distinctions. Defined hierarchy and types of distinctions, the primary experience of consciousness, experience deformation, resistant types of human experience, the regulative principle and preference, the difference between foreground and background, objectification. Characterized by the notion of distinction as the source of the item, sign or image that relates to their significance, but not identified with them. The structure understanding consciousness through discernment, synthesis and identification, which allows you to explore the minds from the philosopher's point of view.

Ключевые слова: сознание, различение, синтез, идентификация, опыт, обусловленность.

Keywords: consciousness, discernment, synthesis, identification, experience, causality.

Проблема сознания связана с главными философскими вопросами о природе человека, его взаимоотношений с миром и особенностью философского знания. Эта проблема согласуется с современным научным развитием таким образом, что возрастающее количество исследований должно постепенно исчерпывать тему сознания, но, напротив, эти исследования делают её всё актуальней. Вместе с тем можно сказать, что в настоящее время сознание предается забвению тем, что его сущность принимается как что-то известное, ясное и понятное, на фоне которого можно выстраивать ряд физиологических, социальных, философских, методологических концепций, а также разработок по искусственному ин-

теллекту. Такая же ситуация в истории философии была с понятием «бытие», которое предполагалось как предельно общее понятие и не поддавалось определению.

Термин «сознание» появляется в XVII в. сразу и в философском, и в научном рассмотрении. В философии понятие сознания формируется Декартом, до него использовался аристотелевский термин «душа» или «психея» как некоторая сверхсила, действующая в человеке и предопределяющая его мысли, чувства и желания. Именно Декарт выделил сознание из области психического рассмотрения, что произвело на дальнейший ход философской и психологической мысли большое влияние. По мере развития научного знания и философского осмысления сознание и психика все больше расходятся по своей сути, поэтому необходимо различать сознание в философском и в психологическом понимании.

Можно выделить ряд точек зрения на сознание, которые предлагает Л. Е. Моторина: определение сознания через субъективную реальность, через идеальную деятельность, через функционирование человеческого мозга, через информационные, биомолекулярные и квантовомеханические процессы психики [1]. Все определения сознания, которые встречаются в научной и философской литературе, она сводит к двум основным. В первом значении сознание предстает в качестве культурно-исторического процесса и определяется как свойство человеческого мозга, высшая форма отражения действительности, возникающая исторически и имеющая общественную природу. Этот вариант понимания сознания как обусловленный и определенный материей рассматривается в сложных дискуссиях о соотношении телесности и психического, сознания и мозговой деятельности, получения и обработки информации.

Второе значение предполагает определять сознание как универсальное свойство Вселенной, самостоятельно существующее и активно формирующее физическую реальность. Здесь перечислим ряд моделей сознания, которые появились в последнее время: кластерная теория интеграции, вероятностно-ориентированная модель, логико-геометрическая модель основных компонентов и уровней сознания.

Рассмотрим подробно философское понимание сознания. Проблема сознания в философии состоит в вопросе, как понимать сознание, если оно не вещественно и не тождественно свойствам вещей и явлений. Этот вопрос указывает на неустранимость сознания из контекста любого философского рассмотрения. Поскольку понимание как таковое – это всегда сознание самого сознания, с одной стороны, а с другой – сознание о предмете, то в процессе понимания субъект не противопоставляется объекту. Иначе не будет учитываться первичный опыт сознания, который лежит в основе понимания.

В феноменологической философии (Ф. Brentano, Э. Гуссерль) впервые ставится задача понять сознание, не имеющее каких-либо образцов. Указав направление к первичному человеческому опыту, в феноменологии задача определения первичного опыта сознания тем не менее не решается. Но обнаруживается глубокая связь между тем, как сознание понимается, и тем, как оно реализуется в соответствующих идеях, системах и принципах, а та или иная парадигма сознания определяет отношение сознания к миру.

В. И. Молчанов в работе «Парадигмы сознания и структуры опыта» выделяет три типа сознания: кантианская, феноменологическая и сознание в русской философии. Смешиваясь, эти парадигмы дают образцы самостоятельных философских воззрений.

Также он выделяет четыре типа понимания сознания: сознание как отражение; сознание как спонтанная творческая активность; сознание как причинно или функционально обусловленное практикой или социальными отношениями; сознание как усмотрение смысла. Каждое такое понимание определяет свой «способ придания смысла предметностям» [2]. Первые два понимания сознания: отражение и спонтанная деятельность – являются наиболее популярными и могут в пределах одного учения или концепции переходить от одного к другому.

Например, в «Критике чистого разума» Кант соединением отражения и спонтанного конструирования вводит новое понимание сознания как деятельности. В дальнейшем его сознание-деятельность в философии и культуре XIX и XX вв. предстает как волевое, практическое или жизненное начало. Шопенгауэр совершает переход от понимания сознания как отражения к конструктивному пониманию. Сознание в понимании Хайдеггера все объясняющее, владеющее сущим встроено в бытие-в-мире и является его функцией. Встроенное сознание можно интерпретировать как принадлежность его практике и как отражение. Другой вариант встроенности сознания есть в работах Маркса и Энгельса, где сознание подменяется общественным бытием, практикой, а оно само отождествляется с деятельностью. Так как у Маркса сознание – это функция практики, то отдельно от практики оно не существует. Представление о том, что решение практических задач неотделимо от самих задач, показывает специфику понимания Марксом сознания, а именно: одна из интерпретаций сознания объявляется сознанием вообще. Таким образом, концепция встроенного сознания рассматривается как принадлежность сознания практике.

Следующая концепция сознания как обусловленности схожа с концепцией встроенности тем, что здесь кроме функциональных ещё просматриваются причинные связи. Эта концепция представлена тремя вариантами: биологическим, социальным и языковым, но в каждом из них физиология обуславливает сознание. Здесь можно выделить следующие моменты. Во-первых, сознание понимается как нечто неописательное, его обусловленность физиологией, социальностью и языком следует доказать или

признать вообще несуществующим. Во-вторых, различая типы обусловленности, надо понимать, что это тоже опыт сознания, о чем как бы забывается. В-третьих, сознание уже присутствует в том, что является его причиной: сознание, обуславливая уровень наук о теле, социальных и лингвистических наук, присутствует и в самом теле, и в принятии социальной роли, и в языковом выражении.

Каждый раз здесь фиксируется не чистый опыт сознания как такового, а определенное понимание сознания, обусловленное телесностью, социумом и языком. Поэтому обратим внимание на следующее. Задать вопрос о сознании можно, только находясь в теле, в определенной социальной роли и языковой сфере, но каждый раз находясь именно в сознании, а не вне него. Как Хайдеггер говорил о том, что нельзя спрашивать о мире, находясь вне мира, так же можно сказать и о сознании. Следовательно, вопрос о сознании возможен только из опыта самого сознания, а не тела, социальности или языка.

Есть взаимозависимость между опытом сознания и тем опытом, который получаем телесно, в социальных и знаковых процессах. Вопрос о том, как определить эти связи, обобщается до вопроса соотношения сознания и бытия. Энгельс к решению этого вопроса устанавливает ряд посылок: сознание по происхождению вторично к деятельности; бытие определяет сознание, и происхождение определяет сущность. Из этих посылок можно сделать вывод о том, что между бытием и сознанием предполагается причинная связь, которая позволила признать вторичность сознания в любой случайно выбранный момент.

Понимание сознания как усмотрение смысла можно проследить в попытке Гегеля представить связь сознания и «несознания» как смысловую. Первичный опыт сознания Гегель определяет как жизнь, и больше не рассматривает его. Связи между вещами, социальные связи также им понимаются как смысловые.

Молчанов предлагает взять во внимание последний тип понимания сознания – сознание как усмотрение смысла, чтобы перейти к другому пониманию – сознанию как различению. Он предлагает сознание не понятийно определенное, а представленное описательно в опыте. Для этого он предпринимает попытку показать первичное сознание как первичный опыт. Первичный опыт, доступный каждому, реализуется как опыт различий и является условием возможности любого другого опыта. Как он отмечает, любая попытка выразить сознание в понятии, конструкции или фантазии действует агрессивно на сознание, вытесняя первичный опыт и заменяя его собой.

В работе «Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания» Молчанов пишет о том, что сознание не определить написанным текстом, но его можно выразить как опыт, который воспроизводится, идентифицируется и анализируется. Также отмечается то, что если сознание заключить в понятие сознания, то сознание само превратится в абстракцию, что позволит применить к нему структурный подход и выстроить ряд моделей сознания. Такие построения как надстройки над самим сознанием закрывают его от изучения и замещают его некоторой конструкцией. Поэтому он избегает слова «концепция» в описании понимания сознания, чтобы не создать аналогичной модели.

Молчанов предлагает иной путь в исследовании сознания – рассматривать сознание как опыт различений. Его позиция состоит в том, что предмет, выделяясь из всего многообразия явлений, происходящих в мире и связанных с ними контекстов, становится соотносимым сознанию как опыту различений.

Идею о том, что сознание можно сопоставить с опытом различений, он перенимает у бихевиористов. Ссылается на теории сознания Е. Толмена и Е. Боринга, в которых впервые сближаются сознание и различение. Различение определяется как функция организма, критерий для определения уровня развития сознания. К.-Ф. Грауман, определяя способность различать как существенную функцию сознания, которую можно объективно анализировать, само сознание не определяет только через различение, и подходящего определения не приводит. Получается, что различение есть функция неизвестно чего, названного сознанием.

Несмотря на эту критику, Молчанов указывает на отличие концепции сознания Толмена и Боринга от феноменологического понимания сознания Гуссерля. Если у Гуссерля сознание есть регион бытия и проявляет себя в направленности на объект, то бихевиористы сознание представляют непосредственно в опыте различения.

Дальше концепцию сознания Толмен и Боринг не развивали. Молчанов критикует их за несоразмерное представление опыта. В одном отношении слишком узкое понимание опыта, так как опыт определяется только дифференцированной реакцией на сложившуюся ситуацию. В другом отношении слишком широкое понимание – нет четкого отличия человеческого и нечеловеческого опыта. К тому же Молчанов отмечает, что Толмен не совсем уходит от субстанционалистской модели сознания. Сознание, по его представлению, проявляется в моменте перехода от менее дифференцированного реагирования к более дифференцированному.

Вместе с тем надо отметить, что такой переход происходит во внутреннем опыте сознания, то есть уже различие самих различений указывает на выстраивание определенной иерархии. Как раз идею возможности иерархического различения в опыте Молчанов называет одной из основных отличительных черт человеческого сознания.

Молчанов в «Различении и опыте» пишет, что мысль о том, как понимать сознание само по себе, предполагает первичный, самореферентный опыт, то есть опыт, не имеющий в себе ссылки на какой-либо другой опыт. В таком отношении сознание рассматривается субъективно – то, как сознание понимает себя, и объективно – то, как понимается мир вещей, знаков, социальных ролей, психологических типов и т. д. От того, как сознание понимает себя, и от того, что входит в его первичный опыт различений, зависит определение всего того, что не относится к сознанию.

Опытом Молчанов определяет первичную способность существовать в качестве существа телесного, сознающего, действующего, чувствующего и т. п. Такая изначальная способность и есть умение различать. Способность существовать Молчанов приравнивает к способности различать.

Молчанов разграничивает первичное и вторичное различение. Первичным различением отграничиваются регионы бытия, в которых выделяются различные пространства с характерной для каждого типа предметностью. Например, в сфере культуры, которая материализуется как музеи, театры, храмы и т. д. В физическом пространстве рассматриваются темпоральный и пространственный опыты, фундаментальные различия которых характеризуются в парах соотносимых понятий «раньше – позже» и «ближе – дальше». Пространства между собой различаются в опыте сознания. Такое соотношение между пространством и опытом сознания просматривается в феноменологической философии Гуссерля и Хайдеггера, которые опыт сознания называют субъективностью.

Во вторичных различениях даются отдельные предметы, например, единичная вещь, телесное движение, конкретная информация. Единичные предметы не даются в опыте первично, но образуются и существуют в границах какого-либо опыта. Вопрос, что изначальное, предмет или опыт, Молчанов решает как проблему общего и единичного, через опыт, представленный многообразием различений. Общее как раз и есть многообразие различений, в которых определены рамки опыта и дается предметность. Единичный предмет дается в результате приостановки различения.

В структуре опыта сознания выделяются последовательно проходящие элементы: различение (различие, распознавание), синтез (направленность сознания на предмет, схватывание его) и идентификация (определение предмета в отношении к другому предмету). Различение и есть первичный опыт сознания, который подготавливает синтез и идентификацию и проводит их в процесс опыта. Сам первичный, неинтенциональный опыт лежит в основе структур синтеза и идентификации, но ими не является. Так, Молчанов фиксирует термин «опыт сознания» – это то, что из области различений, а «не-опыт сознания» – из области синтеза и идентификации.

Может показаться, что синтез или идентификация первичны в прохождении опыта, а различение следует за ними. Эти предположения разрешаются, если рассмотреть опыт сознания. Синтезировать невозможно без начального различения соотносимых элементов, форм, цветов, звуков, запахов, поэтому синтез не может быть изначальным в сознании. Идентифицировать какие-либо элементы можно только ранее распознанные и различенные относительно друг друга, поэтому идентификация также не может быть изначальной в опыте.

Полагая в опыте синтез или идентификацию, мы получаем результаты синтеза и результаты идентификации, а не процесс их осуществления. Сознание в таком случае будет косвенно данным, если принять за первичность синтез или идентификацию.

Мы именно различаем синтез, идентификацию и различение, а не синтезируем или идентифицируем их. Молчанов пишет о том, что различие абсолютно, а тождество всегда относительно, так как в опыте сталкиваемся с различением отдельных предметов, а не нахождением в них схожих черт. Нахождение общего в предметах привнесено в опыт сознания извне, например, в социальной сфере присутствует принуждение к идентификации, унификации социальных явлений.

С различения начинается опыт сознания, чтобы разделить хотя бы различие, синтез и идентификацию. Если различие, синтез и идентификацию будем не разделять изначальное, а синтезировать или отождествлять, то, как отмечает Молчанов, мы получим деформацию опыта сознания. Деформацию опыта сознания он определяет как недостаток различений, в противовес первичному опыту сознания как опыту различений. Нормальный опыт предполагает множество различений, а в деформированном нормальном опыте просматривается несоответствие различений нормальному. В каждой конкретной ситуации деформация и норма должны соотноситься, а не рассматриваться абстрактно.

Все многообразие человеческого опыта Молчанов представляет через ряд устойчивых типов и взаимосвязей между ними. Эти типы опыта исследуются философами, психологами, социологами с позиции определенных установок, восходящих к тому или иному пониманию сознания. Тем же продиктован выбор методов и интерпретация результатов в исследовании.

За основу типологии Молчанов принимает опыт сознания и его присутствие в каждом из типов. Каждый отдельный тип опыта имеет ту же структуру, что и первичный опыт (различение, синтез, идентификация), а также свою, только ему присущую, основу. В классификацию входит восемь типов опыта сознания, перечислим, в скобках указывая их определяющую основу: первичный опыт (формирование смысла); многообразный опыт (смысловые связи); опыт суждения-воли (причинные и функциональные

связи, доминирует синтез); социальный опыт (функциональные связи, доминирует идентификация); психологический опыт (эмоционально-смысловые связи); духовный опыт (смысловые связи идеальных предметностей); опыт бытия-в-семье (преемственность смысловых связей); опыт философии (исследование смысловых связей между всеми видами опыта).

В каждом из типов опыта общим является исследование смысловых связей. Сознание предстает в сочетании и столкновении различных видов опыта. Само многообразие типов опыта указывает на факт наличия их различия, то есть наличия различия различий. В основе всех типов опыта лежит опыт сознания, но сам опыт сознания не имеет в себе различий. Опыт сознания состоит в осознании различия определенного опыта, различия различий.

Также к опыту сознания относится, наряду с разделением опыта и не-опыта, так называемый регулятивный принцип, согласно которому среди множества синтезов и идентификаций выделяются те, в которых реализован недеформированный опыт. Регулятивному принципу противостоит предпочтение, которое выступает в качестве посредника между различием и идентификацией и побуждает к изменению определенной иерархии идентификаций. В опыте предпочтения реализуется различие переднего плана (актуального в сознании, явленного предмета) и фона (второстепенного по значимости, неявленного). Границы предмета, его смысл определяются тем, что при прекращении различий в предпочтении устанавливается определенный передний план, а фон практически не учитывается.

Молчанов выделяет различие переднего плана и фона как одно из фундаментальных различий в человеческом опыте, так как все различия начинаются с того, что предмет сознания актуализируется на фоне контекста всех других предметов и явлений. Анализ различия плана и фона показывает возможность перехода от одного опыта к другому опыту, то есть от одного предмета и фона к другому предмету и фону.

В более общем виде можно говорить о трансформации иерархий различий, когда осуществляется переход от одной иерархии различий к другой. Такая трансформация иерархий есть некоторая способность нашего сознания, хотя почти не улавливается момент перехода от одного предмета к другому с изменением контекста.

Конкретизируя сознание как «сложную иерархию опыта, функций, ориентаций, ментальных состояний» [3], Молчанов пишет об объективации. Объективированы могут быть только различия, но не различного рода иррациональные явления. Поэтому сознание как опыт различий приобретает реальность существования, его можно описывать и анализировать благодаря множеству различий.

Объективация различий позволяет разграничить множество полученных различий и дальнейшей возможностью различать. По поводу реализации объективирования Молчанов пишет, что в объективации происходит приостановка различения, а за объект принимается многообразие всех полученных различий. Объект формируется в приостановках различий. Различение в первичном опыте Молчанов называет субъективным, а объективным – само различенное.

Молчанов характеризует сознание как смыслообразующее начало психики. Любое живое существо, обладающее психикой, способно различать, но только человек различает типы различий и их иерархии. Сознание как многообразие различий – это первичный, непосредственный человеческий опыт, который проникает во все другие виды опыта, осуществляет возможность перехода от одного вида опыта к другому и является источником человеческого существования.

Можно провести аналогию с пониманием сознания, которое дает М. К. Мамардашвили в работе «Проблема сознания и философское призвание». Кроме того, что сознание – это выделенность, как отстранение от обыденного мира, и сознание – это место связности того, что естественным образом не соотносится, он определяет сознание как различенность. Сознанию как различению или дифференциалу он приписывает онтологический статус и объективное существование. Мы различаем состояния, когда мы думаем, чувствуем и создаем, и те состояния, в которых мы понимаем, что создаем, ощущаем, что чувствуем, думаем, что думаем и т. д. Такое разделение состояний идет от Декарта, который первые из них определил бы как непосредственная деятельность, существующая в момент здесь и сейчас. Вторые же состояния всегда сопровождают деятельность, имеют иное знаковое оформление. Такое различие ещё можно показать, например, на отличии существования от способа существования, отличии сознания и формы сознания, мышления и оперирования мышлением.

Молчанов понятие различия характеризует следующим образом. Различение нельзя определить ни через род, ни через видовое отличие, так как их соотношение производится через различение. Оно не первично и не вторично, но соотносится с предметом. Различение не интуитивно, не предметно, не выражается наглядно, не единично, а всегда есть различение различий, так как всегда устанавливается контекст или фон этого процесса. Различение является источником предмета, знака или образа, соотносится с их значением, но не отождествляется с самим предметом, знаком или образом, так он это определяет: «...сознание предмета никогда не равно предмету сознания» [4]. Значимость предмет приобретает не от сознания его, а когда появляются его функции на стыке ряда опытов и контекстов.

Описать первичный опыт сознания возможно только в реализации ряда различий и в рамках определенного контекста. Это описание опирается на рефлексии, которую надо понимать как один из уровней различия различий. Исходя из данной рефлексии, Молчанов выделяет четыре вида различий: во-первых, различие между опытом сознания, предметом и миром; во-вторых, предпочтение – различие между планом и фоном; в-третьих, различие между нормой и аномалией; в-четвертых, различие между игрой и не-игрой.

Типы различаются: первые два – как формальные, третий и четвертый – как содержательные. Первый и второй типы различий взаимодополняют друг друга. При выделении сознанием актуального предмета в мире одновременно разделяются различие, различенность и различенное, но, с другой стороны, разделение на план и фон является источником для разделения в первом типе. Первый тип различий – между различием, различенностью и различенным – лежит в основе рационального разделения имманентности и трансцендентности, а не в основе мистических или иррациональных представлений. Понятия трансцендентного и имманентного приобретают описательное значение, так как трансцендентность предмета по отношению к опыту характеризуется различием различия и различенного, а имманентность предмета миру – различием различенности и различенным.

Предложенное понимание сознания как различие позволяет рассматривать проблему сознания как философскую, а не с точки зрения науки или, например, религии. Так как различие – это чистый опыт, то сознание в таком рассмотрении не субстантивируется, но открыто для понимания структуры любого вида опыта. Эта структура позволяет выделять различные понимания сознания и парадигмы философии. Также значение опыта различия состоит в том, что открывается ряд различий, которые имеют в себе возможность рефлексии и построения методологии. В понимании сознания как опыта различий появляется возможность построения новой онтологии, открытой и антиконструктивистской.

Примечания

1. Моторина Л. Е. Философская антропология: учебник для вузов. М.: Академ. проект, 2009. С. 201.
2. Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 2.
3. Он же.. Исследования по феноменологии сознания. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. С. 435.
4. Там же. С. 436.

Notes

1. L. E. Motorina *Filosofskaya antropologiya: uchebnik dlya vuzov* [Philosophical anthropology: a textbook for high schools]. M. Academ. Project. 2009. P. 201.
2. Molchanov V. I. *Paradigmy soznaniya i struktury opyta* [Paradigm of consciousness and patterns of experience] // Logos. 1992, No. 2.
3. Molchanov V. I. *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya* [Studies in the phenomenology of consciousness]. M. Publ. house «Territoriya budushchego». 2007. P. 435.
4. Ibid. P. 436.

УДК 101

Е. Б. Богатова

Является ли документ философской проблемой?

Статья является постановочной, предпринятое в ней исследование сформулировано в виде вопроса о правомерности документной проблематики быть «допущенной» к философии. В пользу положительного ответа эксплицирована значимость и тотальность документов в современной цивилизации и представлен каталог актуальных проблем, требующих рассмотрения сквозь призму философского осмысления. К таковым проблемам отнесены, в частности, информационная перегрузка и лингвоэкологическое неблагополучие документной среды, этическая проблематика, технокультура и аксиологическое измерение документов. Особое значение придаётся проблеме дефинирования понятия «документ», поскольку существующее интерпретационное многообразие приводит к дезориентирующим следствиям и служит препятствием в построении непротиворечивой и информативной концепции документа. Показано, что исследование документов в качестве специфического объекта философской рефлексии возможно в дискурсе философской антропологии и философии социальной практики.

The article is devoted to the study of Document as a philosophical problem. The significance and the totality of the documents in modern civilization, the catalogue of actual problems to consider in the light of philosophical understanding are presented in the study. These problems include informational overload, the ecological crisis of document there, ethical

issues, technoculture and axiological document measurement. Particular importance is attached to the problem of defining the concept of "document" because the interpretive diversity leads to misleading in forming a consistent and informative concept of the document. It is shown that the study of the documents as a specific object of philosophical reflection is possible in the discourse of philosophical anthropology and the philosophy of social practice.

Ключевые слова: документ; философия документа; антропологическая и социальная миссия документов; актуальность и значимость проблем документной сферы; правомерность философского исследования документа.

Keywords: a document; the philosophy of the document; the validity of document philosophical study; anthropological and social mission of the documents; the relevance and importance of the problems in document sphere.

Понятие «документ» не ставится в связь с философией, подобно этому более века назад философами «техника рассматривалась как незаконнорождённый отпрыск» [1]. Тем не менее сегодня философия техники признана специализированной областью философского знания и обрела своё место в философском дисциплинарном корпусе, как нашли его в своё время философия науки, философия искусства, философия языка, философия истории, философия этики, философия культуры, философия ценностей. Документ же не рассматривается как заслуживающий философского внимания феномен, причина кроется, скорее всего, в том, что он представляет собой реальный объект, к тому же обыденно-привычный, в то время как интеллектуальная традиция философии ориентирована на теоретическое осмысление абстрактных категорий. Однако по известному изречению английского философа Б. Рассела философия приводит нас в изумление, демонстрируя знакомые вещи с неизвестной стороны, уже Платон видел в этом изумлении источник философии. И как утверждает современный российский философ А. Р. Янгузин, «философия, в нашем понимании, есть прежде всего наука о действительности <...> другими словами, принадлежит не только тому, что только мыслится, не только абстракции, а тому, что действительно существует» [2]. Документы существуют в современной цивилизации как атрибут каждодневных социальных взаимодействий не просто весьма ощутимо, они вписаны в её контекст настолько широко, что можно констатировать тотальную документизацию жизнедеятельности социума, и без преувеличения говорить о документе как о важном массовом феномене нашего мира.

Не будучи объектом философской рефлексии, документы вычлняются в научном пространстве как самостоятельный и к тому же полиметричный (информационный, лингвистический, материальный, культурный, исторический) объект, исследуемый целым арсеналом общественных наук, в который входят документоведение (документалистика, документология), архивоведение, археография, информатика, документная лингвистика, социо- и эколингвистика, коммуникативистика, семиотика, культурология, источниковедение, библиотековедение, книговедение, патентоведение, юриспруденция, дипломатика, история. В институционально обособленных областях знаний учёные и специалисты проводят изыскания автономно и параллельно, используя свои методологические и объяснительные ресурсы, реализуя подходы со стороны своих профессиональных воззрений и профессионального интереса. Работы имеют разнонаправленный вектор – синхронический или диахронический – и разноплановый характер – теоретический, аналитический, нормативный, историографический, обучающий, справочный, эссеистский. Всё это свидетельствует о широком горизонтальном развёртывании исследований и одновременно указывает на их когнитивное размежевание.

Философия в диалоге с отдельными науками и дисциплинами может позволить себе выступить не только эффективным координирующим посредником, но и критическим партнёром [3] и, выполняя свою интегративную функцию, аккумулировать опыт как успешных исследований, так и опыт ошибок. Помимо этого, относясь к разновидности фикционального дискурса, «философия в состоянии обсуждать те возможные пути, по которым целесообразно или не целесообразно продвигаться людям <...> в этом пафос философии и принципиальная специфичность ее предметно-понятийных ресурсов» [4]. Поэтому философия документа должна профилировать свои задачи и методы следующим образом: осмысление ситуации в документной сфере на основе рационального способа понимания и объяснения, выявление тенденций развития, а также поиск и теоретическое регулирование сценариев ближайшего и отдалённого позитивного будущего.

В качестве первоочередной и фундаментальной задачи перед философией документа стоит задача дефинирования своего предмета, в этом отношении она не отличается от других философских дисциплин. Данная задача приобретает особое значение в связи с тем, что в настоящее время понятие «документ» демонстрирует богатое интерпретационное многообразие. Учёные (Г. Г. Воробьёв, Н. С. Ларьков, Ю. В. Нестерович, А. В. Соколов, Ю. Н. Столяров, Е. А. Плешкевич, Г. Н. Швецова-Водка и др.) ведут активные дискуссии по дефинитивному вопросу, но неоднозначность в толковании понятия до сих пор не снята, и общепризнанное определение не выработано. Конечно, и без него документы существуют как факт бытия не одно тысячелетие, да и в интерпретациях многих других феноменов, в том числе самой философии, наблюдается обилие точек зрения. Однако для исследовательских целей удовлетворительная степень адекватности трактовки понятия имеет принципиальное значение. Это видно из дез-

ориентирующих следствий тех дефиниций, которые игнорируют общественно-исторический опыт использования слова (хотя, согласно лингвистической философии австрийского философа Л. Витгенштейна, слово получает своё значение именно во множестве реальных употреблений [5]). Речь идёт о трактовках, выдвинутых зарубежными теоретиками (С. Брие, Д. Дювисом, П. Отле, В. Шюрмайером) в прошлом столетии в связи с актуализацией понятия *информация*, и о современных дефинициях, некритично перенявших их идеи и предлагаемых под их влиянием. Эти дефиниции задают термину беспрельдно обширный смысловой диапазон, причисляя к документам всю печатную продукцию, фоно-, фото-, видеоматериалы, записи в социальных сетях, произведения живописи, скульптуры, а также музейные экспонаты, архитектурные сооружения, коллекции минералов и прочие объекты разного порядка, имеющие собственные родовые и видовые названия, с документами не ассоциируемые и в обыденной практике к ним не относимые. Другими словами, перечень включил феномены, передающие или несущие знаковую или незнаковую информацию в той или иной форме, и в результате оказался чрезвычайно объёмным и открытым.

Гипертрофированное расширение референциального поля понятия приводит к тому, что границы документной индустрии, и без того обретшей в современном мире глобальные масштабы, не просто размываются, а вообще теряются, между тем, согласно философским воззрениям, всякий феномен конституируется своими границами. Предстает бесспорной непреложность того факта, что в отсутствие универсального метадискурсного представления о документе изучается не один и тот же феномен реальности с разных позиций, а разные феномены, искусственно объединённые словом *документ*.

Таким образом, необходимость в концептуальной демаркации понятия не подлежит сомнению, и для эпистемологической мысли здесь кроется весьма интересная и непростая проблема. Для построения непротиворечивой и информативной концепции документа следует обеспечить мировоззренческий синтез и выработать эффективные альтернативы ложным установкам.

Для этого нужно, прежде всего, всесторонне рассмотреть фонд совокупного, накопленного в разных дисциплинах знания. Философия упустила бы свою задачу, если бы в качестве исходной точки исследования не взяла «предзнание», но из-за эклектичности его следует подвергнуть обстоятельной аналитической селекции. При этом не только с целью очиститься от заблуждений, а также для того, чтобы учесть плодотворные мысли и принципы, ведь абсолютной новизны не может быть согласно законам диалектики. Инициативная препарация научного наследия не голым отрицанием, а «снятием» и удержанием «на плаву» положительного повысит степень приближения к истине.

Поскольку главенствующая идея философского осмысления – строить единое взаимосогласованное целое, выражая логику вещей в логике понятий, то требуется упорядочить понятийное пространство документа, а именно – переосмыслить релевантные, традиционно входящие в его ресурс понятия *информация, язык, текст, реквизит, носитель, кодирование, фиксация, коммуникация* и объединить их логическим основанием с понятием *документ*.

В постижении природы феномена, чей генезис восходит к древнейшим временам, и в чьей традиции существуют унаследованные от прошлого ценностные образцы, весьма полезен анализ в срезе становления и развития. Выявив генетические истоки, установив потребность и мотивы появления документа, проследив эволюцию, можно точнее определить его предназначение (аристотелевское «то, ради чего») и, значит, ближе подойти к пониманию сущности, поскольку она, как у любого феномена, заключена в телеологической функции.

В составлении онтологической картины документа продуктивно также проведение компаративного анализа, так как на контрасте, в оппозиции сущность любого явления обнаруживает себя гораздо рельефнее. Сравнение документов с противо- и рядоположенными объектами по принципу «разделение разного и объединение схожего» с фиксацией отличительных и идентичных свойств позволит вывести критерии отличия документов от недокументов и установить фундаментальные специфицирующие характеристики, к которым относятся атрибуты содержания, формы и функционирования.

В данной работе под документами понимаются «засвидетельствованные официальные тексты, в которых графическими знаками кодовых структур зафиксированы социально значимые факты с практической целью» [6]. Общественное сознание в соответствии с существующими в социуме стереотипами и ассоциациями устойчиво связывает с документами такие процедуры, как *составление, удостоверение, визирование, передача, получение, регистрация, чтение, ознакомление, предоставление, предъявление*, и принятое нами определение соответствует прототипическим представлениям.

В самом общем смысле документы следует рассматривать как артефакты, то есть как «человеко-размерные» объекты: их нет в природе и у животных, они не навязаны человечеству божественным велением или какой-либо сверхъестественной тайной силой, но сознательно создаются человеком, не могут без человека существовать и функционировать, они суть интеллектуальный и материальный продукт человеческой деятельности с выраженной прагматической направленностью.

«Человеко-размерность» документа обуславливает антропологический подход и вводит установку «документ, созданный человеком для человека». Эта установка трансформирует бессубъектные воззре-

ния, которые мыслят документ как самозаконную силу (*акт, имеющий юридическую силу; текст, управляющий действиями людей*), тем самым гипостазируя, фетишизируя его, создавая иллюзию самостоятельного, стоящего вне человека субъекта. Вводимая нами установка даёт также «парадигмальный сдвиг» в преобладающих сегодня моносубъектных документоведческих теориях. Они, рассматривая отношение «документ – потребитель», считают потребителями не подлинных получателей документной информации, а профессиональных посредников, уполномоченных обслуживать, обеспечивать коммуникацию, то есть работников делопроизводства [7]. Соответственно, и сфера приложения учебного курса по документной лингвистике ориентирована в настоящий момент не на будущих специалистов – составителей документов, а на студентов специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления».

В антропологической парадигме модель документной коммуникации описывается следующим образом. Документ является заместителем инициатора коммуникации, последний передаёт получателю информацию, служащую предметом коммуникации, передача происходит по каналам коммуникации, включающим посредников и технические средства. Антропологический подход выводит на передний план контексты создания и потребления документа, направляет фокус внимания на проблемы человека, продуцирующего документную информацию и человека, использующего её.

С антропологической точки зрения, безусловно, важен вопрос, что значат документы для человека, учитывая, что их бытование происходит в условиях парадоксальной ситуации: они являются продуктом целесообразной деятельности, но, тем не менее, создают издержки, тяготы, принуждения. Так, например, документы повышают эффективность социальной деятельности человека, заменяя личное присутствие в контактах и опосредуя социальные функции, но создание, оформление документов требует значительных затрат труда и времени. Дисциплинирующая регламентация облегчает работу с документами, в то же время творческой природе человека чужда заорганизованность: она сдавливает деятельность тисками нормативности и долженствования, ограничивает креативность, вытесняет элементы инициативности. Документы, с одной стороны, предоставляют позитивные возможности в социализации человека, с другой стороны, человек ощущает себя винтиком в бюрократической машине, он асоциален без документа (*без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек*). Такие обстоятельства определяют неоднозначное отношение к документам, оно предстаёт дилеммой «польза / вред». Амбивалентная природа документов отражает противоречивый характер общественного развития, она неустраима, но человек как носитель целей создания артефактов ответственен за антропологические последствия их применения, в том числе и за непреднамеренные эффекты. Философия способна по своим возможностям внести вклад в оптимизацию условий функционирования документов.

Как неотъемлемый элемент практической жизнедеятельности социума документы подчиняются её законам при своём создании и применении. Поэтому философия документа связана не только с философской антропологией, но и с таким разделом философского знания, как социальная философия. С позиций социальной философии можно инициировать постановку насущных социальных проблем, которые тесно связаны с судьбой и кризисом современной цивилизации и которые неизбежно проецируются на документную сферу, приводя к деструктивно-дегуманизирующим последствиям.

Одной из таких проблем является проблема информационной перегрузки, резко обнаружившая себя перед человечеством в последние десятилетия. Она порождена информационным взрывом – явлением планетарного порядка, относящимся к так называемым «большим вызовам». В документной сфере интенсификация информационных процессов проявляется увеличением коммуникативной активности, беспрецедентным стихийным количественным ростом документной массы и приводит к информационным перенапряжениям, которые оборачиваются общественным неврозом и стрессами, синдромом информационной апатии и усталости индивидов общества. При этом документные коммуникации охватывают всё макросоциальное пространство повседневной жизнедеятельности, и в них интегрировано практически всё население государства. Кроме того, в отличие от режима самоинформирования человека в обыденной жизни, при продуцировании и использовании документов действует объективное, исходящее от социума принуждение. Следовательно, именно в документной среде информационные проблемы приобретают особую остроту, и совершенно очевидна необходимость её оптимизации. В изыскании способов компенсации, смягчения проблем или в нахождении механизмов перехода роста в новое качество могут быть эффективными стратегии научного поиска и эвристические ресурсы синергетики – науки, изучающей закономерности лавинообразных процессов [8].

В философии документа находит место присутствующая во всех философских учениях этическая проблематика. Особенно актуально применение философско-этического знания к документам властного дискурса с категорическим императивным содержанием. Их функционирование построено на авторитарности, в них воспроизводятся социальные доминирования, узаконенные неравенства иерархизированного общественного устройства; паритет исключён априори. Статусно-ролевое превосходство облечённых властью адресантов не снимает этических требований к коммуникативному поведению, а, наоборот, налагает обязанность безупречного соблюдения корректности. Однако продуцирование до-

кументов властного дискурса не сопровождается этической экспертизой, статус адресантов обеспечивает *per se* иммунитет против контроля и критической оценки, что приводит к проявлениям институциональной элитарности и говорит об отсутствии соотнесённости масштаба авторитарности с масштабом ответственности. Данные аспекты заслуживают широкого обсуждения с тем, чтобы развить основы и кодексы этики документных коммуникаций, наметить способы конструктивного разрешения нравственно-этических вопросов [9].

В фокусе интересов философии находится также экологический кризис языковой среды обитания человека, учитывая, что в современной экологической парадигме экология языка входит в экологическое целое, и принимая во внимание, что любовь к мудрости включает в себя уважительное отношение к языку. Правда, последствия речевого неблагополучия находятся в основном лишь на периферии опасений. Между тем язык документов предстаёт сегодня объектом, явно нуждающимся в экологизации, так как демонстрирует тенденцию к деградации, несмотря на то что прагматическая значимость передаваемой в документных коммуникациях информации обусловила самый жёсткий языковой режим. Критическое положение связано с массовизацией контингента адресантов, которые являются отнюдь не писателями-мастерами пера, а рядовыми носителями языка. Из этого вытекает, что документная сфера характеризуется как сфера частотных нарушений языковых норм и как сфера, где эти нарушения наиболее нежелательны. Философское измерение проблемы показывает её глобальность (сопряжение глобальных и локальных начал) и устанавливает взаимосвязь между микро- и макроуровнем, а именно: языковая форма выражения содержания документов – это вопрос языкового имиджа авторов документов, и в то же время это индикатор языковой грамотности населения, показатель эффективности функционирования государственного языка [10].

Реалии научно-технической эпохи новейшего времени оказали влияние на документную сферу, введя такой лимитирующий элемент, как технокультура. Данная достаточно весомая компонента вышла на авансцену вследствие экспансивного распространения компьютеров. Компьютеры вытеснили машинописные и существенно потеснили рукописные технологии, при этом они значительно обогатили графико-композиционный инструментарий и вместе с тем интеллектуализировали процедуры фиксации информации. Произошёл радикальный разрыв со стилем работы, остававшимся неизменным на протяжении длительного периода, компьютерная грамотность вошла в структуру документной грамотности. Однако за темпами компьютерных инноваций не поспевает полноценное применение их на практике, ещё более рассогласовано с ними методологическое обеспечение. Поэтому новые принципы дизайнерского оформления содержания не вербализованы (в отличие от канонизированной диспозиции реквизитов), что предоставляет свободное поле для интуитивно-дискреционных решений, не гарантирующих выбора оптимальных альтернатив и порождающих нерациональную вариативность. Таким образом, обозначилась потребность в разработке новых теоретико-методологических оснований, которые учитывали бы функционально-эстетический комплекс и отвечали требованиям современного технологизированного мира.

Весьма важно аксиологическое измерение документов, исходя из того что для объективно-истинного описания и объяснения антропологического бытования «человекоразмерных» объектов неотъемлемым условием является исследование аксиологической проблематики [11] (особенно в динамичные периоды развития, когда ценностные ориентиры интенсивно реформируются). Их ценностную нагруженность обуславливает утилитарность инструментальных качеств. Кроме того, именно в качественных параметрах объединяются информационные, лингвистические, технические, этические, эстетические, материальные аспекты и учитывается их взаимодействие. Но в данный момент знания о качественных характеристиках документов представлены фрагментарно и экзemplификационно, способы достижения требуемого уровня качества системно не описаны. Так что в аксиологической проблематике документов ощущается необходимость не столько реформы ценностей, сколько необходимость создания ценностных структур. В философском плане значимым оказывается формирование социально-нормированных представлений о документе, которые выделяют определённые свойства в качестве желаемых и избегаемых, устанавливают критерии успеха и неудач. Философско-аксиологические исследования могут стать основой для выработки научно обоснованных принципов и методов документной практики, способствующих эффективному, свободному от помех функционированию документов.

С учётом вышеизложенного в целеполагание философии документа входит исследование и структурирование мультисистемных взаимных частных отношений: документа и человека, документа и общества, документа и информации, документа и языка, документа и техники, документа и коммуникации, документа и власти, документа и этики, документа и истории. В исследованиях предполагается преобладание проективной стратегии, это означает, что постулируется необходимость создания теоретических предпосылок для практических решений документных проблем.

Итак, постановка вопроса о философии документа обосновывается аргументами теоретического плана и подготовлена поворотом современной философии к проблемам повседневной практики. Ещё недавно, на рубеже столетий, российский философ Ю. М. Шилков отмечал, что «использование фило-

софии в качестве инструмента познания сегодняшней жизни демонстрирует слабую эффективность и бедность ее результатов. <...> Профессиональная компетентность философов по-прежнему подпитывается и поддерживается в форме и средствами историко-философских штудий» [12]. В наши дни ведущими направлениями в философской деятельности становятся антропологизация, экологизация, аксиологизация. Внимание к вышеобозначенным проблемам документной сферы вливается в русло новых тенденций, поэтому, как представляется, философия документа получает реальные шансы на то, чтобы занять в лоне философской мысли место, соответствующее антропологической и социальной миссии документов. Но для обретения статуса всеми признанной, самостоятельной, хорошо организованной дисциплины философии документа предстоит пройти стадию самообоснования и становления, описательную ступень развития. Эти этапы преодолеваются институционализацией темы и проблематики через статьи, конференции, диссертации.

Примечания

1. Рapp Ф. Философия техники: обзор // Философия техники в ФРГ: пер. с нем. и англ. /сост. Ц. Г. Арказанян, В. Г. Горохов. М.: Прогресс, 1989. С. 25.
2. Янгузин А. Р. Философия на рубеже тысячелетий // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10) Ч. III. С. 214.
3. Рополь Г. Является ли техника философской проблемой // Философия техники в ФРГ: пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1989. С. 202.
4. Шилков Ю. М. О природе фикционального дискурса: Я и МЫ: к 70-летию проф. Я.А. Слинина: сб. 2002. Вып. X. СПб.: СПбФО. С. 610. (Сер. «Мыслители»).
5. Лингвистическая философия Витгенштейна. URL: [http:// eurasialand.ru/txt/kanke/63.htm](http://eurasialand.ru/txt/kanke/63.htm) (дата обращения: 17.02.2014).
6. Богатова Е. Б. Философское осмысление феномена «документ» // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. II. С. 32–36.
7. Документ как социокультурный феномен: сб. материалов IV Всерос. науч.-прак. конф. с междунар. уч. 29–30 окт. 2009. Томск: Изд-во ТГУ. С. 7–112.
8. Богатова Е. Б. Информационный взрыв в документной среде // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (41) Ч. I. С. 36–40.
9. Она же. Этические аспекты властного дискурса в документных коммуникациях // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. ст. Всерос. науч.-прак. конф. Пенза: МНИЦ ПГУ, 2013. С. 25–29.
10. Она же. Философско-антропологическое измерение лингвоэкологических проблем документной среды // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. XXIII Междунар. заоч. науч.-прак. конф. 2014. № 2 (23). М.: МЦНиО. С. 74–79.
11. Основы философии науки: учеб. пособие / В. П. Кохановский [и др.]. 6-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 415.
12. Шилков Ю. М. Указ. соч. С. 609.

Notes

1. Rapp F. *Filosofiya tekhniki: obzor* [Philosophy of technology: an overview] // *Filosofiya tekhniki v FRG – Philosophy of technology in Germany: transl. from Germ. and Eng. / comp. Arkazanyan C. G., V. G. Gorokhov. M. Progress. 1989. P. 25.*
2. Yanguzin A. R. *Filosofiya na rubezhe tysyacheletij* [Philosophy at the turn of centuries] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political science, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2011, No. 4 (10) part III, p. 214.*
3. Ropohl G. *YAvlyetsya li tekhnika filosofskoj problemoj* [Is a technique a philosophical problem] // *Filosofiya tekhniki v FRG – Philosophy of technology in Germany: transl. from Germ. and Eng. M. Progress. 1989. P. 202.*
4. Shilkov Yu. M. *O prirode fikcional'nogo diskursa: YA i MY: k 70-letiyu prof. YA.A. Slinina* [About the nature of fictional discourse: I and WE: on the 70th anniversary of Professor J. A. Slinin: collection 2002]. Vol. X. SPb. SPBT. P. 610. (Ser. "Thinkers").
5. Linguistic philosophy of Wittgenstein. Available at: [http:// eurasialand.ru/txt/kanke/63.htm](http://eurasialand.ru/txt/kanke/63.htm) (accessed: 17.02.2014). (in Russ.)
6. Bogatova E. B. *Filosofskoe osmyslenie fenomena «dokument»* [Philosophical understanding of the phenomenon of "document"] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie // Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political science, cultural studies and art history // Questions of theory and practice. 2011, No. 7 (13), part II, pp. 32-36.*
7. The document as a sociocultural phenomenon: collection of materials of the IV vsoros. scientific-practical conf. with the Intern. Participation. Oct 29-30. 2009. Tomsk. TSU Publishing house. Pp. 7-112. (in Russ.)
8. Bogatova E. B. *Informacionnyy vzryv v dokumentnoj srede* [Explosion of information in the document environment] // *istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political science, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2014, No. 3 (41), vol. I, pp. 36-40.*
9. Bogatova E. B. *Ehticheskie aspekty vlastnogo diskursa v dokumentnykh kommunikacijah* [Ethical aspects of power discourse in document communication] // *Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava – Actual problems of history, politics and law: collected articles of all-Russian scientific-practical conf. Penza. MSRC of PSU. 2013. Pp. 25-29.*

10. Bogatova E. B. *Filosofsko-antropologicheskoe izmerenie lingvoekologicheskikh problem dokumentnoj sredy* [Philosophical-anthropological measurement of linguo-ecological problems of document protection] // *Nauchnaya diskussiya: voprosy sociologii, politologii, filosofii, istorii* – Scientific discussion: questions of sociology, politology, philosophy, history: collected articles of XXIII Intern. absentia scientific-practical conf. 2014, No. 2 (23). M. MCS&E. Pp. 74-79.
11. *Osnovy filosofii nauki: ucheb. posobie* – The basic of philosophy of science: tutorial / V. P. Kochanowski [and others]. 6th ed. Rostov-na-Donu. Phenix. 2008. P. 415.
12. Shil'kov Yu. M. Op. cit. P. 609.

УДК 008

В. В. Ступникова

К вопросу о происхождении образа китайского дракона

Целью данной статьи является анализ корпуса археологических находок и художественных изображений дракона в неолитических культурах, существовавших на территории Китая, и их интерпретация китайскими специалистами. Для большинства китайских исследователей происхождение образа дракона означает выявление истоков формирования и особенностей самого китайского этноса, а также осознание его единства. В некоторой степени, китайский дракон – это образ-воспоминание, длящееся мифотворчество, «концепт коллективной идентичности». Это не один образ, а панорама образов, запечатленных в древних текстах, летописях, публицистике, кинематографе, авторских статьях... Тем не менее по материалам археологических данных говорить о возникновении образа дракона в эпоху неолита можно с большой натяжкой. Вывод статьи заключается в том, что высказывание ряда китайских специалистов о «восемь тысячелетней культуре китайского дракона» представляется ненаучным. В целом, в неолитическую эпоху региона Восточной Азии можно говорить о присутствии зооморфных художественных образов и почитании древними племенами разных животных, о культах змеи, рыбы, крокодила, оленя, кабана, тигра.

The main goal of this article is the analysis of the archaeological discoveries and patterns of the dragon in the Neolithic cultures on the territory of China, as well as the systematisation of Chinese researchers' interpretations on the problem of the dragon's origin. The origin of the dragon is linked to the formation of the Chinese ethnic group itself, to its unique development and its unity. To some extent, the Chinese dragon is an image that is being recreated in cultural memory of China, the concept of its collective identity, an everlasting myth-making process. This is not one image but rather a panorama of images imprinted in ancient texts, chronicles, publicity, cinematography, articles... However, it is difficult to prove the dragon's "imprinting" in archaeological materials of those Neolithic cultures that existed on the territory of China. The article concludes that the statement about "eight thousands years of Dragon's culture in China" doesn't seem scientific. In general, there are only zoomorphic images in the Neolithic era in the region of East Asia (such as the images of snakes, fishes, crocodiles, deers, wild boars, tigers), which can prove that these images were the objects of veneration and worship by ancient tribes.

Ключевые слова: дракон, истоки образа дракона, археологические находки дракона, археологические раскопки в Китае.

Keywords: the dragon, the origins of the image of the dragon, dragon archaeological finds, the archaeological site in China.

В условиях «открытой» политики Китая, культурного взаимовлияния между разными странами и все возрастающей глобализации перед КНР довольно остро встает вопрос сохранения культурного наследия. Обращение к традициям и одновременное сдерживание информационного потока из-за рубежа некоторым образом уравнивает период быстрых реформ и преобразований. Наряду с этим прослеживается тенденция изучения и зачастую использования в новых условиях древней символики, отражающей формирование этнографических, лингвистических и культурных особенностей китайской нации. Многие китайские исследователи фокусируют свое внимание на выявлении глубинных мифологем, своего рода матриц древнекитайского мироздания, и в частности на их генезисе – зарождении в мифологическом сознании. Актуальной в связи с этим представляется идея рассмотреть основные концепции китайских исследователей о происхождении «дракона» – одной из древнейших и центральных в китайской культуре мифологем.

За последние 3–4 десятилетия китайскими исследователями было издано гигантское количество работ, посвященных образу дракона. Выявление истоков данного образа означает для них определение происхождения и особенностей китайского этноса, а также осознание его единства. При этом китай-

скими учеными было выдвинуто несколько версий относительно генезиса и эволюции образа дракона, и в защиту каждой версии приводились разные археологические и текстовые документы. Целесообразной поэтому представляется попытка систематизации и анализа корпуса археологических находок и художественных изображений дракона в неолитических культурах, существовавших на территории Китая, и их интерпретация китайскими специалистами.

Змееподобные изображения «дракона»

Самыми ранними из найденных изображений дракона считаются змееподобные орнаменты на керамике, которые относятся к неолитической культуре Синлунва и датируются VI тысячелетием до н. э. Они были обнаружены в 1986 году при раскопках поселения Чахай в провинции Ляонин [1]. Китайские исследователи сошлись во мнении, что на одной из керамик изображен загнутый хвост дракона, а на второй – фрагмент спиралевидного туловища дракона. На основе этого был сделан вывод, что культ дракона существовал еще в эпоху неолита, при этом форма дракона была спиралевидной, а тело – чешуйчатым [2].

Подтверждением этой версии, по утверждению китайского историка Цзи Чэнмина, стала каменная кладка, напоминающая дракона, открытая там же в 1994 году [3]. С южной стороны от каменной кладки было обнаружено 10 погребений и три жертвенные ямы с многочисленными костями свиней. С северной стороны было обнаружено основание большого жилища, предположительно святилища. Большинство китайских исследователей сразу же закрепили за каменной кладкой форму дракона. В журнале «Бэйфан вэнь» было опубликовано следующее: «...обнаружен дракон, выложенный из красно-коричневого камня, длиной 19,7 метра. На данный момент это самая ранняя и самая длинная находка дракона» [4].

На основе вышеуказанных археологических материалов Цзи Чэнмин развивает гипотезу, по которой дракон был священным животным племенного общества неолитической культуры Синлунва. Дракон оберегал людей, защищал их от всякого зла, оформленного (опасных животных или врагов) и неоформленного (злых духов убиенных). Цзи Чэнмин упоминает сохранившийся обычай раскидывать золу во второй день второго месяца – в день, когда дракон поднимает голову (*лун тай тоу*). Зола посыпается перед порогом дома так, чтобы напоминала очертания дракона (змеи). После совершения этого обычая считается, что никакая нечисть, никакие ядовитые змеи не смогут проникнуть в дом. Вполне вероятно, что обычай своими корнями уходит в неолитическую древность – пишет Цзи Чэнмин [5]. По его мнению, обнаружение каменной кладки подтверждает версию культа дракона как охранительного божества, и кроме всего прочего дает возможность несколько иначе трактовать истоки его происхождения (образ дракона трактовался им как символическое выражение культа ядовитой змеи).

Пан Цзинь, председатель «Общества изучения китайского дракона» и «Центра исследований китайской культуры дракона и феникса», в своих многочисленных работах доказывает, что образ дракона несомненно зародился в неолитическую эпоху, хотя художественное выражение находил через разные образы: змеи, рыбы, рептилии, кабана, быка, коня, медведя... В частности, археологические находки поселения Чахай указывают на змееподобного дракона и отражают обычай поклонения и жертвоприношения змее-дракону древними племенами [6]. Пан Цзинь также указывает еще на одну, более позднюю, археологическую находку с изображением змеядракона при раскопках комплекса руин местности Таосы уезда Сянфэнь провинции Шаньси [7]. Она относится к культуре Луншань и датируется 2500 гг. до н. э. При этом Пан Цзинь замечает, что образ змеи явился важной, но далеко не единственной составной частью образа дракона.

Изображения «дракона» в форме рыбы

В 1955 г. при раскопках поселения Баньпо города Сиань провинции Шэньси была найдена керамическая чаша с изображением «драконов в форме рыб» [8], которая относится к неолитической культуре Яншао и датируется V тысячелетием до н. э. Высота чаши – 16,5 см, диаметр отверстия – 39,8 см.

Чаша была обнаружена в могиле ребенка и использовалась в качестве похоронной принадлежности или для жертвенной церемонии. Внутренняя поверхность расписана симметричными узорами: видны два человеческих лица круглой формы и рыбы между ними. Предполагается, что таким образом был передан определенный ритуал, связанный с поклонением водному божеству, при этом изображение рыб могло отражать надежды древних людей этой местности на богатый урожай.

Образ рыбы мог указывать на развитые представления древних китайцев о душе. Вполне вероятно, что на чаше изображен племенной шаман, который перевоплощается в рыбу для того, чтобы войти в царство мертвых и успокоить душу умершего ребенка. Некоторые исследователи особо отмечают тот факт, что в ушах шамана изображены рыбы, и в связи с этим ссылаются на записи Шан хай цзин (Каталог гор и морей) о человеке, в уши которого вдеты две змеи. В «Каталоге Заморья Востока» написано: «Труп Шэби обитает к северу от него. [У него] звериное туловище и человеческая голова, огромные уши. В уши продеты две зеленые змеи» [9]. Труп Шэби, по мнению Хэ Исина, – это дракон Шэ, упоминающийся в «Гуаньцзы», где сказано: «Желтый Предок... обрел Дракона Шэ и отправил править его Востоком. Дракон Шэ управлял Востоком и поэтому стал богом земли» [10]. Эти упоминания, по мне-

нию китайских исследователей, несколько сближают образы рыбы и дракона, позволяя говорить о них как о взаимозаменяемых.

В 1958 г. при раскопках поселения Бэй (Северный) Шоулин города Баоцзи провинции Шэньси был найден еще один керамический сосуд с изображением рыбы, который также относится к неолитической культуре Яншао и датируется V тысячелетием до н. э. Высота сосуда – 21 см, диаметр отверстия горлышка – 2,1 см, диаметр отверстия основания – 8,5 см. На сосуде изображена водоплавающая птица, клюющая хвост большой рыбы. Рыба при этом изображена весьма детально – с чешуей, спинным плавником и раздвоенным хвостом. Предполагается, что это изображение могло быть свидетельством сражения двух племен: племени с тотемом птицы и племени с тотемом рыбы. Ссылаясь на материалы и археологические находки культуры Яншао, исследователь Ши Синбан делает вывод, что рыба была прообразом китайского дракона. Племена периода среднего неолита поклонялись рыбе, рыба была их тотемом. Вследствие объединения племен тотем претерпевал изменения. Примерно в то же время появляется образ дракона с кабаньей головой (в культуре Хуншань) и с телом змеи. Ши Синбан отмечает при этом, что тело дракона могло быть как телом змеи, так и вытянутым телом рыбы [11].

Эта версия была подвергнута критике исследователями Ян Цзинжун и Лю Чжисюн. Анализируя вышеописанный сосуд, найденный при раскопках поселения Бэй (Северный) Шоулин, исследователи справедливо замечают: «Археологи дали следующее название данному орнаменту: “водоплавающая птица, клюющая рыбу”. В последнее время многие ученые видят в изображенной рыбе прообраз дракона. Если мы вспомним характерный для Шаньской эпохи орнамент дракона и птицы (феникса), то в целом утверждение ученых кажется вполне логичным. Но необходимо провести объективный беспристрастный анализ подобных орнаментов культуры Яншао (Баньпо), чтобы понять, что первоначальное, данное археологами, название орнамента все же верно. Подобный многочисленным изображениям рыб на других сосудах Яншаоской культуры, рассматриваемый нами якобы дракон не более чем рыба» [12].

Изображения «дракона» с головой кабана

В 1971 г. в поселении Саньсинтала автономного района Внутренняя Монголия было обнаружено несколько нефритовых изделий, среди которых было изделие животного из нефрита «с головой кабана и изогнутым телом змеи». Изделие также получило название «нефритовый дракон». Относится к культуре Хуншань и датировано третьим тысячелетием до н. э. [13] В длину оно достигает 26 см, имеет изогнутую С-образную форму.

Исследователь Сунь Шоудао первым высказал мнение об изделии как о «драконе с головой кабана» и обосновал теорию происхождения и развития образа дракона из поклонения дикому вепрю первобытными племенами. По его мнению, концепция дракона была выработана в период перехода к оседлому образу жизни и дальнейшему развитию сельского хозяйства и отражала развитие представлений и верований древних людей [14].

Тем не менее для ряда китайских исследователей концепция развития образа дракона из культа кабана не представлялась правильной. Так, Го Сяохуэй пишет: «Мы согласны с мнением [Сунь Шоудао], по которому происхождение образа дракона связано с развитием сельского хозяйства и развитием системы верований первобытными племенами, но что касается находки “нефритового дракона”, кто сказал, что голова именно кабана?» [15] Далее Го Сяохуэй описывает теорию происхождения дракона из почитания древними племенами змеи; именно ее загнутая С-образная форма нашла отражение в нефритовом изделии поселения Саньсинтала. Голова же изделия, по его мнению, не кабана, а лошадиная.

На основе уже более богатого археологического материала исследователи Ян Цзинжун и Лю Чжисюн предложили новую версию: «Когда древние люди занимались обработкой нефрита, ценность, вероятно, для них представлял именно материал – нефрит, а не его художественная обработка. Поэтому нельзя рассматривать загнутую форму нефритового изделия как намеренно воспроизведенный образ некоего животного, образ животного был всего лишь художественным оформлением... К тому же для Хуншаньской культуры характерны подобные нефритовые украшения с зооморфными элементами, и если они все являются отображением разных животных, то почему головы разные, а туловище – одинаковое? Логичным объяснением будет только, что загнутая форма нефритовых изделий вовсе не была предназначена для отображения звериного туловища, а явилась следствием процесса изготовления нефрита... Тем не менее многие ученые не замечают этого факта и рассматривают нефритовое изделие как целиком выполненное в форме животного, и отсюда полагают, что загнутая форма изделия являет собой древние представления о змее. Другие ученые вместо того чтобы писать “нефритовое изделие зооморфного вида”, пишут “нефритовый свинодракон”. Все это результат неправильного истолкования археологических источников» [16]. Говоря непосредственно о найденном в Саньсинтала нефритовом изделии, Ян Цзинжун и Лю Чжисюн полагают, что верхняя часть его действительно напоминает свинью (кабана), кроме того, для Хуншаньской культуры культ свиньи является вполне характерным: с момента ее одомашнивания свинья стала объектом поклонения; так же известна практика включения свиней в погребальный ритуал. Кроме того, само нефритовое изделие поселения Саньсинтала было

найден на груди умершего. Вероятно, это отражало представления древних людей о сердце как средоточии души, а нефритовое изделие было связано с перенаправлением души в мир мертвых [17].

Изображения «дракона» в форме рептилии

В 1987 г. случайно при кладке водопроводных труб в городе Пуян провинции Хэнань были обнаружены развалины древнего города. Раскопки начались в этом же году и велись на протяжении нескольких месяцев. Было обнаружено несколько культурных слоев, в том числе слои древних неолитических культур Луншань и Яншао. Важными открытиями стали находки мозаик животных, инкрустированные двусторонними раковинами, в кургане Сишуйпо. Образ одного из животных был очень похож на более поздние изображения дракона, поэтому археологи и ученые сразу же закрепили этот образ за драконом.

Необходимо отметить, что с окончанием Культурной Революции и первыми успехами экономических реформ в обществе был отмечен интерес к воспроизводству традиций и культурных ценностей. В народе тогда стал чрезвычайно популярным образ дракона. Расхожим стало выражение «наследники дракона» (изначально название песни тайваньского исполнителя), «потомки дракона», «Родина дракона». В академической среде остро был поставлен вопрос о происхождении образа дракона и его значении в культуре Китая. Бурное развитие этого вопроса – многочисленные дискуссии, издания книг и статей об истоках образа дракона – пришлось как раз на конец 80-х гг. Неудивительно поэтому, что обнаруженные в 1987 г. мозаики вызвали волну новых споров.

Первая мозаика была открыта в августе 1987 г. в захоронении, которому был присвоен номер М45. В ней был обнаружен пожилой мужчина (судя по результатам исследования, его возраст был 50–55 лет), предположительно предводитель и/или шаман древнего племени или племенного союза. С восточной стороны от погребенного было выложено изображение дракона (крокодила), с западной – тигра. Три человека были также преданы погребению вместе с покойником. Вторая мозаика с выложенными ракушками изображениями «дракона, тигра, оленя и паука» была найдена в 20 метрах к югу от М45. Скорее всего, после смерти покойного был совершен обряд жертвоприношения духам и предкам небывалого размаха, поэтому изображения животных несколько отдалены от главного захоронения. Третья мозаика изображала «скачущего на драконе человека и бегущего тигра» и была найдена в 25 метрах к югу от второй [18].

Одной из причин, почему исследователи сразу же закрепили образ животного в мозаике М45 за драконом, было воздействие сохраняющихся элементов мифологического сознания и народных представлений. Так, в народе считалось, что на западе от деревни обитает белый тигр, а с восточной стороны – темный или зеленый дракон, которые являются символическим обозначением двух противоположных сил.

Однако не все исследователи склонны видеть в инкрустированном ракушками животном именно дракона. Ян Цзинжун и Лю Чжисюн справедливо замечают: «Было бы несколько нелогично полагать, что в древности люди с одной стороны от усопшего выложили ракушками тигра, причем в очень реалистичной манере, а с другой – выдуманного дракона. Мы полагаем, что изображение “дракона” было тоже выполнено в реалистичной манере и явилось изображением реально существующего животного... Заметим, что тигр представлен с четырьмя лапами, в то время как дракон – только с двумя. Это из-за того, что брюхо животного как бы волочится по земле, и если смотреть на него со стороны – то видно только две лапы. Нетрудно предположить, что найденный в Сишуйпо “дракон” – это рептилия... больше всего напоминающая крокодила» [19]. Далее они пишут, что найденный «дракон» и по размерам совпадает с крокодилом (в длину – 178 см, в высоту – 67 см), а также похоже положение глаз и носа. В конечном итоге они приходят к выводу, что «так называемая мозаика “дракона” в Сишуйпо на самом деле является мозаикой крокодила, хотя этот вполне реалистичный образ крокодила уже получил некоторую трансформацию. Как образы “птицы и рыбы” нашли свое дальнейшее развитие в образах “феникса и дракона”, так и образ “крокодила и тигра” получил развитие в образах “дракона и тигра”» [20].

Ян Цзинжун и Лю Чжисюн следом также критикуют ученых, которые не отделяют более поздних мифологических наслоений от исторической действительности. Так, например, ряд ученых склонны видеть дракона в образах ящерицы или китайской саламандры, приводя в качестве аргументов письменные и археологические документы. Чаще всего приводятся изображения *ваваюй* (китайской саламандры) на сосуде, найденном в 1958 г. при раскопках неолитического поселения округа Ганьгу провинции Ганьсу; относится к культуре Яншао и датируется 3500 гг. до н. э. Подобное изображение найдено при раскопках поселения на территории уезда Ушань провинции Ганьсу; было отнесено к культуре Мацзяяо и датировано III тысячелетием до н. э. Тем не менее Ян Цзинжун и Лю Чжисюн полагают, что изображения на найденных сосудах вовсе не являются изображениями дракона, а что, скорее всего, это изображения реально существовавших рептилий: крокодила, ящерицы или саламандры [21].

Необходимо отметить, что в научной среде были попытки описать изображения медведя, быка, тигра и даже орла на археологических находках эпохи неолита как изображения «протодракона» [22].

Вероятно, это было связано с развернувшейся в конце 1980-х гг. дискуссией о происхождении дракона и попытках отыскать его прообраз в каждой новой археологической находке. Однако, как было указано выше, критическую позицию заняли исследователи Ян Цзинжун и Лю Чжисюн. В работе «Лун чжи юань» (Происхождение дракона) они писали: «На многих орнаментах, отнесенных к неолитическим культурам, присутствует некий характерный зооморфный узор, похожий на сложившийся позднее узор дракона. Сегодня многие ученые сразу же называют эти зооморфные узоры “драконовыми”. Однако это не является правильным» [23].

В целом, в неолитическую эпоху региона Восточной Азии можно говорить только о присутствии зооморфных художественных образов и почитании древними племенами разных животных, о культах змеи, рыбы, крокодила, оленя, кабана, тигра, тем не менее художественная трансформация этих образов происходит позже. Несколько ненаучными представляются выводы ряда китайских специалистов о восьмистысячелетней культуре китайского дракона на основе вышеуказанных источников.

В условиях новых исторических реальностей всегда происходит переосмысление древности и древних символов. Воспроизводство древней символики, в частности, символа дракона, насыщение символами культурной сферы, единство их понимания зачастую имеет своей целью объединение людей. Фразы типа «восьмистысячелетняя культура китайского дракона», «Китай – родина дракона», «мы – дети дракона» – все это использование древнего символа дракона в качестве инструмента формирования национального сознания. Этот момент важно учитывать при дешифровке смыслов и истоков образа дракона.

Примечания

1. Пан Цзинь. Чжунго сяньжуй: Лун (Хорошие приметы Китая: Дракон). Сиань: Шэньси жэньмин чубаньшэ, 2012. С. 21.
2. Цзи Чэнмин. Чахай лунвэнь таоти хэ лунсин дуйсу яньцзю (Исследование по обнаруженным в поселении Чахай керамическим плитам с орнаментом дракона и каменной кладке, выполненной в форме дракона) // Ляонин шифань дасюэ сюэбао: науч. журн. пед. ин-та провинции Ляонин. Ляонин, 1998. № 3. С. 86.
3. Там же.
4. Фусинь чахай ичжи фасянь дасин ши куай дуй су лун (При раскопках поселения Чахай города Фусинь был обнаружен выложенный из камня большой дракон) // Бэйфан вэнь (Памятники материальной культуры северного региона). Харбин, 1995. № 2. С. 77.
5. Цзи Чэнмин. Указ. соч. С. 86–87.
6. Пан Цзинь. Указ. соч.
7. Там же. С. 22.
8. Там же. С. 144.
9. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М.: Наука, 1977. С. 101.
10. Цит. по: Каталог гор и морей... С. 190.
11. Ши Синбан. Чжунхуа лун дэ муги хэ юаньсин ши «юй» – сун каогу цзыляо таньсо «чжунхуа лун» дэ циюань хэ фачжан («Рыба» как исходный элемент и первообраз китайского дракона – Исследование истоков и эволюции китайского дракона на основе археологических материалов) // Пуян чжие цзишу сюэюань сюэбао: науч. вестник проф.-тех. училища г. Пуян: электрон. версия журнала. 2011. № 3. Доступ из локальной сети электронного издательского дома научных журналов Китая (China Academic Journal Electronic Publishing House). Систем. требования: Adobe Reader, CAJ Viewer. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotol-PYJY201103004.htm> (дата обращения: 19.02.2014)
12. Ян Цзинжун, Лю Чжисюн. Лун чжи юань (Происхождение дракона). Пекин: Чжунго шудянь, 2008. С. 16–17.
13. Цзя Хуньэнь. Нэй Мэнгу Вэннютэ ци Саньсинтала цунь фасянь юйлун (Нефритовый дракон был обнаружен в поселении Саньсинтала хошуна Вэннютэ Внутренней Монголии) // Вэнь (Памятники материальной культуры). Пекин, 1984. № 6. С. 10.
14. Го Сяохуэй. Хуншань вэньхуа юйлун као (Исследование нефритового дракона культуры Хуншань) // Бэйфан вэнь (Памятники материальной культуры северного Китая): электрон. версия журнала. 1988. № 1. С. 13. Доступ из локальной сети электронного издательского дома научных журналов Китая (China Academic Journal Electronic Publishing House). Систем. требования: Adobe Reader. URL: <http://mall.cnki.net/magazine/Article/BJWW198801002.htm> (дата обращения: 15.04.2014)
15. Там же.
16. Ян Цзинжун, Лю Чжисюн. Указ. соч. С. 28.
17. Там же. С. 30–31.
18. Дин Цинсянь, Чжан Сянмэй. 1988 нянь Хэнань Пуян Сишуйпо ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках в кургане Сишуйпо города Пуян провинции Хэнань 1988 года) // Каогу (Археология): электрон. версия журнала. 1989. № 12. Доступ из локальной сети электронного издательского дома научных журналов Китая (China Academic Journal Electronic Publishing House). Систем. требования: Adobe Reader, CAJ Viewer. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotol-KAGU198912000.htm> (дата обращения: 19.03.2014)
19. Ян Цзинжун, Лю Чжисюн. Указ. соч. С. 21.
20. Там же. С. 22.
21. Там же. С. 25.

22. Пан Цзинь. Чжунго сяньжуй: Лун (Хорошие приметы Китая: Дракон). Сиань: Шэньси жэньмин чубань-шэ, 2012. С. 144–146.
23. Ян Цзинжун, Лю Чжисюн. Лун чжи юань (Происхождение дракона). Пекин: Чжунго шудянь, 2008. С. 15.

Notes

1. Pang Jin. Zhongguo xiangrui: Long [China's auspicious sign: Dragon]. Xian: Shanxi renmin chubanshe, 2012. P. 21.
2. Ji Chengming. Chahai longwen taoti he longxing duisu yanjiu [Research paper on Chahai's dragon-shaped sculpture and pottery with dragon patterns] // Liaoning shifan daxue xuebao [Journal of Liaoning Normal University]. Liaoning, 1998. № 3. P. 86
3. Ibid.
4. Fuxin chahai yizhi faxian daxing shi kuai duisu long [Large dragon sculpture made of stones was found in Chahai Ruina Fuxin city] // Beifang wenwu [Northern Cultural Relics]. Harbin, 1995. № 2. С. 77.
5. Ji Chengming. Chahai longwen taoti he longxing duisu yanjiu [Research paper on Chahai's dragon-shaped sculpture and pottery with dragon patterns] // Liaoning shifan daxue xuebao [Journal of Liaoning Normal University]. Liaoning, 1998. № 3. P. 86 – 87
6. Pang Jin. Zhongguo xiangrui: Long [China's auspicious sign: Dragon]. Xian : Shanxi renmin chubanshe, 2012. P. 21.
7. Ibid. P. 22.
8. Ibid. P. 144.
9. Shan Hai Jing [The Classic of Mountains and Seas] / foreword, trans. and comm. of Yanshina E. M. Moscow : Nauka [Science], 1977. P. 101.
10. Op. cit. : Shan Hai Jing [The Classic of Mountains and Seas] / foreword, trans. and comm. of Yanshina E. M. Moscow : Nauka [Science], 1977. P. 190.
11. Shi Xingbang. Zhonghua long de muti he yuanxing shi “yu” — cong kaogu ziliao tansuo “zhonghua long” de qiyuan he fazhan [The original source and prototype of Chinese dragon is “fish” – A research on Chinese dragon's origin and its further evolution based on archaeological data] // Puyang zhiye jishu xueyuan xuebao [Journal of Puyang Vocational and Technical College] : the Journal digital edition. 2011. №3. Access from China Academic Journal Electronic Publishing House. System Requirements: Adobe Reader, CAJ Viewer. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-PYJY201103004.htm> (date of access: February 19, 2014).
12. Yang Jingrong, Liu Zhixiong. Long zhi yuan [The origin of the Dragon]. Beijing : Zhongguo shudian, 2008. P. 16-17.
13. Jia Hong'en Neimenggu Wengniu te qi Sanxing Tala cun faxian yulong [The Jade Dragon was excavated in Sanxing Tala, Wengniu, Inner Mongolia Autonomous Region] // Wenwu [Cultural Relics]. Beijing, 1984, № 6. С. 10.
14. Guo Xiaohui. Hongshan wenhua yulong kao [Study of the Jade Dragon of Hongshan Culture] // Beifang wenwu [Northern Cultural Relics] : the Journal digital edition. 1988. №1. P. 13. Access from China Academic Journal Electronic Publishing House. System Requirements: Adobe Reader. Available at: <http://mall.cnki.net/magazine/Article/BJWW198801002.htm> (date of access: April 15, 2014)
15. Ibid.
16. Yang Jingrong, Liu Zhixiong. Long zhi yuan [The origin of the Dragon]. Beijing : Zhongguo shudian, 2008. P. 28.
17. Ibid. P. 30-31.
18. Ding Qingxian Zhang Xiangmei. 1988 nian Henan Puyang Xishuipo yizhi fajue jianbao [The Report on excavation of Xishuipo site in Puyang, Henan province, in 1988] // Kaogu [Archeology] : the Journal digital edition. 1989. №12. Access from China Academic Journal Electronic Publishing House. System Requirements: Adobe Reader, CAJ Viewer. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-KAGU198912000.htm> (date of access: March 19, 2014)
19. Yang Jingrong, Liu Zhixiong. Long zhi yuan [The origin of the Dragon]. Beijing : Zhongguo shudian, 2008. P. 21.
20. Ibid. P. 22.
21. Ibid. P. 25.
22. Pang Jin. Zhongguo xiangrui: Long [China's auspicious sign: Dragon]. Xian : Shanxi renmin chubanshe, 2012. P. 144-146.
23. Yang Jingrong, Liu Zhixiong. Long zhi yuan [The origin of the Dragon]. Beijing : Zhongguo shudian, 2008. P. 15.

УДК 392 (470. 342)

И. Ю. Трушкова

Этнические культуры российского юга на российском севере: некоторые аспекты деятельности гражданского общества в Кировской области в 2010-х гг.*

Статья посвящена вопросам культурной адаптации и взаимодействию этнических культур так называемого «российского юга» с культурами «российского севера» в рамках территории современной Кировской области. Охарактеризованы некоторые мероприятия гражданского общества, связанные с совместным празднованием 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Выявлены направления и ресурсы развития некоммерческих организаций этнокультурной направленности в Кировской области.

The article is devoted to the issues of cultural adaptation and interaction of ethnic cultures of so-called «russian south» cultures and of the «russian north» within the territory of the modern Kirov region. Some of the activities of civil society are described. They associated with the joint celebration of the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. The directions and development's resources of ethno-cultural non-commercial organizations in the Kirov region are revealed.

Ключевые слова: этнокультуры российского юга и российского севера, Кировская область, празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, перспективы развития гражданского общества в российских регионах.

Keywords: russian ethnic culture of the russian north and the russian south, Kirov region, the celebration of the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, the prospects for the development of civil society in the Russian regions.

Гражданское общество становится неотъемлемой частью современной жизни. Как известно, на Западе в современном виде оно стало оформляться во второй половине XX в., причем с некоторыми особенностями. Как отмечали исследователи, «начиная с конца 1970-х ни государственный, ни частный сектор не показали значительного роста с точки зрения привлечения служащих. Однако вырос иной сектор, который также называется независимым, или некоммерческим, обслуживающим общественные организации; он начинает заниматься социальными проблемами, ранее находившимися в ведении правительства, с инновациями и дисциплиной, присущими бизнесу» [1]. Наблюдается рост значимости некоммерческого сектора занятости населения.

Гражданское общество в регионах современной России развивается по общим и специфичным траекториям. Известно, что в Российской Федерации, начиная с 1990-х гг., в связи со сбоями саморегуляции рыночной системы важен вопрос о сохранении преемственности базовых ценностей, в отношении которых поддерживается определенное общественное согласие. Вокруг этих ценностей складываются общественные структуры [2]. Важно, что у гражданского общества выявляются локальные смыслы [3]. Одна из сфер современного гражданского общества в регионах России – национально-культурные объединения, в том числе и в территориях направления миграции. При этом появляется сложность однозначного выявления родины у диаспор [4].

Определенным образом гражданское общество оформляется в таких регионах, как Кировская область [5].

Применительно к Кировской области масштабы позиционирования представляются так: Дагестан и Чечня, безусловно, воспринимаются как часть России, тем более что у них была общая

Родина – СССР, также они жили в Российской империи. В список НКО национально-культурной направленности включаются не только национально-культурные общества представителей собственно российского юга (Дагестан, Чечня), но и соседних с ними Азербайджана и Армении, а также из таких постсоветских стран Средней Азии, как Узбекистан и Таджикистан. Все перечисленные организации воспринимаются вместе. Видимо, осознание перемен конца 1990-х гг. населением Кировской области произошло не окончательно, поэтому нечетко разделяются бывшие АССР и ССР в составе Советского Союза. Вероятно, в этом состоит некая специфика Кировской области. Транзитивность, постепенность и размытие традиционных границ – характерные черты для масштабов работы таких НКО.

Обозначенные НКО национально-культурной направленности в Кировской области достаточно активно работают. Они помогают соотечественникам по социальным, правовым вопросам, объединяются в культурной деятельности. Яркое тому доказательство – участие в конкурсе сочинений детей и молодежи на тему «Великая Отечественная война в жизни народов бывшего СССР». Этот конкурс проводился еще в I созыве Общественной палаты Кировской области (комиссией по науке, образованию и культуре), теперь, во II созыве – силами рабочей группы по межнациональному взаимодействию и комиссии по науке, образованию и культуре [6]. Всего в конкурсе в юбилейном 2015 г. приняло участие около 200 работ с географией от Санкт-Петербурга до Красноярского края (включая Казахстан) и от Карелии до Астраханской области. Это может свидетельствовать о территориальных связях диаспор в рамках России.

Во всех рассматриваемых НКО свято сохраняется память о подвигах – ратных и трудовых. В отрывках сочинений видны штрихи микроистории этнокультурных сообществ в Кировской области, их контакты и восприятие советской исторической Родины, распространенность межэтнических браков. Так, в своей работе Полина Шакарова (г. Киров) отметила: «Моего прадедушку отравили воевать вблизи города Петрозаводска. Начались самые страшные и долгие года. Мой прадед в 43-м году получил ранение – ранение, которое спасло ему жизнь. Он долго лечился в госпитале, где видел много смертей, а дома, за три тысячи километров, его ждала семья: любимая мама, сестры и младшие братья. После госпиталя Василий отправился в родные края – в Кировскую область. Я даже не могу представить чувства близких ему людей, ведь пришел глава их семьи, живой пришел! Прадеда ждало множество операций на раненой ноге, но ему уже не было страшно. Обидно было только за жизни убитых, ни в чем не повинных солдат».

В воспоминаниях, собранных В. Сарабекяном, отражается история армянской диаспоры. «Мой прадед принимал участие в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Его зовут Мкртчян Хачик Оганесович, 1923 года рождения. Место рождения – республика Армения, село Илеи. До войны жители села жили, как и все граждане Советского Союза: соблюдали свои обычаи, но и справляли все советские праздники. Но с особой радостью праздновали свои национальные праздники, армянские, например, такие как “Вардавар” и “Терендез”. Праздник “Вардавар” отмечался один раз в году, в середине июля. Праздник был очень веселый – в этот день люди по всей Армении поливали друг друга холодной водой. А “Терендез” празднуется до сих пор 13 февраля. В этот день зажигают костер, и молодежь перепрыгивает через огонь. Празднуют всем селом, бывает очень шумно, интересно и весело... Тяжело было вспоминать ему, через что пришлось пройти ему и его товарищам за долгие четыре года Великой Отечественной войны. Помню, он как-то рассказывал, что больше трех месяцев не было вестей от родных из Армении. А после боя, случайно, встретил своего односельчанина, которого недавно призвали на фронт. Он-то и рассказал, что родственники живы и здоровы. От этой вести стало легче на душе. Ведь семья для армянина – главная ценность...».

Национально-культурная организация таджиков привлекла к участию в конкурсе соотечественников из других субъектов РФ, и из Красноярского края пришло сочинение старшеклассницы Бахринисо Солиевой. Она на каникулы из России ездит к бабушке в Таджикистан и собрала у нее такие воспоминания о жизни в то время: «Шла Великая Отечественная война. Фашисты все ближе подступали к нашей столице. Советские войска несли большие потери. Гибли мирные люди, советские солдаты. Нашей стране катастрофически не хватало военной техники. Верховная ставка во главе со Сталиным приказала в Средней Азии провести геологическую разведку полезных ископаемых с целью получения сырья для военной техники. Ученая экспедиция в 1942 году приехала в северный Таджикистан и начала свою работу. Они исследовали горную местность.

Было много проведено геологических разведок и, наконец, на большой глубине земли были обнаружены вольфрам и молибден. Была поставлена задача: в срочном темпе построить шахту для добычи полезных ископаемых. Но мужчин для работы не было. Все ушли на фронт. Пришлось эшелонами на арбах привозить с дальних кишлаков больных, не годных на войну дехкан с их семьями. В одном из первых этих эшелонов и была моя бабушка. Тогда ей было 15 лет. У нее был болен отец,

и его не забрали на фронт. Его семья и еще несколько других семей были первыми поселенцами в этой безлюдной местности. Началась большая работа. Люди работали на совесть, по 12 часов в день, без выходных. У каждого из них была цель – помочь стране и победить врага». Данные работы весьма колоритны, они характеризуют степень адаптации этнокультур российского юга и южного пограничья России в территориях так называемого Российского Севера.

Позитивный опыт межкультурной коммуникации проявился и в совместном участии всех диаспор в Параде Победы 9 Мая в г. Кирове. Общая колонна, олицетворявшая республики бывшего СССР, прошла с флагами уже новых государств и республик России. Первая часть колонны была представлена молодежью в военных формах 1940-х гг., вторая – в национальных костюмах народов СССР. Совместное пение военных и народных песен, игра на национальных музыкальных инструментах – все это не просто украсило мероприятие, но и выявило ресурс развития гармоничных межэтнических отношений в регионе. Созидательное начало в отношениях этнокультур юга и севера отмечено и в инициативе привлечь финансы НКО по опубликованию сборника всех сочинений.

Совместные мероприятия этнокультурных сообществ условно южных и условно северных территорий России в пределах Кировской области, посвященные празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, выявили значительные горизонтальные связи общественности и НКО разных регионов. Рельефно обозначились такие объединительные темы, как общие трудности и общая Победа в Великой Отечественной войне – «...там мы были все вместе, никто был не мигрант или не нерусский....». Сплоченность, мотивированность на результат, воспроизведение национальных духовных ценностей, как собственных, так и общих, решение социальных и некоторых других проблем – все это указывает на то, что НКО этнокультурной направленности в Кировской области в современный период находят свое место в гражданском обществе.

Различные институты гражданского общества активизируются. «Если раньше некоммерческий сектор рассматривался как своего рода тихая заводь делового мира и бедный родственник грозного государственного сектора, то сейчас он приобретает первостепенную значимость. И не только с точки зрения стекающихся туда талантов, составляя тем самым жесткую конкуренцию остальным секторам. Учитывая заимствованную у бизнеса дисциплину и государственное отношение к делам, общественные организации вполне могут подняться до недостижимых высот» [7]. Национально-культурные общественные организации и объединения имеют определенный ресурс созидания, при должном восприятии этнокультурных реалий, «этномониторинге» и «этнокультурном менеджменте» они имеют весьма неплохие перспективы развития, как и гражданское общество в целом.

Примечания

1. Пенн М. Дж., Залесн К. Э. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М.: «АСТ. АСТ Москва», 2009. С. 329–332.
2. Романов Р., Ярская-Смирнова Е. Две стороны одной монеты или одна сторона – двух.... // Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения: сб. ст. М: ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2009. С. 5.
3. Салменниами С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения: сб. ст. М: ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2009. С. 110.
4. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 441.
5. Трушкова И. Ю. Истоки гражданского общества в Вятском регионе (к постановке проблемы) // Общество, наука, инновации (НТК-2012): ежегод. открыт. всерос. науч.-техн. конф., 16–27 апр. 2011 г.: сб. материалов / ВятГУ; отв. ред. С. Г. Литвинцев. Киров: Изд-во ВятГУ, 2012. 1 эл. опт. диск (CD-ROM). Загл. с экрана; Она же. Исторические закономерности межэтнической и межконфессионального взаимодействия населения в Вятском регионе // Общество, наука, инновации (НТК-2013): ежегод. открыт. всерос. науч.-техн. конф., 15–26 апр. 2013 г.: сб. материалов / ВятГУ; отв. ред. С. Г. Литвинцев. Киров: Изд-во ВятГУ, 2013. 1 эл. опт. диск (CD-ROM). Загл. с экрана.
6. Здесь и далее – материалы работы комиссии по межнациональному взаимодействию Общественной палаты Кировской области.
7. Пенн М. Дж., Залесн К. Э. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М.: «АСТ. АСТ Москва», 2009. С. 333–334.

Notes

1. Penn M. J., Zalesn K. E. *Mikrotendencii. Malen'kie izmeneniya, privodyashchie k bol'shim peremenam* [Microtrends. Little changes leading to big changes]. M. "AST. AST Moscow". 2009. Pp. 329–332.
2. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. *Dve storony odnoy monety ili odna storona – dvuh....* [Two sides of the same coin, or one side or two....] // *Obshchestvennye dvizheniya v Rossii – tochki rosta, kamni pretknoeniya: sb. st.* – Public movement in Russia – the growth points, stumbling blocks, collected articles. M. LLC "Variant" CSPI. 2009. P. 5.

3. Salmenniami S. *Teoriya grazhdanskogo obshchestva i postsocializm* [The theory of civil society and post-socialism] // *Obshchestvennye dvizheniya v Rossii – tochki rosta, kamni pretknoveniya: sb. st. – Social movements in Russia – the growth points, stumbling blocks, collected articles*. M. LLC "Variant" CSPI. 2009. P. 110.

4. Tishkov V. A. *Rekvjem po ehnosu. Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii* [Requiem for ethnos. Research on socio-cultural anthropology]. M. Nauka. 2003. P. 441.

5. Trushkova I.Yu. *stoki grazhdanskogo obshchestva v Vyatskom regione (k postanovke problemy)* [Origins of civil society in the region of Vyatka (to problem statement)] // *Obshchestvo, nauka, innovacii (NTK-2012): ezhegod. otkryt. vseros. nauch.-tekhn. konf., 16–27 apr. 2011 g.: sb. materialov – Society, science, innovations (STC-2012): annual open allRussian scientific-tech. conf. 16–27 Apr. 2011: collection of materials of the Vyatka State University; resp. ed. S. G. Litvinets. Kirov: Publishing house of the Vyatka State University. 2012. 1 el. opt. disk (CD-ROM). Title from screen; Trushkova I. Y. *Istoricheskie zakonomernosti mezhehtnicheskoj i mezhekonnessional'nogo vzaimodejstviya naseleniya v Vyatskom regione* [Historical patterns of interethnic and interreligious interaction with the population in the Vyatka region] // *Obshchestvo, nauka, innovacii (NTK-2013): ezhegod. otkryt. vseros. nauch.-tekhn. konf., 15–26 apr. 2013 g.: sb. materialov – Society, science, innovation (STC-2013): annual open allRussian scientific-tech. conf. 15–26 Apr. 2013: materials / Vyatka State University; resp. ed. S. G. Litvinets. Kirov: Publishing house of the Vyatka State University, 2013. 1 el. opt. disk (CD-ROM). Title from screen.**

6. Hereinafter, the materials of the Commission for interethnic interaction of the Public chamber of the Kirov region.

7. Penn M. J., Zalesn K. E. *Mikrotendencii. Malen'kie izmeneniya, privodyashchie k bol'shim peremenam* [Microtrends. Little changes leading to big changes]. M. "AST. AST Moscow". 2009. Pp. 333–334.

УДК 908

М. З. Хабибуллин

Народы Среднего Поволжья в ракурсе историко-конфессиональных исследований преподавателя Казанской духовной академии Михаила Александровича Машанова (1852–1924 гг.)*

Изучение деятельности и научного наследия яркого представителя казанского востоковедения второй половины XIX – начала XX в. М. А. Машанов представляет большой научный и практический интерес. Востоковед, исламовед, профессор Казанской духовной академии, общественный деятель, председатель Переводческой комиссии, редактор журналов «Церковно-общественная жизнь» и «Инородческое обозрение», автор трудов по истории ислама, культуре, этнографии и языков финно-угорских и тюркских народов дореволюционной России, М. А. Машанов внес заметный вклад в просвещение и образование крещеных татар, чувашей, марийцев и др. Его биография неразрывным образом связана с миссионерскими отделениями Казанской духовной академии и православной миссионерской организацией «Братство святителя Гурия». В основу исследования легли новые архивные материалы и источники, позволившие автору дать комплексную оценку проблемы.

Study of scientific heritage of an outstanding representative of Oriental studies of Kazan in the second half of XIX – early XX centuries M. A. Mashanov is of great scientific and practical interest. Orientalist, specialist in Islamic studies, Professor of the Kazan theological Academy, a public figure, Chairman of the Translation Committee, the editor of «Church and public life» and «non-Russian review», the author of works on Islamic history, culture, Ethnography and languages of the Finno-Ugric and Turkic peoples of pre-revolutionary Russia, M. A. Mashanov has made a significant contribution to the education of the baptized Tatars, Chuvash, Mari, etc. His biography is inextricably linked to missionary departments of the Kazan spiritual Academy and the Orthodox missionary organization «Brotherhood of Saint Guriy». The basis of the study formed new archival materials and sources, allowed the author to give a comprehensive assessment of the problem.

Ключевые слова: М. А. Машанов, Казанская духовная академия, этнография, ислам, народы России, миссионерские отделения.

Keywords: M. A. Mashanov, Kazan Spiritual Academy, Ethnography, Islam, the peoples of Russia, missionary departments.

© Хабибуллин М. З., 2015

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Державный (имперский) дискурс по национальному образованию народов Поволжья и Приуралья в конце XIX – начале XX в.»), проект № (14-11-16015 а/В/ 2015)

Изучение творческого наследия преподавателей миссионерских отделений Казанской духовной академии, представленного многочисленными научными трудами по истории и учению ислама, культуре, этнографии и языков финно-угорских, тюркских и монгольских народов России, о состоянии православного миссионерства в мусульманских странах Ближнего Востока, становится сегодня актуальной и важной проблемой. Казанская духовная академия во второй половине XIX – начале XX в. являлась крупным научным, учебным и просветительским центром в Поволжье, Приуралье и Сибири. Она стала центром проведения широкомасштабной миссионерской политики в восточной части России, местом, где была разработана «система просвещения инородцев» Н. И. Ильминского, на практике осуществлялись христианизация и русификация нерусских народов Российского государства, проводились мероприятия по интеграции народов и народностей в единое информационное, культурное и образовательное пространство на основе русского языка и православного христианства.

В Казанской духовной академии активно изучались истории мировых религий и языческих представлений народов России. Необходимо отметить, что исследование ислама, буддизма, религиозных верований и языков финно-угорских, тюркских и монгольских народов приобрело здесь особенности, свойственные «казанской школе» с ее практической миссионерской направленностью, были выработаны присущие ей методы и приемы исследования, реализовывались на практике новые идеи и формировалась плеяда талантливых ученых: Н. И. Ильминский [1], Е. А. Малов [2], Н. П. Остроумов [3], М. А. Машанов [4], П. К. Жузе [5], Я. Д. Коблов [6] и др. Они были связаны с деятельностью единственных в России миссионерских отделений, существовавших в Казанской духовной академии в 1854–1920 гг. По замечанию российского исламоведа, профессора Кельнского университета Марка Батунского, студенты и преподаватели противомусульманского отделения Казанской духовной академии «...являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламоведами» [7].

Большой пласт научной информации, накопленный студентами, выпускниками и преподавателями миссионерских отделений в 1854–1920 гг., до нынешнего дня представляет собой рукописные материалы и находится в архивах России. Однако в последние десятилетия среди исследователей наметился серьезный прорыв в изучении истории дореволюционных духовных заведений, деятельности их преподавателей, их вклада в отечественную науку. В частности, изучением истории Казанской духовной академии занимались российские и зарубежные ученые – Р. М. Валеев, А. В. Журавский, Р. Джераси и др. [8]

Среди преподавателей Казанской духовной академии необходимо выделить исламоведа, востоковеда, филолога-арабиста, общественного деятеля Михаила Александровича Машанова (1852–1924). Его имя известно далеко не всем современным исследователям истории, и тем более оно неизвестно массовому читателю. А между тем он является автором интересных трудов по истории, этнографии и культуре финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья, стран Ближнего Востока, истории и учению ислама и т. д. [9] Ученый преуспел в изучении религиозно-нравственного состояния татар, чувашей, марийцев, киргизов и казахов, много внимания уделял анализу лингвистических особенностей языков народов, населяющих Поволжье, Приуралье и Среднюю Азию. В своих трудах исследователь рассматривал факторы становления и функционирования ислама на территории Российского государства, выделял мусульманские течения, наиболее распространенные здесь, раскрывал проблемы влияния этой религии на традиции, быт и образ жизни принявшего ислам народа, изучал основные вехи жизни и деятельности пророка Мухаммада, древнюю историю арабов, сущность мусульманского брака, богословско-правовые школы в исламе и др. Стремясь понять основы ислама, ученый исследовал региональные особенности культуры мусульманских народов. М. А. Машанов прекрасно знал арабский язык и его грамматику, несколько западноевропейских и тюркских языков, был знаком с важными мусульманскими источниками и литературой, отлично разбирался в истории и сущности христианства и ислама как учений, что позволяло ему искусно оперировать религиозными понятиями и владеть соответствующей терминологией. Он внес заметный вклад в развитие казанского исламоведения и арабистики второй половины XIX – начала XX в.

М. А. Машанов родился 11 мая 1852 в г. Петропавловск Тобольской губернии (ныне Республика Казахстан) в семье потомственных священников. В 1872 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, в 1876 г. – церковно-практическое отделение Казанской духовной академии. Во время обучения в Казанской духовной академии изучал у Н. П. Остроумова и В. Т. Тимофеева «миссионерские предметы против мусульманства» (обличение мухаммеданства, история Мухаммеда, арабский и татарский языки), которые были исключены из обязательного общеобразовательного академического курса Уставом духовных академий 1869 г. вместе с миссионерскими отделениями. В 1874–1876 гг. Машанов читал лекции по «краткому объяснению христианского веро-

учения с замечаниями о недостатках мухаммеданского вероучения» в Казанской центральной крещено-татарской школе.

После окончания академии Машанов назначают помощником инспектора Казанской духовной академии, а в 1877 г. – приват-доцентом на кафедру миссионерских противомусульманских предметов (с 1885 г. – доцентом, 1887 г. – экстраординарным профессором, с 1906 г. – заслуженным экстраординарным профессором, в 1911–1920 гг. – сверхштатным профессором). Здесь он проводил занятия по миссионерским предметам.

В октябре 1878 г. на общем собрании Братства святителя Гурия Машанов избирается в состав Совета Братства святителя Гурия и на должность его делопроизводителя (с 1899 г. – секретаря; занимал до 1914 г. с перерывами в 1885–1886 гг. и 1904–1906 гг.) [10]. Братство святителя Гурия существенно повлияло на ход просветительской деятельности среди народов Поволжья и Сибири, распространяло начальное образование, заложило здесь основы системы народного образования. Деятельность Братства способствовала формированию в этих регионах национальной интеллигенции, появлению православного инородческого духовенства, распространению христианства. В рамках этой организации Машанов совершил командировки по всем уездам Казанской губернии, целью которых являлись пропаганда христианства, ослабление влияния ислама и собеседования с отпавшими от православной веры. В его обязанности входили также инспектирование деятельности школ Братства святителя Гурия и выявление недостатков в учебно-воспитательном процессе. М. А. Машанов был в числе организаторов специальных кратковременных педагогических курсов для учителей школ Братства. Благодаря его неутомимой деятельности были достигнуты успехи в привлечении и укреплении в православной вере крещеных татар, чувашей и марийцев.

В 1885 г. Машанов защищает докторскую диссертацию «Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение к изучению ислама». В этом же году в октябре Совет Казанской духовной академии направляет его на Ближний Восток в Сирию, Палестину, Египет и в Аравию для изучения арабского языка и богословской литературы. Результатом поездки Машанова стали работы «Европейские христиане на мусульманском Востоке» (Казань, 1889), «Описание путешествия по Востоку» (1887) и др. В Казань Машанов вернулся в октябре 1887 г. В 1889–1916 гг. он ведет лекции по богословской энциклопедии, истории и «обличению мухаммеданства» и арабского языка на двухгодичных миссионерских курсах, открытых в 1889 г. при Казанской духовной академии.

В 1892 г. он становится казначеем и заведующим делами комиссии по изданию «Миссионерского противомусульманского сборника», периодического печатного органа Казанской духовной академии, в котором печатались труды по истории ислама, христианства, этнографии и культуре финно-угорских и тюркских народов России. В этом же году на заседании Совета Братства святителя Гурия М. А. Машанов избирается председателем Переводческой комиссии [11], которая занималась переводом и изданием книг как «религиозно-нравственного» содержания, так и «общепросветительного характера для крещеных инородцев и магометан» [12]. Идея создания этой комиссии принадлежала Н. И. Ильминскому [13]. Результатами ее деятельности пользовались по всей России: «Казанские... переводы получили распространение далеко за пределами Казани, встретив сочувственный прием повсюду, от Москвы до Иркутска, от Казани и до степей астраханских» [14].

В 1878 г. Машанов становится членом «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Современные исследователи высоко оценивают деятельность этого общества [15]. Так, казанский историк Р. М. Валеев отмечает, что «попытка провести организационное сосредоточение изучения проблем истории и культуры Востока должна стать важной страницей развития отечественного востоковедения середины XIX в. Эта первая ценная инициатива казанских ориенталистов в последней четверти XIX в. получила воплощение в многосторонней деятельности «Общества археологии, истории и этнографии» (1878–1929) при Казанском университете» [16]. «Цели и задачи общества, – пишет А. А. Хабибуллин, – выгодно выделяли его среди других подобных исторических обществ России. Общество избрало предметом своего изучения историю тех малых народов, которые в буржуазной науке нередко назывались “неисторическими”» [17].

В 1905–1907 гг. Машанов состоял в редакции журнала «Церковно-общественная жизнь», в 1912 г. заведовал редакцией журнала «Инородческое обозрение». На их страницах большое внимание уделялось истории и этнографии народов России.

В мае – июне 1905 г. он принимал участие в «Особом совещании по вопросам образования восточных инородцев» под председательством члена Совета министров А. С. Будиловича в Санкт-Петербурге. Члены совещания должны были разработать и подготовить материалы для усовершенствования системы начального школьного обучения национальных меньшинств Вос-

точной России. К участию в нем были приглашены специалисты по «восточно-инородческому» образованию, а также знатоки мусульманского и буддийского мира. Большинство членов совещания были последователями системы Н. И. Ильминского (Н. Бобровников, Н. Остроумов, И. Яковлев и др.) [18]. М. А. Машанов выступил с докладом «Школы Братства св. Гурия в нынешнем состоянии» [19], в котором обратил внимание на состояние дел в православной просветительской организации, привел статистические данные по образовательным учреждениям Казанской губернии: «Крещено-татарские – 63, чувашские – 50 школ, черемисские – 20 школ, вотяцкие (18) и мордовские (одна школа)». Подводя итоги, М. А. Машанов указал на плодотворную работу учебных заведений, но при этом он отметил их «сравнительную малочисленность». 152 школы, по его мнению, не в состоянии были «заполнить собою всех местностей, которые нуждаются в них». Основной причиной такой «малочисленности» М. А. Машанов назвал недостаточное финансирование. Он также отметил огромный труд учителей, которые «приглашали в школу родителей, родственников учащихся и других инородцев и в свободное от занятий время вели с ними беседы на религиозно-просветительские темы». Учитель, по его мнению, должен был знать основные работы по религиозному воспитанию, так как «необходимо предварительно ознакомить инородцев с самими этими книгами чрез общественное их чтение, чтобы возбудить интерес к ним». М. А. Машанов глубоко сожалел, что «недостаток денежных средств не дает Братству Святителя Гурия возможности к ежегодному устройству педагогических курсов... так что курсы эти бывают сравнительно редко» [20].

В 1910 г. Машанов принимал участие в Миссионерском съезде, который проходил в Казани с 13 по 26 июня. На нем он выступил с докладом «Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим народам», в котором признал силу и могущество ислама в среде тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья. В своем докладе Машанов указал на укрепление ислама среди народов России в начале XX в.: «Ни для кого не тайно, что мухаммеданская пропаганда с давних пор велась среди инородцев Поволжья и, конечно, должна была усилиться и действительно усилилась за последнее время при объявленной свободе вероисповедания, толкуемой нередко татарами в смысле права пропаганды своего вероучения» [21]. В докладе автор назвал основные причины широкого распространения ислама, главной из которых являлась активная деятельность самих татар-мусульман. «Устная проповедь... и обширная татарско-мухаммеданская литература, – писал он, – в самых широких размерах применяются мусульманами для пропаганды своих понятий и верований среди инородцев. Татары-мухаммедане представляли и представляют из себя одну сплоченную массу, проникнутую духом рьяной пропаганды, столь поощряемой основным учением ислама, а наряду с ними стоят крещеные и язычествующие инородцы, представляющие собою благоприятную почву для сеяния семян всякого вероучения, при надлежащем ведении дела пропаганды» [22].

В 1919–1920 гг. Машанов вел курсы по «исламу среди национальностей Восточной России», «истории ислама среди племен Поволжья», исламоведению и курс арабского языка на восточном отделении Северо-Восточного археологического и этнографического института. В Национальном архиве Республики Татарстан находится фундаментальный неопубликованный труд из 38 томов «Ислам среди народов Восточной России», который изучал здесь ученый.

9 февраля 1920 г. Машанову было присвоено звание профессора в новых, советских условиях. 18 марта 1921 г. он в числе 19 профессоров академии был арестован Всетатарской чрезвычайной комиссией по делу незаконного функционирования Казанской духовной академии. Преподаватели были отпущены в связи с недоказанностью их вины, хотя и получили по году концлагерей. Дальнейшая судьба ученого неизвестна.

Подводя итоги, отметим, что Машанов, являясь преподавателем Казанской духовной академии, активным общественным деятелем, просветителем финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья, внес большой вклад в научную разработку проблем ислама, в становление системы конфессионального образования, в изучение и сохранение языков нерусских народов. В своих трудах он рассматривал различные аспекты функционирования религии ислама, деятельность пророка Мухаммада, проблемы брака в исламе, положение женщины, секты, роль и место арабов в становлении ислама как религии и другие вопросы. Его историографические обзоры о переводах Корана и изучении арабской философии в Западной Европе представляют большой научный интерес. Машанов – автор многочисленных отчетов о командировках по Казанской губернии, России и арабскому востоку (Сирия, Аравия, Египет и др.). Ему принадлежит большое количество работ, миссионерских отчетов, в которых он описывает жизнь, традиции, язык и быт татар Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Примечания

1. Ильминский Н. И. Из переписки по поводу применения русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883; *Он же*. Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории просвещения. Казань, 1887.
2. Малов Е. А. О крещеных татарах (из миссионерского дневника). Казань, 1891; *Он же*. Сведения о мишарях. Этнографический очерк. Казань, 1885.
3. Остроумов Н. П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1876; *Он же*. Татарско-русский словарь. Казань, 1892.
4. Машанов М. А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875; *Он же*. Отчет о поездке в деревню Никифорово Мамадышского уезда для увещания отпавших от христианства. 27 октября 1881 года (НА РТ Ф. 967. Оп. 1. Д. 8. 18 л.).
5. Жузе П. К. Учебник русского языка для арабов: в 2 ч. (Пособие при разговорных уроках). Казань, 1898–1899; *Он же*. Мутазилиды. Догматико-историческое исследование в области ислама. Казань, 1899; *Он же*. Полный русско-арабский словарь. Ч. 1–2. Казань, 1903.
6. Коблов Я. Д. Татарские мусульманские школы (медресе) // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 9. С. 323–325; *Он же*. Народные представления магометан о рае и аде. Казань, 1907; *Он же*. О татарских мусульманских праздниках. Казань, 1907; *Он же*. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны). Казань, 1908; *Он же*. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916.
7. Batunsky Mark Russian missionary literature on islam // Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte. 1987. № 38. P. 261.
8. Валеев Р. М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань, 1993; *Он же*. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998; Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884–1921 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 1999; Geraci. Robert Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. USA, 2001. P. 91.
9. Машанов М. А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875; *Он же*. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда, как введение к изучению ислама. Казань, 1885; *Он же*. Европейские христиане на мусульманском Востоке. Казань, 1889.
10. *Он же*. Обзор деятельности Братства святителя Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892 гг. Казань, 1892.
11. Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за 25 год. Казань, 1893. С. 34.
12. Никольский Н. В. Переводческая комиссия в Казани и ее просветительная деятельность среди инородцев. Казань, 1905. С. 9.
13. Иванов С. Н. Н. Ф. Катанов. Очерк жизни и деятельности: дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 70.
14. Ивановский Н. И. Братство Святителя Гурия и характер его деятельности // Православный собеседник. 1903. Июнь. С. 741.
15. См. напр.: Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: дооктябрьский период. Л., 1982. С. 152; Хабибуллин А. А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1876–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979. С. 8.
16. Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие. XIX в. – 20-е гг. XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1999. С. 289–290.
17. Хабибуллин А. А. Указ. соч. С. 8.
18. Горохов В. М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань, 1941. С. 81–82.
19. НА РТ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 22. Школы Братства святителя Гурия в нынешнем их состоянии. Лл. 1–5 об.
20. Там же. Лл. 1 об., 2, 3, 5.
21. Машанов М. А. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. Казань, 1910. С. 3.
22. Указ. соч. С. 5.

Notes

1. Ilminsky N. I. *Iz perepiski po povodu primeneniya russkogo alfavita k inorodcheskim yazykam* [From the correspondence about the use of the Russian alphabet to non-Russian languages]. Kazan, 1883. Also him. *Kazanskaya kreshcheno-tatarskaya shkola. Materialy dlya istorii prosveshcheniya* [Kazan baptized-Tatar school. Materials for the history of education]. Kazan. 1887.
2. E. A. Malov *O kreshchenyh tatarah (iz missionerskogo dnevnika)* [About the baptized Tatars (from a missionary diary)]. Kazan. 1891. Also him. *Svedeniya o misharyah. Ehtnograficheskij ocherk* [Information about Mishari. Ethnographic essay]. Kazan. 1885.
3. Ostroumov N. P. *Pervyj opyt slovarya narodno-tatarskogo yazyka po vygovoru kreshchenyh tatar Kazanskoj gubernii* [The first experience of the dictionary of national Tatar language on the pronunciation of the baptized Tatars of the Kazan province]. Kazan. 1876. Also him. *Tatarsko-russkij slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. Kazan. 1892.

4. Mashanov M. A. *Zametka o religiozno-nravstvennom sostoyanii kreshchenyh tatar Kazanskoj gubernii Mamadyshskogo uezda* [Note on religious and moral state of the baptized Tatars of the Kazan province of Mamadyshsky uyezd]. Kazan. 1875. Also him. *Otchet o poezdke v derevnyu Nikiforovo Mamadyshskogo uezda dlya uveshchaniya otpavshih ot hristianstva. 27 oktyabrya 1881 goda* [The report on the visit to the village of Nikiforovo Mamadyshsky district for remonstrances fallen away from Christianity]. October 27, 1881 (NA TR F. 967. Sh. 1. File 8. Sh. 18).
5. Jousset P. K. *Uchebnik russkogo yazyka dlya arabov: v 2 ch. (Posobie pri razgovornykh urokah)* [Textbook of Russian language for Arabs: in 2 pts. (Manual for the conversational lessons)]. Kazan. 1898-1899. Also him. *Mytazilyty. Dogmatiko-istoricheskoe issledovanie v oblasti islama* [Mutasilits. Dogmatico-historical research in the field of Islam]. Kazan. 1899. Also him. *Polnyj rusko-apabskij slovar'* [Full Russian-Arabic dictionary. 1-2 pts]. Kazan. 1903.
6. Koblov J. D. *Tatarskie musul'manskije shkoly (medrese)* [Tatar Muslim schools (madrasah)] // *Cerkovno-obshchestvennaya zhizn'* – Church and community life. 1906, No. 9, pp. 323-325. Also him. *Narodnye predstavleniya magometan o rae i ade* [People's perceptions of the Mohammedans about heaven and hell]. Kazan. 1907. Also him. *O tatarskikh musul'manskikh prazdnikah* [About Tatar Muslim holidays]. Kazan. 1907. Also him. *Religioznye obryady i obychai tatar-magometan. (Pri narechenii imeni novorozhdenному, svadebnye obryady i pohorony)* [Religious ceremonies and customs of the Tartars are Mohammedans. (When naming a newborn child, wedding ceremonies and funerals)]. Kazan. 1908. Also him. *Konfessional'nye shkoly kazanskikh tatar* [Confessional schools of the Kazan Tatars]. Kazan. 1916.
7. Batunsky Mark Russian missionary literature op islam // *Zeitchrift fur Religions und Geistesgeschichte*. 1987. No. 38. P. 261.
8. Valeev R. M. *Iz istorii kazanskogo vostokovedeniya serediny –vtoroj poloviny XIX v.: Gordij Semenovich Sablukov – tyurkolog i islamoved* [From the history of the Kazan Oriental studies of the middle –second half of the nineteenth century: Gordiy Semenovich Sablukov – specialist in Turkic Philology and Islamic studies]. Kazan. 1993. Also him. *Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie (XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Kazan Oriental studies: origins and development (XIX – 20-ies of XX century)]. Kazan. 1998; Zhuravskii A.V. *Kazanskaya duhovnaya akademiya na perelome ehpoh. 1884–1921 gg.: dis... kand. ist. nauk* [Kazan theological Academy at the turn of epochs. 1884-1921.: dis... Cand. Hist. Sciences]. M. 1999; Geraci. Robert Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. USA. 2001. P. 91.
9. Mashanov M. A. *Zametka o religiozno-nravstvennom sostoyanii kreshchenyh tatar Kazanskoj gubernii Mamadyshskogo uezda* [Note on religious and moral state of the baptized Tatars of the Kazan province Mamadyshsky uyezd]. Kazan. 1875. Also him. *Ocherk byta arabov v ehpohu Muhammeda, kak vvedenie k izucheniyu islama* [The essay about life of Arabs in the era of Muhammad, as an introduction to the study of Islam]. Kazan. 1885. Also him. *Evropejskie hristiane na musul'manskom Vostoke* [European Christians in the Muslim East]. Kazan. 1889.
10. Also him. *Obzor deyatel'nosti Bratstva svyatitelya Guriya za dvadcat' pyat' let ego sushchestvovaniya. 1867–1892 gg* [An overview of the activities of the brotherhood of St. Gurii for twenty-five years of its existence. 1867-1892]. Kazan. 1892.
11. *Otchet o deyatel'nosti Bratstva svyatitelya Guriya za 25 god* – A report on the activities of the brotherhood of St. Gurii for 25 year. Kazan. 1893. P. 34.
12. Nikolskiy N. V. *Perevodcheskaya komissiya v Kazani i ee prosvetitel'naya deyatel'nost' sredi inorodcev* [Translation Commission in Kazan and its educational work among the natives]. Kazan. 1905. P.9.
13. Ivanov S. N. N. F. Katanov. *Ocherk zhizni i deyatel'nosti: dis. ... kand. ist. nauk* [N. F. Katanov. Sketch of the life and activity: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. M. 1973. P. 70.
14. Ivanovskiy N. I. *Bratstvo Svyatitelya Guriya i harakter ego deyatel'nosti* [Brotherhood of St. Gurii and the nature of its activity] // *Pravoslavnyj sobesednik* – The Orthodox interlocutor. 1903, June, p. 741.
15. See eg.: Kononov A. N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii: dooktyabr'skoj period* [History of the study of Turkic languages in Russia: pre-revolutionary period]. L. 1982. P. 152; Khabibullin A. A. *Izuchenie istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v Obshchestve arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. 1876–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Study of the history of the peoples of the Middle Volga and Urals in the Society of archeology, history and Ethnography at Kazan University. 1876-1917.: dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Kazan. 1979. P. 8.
16. Valeev R. M. *Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie. XIX v. – 20-e gg. XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Kazan Oriental studies: origins and development. XIX – 20-ies of XX centuries: dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Kazan. 1999. Pp. 289-290.
17. Khabibullin A. A. *zuchenie istorii narodov...* [The study of the history of Nations...] P.8.
18. Gorokhov V. M. *Reakcionnaya shkol'naya politika carizma v otnoshenii tatar Povolzh'ya* [School reactionary policy of tsarism against the Tatars of the Volga region]. Kazan. 1941. Pp. 81-82.
19. NA TR. F. 967. Sh. 1. File 22. *SHkoly Bratstva svyatitelya Guriya v nyneshnem ih sostoyanii* [Schools of the Brotherhood of St. Gurii in their present condition]. Sh.l. 1-5 turn.
20. Ibid. Sh.l. 1 turn, 2, 3, 5.
21. Mashanov M. A. *Sovremennoe sostoyanie tatar-muhammedan i ih otnoshenie k drugim inorodcam* [The current state of the Tatars-muhammedans and their attitude to other foreigners]. Kazan. 1910. P.3.
22. Op. cit. P.5.

Лютеране Среднего Поволжья и Приуралья в 1855–1881 гг.: взаимоотношения с региональными властями и православным духовенством

В статье рассмотрено положение Евангелическо-лютеранской церкви в Среднем Поволжье и Приуралье в годы правления императора Александра II. Автор проанализировал правовой статус лютеран, а также их место в центральных и региональных органах управления. Кроме того, выявлена роль лютеран в экономическом развитии региона. По мнению автора, сильные позиции лютеран в государственных органах Российской империи, их полная лояльность светским властям, а также толерантное отношение к Православной церкви делали положение Евангелическо-лютеранской церкви не просто устойчивым, но и привилегированным среди других неправославных конфессий.

In the article the position of the Evangelical Lutheran Church in the Middle Volga and Urals region during the reign of Emperor Alexander II. The author has analyzed the legal status of Lutherans and their place in the Central and regional governing bodies. In addition, the role of Lutherans in the economic development of the region. According to the author, the strong position of the Lutherans in the state bodies of the Russian Empire, their total loyalty to the secular authorities, as well as a tolerant attitude towards the Orthodox Church, made the position of the Evangelical Lutheran Church is not just sustainable, but preferred amongst non-orthodox denominations.

Ключевые слова: Вятская губерния, Евангелическо-лютеранская церковь, конфессиональная политика, региональные органы власти, православное духовенство.

Keywords: Vyatka province, Evangelical Lutheran Church, confessional politics, regional authorities, the Orthodox clergy.

В годы правления императора Александра II на территории Среднего Поволжья и Приуралья проживали представители различных неправославных христианских конфессий, в частности лютеране. Их взаимоотношения с российскими органами государственной власти имели свою специфику, существенно отличаясь от взаимоотношений властей с другими западными христианами, например с католиками.

Лютеранство, возникшее в Германии в первой четверти XVI в., уже в годы царствования Ивана Грозного стало проникать в Россию. Первые лютеранские религиозные общины создали пленные прибалтийские немцы, оказавшиеся во внутренних районах России в период Ливонской войны 1558–1583 гг. [1] Так, в 1575 г. была построена первая лютеранская кирха в Москве [2], чуть позднее (1580 г.) возникла лютеранская община в Нижнем Новгороде [3]. В XVII в. немногочисленные лютеранские общины в России состояли, главным образом, из предпринимателей, приезжавших в нашу страну с территории германских земель, а также Швеции. В Петровскую эпоху к ним добавились иностранные специалисты (военные, дипломаты, инженеры, архитекторы, скульпторы и пр.), приглашённые первым российским императором и много сделавшие для социально-экономического и культурного развития России. В годы царствования Анны Иоанновны («Бироновщина») усилился приток остзейских немцев, занявших ряд значимых государственных постов.

Однако можно согласиться с выводом таких признанных специалистов, как О. А. Лиценбергер и О. В. Курило, полагавших, что массовый приток немцев-лютеран в нашу страну начался лишь в период правления Екатерины Великой. 22 июля 1763 г. был принят манифест, разрешавший немецким колонистам свободно переселяться в нашу страну и предоставлявший им различные льготы (освобождение от рекрутской повинности, налоговые преференции, гарантии религиозной свободы и пр.) [4]. В результате лишь за период с 1764 по 1774 г. в России (главным образом в Нижнем Поволжье) было создано свыше 100 немецких колоний [5]. В последующие годы эта цифра продолжила расти, а доля немцев в общей численности населения империи к 90-м гг. XVIII в. достигла, по оценке О. В. Курило, 0,6% [6].

Переселению немцев в Россию способствовали не только многочисленные льготы, предоставляемые колонистам, но и острый дефицит земли в германских землях и Австрии. Между тем в районах немецкой колонизации (Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье и пр.) в данный

хронологический период имелось огромное количество свободной и достаточно плодородной пахотной земли. Наконец, переселению некоторых групп немецких протестантов способствовало и то, что у себя на родине они зачастую испытывали различные дискриминационные ограничения по религиозному признаку.

Создание немецких колоний продолжилось и в XIX в. Так, в годы царствования Александра I было основано ещё 134 новых колонии в южных районах современной Украины, 17 колоний на территории Бессарабии и восемь – в Крыму [7]. После присоединения к России Закавказья немецкие поселения стали возникать и в пригодных для земледелия районах Азербайджана и Грузии. К концу XIX в. их колонии также функционировали в южных районах Сибири, в Казахстане и Средней Азии.

Прибывшие в Россию немецкие колонисты отличались достаточно сложным религиозным составом. Выходцы из Австрии и южногерманских земель являлись, в основном, католиками. Однако в общей массе немецких колонистов всё же преобладали протестанты, главным образом приверженцы Евангелическо-лютеранской церкви. Согласно подсчётам О. В. Курило, сделанным на основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., из почти 1,8 млн немцев, живших на территории нашей страны, 1 млн 361 тыс. чел. (76%) исповедовали лютеранство, в то время как католиками являлись всего 242 тыс. чел. (13,5%) [8].

Взаимоотношения лютеран с российскими органами власти изначально складывались куда менее конфликтно и драматично, чем отношения последних с Римско-католической церковью. Основная причина этого заключается в том, что Евангелическо-лютеранская церковь всегда демонстрировала полную лояльность в отношении светской власти и Русской православной церкви. Если Римско-католическая церковь на протяжении многих веков рассматривала православных как схизматиков и использовала различные методы (от поддержки прямой военной экспансии до тайной миссионерской проповеди) для утверждения здесь, то лютеране никогда не пытались развернуть в России масштабную пропаганду своего вероучения. После разделов Речи Посполитой и вхождения основных польских земель в состав Российской империи именно Костёл (наряду со шляхтой) стал одной из важнейших опор польского национально-освободительного движения. Католическое духовенство в западных регионах империи приняло самое деятельное участие в восстаниях 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., не только призывая свою паству пополнить ряды партизанских отрядов, но, зачастую, непосредственно командуя ими. Польское католическое духовенство во внутренних областях страны, включая Среднее Поволжье и Приуралье, занимало более осторожную позицию, тем не менее также демонстрировало различные формы сочувствия польским патриотам. Немецкие же лютеранские пасторы либо проявляли полную лояльность к власти, либо демонстрировали политическую индифферентность.

Усилению противоречий между российской властью и Римско-католической церковью способствовали разные концептуальные подходы к оценке характера государственно-церковных отношений. Традиционное стремление Костёла к независимости от светской власти, а иногда и возвышения над ней явно шло вразрез с этицистскими представлениями российских самодержцев. Что касается Евангелическо-лютеранской церкви, то она, отстаивая свою независимость в делах веры, проявляла значительно большую, чем католики, склонность к сотрудничеству с российскими властями в других вопросах.

На взаимоотношения с государством с лютеранами накладывал отпечаток и внешнеполитический фактор. Несмотря на ряд военных конфликтов с протестантскими государствами (Северная война со Швецией, Семилетняя с Пруссией и пр.), в целом взаимоотношения с ними были значительно стабильнее, чем с католическими странами. Также необходимо учитывать тот факт, что в XVIII–XIX вв. супругами российских императоров чаще всего становились немки, которые до приезда в Россию и принятия православия, исповедовали лютеранство. Одна из них – Екатерина II – вошла в число наиболее деятельных и результативных правителей России за всю её более чем тысячелетнюю историю.

На устойчивость и стабильность положения Евангелическо-лютеранской церкви в России огромное влияние оказывал и тот фактор, что лица лютеранского вероисповедания в XVIII–XIX вв. составляли значительный процент среди чиновников правительственного аппарата и управленцев регионального уровня, а также среди представителей экономической и культурной элиты страны.

Лютеране имели очень серьёзные и прочные позиции во всех звеньях российской властной вертикали и в рассматриваемый хронологический период. Об этом свидетельствуют цифры, приводимые таким выдающимся советским исследователем, как П. А. Зайончковский. Так, в 1853 г. из 55 членов Государственного совета лютеранами являлись 9 чел. (16,4%) [9]. Среди них были такие известные государственные деятели, как главноуправляющий путями сообщения и пуб-

личными зданиями П. А. Клейнмихель и министр иностранных дел К. В. Нессельроде. Схожая ситуация была и в Сенате, где из 113 сенаторов лютеранами являлись 12 чел. (10,6%) [10].

Что касается правительства, то в 1853 г. из 18 членов Кабинета министров лютеранами являлись двое (11,1%), а из 46 заместителей (товарищей) министров и директоров департаментов лютеранство исповедовали 7 чел. (15,2%) [11]. Из известных государственных деятелей эпохи правления Николая I, происходивших из лютеранских семей, можно назвать начальника Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии А. Х. Бенкендорфа, министра финансов Е. Ф. Канкрин, министра народного просвещения К. А. Ливена и др. Среди министров правительства Александра II лютеранином был министр финансов М. Х. Рейтерн. Любопытно, что сложилась своеобразная политическая традиция передачи поста главы российского финансового ведомства выходцам из лютеранских семей. Так, в годы царствования Александра III пост министра финансов занимал Н. Х. Бунге.

Чрезвычайно прочные позиции лютеране занимали во внешнеполитическом ведомстве. В 1853 г. из 19 российских послов и чрезвычайных посланников лютеранами являлись 9 чел. (47,4%). По численности их было столько же, сколько и православных. Ещё один российский посол по вероисповеданию являлся адептом Римско-католической церкви [12].

Наконец, лютеране были существенно представлены среди руководства российских регионов. Согласно данным П. А. Зайончковского, в 1853 г. из 48 губернаторов, чьи формулярные списки сохранились [13], лютеранами были 9 чел. (8,7%) [14]. Среди губернаторов-лютеран, осуществлявших свои полномочия в начале царствования Александра II, был и вятский губернатор Михаил Карлович Клингенберг [15]. В 1896–1901 гг. пост руководителя Вятской губернии будет занимать его сын – Николай Михайлович Клингенберг [16], однако по формулярным спискам он уже числился как православный.

Лютеране занимали и другие важные посты в губернских администрациях. В 1853 г. из 34 вице-губернаторов, чьи формулярные списки сохранились, лютеранами являлись 2 чел. (5,9%) [17]. Ещё более существенно лютеране были представлены в главных финансовых органах губерний – казённых палатах, подчинявшихся Министерству финансов России. В 1853 г. из 49 председателей казённых палат лютеранство исповедовали 8 чел. (16,3%) [18].

Другим важным региональным органом управления являлась палата государственных имуществ. В 1853 г. в российских губерниях насчитывалось 45 управляющих данными органами, однако формулярные списки сохранились лишь у 25 из них. По вероисповеданию 20 управляющих являлись адептами Православной церкви, четыре – лютеранами, один – католиком [19].

Наконец, лютеране были весомо представлены в губернских судебных органах. В 1853 г. из 52 губернских и областных прокуроров (данные по которым дошли до нашего времени) лютеранами являлись 6 чел. (11,5%). Остальные инославные конфессии были представлены лишь одним католиком и одним адептом Армяно-григорианской церкви [20].

Устойчивому и прочному положению лютеран в России в немалой степени способствовало и то, что они составляли заметный слой среди представителей культурной и научной элиты страны. Назовём лишь некоторых из них, чьи заслуги перед страной являются поистине огромными. Из российских литераторов-лютеран можно отметить выдающегося писателя и просветителя Д. И. Фонвизина, поэта А. А. Фета, лексикографа и создателя «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и др. [21] Выходцами из лютеранских семей были создатель знаменитого православного храма Христа Спасителя в Москве К. А. Тон и автор проекта Мариинского дворца в Петербурге А. И. Штакеншнейдер. Свою лепту в украшение имперской столицы внёс скульптор П. К. Клод, также являвшийся лютеранином [22].

Лютеранами были выдающиеся российские путешественники И. Ф. Крузенштерн и Ф. П. Литке, физики Б. С. Якоби и Э. Х. Ленц, медики К. А. Шенк и Э. И. Эйхсвальд, педагог и родоначальник российской системы физической культуры П. Ф. Лесгафт и др. [23]

Правовой статус Евангелическо-лютеранской церкви до начала Петровской эпохи не подвергался специальной регламентации. Сергей Васильевич Миненко, проанализировавший правовой статус инославных конфессий в России в XVI – первой половине XIX в., обращает внимание лишь на ряд положений Соборного Уложения 1649 г., посвящённых пребыванию иностранцев в России и затрагивавших, в том числе, и конфессиональные вопросы. Так, им было запрещено иметь в качестве прислуги и холопов лиц из числа православных христиан, а также вступать в брак (без присоединения к РПЦ) с православными верующими [24]. Естественно, что подобные ограничения были связаны с опасением прозелитизма инославных христиан среди материально или семейно зависимых от них лиц православного исповедания.

Мощный приток лютеран в Россию в XVIII в. Вынуждал имперские власти принимать нормативно-правовые акты, регламентирующие различные вопросы их жизнедеятельности. Так,

проблемы семейно-брачных отношений были рассмотрены в указе Святейшего Синода от 23 июня 1721 г. и в Синодальном послании от 18 августа 1721 г. [25] В этих документах впервые в российской истории были разрешены браки между православными и инославными христианами без обязательной смены веры последними. При этом российское законодательство сохраняло ряд дискриминационных ограничений в отношении инославных брачующихся. Браки между ними и православными могли венчаться лишь православным священнослужителем в православном храме. Статья 27 «Устава Духовных консисторий» вменяла в обязанность инославным супругам крестить своих детей в православной церкви и давать им православное воспитание.

В XVIII – начале XIX вв. издавались и другие нормативно-правовые акты, затрагивавшие правовой статус Евангелическо-лютеранской церкви в России. Однако следует согласиться с выводом О. А. Лиценбергер, полагавшей, что российское конфессиональное законодательство данного периода было несистематизированным и достаточно противоречивым. «...Религиозное законодательство XVIII – начала XIX в. Являлось бессистемным, состояло из разрозненных, не связанных между собой нормативных актов, часто включавших и судебные прецеденты. Указы правительства были полны коллизий и нарушений церковного права. Правовая база существования инославных церквей нуждалась в инкорпорации и консолидации», – отмечает Ольга Раапольевна [26].

Ситуация изменилась в годы правления императора Николая I, много внимания уделявшего развитию и совершенствованию российского законодательства, а также его кодификации. 23 декабря 1832 г. был принят Устав Евангелическо-лютеранской церкви, вошедший в так называемый «Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных» [27]. По мнению О. А. Лиценбергер, на данный документ оказали существенное влияние зарубежные церковные уставы, действовавшие в лютеранских странах, в частности Общий шведский церковный устав, Литургическое установление 1805 г. и Прусский церковный устав 1828 г. [28]

Устав Евангелическо-лютеранской церкви, принятый в 1832 г., оказался очень устойчивым правовым документом, действовавшим свыше 90 лет. Структурно данный нормативно-правовой акт состоял из 512 статей, разделённых на 11 глав [29]. Отдельную – 12-ю – главу составлял «Наказ духовенству и начальству Евангелическо-лютеранской церкви в империи».

Устав Евангелическо-лютеранской церкви закреплял достаточно стройную систему управления лютеранскими приходами в России. Центральным церковным органом являлась Генеральная евангелическо-лютеранская консистория, располагавшаяся в Петербурге. Согласно ст. 452 Генеральная консистория состояла из светского президента, духовного вице-президента, двух светских и двух духовных членов евангелическо-лютеранского исповедания [30]. Президент и вице-президент Генеральной консистории непосредственно назначались российским императором (ст. 453). Президенту и другим светским членам Генеральной консистории, а также сотрудникам её канцелярии (секретарь, контролёр, переводчик и пр.) присваивались классы должностей и разряды пенсий на основании «Уставов о службе гражданской» [31].

Компетенция Генеральной консистории была зафиксирована в ст. 460 Устава и сводилась, в основном, к осуществлению контрольных функций за деятельностью местных консисторий: «...Наблюдение за действиями консисторий и рассмотрение жалоб на консистории...; наблюдение за порядком управления и имуществами евангелическо-лютеранских церквей» и пр. [32]

Все лютеранские приходы, функционировавшие на территории Российской империи, были подчинены ведению местных лютеранских консисторий. На момент принятия Устава их было восемь: Петербургская, Лифляндская, Эстляндская, Курляндская, Московская, Эзельская, Рижская и Ревельская [33]. Как видим, шесть из восьми консисторий действовали на относительно небольшой территории Северной и Центральной Прибалтики, где проживали в основном эстонцы и латыши, а также остзейские немцы. Две оставшиеся консистории контролировали колоссальную территорию от Прибалтики до Аляски. В округ Петербургской евангелическо-лютеранской консистории входило большинство украинских губерний (Волинская, Подольская, Киевская, Екатеринославская и пр.), Бессарабия, а также северо-запад и север Европейской части России (Петербургская, Новгородская, Вологодская, Олонецкая, Архангельская и пр.). К ведению Московской консистории относились центральные губернии (Московская, Тверская, Калужская, Тульская, Владимирская и пр.), Сибирь и Закавказье, а также интересующий нас Волго-Уральский регион (в том числе Вятская, Казанская и Пермская губернии) [34].

Руководство региональных консисторий состояло из светского президента и духовного вице-президента. Последний в Петербургской и Московской лютеранских духовных консисториях именовался генерал-супер-интендентом [35]. Устав устанавливал жёсткую зависимость руководящих органов Евангелическо-лютеранской церкви в России от российской администрации. Так,

согласно ст. 436 президенты Петербургской и Московской консисторий назначались самим императором по представлению МВД, правда, министерство предварительно должно было запросить мнение Генеральной Евангелическо-лютеранской консистории. В ст. 437 был прописан порядок замещения мест светских и духовных заседателей в Петербургской и Московской консисториях. Согласно ему консистории предлагали на каждое вакантное место двух кандидатов, а МВД само утверждало одного из них [36].

Естественно, что устав требовал от лютеранского духовенства полной лояльности в отношении российских властей. Статья 432 предписывала, что «все высшие духовные сановники евангелическо-лютеранского исповедания, также проповедники и адъюнкты их, при вступлении в должность, а кандидаты духовенства при получении права проповедовать (*venia concionandi*) дают присягу на верность службы его императорскому величеству» [37]. Согласно ст. 143 лютеранское духовенство, помимо обычных церковных праздников, должно было отмечать дни рождения и тезоименинства императора и других царственных особ.

Также устав предписывал лютеранам демонстрировать уважительное отношение к другим признаваемым в России конфессиям и, особенно, к государственной Православной церкви (ст. 138). Лютеранам, как и всем другим неправославным конфессиям, был категорически воспрещён прозелитизм [38]. Правовая ответственность за нарушение данного положения была закреплена в российском уголовном законодательстве, в частности в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», изданном в 1845 г. [39]

Несмотря на различные правовые ограничения, закреплённые уставом в отношении Евангелическо-лютеранской церкви, в целом его принятие имело, несомненно, положительное значение для российских лютеран. Устав не только детально регламентировал взаимоотношения церкви с российскими органами власти, но и юридически закрепил её права (в духовной, рааальственной и других сферах), которые государство обязывалось соблюдать. Современные российские исследователи подчёркивают, что устав ставил Евангелическо-лютеранскую церковь в особое положение среди всех инославных конфессий империи. «Принятие и утверждение Устава Евангелическо-лютеранской церкви от 28 декабря 1832 г. укрепило особое положение лютеранского исповедания среди других неправославных христианских конфессий в России. В соответствии с новым законом лютеранство становилось не только официально «терпимой» рааальацией в империи, но и официальной церковной организацией, получившей государственный статус наряду с православием», – отмечает П. Г. Ткаченко [40].

Устойчивость положения Евангелическо-лютеранской церкви и её особый статус среди российских неправославных христиан чётко прослеживаются не только на общеимперском, но и на региональном уровне, в том числе на примере лютеранских общин Среднего Поволжья и Приуралья.

Первые лютеране появились на территории рассматриваемого региона ещё в конце XVI в. Мы уже упоминали о лютеранской общине Нижнего Новгорода (состоявшей из пленных шведов), являвшейся одним из первых лютеранских религиозных объединений в России. Руководитель нижегородских лютеран – пастор Скультет – неоднократно приезжал в Казань с целью духовного окормления живших здесь единоверцев [41]. Однако до начала петровских преобразований численность лютеран в рассматриваемом регионе была незначительной. Её заметное увеличение на протяжении всего XVIII в. связано, в первую очередь, с активным экономическим развитием региона, в частности с освоением природных богатств Урала. Лютеране фактически стояли у истоков развития местной горнорудной промышленности. Можно назвать имена лишь некоторых иностранных специалистов-лютеран, сыгравших огромную роль в хозяйственном освоении Урала: Самуэль Асман, Иоганн фон Баннер, Иоганн Фридрих Блюэр, Вильгельм Генрих Штифт и др. [42]

Помимо инженеров, связанных с горнорудной промышленностью, в Среднее Поволжье и Приуралье прибывали и другие специалисты, обладавшие высокой квалификацией. Так, в 1791 г. в Перми поселился сын лютеранского пастора Ф. Х. рааль, имевший хорошее медицинское образование. Впоследствии он станет губернским врачом (1799 г.) и заведующим Пермской городской больницей [43]. Значительный вклад в развитие системы народного образования внесли сёстры Циммерман, открывшие в Перми частную мужскую гимназию [44].

Квалифицированные специалисты-лютеране играли важную роль в социально-экономическом и культурном развитии региона и в XIX в. Так, серьёзный вклад в экономику Урала внёс горный начальник Пермских заводов Ф. И. Фелькнер, открывший в 1845 г. Кушайское месторождение серного и медного колчедана [45].

В XIX в. лютеране были весомо представлены во всех звеньях регионального управления в Среднем Поволжье и Приуралье. Помимо упомянутого вятского губернатора М. К. Клингенберга можно также назвать пермского губернатора К. Ф. Модераха, председателя Пермской палаты

уголовного суда, статского советника фон Галлера и др. Наличие единоверцев самого высокого ранга в губернских властных структурах также делало положение местных лютеранских общин устойчивым и стабильным.

Казанская, Пермская и Вятская губернии административно относились к Московскому лютеранскому консисторскому округу. К началу рассматриваемого хронологического периода во всех трёх губерниях сложились относительно немногочисленные, но влиятельные лютеранские общины. В 1860 г. в Казанской губернии насчитывалось 534 лютеранина [46], в Вятской губернии – 116 чел. [47] Пермская губерния по данному показателю занимала промежуточное положение между Казанской и Вятской: в 1862 г. здесь проживал 291 лютеранин [48].

В середине XIX в. в трёх названных губерниях функционировала лишь одна лютеранская кирха – в Казани. Начало её строительства относится к 1767 г., когда город посетила императрица Екатерина II [49]. Место для постройки лютеранского храма было выделено в центральной части города (Покровская улица), в непосредственной близости от Казанского кремля. Строительные работы велись около четырех лет и были завершены к 1771 г. [50] Однако судьба этого храма оказалась достаточно печальной: в 1774 г. при штурме Казани войсками Е. И. Пугачёва кирха была сожжена, а настоятель храма – пастор Витнобен – был взят в плен [51]. После подавления крестьянской войны лютеранскую кирху Казани восстановили (1777 г.), и она стала приходским храмом не только для постоянно живших в городе лютеран, но и для проходивших здесь военную службу рекрутов и офицеров-протестантов [52].

К началу правления Александра II построенный в 70-х гг. XVIII в. храм сильно обветшал и уже не вмещал всех членов сильно увеличившейся общины. В такой ситуации верующие приняли решение о строительстве новой, более вместительной церкви. Соответствующий проект был подготовлен известным казанским архитектором Л. К. Хрщоновичем, являвшимся прихожанином местного римско-католического костёла. Устав Евангелическо-лютеранской церкви предполагал согласование данного вопроса с российскими властями [53], и здесь не возникло никаких проблем. План возведения новой кирхи был поддержан сначала муниципальными властями Казани, а затем губернской строительной и дорожной комиссией и, наконец, губернатором, после чего проект направили на рассмотрение имперских властей. Пройдя через Главное управление путей сообщения и публичных зданий, проект был представлен Александру II, который 4 мая 1861 г. окончательно утвердил его [54].

Перед началом строительства была составлена сметная документация, согласно которой общая стоимость проекта оценивалась в 11 175 руб. [55] Большую часть необходимых средств собрали сами казанские лютеране, ещё 2 тыс. руб. выделил Центральный комитет вспомогательной кассы [56]. Однако после того как застройщик приступил к реализации проекта, возник ряд обстоятельств, которые вынудили скорректировать смету в сторону удорожания. На территории лютеранского квартала помимо кирхи располагались и другие постройки, в частности школа, открытая ещё в 1782 г. [57] Проект, утверждённый властями, предполагал возведение лишь храма, однако выяснилось, что здание школы и пастората также нуждаются в капитальном ремонте и перестройке. В силу этого одновременно со строительством кирхи стали осуществляться работы по реконструкции других зданий, принадлежавших лютеранской общине. Естественно, что всё это потребовало дополнительных расходов: к концу 1863 г. вместо запланированных 11 175 руб. казанские лютеране израсходовали 12 645 руб. [58] В результате кирху построили и торжественно осветили 1 декабря 1863 г., однако строительные и отделочные работы в других постройках так и не были завершены.

В такой ситуации Совет казанской лютеранской церкви и пастор Пётр Пундани были вынуждены обратиться к властям с просьбой об оказании материальной помощи. В обращении к временному генерал-губернатору Казанской, Пермской и Вятской губерний А. Е. Тимашеву они просили выделить им 3 тыс. руб., подчёркивая, что «строительство не может быть окончено без особого от города вспомоществования, потому что эта постройка истощила последние источники... лютеранского прихода» [59].

Региональные власти с сочувствием отнеслись к данному ходатайству. Казанский губернатор М. К. Нарышкин, поддерживая просьбу лютеран, отметил, что «местный евангелическо-лютеранский дивизионный проповедник никогда не пользовался предоставленным ему по закону правом требовать от города помещения, отопления, освещения, ибо всё это он получает от своего прихода» [60].

Скорее всего, центральные власти также поддержали бы обращение казанских лютеран, если бы во времени оно не совпало с польским восстанием 1863–1864 гг. Подавление мощного вооружённого выступления на западе империи потребовало дополнительных финансовых расходов, что ухудшило и без того непростое положение российской казны. В такой ситуации ми-

нистр внутренних дел П. А. Валуев был вынужден отказать в выделении казанским лютеранам государственного пособия на завершение строительных работ [61]. Последним пришлось самим изыскивать дополнительные средства.

Несмотря на данный случай, в целом как центральные, так и региональные власти вполне благожелательно относились к постройке лютеранами культовых сооружений. Из пяти лютеранских церквей, действовавших в Вятской, Казанской и Пермской губерниях на момент свержения самодержавия, три были построены и одна капитально перестроена именно в годы правления Александра II. В 1864 г. по проекту архитектора Карла Боссе была возведена церковь св. Марии в Перми [62]. В 1872 г. кирха появилась в Ижевске [63], где жило много немцев, работавших на местных промышленных предприятиях. Наконец, 1873 г. лютеранский храм св. Петра украсил Екатеринбург [64]. При этом в ряде случаев государство напрямую финансировало строительство протестантских культовых сооружений. Ижевский исследователь Е. Ф. Шумилов отмечает, что местный лютеранский храм был построен на пособие от казны [65].

Российская администрация помогала лютеранам Среднего Поволжья и Приуралья в решении различных проблем, связанных с функционированием их религиозных объединений. Одной из них являлась кадровая проблема, заключавшаяся в нехватке пасторов для местных приходов. Дело в том, что выпускники богословского факультета Дерптского университета (а именно здесь получало высшее богословское образование большинство российских лютеранских пасторов) не особо стремились ехать в восточные регионы империи, предпочитая приходы в Прибалтике или в немецких колониях на Нижней Волге. В рассматриваемый хронологический период лишь в Казани и Екатеринбурге вопрос с настоятелями не стоял остро, да и то в основном благодаря тому, что местные пасторы работали здесь длительные сроки и не возникало потребности в их замене. Так, казанский пастор Пётр Пундани служил с 1848 по 1881 г. [66] В других городах региона, где имелись лютеранские объединения, место пастора очень часто оставалось вакантным из-за отсутствия желающих его занять. Подобная проблема была в Перми, где с 1864 г. имелся собственный лютеранский храм, но службы в нём часто проводили пасторы, приезжавшие из Екатеринбурга [67]. Аналогичная ситуация была в губернской Вятке, где до начала XX в. службы осуществлял казанский пастор, приезжавший один-два раза в год [68]. До постройки кирхи регулярно возникали трудности с замещением должности лютеранского проповедника на Камско-Ижевских заводах.

Для обеспечения нормального функционирования лютеранских приходов центральные и региональные власти оказывали Московской евангелическо-лютеранской консистории (в ведении которой находились лютеране Среднего Поволжья и Приуралья) необходимую административную и финансовую поддержку. В сентябре 1858 г. министр внутренних дел С. С. Ланской получил обращение руководства консистории, просившего помочь с закрытием вакантного места проповедника на Камско-Ижевских заводах [69]. Эта должность в течение восьми лет (1850–1858 гг.) была свободной ввиду отсутствия желающих занять её. Между тем, согласно данным Вятского губернского статистического комитета, в 1855 г. в одном лишь Сарапульском уезде насчитывалось 72 лютеранина [70], которые в течение длительного времени не могли нормально исполнять свой религиозный долг. После долгих поисков консистории удалось найти подходящего кандидата – выпускника богословского факультета Дерптского университета Николая Шпрекельсена. Однако последний соглашался на переезд в Ижевск лишь при условии возмещения всех его транспортных расходов.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, зная о проблемах ижевских лютеран, согласился с подобным условием. В результате для переезда из Ревеля в Ижевск пастору Н. Р. Шпрекельсену было выделено 210 руб. прогонных денег [71]. Поскольку Ижевский оружейный завод, где работало большинство местных лютеран, относился к ведению Военного министерства, его руководитель Н. О. Сухозанет предписал правлению завода выплачивать пастору жалование от казны. За период с октября 1858 г. по июль 1859 г. Шпрекельсен получил 253 руб. 36 коп. [72] Для сравнения отметим, что среднегодовая заработная плата мастерового на заводе колебалась от 125 до 400 руб. в зависимости от специальности [73].

В годы царствования Александра II региональные власти не препятствовали преподавательской деятельности пасторов среди детей лютеранского вероисповедания. Так, настоятель кирхи св. Екатерины Петр Пундани преподавал Закон Божий ученикам-лютеранам в трёх мужских гимназиях Казани, а также в женской Мариинской гимназии [74]. В случае возникновения проблем в данной сфере губернские чиновники, руководители образовательных учреждений, а также попечитель Казанского учебного округа оказывали местным лютеранам содействие в их решении (подбор специалистов, выделение им жалования и пр.) [75].

Взаимоотношения лютеран с православным духовенством всегда оставались достаточно ровными и стабильными, поскольку лютеранское духовенство подчёркнуто благожелательно

относилось к православному клиру и не предпринимало никаких попыток миссионерского воздействия на их прихожан, тем более что это было запрещено законодательством. Православная церковь в Среднем Поволжье и Приуралье также вполне терпимо относилась к лютеранам, не испытывая к ним (в отличие от католиков) никаких предубеждений. Сказанное, впрочем, не означало отказа православных священников от миссионерской работы среди лютеран. Случаи перехода из лютеранства в православие имели место во всех губерниях рассматриваемого региона, однако никогда это явление не носило массового характера. Наибольшую склонность к смене веры проявляли женщины-лютеранки, вышедшие замуж за православных, либо, напротив, одинокие [76], а также офицеры русской армии и чиновники губернских администраций [77]. Чаще всего в православие переходили бывшие лютеране, жившие в уездах, где не только не было лютеранских храмов, но и редко бывали пасторы из губернских центров.

При работе с фондами девяти центральных и местных архивов нами была выявлена лишь одна конфликтная ситуация между православными и лютеранами, да и та оказалась связана скорее с экономическими, а не религиозными мотивами. 18 августа 1858 г. протоиерей кафедрального Благовещенского собора Казани Виктор Вишневский сообщил архиепископу Казанскому и Свияжскому Афанасию о том, что жители Казани для похорон своих усопших родственников предпочитают арендовать катафалк у местных лютеран, а не в православном храме. Доложив об этом, о. Виктор просил владыку использовать административный ресурс для решения возникшей проблемы: «Находя неприличным, чтобы православные христиане заимствовали для себя что-либо из иноверческих храмов, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Преосвященство снестись с начальником губернии, дабы... воспретить заведующему лютеранской кирхой отпускать оный катафалк православным жителям Казани» [78].

Любопытно, что казанский губернатор П. Ф. Козлянинов в данном конфликте встал на сторону лютеран, а не православных, понимая, что клир Благовещенского собора пытается использовать гражданскую власть для устранения конкурентов в сфере оказания возмездных услуг. «По сделанной мною справке оказалось, что устроенные при кафедральном соборе два катафалка отпускаются желающим на перевоз умерших на кладбище, новый – за плату от 14 до 18 руб., старый – от 10 до 12 руб. Принадлежащие же лютеранской кирхе даются: новый – за 6 руб., старый – за 5 руб. В этом, вероятно, и заключается главная причина того, что большая часть жителей Казани берёт катафалк из лютеранской кирхи. Что же касается воспрещения заведующему лютеранской кирхой отпускать принадлежащие оной катафалки жителям Казани православного исповедания, то, не имея никакого законного указания на этот предмет, я не считаю себя вправе сделать данного распоряжения», – писал губернатор в ответе на запрос архиепископа Афанасия [79].

Таким образом, политика российских властей в отношении Евангелическо-лютеранской церкви в годы правления Александра II значительно отличалась от конфессионального курса по отношению к католикам. Жёсткие репрессии против Костёла в западных регионах империи и пристальный контроль за ним на востоке страны объяснялись, в первую очередь, активным участием католического духовенства в польском национально-освободительном движении или сочувствием к нему. Что же касается немецких лютеранских пасторов, то они, в отличие от польских ксёндзов, не только не являлись носителями сепаратистских идей, но и не принимали особого участия в общественно-политической жизни. Постоянно подчёркивая лояльное отношение к российским властям и Православной церкви, лютеранские пасторы в немалой степени способствовали формированию позитивного образа Евангелическо-лютеранской церкви как наиболее законопослушной из всех неправославных религиозных организаций. Привилегированному положению лютеран среди инославных христиан содействовало и то, что представители данной конфессии составляли заметный процент среди чиновников высших и центральных органов управления Российской империи, а также среди предпринимательской и культурной элиты страны.

Конфессиональный курс региональных властей в отношении лютеран Среднего Поволжья и Приуралья в целом соответствовал общеимперской религиозной политике. Несмотря на свою малочисленность немцы-лютеране региона занимали важную социальную нишу. Этому способствовали такие факторы, как лидирующие позиции лютеран в уровне грамотности, а также принадлежность многих их представителей к привилегированным сословиям. Благодаря указанным факторам лютеране были весомо представлены в губернских органах управления, а также среди руководства и инженерно-технического состава ряда крупных промышленных предприятий Приуралья (например, Ижевского оружейного завода).

Заинтересованность региональных властей в сохранении партнёрских отношений с местными лютеранскими религиозными объединениями проявлялась в том, что они содействовали им в строительстве новых кирх, а также в решении различных проблем, с которыми приходилось

сталкиваться общинам (привлечение в приходы новых пасторов, религиозное образование детей и пр.). Лояльное отношение как центральных, так и местных властей к лютеранам Среднего Поволжья и Приуралья позволяло им свободно функционировать среди иноверного и иноязычного окружения, не испытывая никаких серьезных дискриминационных ограничений, за исключением права миссионерской деятельности.

Примечания

1. *Титова Т. А.* Роль немецкой общины Республики Татарстан в реконструкции духовных традиций // Диаспоры Урало-Поволжья: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2005. С. 104.
2. *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. С. 26.
3. Немцы в России: Историко-документальное издание / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 2004. С. 184.
4. *Курило О. В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.). М., 2002. С. 78.
5. *Брук С. И., Смирнова Т. Б.* Немцы // Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М., 1994. С. 247.
6. *Курило О. В.* Указ. соч. С. 78.
7. *Брук С. И., Смирнова Т. Б.* Указ. соч. С. 247.
8. *Курило О. В.* Указ. соч. С. 82.
9. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 130.
10. *Там же.* С. 138–139.
11. *Там же.* Указ. соч. С. 140.
12. *Там же.* Указ. соч. С. 141.
13. Всего в России в 1853 г. насчитывалось 58 губернаторов, однако в силу плохой сохранности документов П. А. Зайончковскому были доступны формулярные списки лишь 48 из них.
14. *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 152.
15. *Трушков С. А.* Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. Киров, 2003. С. 118.
16. *Судовиков М. С.* Губерния Вятская: исторические очерки. Киров, 2006. С. 13.
17. *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 161.
18. *Там же.* С. 163.
19. *Там же.* С. 166.
20. *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 170.
21. *Барон Йозеф* (архиепископ). Российское лютеранство: история, теология, актуальность. СПб., 2011. С. 56.
22. *Там же.*
23. *Там же.*
24. *Миненко С. В.* Правовое положение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей в России в XVI – первой половине XIX в. (историко-правовой аспект): автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 21.
25. *Цыпин В.* (протоиерей). Курс церковного права. Клин, 2002. С. 568.
26. *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. С. 18.
27. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи (далее – СЗ РИ). Т. XI. Ч. 1.
28. *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М., 2003. С. 85.
29. СЗ РИ. Т. XI. Ч. 1. С. 31–129.
30. СЗ РИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 452.
31. *Там же.* Ст. 458.
32. *Там же.* Ст. 460.
33. *Там же.* Ст. 433.
34. СЗ РИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 434.
35. *Там же.* Ст. 418.
36. *Там же.* Ст. 436, 437.
37. СЗ РИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 432.
38. *Миненко С. В.* Правовое положение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей в России XVI – первой половине XIX в. (историко-правовой аспект): автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 23.
39. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1988. Т. 6. С. 211–221.
40. *Ткаченко П. Г.* Государственно-правовое регулирование деятельности Евангелическо-лютеранской и Реформатской церквей в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 180–187.

41. Титова Т. А. Роль немецкой общины Республики Татарстан в реконструкции духовных традиций // Диаспоры Урало-Поволжья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Ижевск, 2005. С. 104.
42. См. подробнее: Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. М., 2008; Глушков С. Ф. Крест Екатерины. Страницы истории лютеранства г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 2000.
43. Рерих Л. А. Краткая история лютеранства в Пермской области (XVI – начало XX века) // Религия в истории города Перми (до 1917 г.): материалы исторических слушаний, посвящённых 280-летию города Перми. Пермь, 2003. С. 40.
44. Там же.
45. Замечательные немцы Прикамья. Краткий биографический сборник о некоторых представителях российских немцев Прикамья / сост. В. Ф. Гладышев, Т. А. Дорош. Пермь, 2014. С. 9.
46. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 458–459.
47. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Л. 10.
48. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. С. 111.
49. История Казани в документах и материалах. XIX в. Кн. 2: Население, конфессии, благотворительность / под ред. И. К. Загидуллина. Казань, 2011. С. 466.
50. Титова Т. А. Роль немецкой общины Республики Татарстан в реконструкции духовных традиций // Диаспоры Урало-Поволжья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Ижевск, 2005. С. 104.
51. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 508. Л. 4.
52. История Казани в документах и материалах. XIX в. Кн. 2: Население, конфессии, благотворительность / под ред. И. К. Загидуллина. Казань, 2011. С. 466.
53. СЗ РИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 652.
54. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 508. Л. 1.
55. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 536. Л. 1.
56. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 508. Л. 10 об.
57. История Казани в документах и материалах. XIX в. Кн. 2: Население, конфессии, благотворительность / под ред. И. К. Загидуллина. Казань, 2011. С. 467.
58. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 536. Л. 1 об.
59. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 508. Л. 14 об.
60. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 536. Л. 3.
61. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 508. Л. 21 об.
62. Традиционные религии Прикамья. Пермь, 2002. С. 68.
63. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2004. С. 523.
64. Немцы в России: Историко-документальное издание / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 2004. С. 186.
65. Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX в. Ижевск, 2001. С. 41.
66. История Казани в документах и материалах. XIX в. Кн. 2: Население, конфессии, благотворительность / под ред. И. К. Загидуллина. Казань, 2011. С. 468.
67. Рерих Л. А. Указ. соч. С. 41.
68. ГАКО. Ф. 582. Оп. 17. Д. 776. Л. 1.
69. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1289. Л. 1.
70. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.
71. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1289. Л. 27.
72. Там же. Л. 51.
73. Шепталин А. А. Немцы в Удмуртии. Ижевск, 1993. С. 16.
74. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 14558. Л. 1, 5, 7, 9.
75. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11629. Л. 4; НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 14558. Л. 17–40 и пр.
76. ГАКО. Ф. 237. Оп. 14. Д. 2093. Л. 1; НАРТ. Ф. 4. Оп. 84. Д. 34. Л. 1; НАРТ. Ф. 4. Оп. 86. Д. 60. Л. 1 и пр.
77. ГАКО. Ф. 237. Оп. 6. Д. 208. Л. 1; НАРТ. Ф. 4. Оп. 86. Д. 87 и пр.
78. НАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5385. Л. 1 об.
79. НАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5385. Л. 6.

Notes

1. Titova T. A. *Rol' nemeckoj obshchiny Respubliki Tatarstan v rekonstrukcii duhovnyh tradicij* [Role of the German community of the Republic of Tatarstan in the reconstruction of the spiritual traditions] // *Diaspory Uralo-Povolzh'ya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Diaspora of Ural-Volga region: proceedings of the international scientific-practical conf.] Izhevsk. 2005. P. 104.
2. Litzenberger O. A. *Rimsko-katolicheskaya i Evangelicheskoye-lyuteranskaya cerkvi v Rossii: sravnitel'nyj analiz vzaimootnoshenij s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII – nachalo HKH vv.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Roman Catholic and the Evangelical Lutheran Church in Russia: a comparative analysis of the relationship between the state and the society (XVIII – beginning of XX centuries): abstract dis. ... Dr Hist. Sciences]. Saratov. 2005. P. 26.
3. *Nemcy v Rossii: Istoriko-dokumental'noe izdanie* – The Germans in Russia: Historical and documentary edition / resp. ed. G. I. Smagina. St. Petersburg. 2004. P. 184.
4. Kurylo O. B. *Lyuterane v Rossii (XVI–XX vv.)* [The Lutherans in Russia (XVI–XX centuries)]. M. 2002. P. 78.

5. Brooke S. I., Smirnova T. B. *Nemcy* [The Germans] // *Narody Rossii: ehnciklopediya* – Peoples of Russia: encyclopedia / chief ed. V. A. Tishkov. M. 1994. P. 247.
6. Kurylo O. B. Op. cit. P. 78.
7. Brooke S. I., Smirnova T. B. Op. cit. P. 247.
8. Kurylo O. B. Op. cit. P. 82.
9. Zaionchkovskii P. A. *Pravitel'stvennyj apparat samodержавnoj Rossii v XIX v.* [The machinery of Government of autocratic Russia in XIX]. M. 1978. P. 130.
10. Zaionchkovskii P. A. Op. cit. Pp. 138-139.
11. Zaionchkovskii P. A. Op. cit. P. 140.
12. Zaionchkovskii P. A. Op. cit. P. 141.
13. In Russia in 1853, there were 58 governors in total, but due to the bad preservation of documents formulary lists only of 48 of them were available to P. A. Zaionchkovskii.
14. Zaionchkovskii P. A. Op. cit. P. 152.
15. Trushkov S. A. *Administraciya i policiya Vyatskojgubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [The administration and the police of Vyatka province of the second half of XIX – early XX century] Kirov. 2003. P. 118.
16. Sudovikov M. S. *Guberniya Vyatskaya: istoricheskie ocherki* [Province of Vyatka: historical essays]. Kirov. 2006. P. 13.
17. Zaionchkovskii P. A. Op. cit. P. 161.
18. Ibid. P. 163.
19. Ibid. P. 166.
20. Zaionchkovskii P. A. Op. cit. P. 170.
21. Baron Joseph (Archbishop). *Rossijskoe lyuteranstvo: istoriya, teologiya, aktual'nost'* [Russian Lutheranism: history, theology, relevance]. St. Petersburg. 2011. P. 56.
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Minenko S. V. *Pravovoe polozhenie Rimsko-katolicheskoy i Evangelicheskoy-lyuteranskoj cerkvej v Rossii v XVI – pervoj polovine XIX v. (istoriko-pravovoj aspekt): avtoref. dis... kand. jurid. nauk* [Legal status of the Roman Catholic and Evangelical Lutheran churches in Russia in the XVI – first half XIX century (historical-legal aspect): abstract dis... Cand. Legal Sciences]. N. Novgorod. 2011. P. 21.
25. Tsylin V. (Archpriest). *Kurs cerkovnogo prava* [The course of ecclesiastical law]. Klin. 2002. P. 568.
26. Litzenberger O. A. *Rimsko-katolicheskaya i Evangelicheskoy-lyuteranskaya cerkvi v Rossii: sravnitel'nyj analiz vzaimootnoshenij s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII – nachalo HKH vv.): avtoref. dis... d-ra ist. nauk* [The Roman Catholic and the Evangelical Lutheran Church in Russia: a comparative analysis of the relationship between the state and the society (XVIII – beginning of XX centuries): abstract dis... Dr Hist. Sciences]. Saratov. 2005. P. 18.
27. The arch of establishments and charters of management of spiritual affairs of foreign confessions of the Christian and the ineverly // The code of laws of the Russian Empire (further – SZ RI). Vol. XI. Part 1. (in Russ.)
28. Litzenberger O. A. *Evangelicheskoy-lyuteranskaya cerkov' v rossijskoj istorii (XVI–XX vv)* [Evangelical Lutheran Church in the Russian history (XVI–XX centuries)]. M. 2003. P. 85.
29. SZ RI. Vol. XI. Part 1. Pp. 31-129.
30. SZ RI. Vol. XI. Part 1. Art. 452.
31. Ibid. Art. 458.
32. Ibid. Art. 460.
33. Ibid. Art. 433.
34. SZ RI. Vol. XI. Part 1. Art. 434.
35. Ibid. Art. 418.
36. Ibid. Art. 436, 437.
37. SZ RI. Vol. XI. Part 1. Art. 432.
38. Minenko S. V. *Pravovoe polozhenie Rimsko-katolicheskoy i Evangelicheskoy-lyuteranskoj cerkvej v Rossii XVI – pervoj polovine XIX v. (istoriko-pravovoj aspekt): avtoref. dis... kand. jurid. nauk* [The legal status of the Roman Catholic and Evangelical Lutheran churches in Russia in the XVI – first half XIX century (historical-legal aspect): abstract dis... Cand. Legal Sciences]. N. Novgorod. 2011. P. 23.
39. The code about criminal and corrective punishments of 1845 // Russian legislation of X–XX centuries. Moscow. 1988. Vol. 6. Pp. 211-221. (in Russ.)
40. Tkachenko P. G. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Evangelicheskoy-lyuteranskoj i Reformatskoj cerkvej v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vv.* [State-legal regulation of the activities of the Evangelical Lutheran and Reformed churches in the Russian Empire in XIX – early XX centuries] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and law sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2011, No. 5 (11), part IV, pp. 180-187.
41. Titova T. A. *Rol' nemeckoj obshchiny Respubliki Tatarstan v rekonstrukcii duhovnyh tradicij* [The Role of the German community of the Republic of Tatarstan in the reconstruction of the spiritual traditions] // *Diaspory Uralo-Povolzh'ya: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. – Diaspora Ural-Volga region: materials of Interregional scientific-practical conf.* Izhevsk. 2005. P. 104.
42. See more: Alekseev V. V., Gavrilov D. V. *Metallurgiya Urala s drevnejshih vremyon do nashih dnei* [Metallurgy of the Urals from ancient times to the present day]. M. 2008; Glushkov S. F. *Krest Ekateriny. Stranicy*

- istorii lyuteranstva g. Ekaterinburga* [Cross of Catherine. Pages from the history of Lutheranism in Yekaterinburg]. Ekaterinburg. 2000.
43. Rerikh L. A. *Kratkaya istoriya lyuteranstva v Permskoj oblasti (XVI – nachalo HKH veka)* [A brief history of Lutheranism in the Perm region (XVI – XX centuries)] // *Religiya v istorii goroda Permi (do 1917 g.): materialy istoricheskikh slushanij, posvyashchyonnyh 280-letiyu goroda Permi* – Religion in the history of the city of Perm (up to 1917): historical materials of the hearings devoted to the 280 anniversary of the city of Perm. Perm. 2003. P. 40.
44. Ibid.
45. *Zamechatel'nye nemcy Prikam'ya. Kratkij biograficheskij sbornik o nekotoryh predstaviteleyah rossijskikh nemcev Prikam'ya* – Wonderful Germans of Prikamye. Brief biographical collection of some of the representatives of the Russian Germans of Prikamye / comp. V. F. Gladyshev, T. A. Dorosh. Perm. 2014. P.9.
46. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Kazanskaya guberniya* – Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. The Kazan province / comp. M. Laptev. St. Petersburg. 1861. Pp. 458-459.
47. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 85.Sh. 10.
48. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Permskoj gubernii na 1863 g.* – Memorial book and address-calendar of the Perm province in 1863. Perm. 1862. P. 111.
49. *Istoriya Kazani v dokumentah i materialah. XIX v. Kn. 2: Naselenie, konfessii, blagotvoritel'nost'* – The history of Kazan in the documents and materials. The nineteenth century. Book 2: Population, confession, charity / under the editorship of I. K. Zagidullin. Kazan. 2011. P. 466.
50. Titova T. A. *Rol' nemeckoj obshchiny Respubliki Tatarstan v rekonstrukcii duhovnyh tradicij* [The Role of the German community of the Republic of Tatarstan in the reconstruction of the spiritual traditions] // *Diaspora Uralo-Povolzh'ya: materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf.* – Diaspora Ural-Volga region: materials of Interregion. scientific-practical conf.] Izhevsk. 2005. P. 104.
51. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 508. Sh. 4.
52. *Istoriya Kazani v dokumentah i materialah. XIX v. Kn. 2: Naselenie, konfessii, blagotvoritel'nost'* – The history of Kazan in the documents and materials. The nineteenth century. Book 2: Population, confession, charity / under the editorship of I. K. Zagidullin. Kazan. 2011. P. 466.
53. SZ RI. Vol. XI. Part 1. Art. 652.
54. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 508. Sh. 1.
55. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 536. Sh. 1.
56. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 508. Sh. 10 turn.
57. *Istoriya Kazani v dokumentah i materialah. XIX v. Kn. 2: Naselenie, konfessii, blagotvoritel'nost'* – The history of Kazan in the documents and materials. The nineteenth century. Book 2: Population, confession, charity / under the editorship of I. K. Zagidullin. Kazan. 2011. P. 467.
58. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 536. Sh. 1 turn.
59. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 508. Sh. 14 turn.
60. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 536. Sh. 3.
61. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 508. Sh. 21 turn.
62. *Tradicionnye religii Prikam'ya* – The traditional religion of the Kama region. Perm. 2002. P. 68.
63. *Istoriya Udmurtii: Konec XV – nachalo HKH veka* – The history of Udmurtia: the end of XV – beginning of XX century / ed. by K. I. Kulikov. Izhevsk. 2004. P. 523.
64. *Nemcy v Rossii: Istoriko-dokumental'noe izdanie* – The Germans in Russia: Historical and documentary edition / resp. ed. G. I. Smagina. St. Petersburg. 2004. P. 186.
65. E. F. Shumilov *Hristianstvo v Udmurtii. Civilizacionnye processy i hristianskoe iskusstvo. XVI – nachalo XX v.* [Christianity in Udmurtia. Civilizational processes and Christian art. XVI – beginning of XX century] Izhevsk. 2001. P. 41.
66. *Istoriya Kazani v dokumentah i materialah. XIX v. Kn. 2: Naselenie, konfessii, blagotvoritel'nost'* – The history of Kazan in the documents and materials. The nineteenth century. Book 2: Population, confession, charity / under the editorship of I. K. Zagidullin. Kazan. 2011. P. 468.
67. Rerikh L. A. Op. cit. P. 41.
68. GAKO. F. 582. Sh. 17. File 776. Sh. 1.
69. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 1289. Sh. 1.
70. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 9.
71. RGIA. F. 821. Sh. 5. File 1289. Sh. 27.
72. Ibid. L. 51.
73. Sheptulin A. A. *Nemcy v Udmurtii* [The Germans in Udmurtia]. Izhevsk. 1993. P. 16.
74. NART. F. 92. Sh. 1. File 14558. Sh. 1, 5, 7, 9.
75. NART. F. 92. Sh. 1. File 11629. Sh. 4; NART. F. 92. Sh. 1. File 14558. Sh. 17-40, etc.
76. GAKO. F. 237. Sh. 74. File 2093. Sh. 1; NART. F. 4. Sh. 84. File 34. Sh. 1; NART. F. 4. Sh. 86. File 60. Sh. 1, etc.
77. GAKO. F. 237. Sh. 6. File 208. Sh. 1; NART. F. 4. Sh. 86. File 87, etc.
78. NART. F. 4. Sh. 1. File 5385. Sh. 1 turn.
79. NART. F. 4. Sh. 1. File 5385. Sh. 6.

**У истоков политики Сдерживания:
Черноморские проливы как фактор напряжённости
внутри Большой тройки
на завершающем этапе Второй мировой войны.***

Статья посвящена одному из ключевых моментов во взаимоотношениях членов Большой тройки на заключительном этапе Второй мировой войны. Особое внимание уделяется истории двусторонних отношений между Анкарой и Москвой в контексте взаимоотношений турецкого правительства с Вашингтоном и Лондоном. Автор приходит к выводу, что истоки политики Сдерживания следует искать в развитии так называемого «Турецкого кризиса», когда попытки советского руководства в июне-июле 1945 г. пересмотреть условия Конвенции Монтрё и изменить в пользу СССР режим контроля над Черноморскими проливами привели к созданию условий для замены традиционного советско-английского соперничества по поводу Турции американо-советским, и превращения этой страны в важнейшего союзника Соединённых Штатов на Ближнем Востоке.

The article is devoted to one of the key moments in the relationship of members of the Big Three in the final stages of World War II. Particular attention is paid to the history of bilateral relations between Ankara and Moscow in the context of relations the Turkish government with London and Washington. Author comes to conclusions that the origins of the policy of Containment should be sought in the development of so-called «Turkish crisis», when as a result the attempts of the Soviet leadership in June-July 1945, to revise the terms of the Montreux Convention, and to change in favor of the USSR control regime the Black Sea straits, led to creating the conditions for the replacement of the traditional Soviet-British rivalries over Turkey's US-Soviet, and the transformation of the country's most important ally of the United States in the Middle East.

Ключевые слова: Конвенция Монтрё, Черноморские проливы, Турция, Госдепартамент.

Keywords: Montreux Convention, The Black Sea Straits, Turkey, Department of State.

Отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны касались различных проблем. Одной из наиболее острых был вопрос о режиме Черноморских проливов.

Традиционно Великобритания выступала против попыток России, а затем и СССР закрепиться в зоне Черноморских проливов. Но к 1945 г. политическая ситуация изменилась кардинальным образом. Теперь СССР имел ресурсы, для того чтобы занять господствующее положение в этом регионе, а Великобритания была его союзником по антигитлеровской коалиции и дала согласие на разделение сфер влияния на Балканах.

В октябре 1944 г. во время визита премьер-министра Великобритании в Москву Сталин поставил перед Черчиллем и Иденом вопрос об изменении Конвенции Монтрё. Черчилль тогда согласился с тем, что конвенция нуждается в пересмотре, но заметил при этом, что без участия американской стороны обсуждение этого вопроса преждевременно. Черчилль также поинтересовался у Сталина, есть ли у него конкретные предложения по изменению конвенции. Не получив прямого ответа, английский премьер предложил вернуться к этому вопросу позднее. После первой встречи Иден подготовил для Черчилля памятную записку, в которой указывал, что у Великобритании есть два важных преимущества, способствующих сохранению влияния в Юго-Восточной Европе: англо-турецкий союз и Проливы. Совпадение интересов Великобритании и Турции в вопросе о режиме Проливов является одной из опор этого союза, поэтому уступка советским требованиям подвергнет его опасности [1].

Британский комитет начальников штабов в июле 1944 г. также предостерегал своё правительство от принятия поспешных решений. По мнению военных, пересмотр конвенции угрожал интересам Великобритании. Генералы исходили из того, что СССР после войны будет доминировать над большей частью Европы и Азии и предпримет шаги, которые будут направлены на установление контроля над нефтяными месторождениями в Иране и Ираке, морскими коммуникациями в Восточном Средиземноморье. Подобное развитие событий, по мнению английских поли-

тиков и военных, могло привести к катастрофическим последствиям для безопасности Великобритании. Для предотвращения такого варианта развития событий предлагалось заручиться поддержкой со стороны США против возможных советских угроз в будущем [2].

Что же касается позиции США, то с момента заключения Конвенции Монтрё в Вашингтоне не проявляли интереса к проблеме Проливов. Начало Второй мировой войны не изменило ситуацию. В Вашингтоне одобрительно отнеслись к совместному советско-английскому заявлению о том, что Великобритания и СССР обязуются уважать турецкий нейтралитет и принципы, изложенные в Конвенции. На начальном этапе войны Рузвельт был более всего заинтересован оказанием помощи Великобритании, и поэтому не уделял внимания вопросу о Проливах. Что же касается завершающего этапа, то, как отмечает В. Юнгблюд, «по меньшей мере три проблемы занимали приоритетное место в его (Рузвельта. – И. В.) планах на 1944–1945 гг.: 1) создание ООН; 2) включение СССР в войну с Японией на Дальнем Востоке; 3) справедливое и эффективное урегулирование территориальных и политических проблем в Европе на завершающей фазе войны» [3].

Однако проблема Проливов привлекла внимание Госдепартамента. Ещё в декабре 1939 г. госсекретарь Хэлл провёл совещание высших руководителей внешнеполитического ведомства, на котором было принято решение о создании особого комитета по изучению базовых принципов будущего мироустройства. 8 января 1940 г. новый орган получил название – Совещательный комитет по проблемам международных отношений. Изначально предполагалось, что комитет будет заниматься изучением путей урегулирования экономических, территориальных и политических проблем. 28 декабря 1941 г. Рузвельт одобрил идею создания Совещательного комитета по послевоенной внешней политике и утвердил его состав [4].

Внутри Совещательного комитета в конце 1943 г. был сформирован межведомственный комитет по Турции под руководством Филиппа Ирланда, начальника отдела политических исследований. В комитет вошли два профессиональных историка – Г. Говард и Ф. Мосли, а также два профессиональных дипломата, работавших в управлении ближневосточных и африканских дел Госдепартамента – Дж. Аллен и Ф. Кохлер [5].

Первое заседание комитета состоялось 23 сентября 1943 г. На рассмотрение комитета Говард подготовил справку, в которой идентифицировал Черноморские проливы как главный узел пересечения интересов Великих держав на Среднем и Ближнем Востоке. Говард исходил из того, что имевшие место в прошлом столкновения стратегических интересов Великобритании и Турции, с одной стороны, и России – с другой, делают логичным предположение о том, что они возникнут вновь сразу же после окончания войны. Для Говарда решение проблемы Проливов означало обеспечение такого режима пропуска судов, который гарантировал бы свободу торговли всех заинтересованных в этом стран, при сохранении независимости и территориальной целостности Турции. В итоге Говард предложил четыре альтернативных варианта решения вопроса: 1. Режим Проливов следует оставить без изменений. 2. Проливы следует интернационализировать. 3. Позволить СССР усилить контроль над Проливами. 4. Контроль над Проливами должны совместно осуществлять все Черноморские страны [6].

Как видно, ни одно из этих предложений не предусматривало полного контроля СССР над Проливами. Говард считал, что если позволить СССР полностью контролировать Черноморские проливы, то это приведёт к превращению Чёрного моря в «русское озеро» и к безраздельному советскому доминированию не только в Турции и в странах Балканского полуострова, но и на всём Ближнем Востоке. Советский контроль, в свою очередь, будет препятствовать свободе торговли и дестабилизирует обстановку в регионе. Создание контрольного органа из стран черноморского региона также могло привести к тому, что СССР, как самое сильное государство в этой области, стал бы преобладающей силой в такой комиссии, и тем самым де-факто в одиночку смог бы контролировать Проливы. Кроме того, создание комиссии по Проливам, состоящей только из стран Черноморского региона, противоречило позиции, занимаемой американской дипломатией, отстаивающей принципы свободы торговли.

Поэтому, на первый взгляд, интернационализация проливов теоретически представлялась наилучшим вариантом решения. Но и в этом случае возникал ряд проблем. Одна из них заключалась в том, что Турция, которая ценой невероятных усилий добилась возвращения Проливов под свой контроль, возражала бы против попыток вывести из-под её юрисдикции часть прилегающих к ним территорий. И, наконец, ещё одна проблема заключалась в том, что принцип интернационализации мог быть применен и к другим регионам. В частности, это затрагивало стратегические интересы США и Великобритании в зонах Панамского и Суэцкого каналов. Поэтому, тщательно проанализировав предложения Говарда, члены комиссии пришли к выводу, что режим Проливов, существовавший до этого времени, отвечает интересам всех стран – участниц Конвен-

ции и обеспечивает свободу и безопасность судоходства в регионе, а вопросы, связанные с изменением режима Проливов, могли быть разрешены путём переговоров в рамках существующей Конвенции [7].

Это итоговое решение межведомственного комитета по Турции имело важные последствия для дальнейшего формирования политики США. Начиная с этого момента американская дипломатия рассматривала сохранение принципов, изложенных в Конвенции Монтрё, как основу для решения спорных вопросов, связанных с Проливами.

Возникает вопрос – почему возобладала консервативная точка зрения, направленная на сохранение существующего режима Проливов? На наш взгляд, это в первую очередь связано с тем, что, хотя комитету и были даны широкие полномочия, его члены не занимались глубоким и всесторонним анализом проблемы Проливов. По сути, его работа свелась к обсуждению документа, предложенного Говардом, а возможные варианты решения проблемы являлись своего рода ретроспективой подходов, уходящих своими корнями в восемнадцатое и девятнадцатое столетия. Документ, подготовленный Говардом, не предлагал никаких новых решений. В результате комитет рассматривал предложенные варианты как независимые друг от друга проекты, не учитывая изменяющуюся практически ежедневно международную обстановку.

Значительное влияние на работу комитета оказали изоляционистские настроения. Ещё со времени работы Лозаннской конференции США занимали нейтральную позицию в решении вопроса о Проливах, следя только за тем, чтобы при принятии решений не были ущемлены американские экономические интересы в регионе. В Монтрё турецкая делегация неоднократно заявляла, что США, как и другие страны, не поставившие свои подписи под договором, получают равные права с теми странами, которые поставили свои подписи под итоговым документом. После внимательного изучения текста в Госдепартаменте пришли к выводу, что договор не ущемляет интересов США. Специалисты Госдепартамента полагали, что США могут юридически признать Конвенцию Монтрё, даже притом что они не подписали её, так как Турция брала на себя полную ответственность за проход судов через Проливы, включая и суда США.

Другим не менее важным фактором являлось то обстоятельство, что в Госдепартаменте полагали, что СССР полностью удовлетворён существующим режимом в Проливах, и не намерен добиваться его изменения. Принимая решение о сохранении Конвенции Монтрё, члены комитета не считали, что оно имеет антисоветскую направленность. Американцы признавали, что у СССР есть политические и экономические интересы в Проливах и в Турции. И в администрации президента, и в Госдепартаменте с пониманием относились к желанию Москвы ограничить доступ военных кораблей других государств в Чёрное море и тем самым сделать более безопасным торговый путь через Проливы, обеспечивавший до войны 30% экспорта товаров в СССР.

Проанализировав советско-турецкие договоры о дружбе 1921 и 1925 гг., в Госдепартаменте пришли к заключению, что СССР оставил свои планы по контролю над Проливами. Совместное англо-советское заявление в августе 1941 г., в котором СССР и Великобритания подтвердили свою приверженность принципам, изложенным в Конвенции Монтрё, дав гарантии территориальной целостности Турции, укрепило американцев в уверенности, что на данном этапе нет никаких признаков, свидетельствующих об изменении политики Москвы. Очевидно, американские дипломаты были слабо информированы о ноябрьских переговорах 1940 г. в Берлине между Молотовым и Риббентропом, в ходе которых советский нарком пытался добиться от руководства рейха согласия на переход Проливов под полный военный контроль СССР [8].

Дальнейшее развитие событий показало, что в Госдепартаменте и в администрации президента ошиблись. Ещё в 1936 г. советские лидеры заявляли, что Конвенция Монтрё не гарантирует безопасность черноморского побережья СССР. Советско-турецкие переговоры в 1939 г. и советско-германские в 1940 г., были попыткой со стороны Москвы изменить условия Конвенции путём заключения двусторонних договоров. Начало Великой Отечественной войны приглушило интерес Москвы к Проливам. Но к началу 1945 г. ситуация коренным образом изменилась в пользу СССР, и в Москве вновь задумались о решении давней проблемы обеспечения безопасности на южных рубежах. А для решения этой проблемы необходимо было контролировать Проливы, заручившись поддержкой союзников.

В октябре 1944 г. Сталин обещал Черчиллю подготовить советские предложения по пересмотру режима Проливов к началу Ялтинской конференции глав государств Большой тройки, которая должна была состояться в феврале 1945 г. В свою очередь Черчилль сообщил Рузвельту, что он согласился со Сталиным в том, что незначительные изменения могут быть внесены и даже необходимы, так как Япония, являющаяся одной из стран – участниц Конвенции, находится в состоянии войны с союзниками, а президент Турции И. Инёню не торопится объявлять войну Германии [9].

Перед Рузвельтом и его советниками встал вопрос – каким образом реагировать на предложения Сталина? Нуждается ли Конвенция Монтрё в пересмотре? Какие изменения следует внести, и будут ли они отвечать интересам США? Должны ли США участвовать в подписании нового соглашения по Проливам, или как это было в Лозанне и Монтрё, им следует ограничиться лишь наблюдением? Для определения своей позиции по этим вопросам Белый дом обратился в Госдепартамент за консультацией.

Подготовка ответа была поручена Управлению ближневосточных и африканских дел, где хранились рекомендации, предложенные ещё в 1943 г. комитетом по Турции. Специалисты УБАД предложили президенту уклоняться от обсуждения вопроса о Проливах на конференции, а если это окажется невозможным, то предложить решать вопрос об изменении режима Проливов в рамках процедур, предусмотренных конвенцией Монтрё, с участием всех подписавших её стран [10]. Рузвельт принял это предложение.

Однако его надеждам не суждено было сбыться. Во время очередного заседания глав государств, состоявшегося 10 февраля 1945 г., Сталин заявил, что он хотел бы сказать несколько слов относительно Конвенции Монтрё [11].

По его словам, в СССР считали этот договор устаревшим и изжившим себя. Он отметил неприемлемость такой ситуации, когда у Турции есть право закрывать Проливы тогда, когда она того захочет, и предложил пересмотреть Конвенцию.

Предложение Сталина застало Рузвельта врасплох, и он попытался сгладить остроту выступления Сталина пространным замечанием о том, что между США и Канадой фактически отсутствует граница, и как бы было хорошо, если бы во всём мире так было. Однако Черчилль не поддержал Рузвельта и не позволил ему увести разговор в сторону, заметив, что они со Сталиным уже обсуждали этот вопрос в октябре 1944 г. в Москве. Он фактически поддержал предложение Сталина, рекомендовав советскому лидеру внести конкретные предложения. По словам Черчилля, его правительство считало, что СССР как черноморская держава не может удовлетвориться существующим положением. Но Великобритания является союзником Турции, и поэтому он считает, что турецкое правительство должно быть информировано об этом решении. Сталин согласился с этим предложением, заметив, что следует поручить обсудить этот вопрос министрам иностранных дел во время предстоящей конференции Организации Объединённых наций в Сан-Франциско. Однако Черчилль предложил обсудить этот вопрос в Лондоне на заседании министров, мотивируя свое предложение тем, что пересмотр соглашения о Проливах затрагивает интересы Великобритании в Средиземном море в большей степени, чем интересы США. Рузвельт согласился с этим предложением [12]. После этого разговор вернулся к обсуждению других вопросов.

Такой кавалерийский наскок, направленный на решение проблемы Проливов, обернулся тем, что на следующий день во время обсуждения итогового коммюнике конференции между министрами иностранных дел возникли разногласия по поводу его содержания. Молотов, руководствуясь инструкциями, полученными от Сталина, настаивал на внесении в текст документа слов о том, что главы государств СССР, США и Великобритании после обсуждения вопроса о режиме Проливов пришли к заключению, что Конвенция Монтрё устарела и будет подвергнута изменению. Эдвард Стеттиниус – государственный секретарь США, сменивший на этом посту Хэлла, придерживался иной точки зрения. Полагая, что Рузвельт, Черчилль и Сталин только согласились поручить обсуждение вопроса о Проливах своим министрам иностранных дел, он возразил против формулировки Молотова, содержащей указание на наличие согласованных оценок Конвенции Монтрё. Иден предложил написать о том, что министры иностранных дел обсудят предложения СССР об изменении режима Проливов. Иден также выступил против того, чтобы внести в текст документа слова о том, что союзники будут консультироваться по этому вопросу с Турцией. Вместо этого он предложил написать, что турецкое правительство будет информировано в надлежащий момент. В итоге министры приняли протокол, в котором констатировалось, что три министра иностранных дел на своём ближайшем совещании в Лондоне обсудят вопрос, какие изменения должны быть внесены в условия, касающиеся Проливов, изложенных в Конвенции Монтрё. Турецкое правительство будет информировано о том, что этот вопрос находится на рассмотрении и ему будет дано заверение в том, что независимость и целостность Турции никоим образом не затрагиваются [13].

Д. Альварес, комментируя итоги Крымской конференции, пишет: «Ялтинская конференция послужила предупреждением американским политикам и дипломатам в том, что они допустили ряд серьёзных просчётов в своей политике в отношении СССР. Американцы были убеждены, что СССР удовлетворён существующим режимом Проливов и не потребует его пересмотра. Предложения Сталина насторожили советников Рузвельта и специалистов в Госдепартаменте, дав им

понять, что они ошиблись в своих выводах о намерениях СССР в отношении Турции. Однако общее положительное впечатление от итогов конференции заслонило собой этот эпизод» [14]. На конференции Сталин говорил расплывчатыми фразами и не представил никаких конкретных предложений, а итоговый протокол внушал столько оптимизма, что и в Белом доме и в Госдепартаменте сохраняли надежду на то, что СССР и в дальнейшем будет проводить умеренную политику, сотрудничая с США и Великобританией. Поэтому и Рузвельт и его советники были уверены, что США не следует пересматривать свою позицию по вопросу о Проливах.

Дальнейшее развитие событий показало, что Москва не собирается отказываться от своих требований. 19 марта 1945 г., принимая в Москве турецкого посла С. Сарпера, В. Молотов сделал заявление, в котором указывалось, что советское правительство, признавая ценность советско-турецкого договора 1925 г., тем не менее считает, что этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении. Посол поинтересовался у Молотова, как, по его мнению, действующий на данный момент договор между двумя странами может быть «исправлен». Молотов не был расположен излагать свою точку зрения по этому вопросу, заявив, что после того как посол обсудит возникшую ситуацию со своим правительством, он будет рад услышать, как турецкое правительство собирается исправлять ситуацию [15].

Однако американские дипломаты в Москве и Анкаре не придали особого значения произошедшему. Посол США в СССР Гарриман сообщал в Вашингтон, что такое развитие событий было ожидаемо. По словам посла, советские дипломаты действовали строго в соответствии с условиями договора и сообщали туркам о своём намерении пересмотреть договор ещё в январе 1945 г. Гарриман сообщал, что Молотов в разговоре с турецким послом был вежлив и корректен, и нет никаких признаков того, что он пытался оказать на турок давление. По его мнению, действия Кремля являются результатом изменения политики Москвы в вопросе о Проливах. Понимая, что Турция будет выступать против любого пересмотра режима Проливов, советское руководство решило использовать отказ от продления советско-турецкого договора как средство принуждения турок к уступкам на переговорах [16].

Сообщения из Анкары от посла Штейнгардта также были полны оптимизма. Он писал, что турки давно ждали такого развития событий и восприняли предложения Молотова «философски». Кроме того, посол Виноградов просил его передать, чтобы правительство США не рассматривало действия СССР как недружественный акт в отношении Турции [17].

Переговоры с Молотовым по проблеме заключения нового советско-турецкого договора возобновились 7 июня 1945 г. Сарпер предложил обсудить среди других тем положение о готовности Турции стать для СССР надёжным барьером по защите его южных границ, не подписывая нового договора. В ответ Молотов выдвинул требования советского правительства, при условии выполнения которых допускалась возможность заключения нового договора, согласно которому, во-первых, советско-турецкая граница подлежала пересмотру. Турции предлагалось вернуть СССР районы Карса и Ардагана, переданные ей Советской Россией по договору от 16 марта 1921 г. [18] Во-вторых, Советский Союз желал получить право на использование военных баз в районе Проливов, по крайней мере, в военное время. В-третьих, Турция должна была согласиться на внесение соответствующих изменений в Конвенцию Монтрё, которые бы предусматривали совместную советско-турецкую оборону Проливов. Молотов указал, что договоры подобного рода уже заключены с правительствами Польши и другими восточноевропейскими странами [19].

11 июня Сарпер оповестил премьера Сараджоглу о сути переговоров с Молотовым. Очевидно, премьер в срочном порядке обсудил этот вопрос с президентом Инёню, так как в тот же день 11 июня он заявил новому послу США Э. Вильсону, сменившему Штейнгардта в июне 1945 г., что готов обсуждать с русскими любые вопросы, не наносящие вреда независимости и суверенитету Турции. На следующее утро Сараджоглу встретился с Вильсоном и рассказал ему о полученной из Москвы телеграмме, отметив, что она подействовала на него удручающе. Вильсон немедленно отписал госсекретарю США: «В тот же день я встретился с заместителем министра иностранных дел. Он также сообщил о телеграмме из Москвы. Он сказал, что ситуация требует серьезного анализа, и этот анализ будет предшествовать принятию решения о возможности использования предложений СССР в качестве основы для переговоров» [20].

Турецкие политики также обсудили информацию Сарпера о требованиях Москвы с британским послом в Анкаре М. Питерсоном. Несколько дней спустя 18 июня 1945 г. поверенный в делах Великобритании в США Дж. Бальфур встретился с заместителем государственного секретаря Дж. Грю для обсуждения сложившейся ситуации, заметив, что Великобритания предлагает оказать Турции всестороннюю поддержку, тем более что предложения, сделанные Молотовым Турции, противоречат тому, что говорил Сталин в Ялте. Ситуация была тем более странной, что советский министр иностранных дел пошёл на подобный шаг в то время, когда Великобритания и

США всё еще не получили от СССР предложений, касающихся Проливов, которые были обещаны им в Ялте. Он высказал мнение, что если Турция не будет возражать, то Англии и США необходимо сделать совместное заявление по вопросу о Проливах до начала конференции в Потсдаме, текст которого должен быть известен Грю по памятной записке, переданной ему ранее. Грю пообещал без задержки рассмотреть это предложение, заметив, что всё-таки будет предпочтительнее воздержаться от подобных акций до завершения конференции в Сан-Франциско. Бальфур согласился с этим предложением, заметив при этом, что если даже США не поддержат британскую инициативу о совместном заявлении, то, возможно, Америка могла бы выступить с собственным заявлением, поддержав при этом Великобританию [21].

Два дня спустя, 20 июня, Вильсон в своем отчёте в Государственный департамент предложил, чтобы Соединённые Штаты «заявили Москве о своей прямой заинтересованности в вопросе о пересмотре режима Проливов, отметив, что требования, предъявленные Москвой Анкаре, являются совершенно неприемлемыми и несовместимыми с духом и принципами, на которых США совместно с СССР собираются строить новую международную организацию» [22].

Однако в Госдепартаменте считали, что какие-либо ноты протеста не только будут преждевременными, но и создадут «неблагоприятный фон» для возможной дискуссии глав государств Большой тройки по вопросу о проливах в Потсдаме. В правительстве США не хотели выступать с какими-либо заявлениями до начала конференции и полагали, что лучшей тактикой будет рассматривать встречу Молотова и Сарпера как не имеющую большого значения в настоящее время. Одновременно было принято решение сообщить турецкому правительству, что правительство США выражает уверенность в том, что будущие переговоры между Турцией и СССР будут вестись в соответствии с международными принципами [23].

Во время беседы с Вильсоном премьер-министр Турции Сараджоглу выразил разочарование американской позицией, занятой в связи с переговорами Молотова-Сарпера. К концу июня 1945 г. стало ясно, что советские требования к Турции простираются гораздо дальше пересмотра режима Проливов и строительства военных баз на турецкой территории.

Седьмого июля во время встречи с турецким послом в США Хусейном Байдуром заместитель госсекретаря Джозеф Грю попытался объяснить ему, что беседа Молотова с Сарпером носила дружеский характер и не преследовала целей оказания давления на Турцию. Дж. Грю сообщил, что положение Турции будет обсуждаться «большой Тройкой» на Потсдамской конференции и поэтому президент Трумэн уже запросил у госсекретаря информацию по этому вопросу.

По указанию президента Трумэна заместитель директора Управления ближневосточных и африканских дел Госдепартамента Джордж Аллен 15 июля 1945 г. подготовил докладную записку, в которой он пришёл к выводу, что требование свободного прохода советских военных кораблей через Проливы во время военных действий является обоснованным, однако подобное правило должно применяться ко всем черноморским государствам. Аллен также считал возможным при изменении режима Проливов включить пункт, по которому проход военных судов любого государства может быть запрещен, если Совет Безопасности ООН признал это государство «страной-агрессором». Аллен предлагал правительству США согласиться с позицией Великобритании, добавив к этому еще два условия: 1) право свободного прохода военных кораблей через Проливы должно быть распространено на все черноморские государства; 2) в конвенцию следует включить условие, предусматривающее действия в Проливах с санкции Совета Безопасности.

Американские военные также не возражали против внесения изменений в Конвенцию Монтрё, но рекомендовали отложить обсуждение вопроса о Проливах и не рассматривать его во время Потсдамской конференции, по крайней мере, до подписания итоговых документов. В том случае, если не удастся добиться отсрочки по этому вопросу и в результате переговоров будут приняты какие-либо решения, военные будут поддерживать точку зрения Госдепартамента о демилитаризации Проливов. Таким образом, было очевидно, что Соединённые Штаты не собирались соглашаться с советскими требованиями о строительстве военных баз [24].

Советские предложения относительно заключения нового договора с Турцией были предметом обсуждения на Потсдамской конференции наряду с проблемой Проливов.

Потсдамская конференция открылась 17 июля 1945 г. Турецкий вопрос и вопрос о Проливах были неофициально затронуты во время обеда 18 июля. И только 22 июля турецкий вопрос был официально вынесен на шестое заседание под председательством президента Трумэна. Первым слово взял Черчилль и отметил, что этот вопрос становится важным ввиду признанной необходимости внести изменения в Конвенцию Монтрё. И поэтому ему хотелось бы знать, какова позиция советского правительства по этому вопросу [25].

Молотов передал Трумэну и Черчиллю советские предложения по урегулированию проблемы Черноморских проливов. Эти предложения состояли из трех разделов: во-первых, отмеча-

лось, что международная конвенция о режиме Проливов, подписанная в Монтрё, должна быть отменена как не отвечающая современным условиям; во-вторых, заявлялось, что установление режима Проливов, единственного морского пути из Черного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза – как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в Черноморских проливах государств; в-третьих, предлагалось, чтобы новый режим предусматривал в числе других мероприятий также обеспечение совместными средствами Турции и Советского союза недопущения использования этих Проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях (наряду с турецкими военными базами для этих целей здесь предполагалось создать советские военные базы) [26].

В ответ Трумэн заявил, что США не возражают против пересмотра Конвенции Монтрё, однако добавил, что, по его мнению, следует установить режим свободного прохода для торговых судов всех наций, как это сделано в американских территориальных водах [27].

Президент представил документ, в котором были изложены его предложения о свободном и неограниченном использовании водных путей под международным контролем. В целом говорилось, что «свобода судоходства по водным путям, которые проходят через несколько государств, должна осуществляться под контролем международной организации, членами которой являются государства, непосредственно заинтересованные в свободе судоходства». Первым шагом в реализации этих планов Трумэн предложил как можно скорее создать временное международное агентство. Членами этого агентства должны были стать США, Великобритания, СССР и Франция, а также другие прибрежные государства, правительства которых были признаны Большой тройкой. Что же касается территориального спора СССР и Турции, то, по мнению президента, этот вопрос должен быть решен путём двусторонних советско-турецких переговоров, тогда как вопрос о пересмотре режима Проливов затрагивает интересы США и всего остального мира.

Черчилль поддержал советское предложение о пересмотре Конвенции Монтрё, а также предложение Трумэна о международном контроле свободы навигации через Проливы, Кильский канал, а также по Дунаю и Рейну. Черчилль полагал, что международный контроль будет эффективным решением вопроса об обеспечении безопасности Советского Союза, и надеялся, что Сталин и Молотов рассмотрят это предложение как альтернативу требованию СССР о строительстве военных баз. «Я полностью согласен с президентом Трумэном и с его предложениями относительно того, что свободный режим в этих проливах должен быть гарантирован всеми нами. Гарантия великих держав и заинтересованных государств, безусловно, будет эффективной» [28]. Однако Сталин проявил сдержанность и сказал, что советская делегация должна внимательно изучить предложения президента Трумэна [29].

Позиции Трумэна и Черчилля о режиме Проливов противоречили интересам СССР. В советских предложениях речь, как и ранее, шла о создании советской базы для совместной с Турцией обороны Проливов и о преимущественных правах Турции и СССР при определении режима прохода судов через Проливы. Черчилль и Трумэн утверждали, что гарантия свободного прохода со стороны трёх великих держав будет гораздо действеннее, чем фортификация проливов. Однако такая точка зрения уже не устраивала не только СССР, но и Турцию [30].

США и Великобритания не поддержали претензии СССР к Турции, а потому в подписанном 1 августа заключительном протоколе Берлинской конференции трех великих держав Черноморским проливам уделено всего несколько строк: «Три Правительства признали, что конвенция о проливах, заключенная в Монтрё, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех Правительств и Турецким Правительством» [31].

Таким образом, несмотря на желание советского руководства решить турецкий вопрос, навязать союзникам свою концепцию в Потсдаме не удалось. Советские требования по восточным вилайетам Турции и военной базе в Проливах натолкнулись на противодействие, а потому не нашли отражения в заключительных документах конференции, принятое решение о пересмотре Конвенции Монтрё было расплывчато и декларативно.

Анализируя документы Потсдамской конференции касательно Проливов, необходимо отметить, что между русским и английским вариантами текста есть расхождения. Английский текст предписывал каждой из трех великих держав самостоятельно высказать Турции свое видение решения проблемы, в то время как в русском тексте говорилось о том, что каждая страна должна провести переговоры с турецким правительством на тему Проливов. В дальнейшем это привело к крупным разногласиям между США, Великобританией и СССР.

Таким образом, анализируя позиции США, СССР и Великобритании по вопросу о статусе Черноморских проливов, можно подвести некоторые итоги.

В Ялте Рузвельт при обсуждении турецкой проблематики не проявил большой заинтересованности. Вероятно, президенту проблема Проливов не казалась неразрешимой. Несмотря на то что предложения Сталина для него были неожиданными, а Госдепартамент знал, что турки опасаются агрессивных действий СССР, Рузвельт считал, что эту проблему можно решить путем переговоров уже после войны, не отвлекаясь от решения более важных задач – определения послевоенного устройства в Европе и судьбы Германии. Ни Рузвельт, ни его помощники не могли в то время предположить, насколько далеко зайдёт Сталин в своих требованиях к Турции.

Позиция Великобритании была двойственной. С одной стороны, Черчилль в беседах со Сталиным подчёркивал, что он и его правительство с пониманием относятся к требованиям Москвы о пересмотре Конвенции, а с другой – англичане использовали эту ситуацию в качестве инструмента давления на Анкару в вопросе об участии Турции в войне на стороне союзников, пугая турецкое руководство тем, что англичане и американцы в случае, если Турция не объявит войну Германии, поддержат притязания Москвы. После вступления Турции в войну против Германии в Потсдаме Черчилль поддержал точку зрения Трумэна, полагая, что контроль со стороны СССР над Проливами будет угрожать интересам Великобритании в районе Средиземного моря.

Отправной точкой советской позиции в отношении Турции на заключительном этапе войны было мнение о том, что Конвенция Монтрё ущемляла права СССР. Пропуск военных кораблей Германии и Италии через Проливы в Чёрное море ясно дал понять советским лидерам, что Турция не способна осуществлять контроль в одиночку. Поэтому, начиная с января 1945 г., СССР неоднократно ставил перед союзниками вопрос об изменении Конвенции Монтрё. Позиция правительства США по этому поводу заключалась в том, что они не возражали против изменения некоторых её пунктов, но все изменения должны были делаться в рамках самой Конвенции, не ущемляя при этом суверенитета Турции. Эта точка зрения коренным образом расходилась с позицией советского правительства. Расхождения в подходах правительств СССР и США по вопросу об изменении конвенции Монтрё в скором времени явились предпосылкой возникновения напряжённости между недавними союзниками.

На наш взгляд, очевидно, что территориальные требования СССР к Турции диктовались не реальными потребностями, а носили характер политического прессинга, в то время как развитие авиации уменьшало значение Проливов, СССР настаивал на их важности для своей безопасности. Было ясно, что этот плацдарм интересовал СССР как средство укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, Средиземном море и на Балканах. Попытки СССР занять выгодные стратегические позиции в Проливах были основаны на односторонних действиях и натолкнулись на решительное сопротивление Турции и США.

Весьма ослабленная в экономическом отношении Великобритания не смогла оказать Турции существенную материальную поддержку и тем самым сохранить здесь своё прежнее влияние. В результате создавались условия для замены традиционного советско-английского соперничества по поводу Турции и Проливов американо-советским и превращения Турции в важнейшего союзника Вашингтона на Ближнем Востоке.

Примечания

1. *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии = Stalin and Churchill. Meetings. Talks. Discussions: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 423.
2. *Bilgin M.* Britain and Turkey in the Middle East: Politics and Influence in the Early Cold War Era. L.; N.Y. 2008. P. 43.
3. *Юнглод В. Т.* Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998. С. 43.
4. *Там же.* С. 50.
5. *Baram P. J.* The Department of State in the Middle East, 1919–1945. Philadelphia. 1978. P. 78.
6. *Alvarez D.* Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 1980. P. 39.
7. *Ibid.* P. 39.
8. Подробнее о ходе советско-германских переговоров см.: Беседа председателя совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 12 ноября 1940 г. // Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. 2 (1) 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 36–51, 54–79, 80–82.
9. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939–1945.* Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 1024; *McNeill W. H.* America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict, 1941–1946. L., 1953. P. 500.
10. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945.* Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 328–329.

11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. док. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1979 г. Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). С. 216; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 903.
12. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). С. 217; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 904.
13. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). С. 245.
14. *Alvarez D.* Op. cit. P. 47.
15. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы: в 3 т. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1946–1947. С. 146; *Howard H.* Turkey, the Straits and U. S. Policy. Baltimore, 1974. P. 216; См. также: *Гасанлы Дж. П.* СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 117; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939–1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 1222.
16. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939–1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 1222.
17. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939–1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 1220–1221.
18. Полный текст договора см.: *Воробьёва Т. А.* Страны Азии между двумя мировыми войнами (1918–1939): учеб. пос. Киров. 2009. С. 24–25.
19. *Howard H.* Op. cit. P. 219; *Hurewitz J. C.* Middle East Dilemmas. The Background of the United States Policy. N. Y., 1953. P. 216; *Гасанлы Дж. П.* Указ. соч. С. 201.
20. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939–1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 1234.
21. *Howard H.* Op. cit. P. 220.
22. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO, 1960. P. 1017–1020, 1022–1023; См. также: *Forrestal J.* The Forrestal Diaries; ed. by Walter Millis, E. S. Duffield. N. Y., 1951. P. 71; *Kirk G.* The Middle East 1945–1950. L., 1954. P. 21.
23. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO, 1960. P. 1027–28.
24. *Howard H.* Op. cit. P. 224; См. также: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO, 1960. P. 1420–1422, 1425–1426.
25. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании. М.: Политиздат, 1978–1980. С. 134–135.
26. Там же. С. 136–137.
27. *Howard H.* Op. cit. P. 228.
28. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании, С. 150–151.
29. Там же. С. 150–151.
30. *Поцхверия Б. М.* Советско-турецкие отношения и проблема Проливов в годы Второй мировой войны и в послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 473.
31. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании... С. 444.

Notes

1. Rzheshesky O. A. Stalin and Churchill. Meetings. Conversation. Discussion = Stalin and Churchill. Meetings. Talks. Discussions: Documents, comments, 1941–1945. M. 2004. P. 423.
2. Bilgin M. Britain and Turkey in the Middle East: Politics and Influence in the Early Cold War Era. L.; N. Y. 2008. P. 43.
3. Jungblut V. T. *Vneshnepoliticheskaya mys' SSHA 1939–1945 godov* [Foreign policy thought in the United States 1939–1945]. Kirov. 1998. P. 43.
4. Jungblut V. T. Op. cit. P. 50.
5. P. J. Baram, The Department of State in the Middle East, 1919–1945. Philadelphia. 1978. P. 78.
6. D. Alvarez. Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 1980. P. 39.
7. Alvarez D. Op. cit. P. 39.
8. More about the Soviet-German negotiations: Interview of the President of the Council of people's Commissars of the USSR, people's Commissar for foreign affairs V. M. Molotov and German foreign Minister J. Ribbentrop on 12 November 1940 // Instruments of foreign policy. 1940 – 22 June 1941. Vol. XXIII: in 2 books. Book 2 (1) 1 November 1940 – 1 March 1941. M. Intern. Relationship. 1998. Pp. 36–51, 54–79, 80–82.
9. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939–1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. P. 1024; W. H. McNeill, America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict, 1941–1946. L., 1953. P. 500.
10. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash.: USGPO, 1955–1970. Pp. 328–329.

11. *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg.: sb. dok.* – The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic war, 1941-1945: collection of doc. / Min. of Russian Affairs of the USSR. M. Politizdat. 1979. Vol. 4. *Krymskaya konferenciya rukovoditelej tryoh soyuznyh derzhav – SSSR, SSHA i Velikobritanii (4–11 fevr. 1945 g.)* – Crimean conference of the governors of the three allied states – USSR, USA and Great Britain (February 4-11. 1945). P. 216; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash.: USGPO, 1955-1970. P. 903.
12. Crimean conference of the governors of the three allied states – USSR, USA and Great Britain (February 4-11. 1945). P. 217; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash.: USGPO, 1955-1970. P. 904.
13. *Krymskaya konferenciya rukovoditelej tryoh soyuznyh derzhav – SSSR, SSHA i Velikobritanii (4–11 fevr. 1945 g.)* – Crimean conference of the governors of the three allied states – USSR, USA and great Britain (February 4-11. 1945). P. 245.
14. Alvarez D. Op. cit. P. 47.
15. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoj vojny: Dokumenty i materialy* – Foreign policy of the Soviet Union in the period of the Patriotic war: Documents and materials: in 3 vol. M. OGIZ Gospolitizdat. 1946-1947. P. 146; Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. Baltimore. 1974. P. 216; See also: Gasanly J. P. *SSSR – Turciya: ot nejtraliteta k holodnoj vojne (1939–1953)* [USSR – Turkey: from neutrality to cold war (1939-1953)]. M. 2008. P. 117; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939-1945. Wash.: USGPO, 1955-1970. P. 1222.
16. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939-1945. Wash.: USGPO, 1955-1970. P. 1222.
17. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939-1945. Wash.: USGPO, 1955-1970. Pp. 1220-1221.
18. The full text of the Treaty see: Vorobyova T. A. *Strany Azii mezhdv dvumya mirovymi voynami (1918–1939): ucheb. pos.* [Asia between the two world wars (1918-1939): tutorial] Kirov. 2009. Pp. 24-25.
19. Howard H. Op. cit. P. 219; Hurewitz, J. C. Middle East Dilemmas. The Background of the United States Policy. N. Y., 1953. P. 216; Gasanly J. P. Op. cit. P. 201.
20. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939-1945. Wash.: USGPO, 1955-1970. P. 1234.
21. Howard H. Op. cit. P. 220.
22. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO, 1960. P. 1017-1020, 1022-1023; Cm. also: J. Forrestal, The Forrestal Diaries; ed. by Walter Millis, E. S. Duffield. N. Y., 1951. P. 71; G. Kirk, The Middle East 1945-1950. L., 1954. P. 21.
23. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO, 1960. P. 1027-28.
24. Howard H. Op. cit. p. 224; Cm. also: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Wash.: USGPO, 1960. P. 1420-1422, 1425-1426.
25. *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: t. 6. Berlinskaya (Potsdamskaya) konferenciya rukovoditelej tryoh soyuznyh derzhav – SSSR, SSHA i Velikobritanii* – The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic war of 1941-1945: vol. 6. The Berlin (Potsdam) conference of the leaders of the three allied powers – USSR, USA and great Britain. Moscow: Politizdat, 1978-1980. P. 134-135.
26. Ibid. S. 136-137.
27. Howard H. Op. cit. p. 228.
28. *Berlinskaya (Potsdamskaya) konferenciya rukovoditelej tryoh soyuznyh derzhav – SSSR, SSHA i Velikobritanii* – The Berlin (Potsdam) conference of the leaders of the three allied powers – USSR, USA and Great Britain. Pp. 150-151.
29. Ibid. P. 150-151.
30. Potkhveria B. M. *Sovetsko-tureckie otnosheniya i problema Prolivov v gody Vtoroj mirovoj vojny i v poslevoennye desyatiletia* [The Soviet-Turkish relations and the question of the Straits during the Second world war and in the postwar decade] // *Rossiya i CHernomorskie prolivy (XVIII–XX stoletiya)* – Russia and Black sea Straits (XVIII–XX centuries). M. 1999. P. 473.
31. *Berlinskaya (Potsdamskaya) konferenciya rukovoditelej tryoh soyuznyh derzhav – SSSR, SSHA i Velikobritanii...* – The Berlin (Potsdam) conference of the leaders of the three allied powers – USSR, USA and Great Britain... P. 444.

Восприятие американцами советской политики в северной части Корейского полуострова в 1945–1948 гг.

Статья посвящена эволюции восприятия американцами советской политики в Корее в 1945–1948 гг. и ее влиянию на политику США на полуострове. Несмотря на отсутствие крупных разногласий между СССР и США относительно будущего Кореи, решение корейского вопроса в условиях генезиса холодной войны уже к осени 1947 г. зашло в тупик. Важный вклад в этот процесс внесла убежденность американцев в стремлении СССР советизировать сначала Северную Корею, а затем и всю территорию полуострова.

Вопрос, насколько представления американцев о положении севернее 38-й параллели соответствовали действительности, остаётся дискуссионным. В целом, Советскому Союзу на территории собственной оккупационной зоны удалось построить более эффективный и стабильный просоветский режим, чем Соединенным Штатам в южной части Кореи. Возможности северокорейского режима преувеличивалась американцами, он начинает восприниматься как серьёзная угроза Югу. В этой ситуации проведение сепаратных выборов на Юге и придание южнокорейскому режиму государственного статуса позволяло, по мнению американцев, закрепить южную часть Корейского полуострова в орбите западного влияния. Раскол Кореи на время стабилизировал положение и позволил сверхдержавам договориться о выводе войск с территории полуострова.

The paper focuses on the evolution of the American perception of Soviet policy in Korea in 1945-1948 and its impact on US policy in the peninsula. Despite the lack of major differences between Soviet Union and United States views on the future of Korea, the Korean question were at a dead end by autumn 1947. An important contribution to this process made the conviction of Americans in USSR aspiration of sovietization the whole territory of the Korean peninsula.

In fact, in the North Korea Soviet Union was able to build a more efficient and stable pro-Soviet regime than the United States in the southern part of Korea. But abilities of North Korea were overestimated by the Americans, it was perceived as a serious threat to the South. The phantom of Sovietization of the entire Korean peninsula was taken very seriously. Americans set a goal to prevent the establishment of the communist regime in the whole Korea. In this situation, separate elections in the South Korea allowed to fix the southern part of the Korean Peninsula in the orbit of Western influence. Division of Korea stabilized situation and allowed the superpowers to negotiate the withdrawal of troops from the peninsula.

Ключевые слова: раскол Кореи, освобождение Кореи, советско-американские отношения, советизация.

Keywords: division of Korea, liberation of Korea, soviet-american relations, sovietization.

Разделение Кореи на два враждебных государства по сей день остаётся одной из важных международных проблем и постоянным источником напряжения в северо-восточной Азии. При обращении к истокам очевиден контраст между целями, которые пытались достичь освободившие Корейский полуостров страны, и результатами, к которым привела их политика. Ситуация, сложившаяся на полуострове в 1945 г., существенно отличалась от положения дел в других регионах земного шара, где сталкивались интересы двух сверхдержав. Позиции Вашингтона и Москвы в отношении Кореи в большинстве случаев не носили конфликтного характера, так как обе стороны выступали за построение единого и независимого корейского государства. Однако итогом советско-американского диалога по Корее стал раскол полуострова, произошедший в 1948 г. Среди причин, приведших к данному результату, не последнюю роль сыграли особенности восприятия американцами советской политики в Корее.

Общеизвестно, что на момент принятия решения должностные лица практически никогда не обладают абсолютно полной информацией по рассматриваемому вопросу и вынуждены руководствоваться имеющимися сведениями, которые могут быть не всегда точными, а иногда даже ложными. А значит в исследовании истоков американской внешней политики важна не только объективная картина советской деятельности севернее 38-й параллели, но и понимание того, как американцы оценивали и воспринимали эти действия. Задача данной статьи – проанализировать эволюцию американских представлений о целях и результатах политики СССР в Северной Корее

в 1945–1948 гг. и оценить влияние, которое эти представления оказали на раскол Корейского полуострова.

Стоит выделить несколько категорий источников информации о ситуации на севере Кореи, которыми американцы могли оперировать в рассматриваемый период. В первую очередь, это официальные данные, которые предоставляла советская администрация в рамках советско-американского диалога или в печати. Понятно, что они были далеко не полными и давали лишь общее представление о происходящих процессах. К этой же категории источников можно отнести результаты прослушивания северокаорейских радиостанций, которое велось ЦРУ. Документы по этой теме доступны с 1948 г. [1]

Одним из важнейших источников информации о событиях севернее 38-й параллели для американцев стали беженцы. За время международной оккупации Кореи миграционный поток как с севера на юг, так и с юга на север был весьма существенным. Так, в 1946–1949 гг. территорию будущей КНДР покинуло около 580 тыс. вынужденных переселенцев. В основном это были люди из привилегированных социальных групп – бывшие землевладельцы, мелкие предприниматели и торговцы, служащие японской колониальной администрации [2]. Причины для бегства на Юг могли быть различными, однако главной было неприятие порядков, насаждаемых советской администрацией и народными комитетами на севере (что не могло не сказываться на мнении беженцев о происходящих событиях). Полученная информация дополнялась сообщениями офицеров американской армии, по долгу службы взаимодействовавшими с Советской армией, и отчётами должностных лиц, направлявшихся на север Кореи с различными поручениями.

Следует остановиться на двух специфических категориях беженцев с Севера, чьи настроения оказали значительное влияние на представления американцев о положении на Севере. Одна из таких групп вынужденных переселенцев – христиане. Христианские церкви традиционно пользовались большим влиянием на полуострове – к моменту окончания Второй мировой войны севернее 38-й параллели насчитывалось около 600 тыс. христиан. Особенно прочными позиции христианских общин, начало которым было положено американскими миссионерами в конце XIX – начале XX в., были в Пхеньяне – этот город даже называли «Иерусалимом Азии» [3]. На выборах в Народные комитеты, состоявшихся в ноябре 1946 г. 2,7% избранных кандидатов были практикующими обрядами верующими. Как отмечает историк В. Тихонов, отношение к христианам в Северной Корее было относительно толерантным. Однако христианские политические лидеры Севера, среди которых были известные политики, такие как лидер Демократической партии Чо Ман Сик, практически сразу выступили против режима опеки, решение о котором было принято на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. После того как 5 января 1946 г. Чо Ман Сик был посажен под домашний арест, многие из его последователей бежали на Юг. Следует учесть, что среди уехавших на Юг христиан, как правило, были люди, относящиеся к богатому или среднему классу корейского общества. В итоге беженцами стали около 80 тыс. протестантов и 6000 католиков, преимущественно те, кто потерял своё имущество в ходе земельной реформы, организованной советской администрацией [4]. К концу 40-х значительная часть оставшихся священников и верующих подвергалась преследованиям со стороны властей [5]. Естественно, эти люди преподносили американцам происходящие на севере события в неблагоприятном ключе. А поскольку одну из ключевых ролей в христианизации Кореи играли именно американские миссионеры, доверие к их показаниям было довольно высоким.

Вторую категорию людей, пересекающих 38-ю параллель с севера, составляли японцы, которые до окончания войны работали на полуострове. СССР и США изначально заняли различные позиции по вопросу о роли этих людей в послевоенном устройстве Кореи. Американцы на начальных этапах предпочли использовать организованную японцами систему управления для достижения своих целей – в результате значительное число японцев сохранили свои места и продолжали работать на прежних должностях. Подход Советского Союза к данной проблеме был принципиально иным – власть на местах передавалась сформированным корейцами Народным комитетам. Судьба ненавидимых местным населением японцев была незавидной – хотя реальных расправ местного населения с бывшими колонизаторами было совсем немного, японские гражданские лица, как правило, лишались имущества и привлекались к общественным работам. Пленные солдаты также принуждались к труду на территории Северной Кореи и СССР. На момент окончания войны на севере находилось около 215 тыс. гражданских лиц и 30 тыс. военнопленных-японцев, и многие из них стремились попасть в порты на юге Кореи, чтобы вернуться на родину. Репатриация японцев завершилась только к 1947 г. [6]

Безусловно, некоторая часть информации поступала от проамерикански настроенных местных жителей. Стоит, однако, отметить, что вплоть до осени 1946 г. американской разведке было запрещено проводить тайные операции на территории советской оккупационной зоны [7].

Соответственно, большую роль здесь приобретали сообщения корейских правых националистов, а также иных недовольных политикой СССР категорий населения. Однако они имели все возможности, чтобы преподнести её в ангажированном ключе, и могли использовать имеющуюся у них информацию для достижения собственных политических целей. Вероятно, к началу 1947 г. возможности американской разведки по самостоятельному получению информации значительно расширились, впрочем, эти сведения стали лишь дополнением к материалам, получаемым из источников, речь о которых шла выше.

Таким образом, американцы обладали набором разнообразных источников информации о ситуации севернее 38-й параллели. Однако эти источники заведомо не могли быть нейтральными или объективными, что, вкупе с нарождающейся к концу 40-х гг. логикой глобального советско-американского противостояния, естественным образом искажало картину мира в умах творцов политики США на полуострове.

8 августа 1945 г. СССР, исполняя союзнические обязательства, присоединился к войне против Японской империи. Задачу по освобождению Кореи от господства завоевателей выполняла 25-я армия под командованием генерал-полковника И. М. Чистякова. К 24 августа её подразделения вышли к 38-й параллели и остановились на ней. Отдельные части продвинулись несколько южнее, однако вскоре вернулись на линию 38-й параллели, соблюдая договорённости правительств СССР и США. Американцы высадились в Корею 8 сентября. Естественно, что, вступив в прямое соприкосновение, недавние союзники внимательно следили за действиями друг друга.

Первую серьёзную информацию о ситуации на севере Кореи американцы получили в сентябре 1945 г. Она основывалась на письме, авторы которого – два неназванных корейца, вероятно, стали беженцами и были подробно допрошены американцами, «знакомыми с Кореей». В письме описывались события, произошедшие в приграничном городе Синьиджу в конце августа 1945 г. Незадолго до этого 16 августа местными жителями был сформирован «Совет самоуправления». К 25 числу влияние этого Совета распространилось на всю провинцию. Эффективность этой организации, по мнению авторов документа, была столь высока, что, несмотря на освобождение 1400 преступников и отсутствие оружия, мир и порядок полноценно поддерживались на территории всей провинции. 30 августа в город вступили подразделения РККА. Советское командование заменило «Совет самоуправления» «Народным политическим комитетом», в котором верховодили две крошечные коммунистические группы. После этого коммунистическая партия начала стремительно организовываться, а оппозиционная «Демократическая партия» была принуждена к роспуску. Одновременно на местное население обрушилась советская пропаганда, которая звучала по радио, доминировала в газетах и сыпалась с небес в виде сбрасываемых с самолётов листовок. Авторы письма были уверены, что подобная тактика повсеместно применяется СССР, который твёрдо намерен целиком советизировать всю территорию Северной Кореи [8]. Об активной пропагандистской работе – организации парадов и демонстраций, попытках дискредитировать американцев в глазах корейцев – сообщали и другие перебежчики [9]. Стоит отметить, что в ведении пропаганды США подозревали и сотрудников советского генерального консульства в Сеуле, созданного вместе с приходом американских войск. По словам главы американской военной администрации генерала Дж. Ходжа, советские представители получили в южной части Кореи все средства для наблюдения за ситуацией в стране, пытались оказывать поддержку местному коммунистическому движению, а также стремились дискредитировать американскую военную администрацию перед местным населением [10].

Продолжали поступать и другие настораживающие известия. В начале ноября сотрудники Корейской энергетической компании проинформировали генерала Ходжа о полученном от советской администрации приказе, предписывающем демонтировать генераторы и водяные турбины с расположенных по реке Ялу электростанций, что грозило примерно на 50% сократить производство электроэнергии в Северной Корее. Вскоре подтвердившаяся, эта информация вызвала заметное беспокойство в американской администрации – данные действия не только противоречили имеющимся советско-американским договорённостям о будущем Кореи, но и могли существенно сказаться на экономическом положении всей страны [11].

Постепенно в руках американцев оказывались всё новые и новые свидетельства того, что СССР продолжает демонтаж северокорейского промышленного оборудования, считая его подлежащей конфискации собственностью японских империалистов. Сведения поступали от бежавших на Юг бывших сотрудников предприятий, а также от служащих Корейской энергетической компании, которая фиксировала резкое падение потребления энергии. Этот процесс был характерен для всей территории советской оккупационной зоны – внезапно прекращали работу заводы Пхеньяна, Хамхына, Вонсана, Чонгху, Синьиджу и целого ряда других крупных населённых пунктов [12]. Снижение производственных мощностей электростанций прямо сказывалось на обеспе-

чении электроэнергией Южной Кореи, попадала под конфискации и бывшая американская собственность. Так, по информации военной администрации США, на территорию СССР было частично вывезено оборудование "Corn production and refining company", принадлежащей корейской ветви концерна "American Corn Products". Сам завод был вскоре национализирован, а протестные ноты американцев остались без ответа [13].

Важной информационной составляющей формирования американских представлений о положении в Северной Корее в 1945 г. были сведения о поведении советских солдат на территории Кореи. Основными источниками информации для американской администрации вновь стали сообщения японских и корейских беженцев. Большое количество фактов содержалось в подробном отчёте сотрудника Департамента информации правительства Австралии [14] военного корреспондента Л. Барсдела. Эти свидетельства рисовали совершенно безрадостное положение дел. Так, ушедшие в 1946 г. на Юг японцы рассказывали о повсеместном падении производства, отсутствии медицинской помощи, подневольном низкооплачиваемом труде японских специалистов и регулярных грабежах и изнасилованиях, чинимых советскими солдатами. Отчёт Барсдела содержал информацию о страданиях корейского и японского населения. Более того, он описал несколько случаев, когда именно отношение к бойцам РККА стало тем фактором, который за 40 лет впервые сумел примирить корейцев и японцев между собой [15]. Автор документа сообщал, что лично присоединился к одной из групп солдат-грабителей, в составе которой был свидетелем реквизиции в одном из домов фотокамеры, двух кимоно, нескольких подушек, маленьких орнаментов с изображением гейш, а также захвата молодых девушек, увезённых на грузовике в расположение части [16]. Хватало в отчёте обвинений и в насильственной советизации Кореи [17].

По всей видимости, в Москве понимали, какой вред наносит распространение по территории полуострова негативных слухов о советской армии. Молчание СССР было прервано к середине ноября 1945 г., когда в северокорейской печати появилась специальная прокламация, подписанная генералом Чистяковым. В документе обозначались основные принципы, на которых планировалось осуществлять оккупацию севера полуострова. Местному населению объявлялось, что Советский Союз не намерен переустраивать политическую систему Кореи по образцу собственной политической системы, гарантировалась неприкосновенность частной собственности, свобода вероисповедания и создания рабочих организаций. По мнению представителя госдепартамента на полуострове У. Лэнгдона, главной целью документа было опровергнуть негативные слухи, распространяющиеся на севере Кореи, и убедить население в том, что именно ему будет передано право на строительство нового корейского государства [18]. Очевидно, что эта прокламация была ориентирована исключительно на внутреннее потребление и никак не могла изменить мнение американцев о советской оккупационной администрации.

Тем не менее отношения между советскими и американскими войсками, расквартированными на полуострове, внешне оставались дружественными [19]. Однако уже осенью 1945 г. по всему полуострову начали распространяться слухи, что СССР и США готовятся объявить друг другу войну. До американцев доходила информация, что бойцы РККА неоднократно обсуждали эту возможность в разговорах между собой. Более того, в распоряжении военной администрации США оказались сведения об активном перемещении советских войск на Юг и о строительстве полевой линии обороны вдоль 38-й параллели [20].

Налаживание контактов между военными администрациями СССР и США также проходило с большими проблемами. К 18 сентября 1945 г. обе стороны направили друг другу специальные группы во главе с офицерами связи [21]. Однако вскоре, вероятно после поступивших из Москвы инструкций, советские военнослужащие были отозваны из Сеула. Попытка генерала Ходжа наладить экономическое взаимодействие и отправить на север поезд с южнокорейскими товарами для обмена на северокорейский уголь также закончилась провалом – советское командование не только не предоставило угля, но и предпочло оставить себе американский товарный состав [22]. Информационная закрытость севера также росла – Москвой был наложен запрет на посещение советской оккупационной зоны американскими официальными лицами и корреспондентами [23].

Вывод командующего войсками США на полуострове генерала Дж. Ходжа был однозначным – в этой ситуации на уровне военных администраций с русскими договориться не удастся. Целесообразным признавалось лишь обсуждение второстепенных и строго военных проблем [24]. Фактически единственным вопросом, по которому союзникам удалось достичь договорённости, была проблема репатриации британских и американских военнопленных из лагерей, расположенных на территории Северной Кореи. Впрочем, переговоры и по этому вопросу шли трудно [25]. О положении в лагерях для военнопленных после освобождения стало известно благодаря сообщениям упоминаемого выше Л. Барсдела. Австралиец описывал ситуацию следующим образом: «За весь период с 29 августа, когда русские выбили японцев из лагеря военнопленных, и

вплоть до 21 сентября, когда пленные отбыли в Инчхон, русские передали в лагерь лишь трёхдневный рацион из риса, проса и консервированной рыбы, а также одну свинью и две единицы рогатого скота. Пленные были вынуждены уповать на припасы, сбрасываемые с [американских бомбардировщиков. – Д. С.] В-29, и на то, что они могли получить от корейцев и японцев, проживающих в окрестностях лагеря. Для репатриации военнопленных русские ничего не предпринимали. Они могли обещать всё, что угодно, но ничего не происходило» [26]. Омрачил ситуацию инцидент с одним из снабжающих лагерь В-29 – он был подбит советским истребителем в окрестностях лагеря [27].

Таким образом, получаемая американцами информация о советском оккупационном режиме производила самое плохое впечатление. Генерал Ходж и его окружение попросту «не понимали» решения советского командования и методы, к которым прибегала советская оккупационная администрация [28]. Информационная закрытость Северной Кореи, вкупе с молчанием командования РККА провоцировали восприятие всерьёз самых диких и нелепых известий о происходящем на Севере. В совокупности с крупными проблемами, которые испытывала американская администрация при наведении порядка на Юге, ситуация на Севере побуждала к размышлениям над достаточно радикальными вариантами выхода из сложившегося «невозможного» положения [29].

Инициатором нового подхода стал помощник министра обороны США Дж. Макклой, который в ноябре 1945 г. предложил предотвратить захват коммунистами власти в Южной Корее путём формирования своего собственного, «разумного и уважаемого» правительства [30]. Со стороны госдепартамента идеи Макклоя были развиты политическим советником администрации США в Корее У. Лэнгдоном. В конечном итоге эти усилия и привели к выработке политики, в рамках которой сначала независимо от СССР были созданы корейские совещательные органы при американской администрации, а затем и провозглашён сепаратный южнокорейский режим [31].

Но Республика Корея была создана только в 1948 г., а в краткосрочной перспективе картина агрессивной советизации Севера Кореи ещё только начала утверждаться в умах американского истеблишмента. Историк Б. Камингс в монографии «Истоки Корейской войны» отмечает, что к началу декабря 1945 г. американская разведка заключила, что Советский Союз не стремится манипулировать народными комитетами, а, напротив, признаёт их в качестве руководящих органов в отдельных провинциях и населённых пунктах. Один из служащих советской администрации позволил себе следующую ремарку в беседе с неназванным американцем: «Нам нравятся англичане и американцы – они похожи на нас... Нам не нравятся корейцы. Мы останемся до формирования приемлемого правительства, а затем уйдём». Аналитики американской разведки предположили, что единое северокорейское правительство до сих пор не было образовано, потому что в Москве считали, что Север скоро вернётся под контроль центральной администрации в Корее [32].

Московское совещание министров иностранных дел, состоявшееся в декабре 1945 г., прошло в достаточно конструктивном ключе. СССР и США сумели прийти к принципиальной договорённости о создании Совместной советско-американской комиссии, призванной обеспечить создание единого и независимого корейского государства. Характерно, что именно ко времени достижения соглашения в Сеул из советской оккупационной зоны прибыло два вагона с химиками, запрашиваемыми американцами ещё в сентябре. Сопровождавший их вице-консул Константинов заявил о том, что новые поставки вполне возможны. Также он выразил готовность сотрудничать и по другим представляющим взаимный интерес вопросам [33].

Тем временем с севера продолжала поступать неутешительная информация. Американские источники докладывали, что советская администрация искусственно формирует политические партии, состоящие из скрытых коммунистов, с целью манипуляции составом будущего объединённого корейского правительства. Появлялись и новые свидетельства антиамериканизма советской политики – информаторы сообщали, что в новооткрытых коммунистических школах Кореи рассказывают о необходимости уничтожения США [34], а люди, перешедшие без визы 38-ю параллель, арестовываются по обвинению в шпионаже в пользу американцев [35].

В результате, когда в марте 1946 г. начала свою работу Совместная комиссия, у американцев уже сформировалось мнение, что СССР в Корее использует ту же тактику, что и в Восточной Европе [36], стремясь искусственно распространить влияние коммунистов на всю территорию полуострова. Разумеется, такие представления не могли содействовать развитию конструктивного советско-американского диалога по корейскому вопросу. На полуострове начала складываться атмосфера соперничества и взаимного недоверия.

Первое заседание Совместной советско-американской комиссии по образованию Временного Корейского демократического правительства состоялось 20 марта в Сеуле. Главами советской и американской делегаций являлись соответственно генералы Т. Ф. Штыков и А. Арнольд.

Продуктивность работы комиссии с самого начала оставляла желать лучшего. Стороны не могли прийти к общему решению ни о принципах организации Временного правительства, ни о механизмах осуществления опеки над Кореей. Особые разногласия вызвал вопрос о порядке консультаций с корейскими политическими партиями и организациями. Ни одна из сторон не могла пойти на значительные уступки, что и привело к тупику в переговорах и последующей приостановке работы комиссии 6 мая 1946 г.

В условиях, когда переговоры в Совместной комиссии становились менее и менее продуктивными, американцы не могли не задумываться об альтернативных путях решения корейского вопроса. В этой ситуации актуальная информация о происходящем на Севере приобретала большое значение, поскольку позволяла делать выводы о тактике и планах действий СССР в Корее, а также о перспективах объединения двух оккупационных зон в будущем. Поскольку территория севернее 38-й параллели была закрыта для свободного посещения представителями «свободного мира», в ход шли дипломатия и разведка.

Так, летом 1946 г. личный представитель президента США в Межсоюзной репарационной комиссии Э. Поули изъявил желание посетить Северную Корею. Цель этой поездки, которую посол США в Москве У. Смит называл «причудой много думающего о себе человека» [37], заключалась в проверке информации о реквизициях промышленного оборудования корейских предприятий советскими войсками [38]. Итогом миссии Поули стало полное развенчание американских и южнокорейских спекуляций на эту тему. Проверив около 60% предприятий тяжёлой промышленности Севера, американский дипломат не нашёл серьёзных доказательств демонтажа и вывоза на территорию СССР северокорейского промышленного оборудования [39]. Впрочем, к тому моменту слухи об этом уже сыграли свою роль в укреплении негативных представлений об СССР в глазах корейцев и американцев. Более интересными представляются наблюдения Поули по общим аспектам ситуации в советской оккупационной зоне. Пребывая севернее 38-й параллели, он пришёл к выводу, что после падения японского колониального режима (где именно японцы контролировали железные дороги, производство электроэнергии и большую часть промышленности) прижиться коммунизму в Корее проще, чем где бы то ни было ещё. Американский дипломат стал свидетелем массовой коммунистической пропаганды, чьи простые популистские лозунги находили отклик в сердцах политически неграмотных рыбаков и крестьян, составлявших около 70% населения полуострова, и убедился, что Советская армия готова надолго задержаться в Корее. Поули рекомендовал принудить СССР к исполнению решений Московского совещания, и, что не менее важно, параллельно развернуть активную пропагандистскую и образовательную кампанию, которая, вкупе со всесторонней экономической помощью, поможет предотвратить победу коммунизма на полуострове. Предложения Поули легли на стол президенту США Г. Трумэну в конце июня 1946 г., и, большей частью, были поддержаны. В ответном письме американский лидер особенно подчеркнул, что ключом к решению корейского вопроса является не столько исполнение решений Московского совещания, сколько интенсификация собственных усилий по построению независимого и демократического корейского государства [40].

В условиях неопределённости дальнейшей судьбы Кореи активизировались усилия разведывательных ведомств. Ранее действующий запрет на разведывательную деятельность на контролируемой СССР территории был снят, и к июлю 1946 г. Подразделение стратегических служб (Strategic Services Unit) США подготовилось к развёртыванию на территории Северной Кореи шпионской сети, состоящей из специально обученных корейцев [41]. Несмотря на недостаток источников информации [42], первый детальный отчёт о ситуации на полуострове был готов уже к 3 января 1947 г. Аналитики американской разведки утверждали, что, несмотря на наличие некоторых признаков недовольства местного населения советскими оккупационными властями, на севере удалось построить прочный и стабильный коммунистический режим [43]. В документе отмечалось, что Москва гораздо больше преуспела в советизации Северной Кореи, чем Вашингтон в демократизации Южной [44]. В отличие от строго контролируемой советской зоны, для территории южнее 38-й параллели были характерны частые волнения и беспорядки, усугубляемые советской пропагандой. Тяжёлым было и экономическое положение Юга [45]. Особое беспокойство вызывала информация о подготовке на Севере 300–400-тысячной корейской армии, которая могла быть использована для скрытой интервенции и поддержки возможного антиамериканского восстания [46]. Масштаб преувеличений становится понятным, учитывая, что реальная численность Корейской народной армии даже к 1949 г. составляла 97 500 бойцов [47].

Судя по всему, во второй половине 1946 г. на основании имеющихся у них данных американцы окончательно пришли к выводу о твёрдом намерении Москвы получить контроль над всей территорией Корейского полуострова и признали заметные успехи коммунистов в этом деле. Всерьёз стала восприниматься военная угроза, идущая с Севера. Так, в конце октября 1946 г.

генерал Ходж впервые сообщил о перехвате плана вторжения подготовленной советскими советниками северокорейской армии на Юг [48]. Предшествующая политика американской администрации в Корее была признана малоэффективной, происходит её пересмотр и резкая смена курса – Вашингтон уже не возлагал серьёзных надежд на дипломатические методы решения корейской проблемы и отдал предпочтение созданию стабильного и лояльного южнокорейского режима, который был бы достаточно прочен, чтобы ограничить аппетиты Советского Союза и вынудить его согласиться с выгодной американцам трактовкой решений Московского совещания. Тенденции соперничества в советско-американских отношениях по корейскому вопросу окончательно возобладали.

Тем не менее отказа от сотрудничества Советского Союза и Соединённых Штатов под эгидой Совместной комиссии в тот период не произошло. Усилиями дипломатических ведомств двух стран заседания комиссии были возобновлены 21 мая 1947 г. Однако, несмотря на первые успехи, комиссия вскоре вновь стала местом бесплодных дискуссий, которые продолжались вплоть до конца лета.

В июле 1947 г. Пхеньян посещает политический советник администрации США в Корее Дж. Джейкобс. На месте он убеждается, что на Севере Кореи Москве удалось построить полноценное коммунистическое государство со всеми необходимыми атрибутами – вездесущими портретами И. В. Сталина и Ким Ир Сена, забытыми коммунистической литературой книжными магазинами и тайной полицией. Тем временем некоммунисты изгонялись из правительственных учреждений, молодёжь отправлялась учиться на территорию СССР, а промышленность стремительно национализировалась. Выводы американского дипломата не вселяли оптимизма – даже если бы Совместной комиссии и удалось реализовать решения Московского совещания, интеграция обеих Корей стала бы крайне трудной задачей. Кроме того, прочный коммунистический режим на Севере расшатывал и без того нестабильную ситуацию на Юге [49]. С мнением Джейкобса был согласен и направленный со специальной миссией в Китай и Корею представитель президента Трумэна генерал А. Ведемейер [50].

В результате к концу 1947 г. американцы окончательно приходят к выводу о бесперспективности диалога с советской делегацией в Совместной комиссии и необходимости выбора принципиально иного способа решения корейского вопроса. 17 сентября 1947 г. Вашингтон объявляет о намерении передать его на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН [51]. Несмотря на протесты со стороны СССР, 28 октября в политическом комитете ГА ООН началось обсуждение корейского вопроса. Советское предложение об обоюдном выводе войск было отклонено, и 14 ноября принимается резолюция Генеральной Ассамблеи по Корее, составленная на основе американского проекта. В ней рекомендовалось провести выборы в Национальное собрание по всей территории полуострова до 31 марта 1948 г., для наблюдения за ними предполагалось создать специальную комиссию ООН [52]. Естественно, сотрудничать с Временной комиссией ООН по Корее Советский Союз отказался [53]. Позиция США в ООН подкреплялась информацией, получаемой от перебежчиков, которые сообщали о проходивших в сентябре-октябре собраниях представителей армии, службы госбезопасности и береговой охраны, на которых всерьёз обсуждался план нападения на Юг силами северокорейских вооружённых сил в момент, когда ООН потребует их роспуска. Участие Советской армии планом не предусматривалось. Анализируя полученные сведения, Дж. Джейкобс пришёл к заключению, что советское предложение об одновременном выводе войск на деле должно было создать благоприятные условия для северокорейской армии [54].

Итак, к концу 1947 г. раскол Корейского полуострова становился неизбежным. И США, и СССР встали на путь оформления двух обособленных враждебных друг другу режимов. Этот процесс ознаменовал торжество тенденций конкуренции в советско-американских отношениях. Чтобы не уступить в борьбе, обе стороны были готовы пренебрегать интересами корейского народа и соблюдением двусторонних договорённостей. Не ставя под сомнение взаимную ответственность сторон в расколе, хотелось бы отметить, что ключевым триггером, после активации которого события приобрели необратимый характер, стало утверждение в среде американского истеблишмента уверенности в силе и прочности северокорейского режима на фоне слабости южнокорейского. Шансы на победу коммунизма в Корее воспринимались как неприемлемо высокие. Альтернативу американцы видели лишь в отходе от исполнения Московских решений, что и было реализовано через Генеральную Ассамблею ООН в нарушение прежних договорённостей с СССР. В свою очередь, Советский Союз благоразумно не стал принимать новые правила игры, произвольно меняющиеся Вашингтоном [55].

Выбор нового курса по корейскому вопросу не снизил интерес американцев к ситуации на Севере, поскольку она продолжала оказывать непосредственное влияние на положение на Юге.

Отныне на повестке дня стояли вопросы ответной реакции СССР на односторонние действия американцев и проблема ожидаемого вывода оккупационных войск. Отчёт ЦРУ от 3 февраля 1948 г. содержал сведения об усиливающемся контроле Москвы над созданием северокорейского режима по советской модели во главе с «великим лидером» Ким Ир Сеном, преследованиях диссидентов и успехах экономики. Советская пропаганда всячески готовила северных корейцев к возможной «войне за национальное освобождение». Так, в ходе торжеств в честь двухлетия Корейской народной армии большое внимание придавалось выступлениям южан против деятельности комиссии ООН. К тому времени северокорейская армия насчитывала уже 125 000 человек, была оснащена и обучена [56]. На уже упомянутых торжествах выступающие позиционировали её как единую армию для всей Кореи и призывали южан признать этот факт [57].

О размахе антиамериканской пропаганды свидетельствовали и данные Информационной службы ЦРУ по иностранному радиовещанию. Северокорейские радиостанции рассказывали о вине американцев в провале переговоров по Корее, их стремлении утвердить на Юге марионеточный режим [58], а также о попытках южных корейцев помешать империалистическим замыслам США [59]. Руководствуясь поступающей информацией, американцы постепенно приходили к выводу о стремлении СССР форсированно превратить существующее *de facto* северокорейское правительство в общенациональное правительство Кореи, которое будет признано по крайней мере частью советских сателлитов [60].

10 мая 1948 г. в южной части Кореи состоялись выборы в Национальное собрание. Им сопутствовали преследования левых партий, силовое подавление демонстраций оппозиции. Члены центральной избирательной комиссии назначались американцами [61]. 15 августа было провозглашено создание Республики Корея. В ответ на односторонние действия США в Южной Корее в июне 1948 г. в Пхеньяне прошло совещание политических партий Севера и Юга, на котором было принято решение о проведении 25 августа 1948 г. всеобщих выборов в Верховное народное собрание и образовании единого корейского правительства. 9 сентября 1948 г. была провозглашена Корейская Народная Демократическая Республика. Процесс разделения Кореи на два независимых государства был завершён. Ключевым документом, определявшим политику США на полуострове после 1948 г. стал меморандум Совета по национальной безопасности США СНБ-8, значительная часть которого была посвящена мерам предотвращения распространения влияния Кремля на всю территорию полуострова [62].

Анализируя эволюцию внешней политики США в Корее, можно выделить три этапа в последовательной смене представлений о положении на Севере. На первом (август – декабрь 1945 г.) американцы лишь присматривались к действиям своего будущего оппонента. Активность СССР хотя и вызывала непонимание, но не оказывала прямого влияния на советско-американский диалог по вопросу о будущем Кореи. На втором этапе (1946 – осень 1947 г.) происходит формирование образа советской угрозы. На фоне неудач Совместной комиссии противоречия между недавними союзниками усугубляются, а поступающая с Севера информация начинает внушать всё большие опасения. Вопрос, насколько представления американцев о положении севернее 38-й параллели соответствовали действительности, остаётся дискуссионным. Однако как бы то ни было, СССР сумел быстро утвердить более эффективный и стабильный режим. Его мощь преувеличивалась, в глазах американцев он начинал выглядеть как серьёзная угроза, способная обеспечить победу коммунизма на полуострове в случае объединения страны. Последний этап (до провозглашения Республики Корея) – период активного реагирования на «красную угрозу». Американцы стремились любой ценой предотвратить победу коммунистов во всей Корее. Резкой смене курса способствовали поступающие сведения о военной угрозе, исходящей с Севера. На третьем этапе раскол полуострова на два враждебных друг другу государства стал неотвратимым. Он стабилизировал положение на полуострове и позволил обеим великим державам спокойно вывести свои войска из Кореи. Новый виток напряжённости был связан в первую очередь уже с внутрикорейским и китайским факторами.

Таким образом, влияние представлений об эффективной советизации Северной Кореи на курс внешней политики США со временем росло. В целом, нельзя говорить, что именно они стали ключевой причиной раскола Кореи, который был практически предопределён сложным комплексом внешних и внутренних факторов. Однако именно осознание опасности с Севера стало для американцев одной из важнейших причин для принятия решения о прекращении попыток достигнуть взаимоприемлемого соглашения с СССР и начала реализации сценария создания сепаратного южнокорейского государства.

Примечания

1. Baptism By Fire: CIA Analysis of the Korean War Overview | CIA FOIA (foia.cia.gov). URL: <http://www.foia.cia.gov/collection/baptism-fire-cia-analysis-korean-war-overview#FBIS>, свободный.
2. Lankov A. Crisis in North Korea. The Failure of De-Stalinization, 1956. Honolulu, 2005. P. 214.
3. Yoon Kwon Chae Christians in North Korea. URL: http://www.kcgm.org/north_korea.html, свободный; Cumings B. The Origins of the Korean war (in 2 vols.). Vol. 2. Roaring the Cataract, 1947–1950. Seoul, 2004. P. 319.
4. Tikhonov V. South Korea's Christian Military Chaplaincy in the Korean War – religion as ideology?// The Asia-Pacific Journal. Vol. 11. Issue 18. № 1. May 6. 2013.
5. Roxborough J. Christianity in Korea: nationalism, identity and church growth. URL: <http://roxborough.com/REFORMED/korea.htm>, свободный.
6. Armstrong C. The North Korean revolution. Ithaca, 2003. P. 46–47.
7. War department – Strategic services unit official dispatch. 4 November 1946. URL: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/CI/00199/all.pdf>, после регистрации.
8. Foreign Relations of United States (Далее – FRUS). 1945. Vol. 6. P. 1065–1066; War Department Incoming Classified Message, October 1, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-14.pdf, свободный. P. 1.
9. War Department Incoming Classified Message, September 18, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-15.pdf, свободный. P. 2.
10. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1072–1073.
11. Ibid. P. 1112–1113.
12. Ibid. P. 1149–1150.
13. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 7. Папка 5. Дело 23. Л. 3.
14. Ведомство, ответственное за цензуру и распространение правительственной пропаганды.
15. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1067; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf, свободный. P. 6–7.
16. Ibid. P. 3.
17. Ibid. P. 8.
18. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1129–1130.
19. Ibid. P. 1146; Hodge, J. With the US Army in Korea // National Geographic Magazine. 1947. June. P. 840; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf, свободный. P. 10.
20. Ibid.; FRUS 1945. Vol. 6. P. 1146–1147.
21. War Department Incoming Classified Message, September 18, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-15.pdf, свободный. P. 2.
22. Soon Sung Cho Korea in world politics 1940–1950. Berkeley, 1967. P. 94.
23. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1143.
24. Ibid. P. 1072.
25. Ibid. P. 1055.
26. War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf, свободный. P. 11.
27. Впоследствии пилотом этого самолёта Юджином Харвудом была написана автобиография «Благородное сердце», в которой он называл себя одним из первых непосредственных участников холодной войны. См. Harwood E. Honorable Heart: Memoirs from Colorado to B-29s to Iowa/ E. Harwood, B. Hartwig (Harwood). Morgan Hill, 2009.
28. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1143; P. 1146.
29. Ibid. P. 1051.
30. Cumings B. The Origins of the Korean war (in 2 vols.). Vol. 1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Seoul, 2002, P. 183.
31. Ibid. P. 186.
32. Ibid. P. 392.
33. FRUS 1945, Vol. 6, P. 1148–1149.
34. FRUS 1946, Vol. 8. P. 647.
35. Ibid. P. 641.
36. Ibid. P. 645.
37. Советско-американские отношения. 1945–1949. Документы. М., 2004. С. 251.
38. MacArthur told Pauley's goals // Miami daily news. 1946. May 12. URL: <http://news.google.com/newspapers?nid=2206&dat=19460512&id=CgotAAAAIbAJ&sjid=Y9YFAAAAIAAJ&pg=3809,4348922>, свободный.
39. FRUS 1946, Vol. 8. P. 707; North Korea's heavy industries, The morning bulletin, Rockhampton, June 12, 1946. URL: <http://trove.nla.gov.au/ndp/del/article/56447300>, свободный.
40. FRUS 1946. Vol. 8. P. 713.

41. Strategic Services Unit Station in Japan. Top Secret, Cable, July 08, 1946, 4 pp. U. S. Intelligence and China: Collection, Analysis, and Covert Action, CI00149 URL: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/CI/00149/all.pdf> , после регистрации. P. 2.
42. «The Situation in Korea» Office of Reports and Estimates 5/1., 1947 January 3. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-4.pdf , свободный. P. 5.
43. Ibid. P. 6.
44. Ibid. P. 1.
45. Ibid. P. 6–7.
46. Ibid. P. 9.
47. Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000. С. 36.
48. FRUS 1946. Vol. 8. P. 750.
49. FRUS 1947. Vol. 6. P. 690–691.
50. Ibid. P. 799.
51. Ibid. P. 794.
52. Ibid. P. 857–859; Resolutions: General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II)[A-B] The problem of the independence of Korea. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf>, свободный.
53. FRUS 1947. P. 856; Encyclopedia of the Korean war: A Political, Social, and military History. Vol. III / ed. by S. C. Tucker. Santa-Barbara; Denver; Oxford, 2000. P. 806.
54. FRUS 1947. P. 845.
55. Стоит отметить, что несмотря на ожидание Вашингтоном именно такой реакции Москвы, в Координационном комитете государственного, военного и морского департаментов была изучена и противоположная возможность. Американцы опасались, что в случае согласия Советского Союза с условиями резолюции ООН левые силы могут получить большинство в парламенте объединённой Кореи за счёт вмешательства коммунистов в демократический процесс на Севере. В таком случае победившие с большим преимуществом левые из советской оккупационной зоны смогли бы объединиться с вполне вероятно получившими бы значительный процент голосов левыми Юга. Для противодействия такому развитию событий в комитете предлагали отказываться признавать выборы на Севере до того, как они будут проведены «в условиях, которые эффективно обеспечат полную свободу выражения людьми этой зоны своей воли». См.: Encyclopedia of the Korean war. Vol. III. P. 806. Естественно, критерии, по которым надо было оценивать «свободу» корейского народа, выбирали бы впоследствии сами американцы.
56. The Current Situation in Korea Secret, Intelligence Estimate, March 18, 1948, 10 pp. Soviet Estimate, SE00024. URL: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/SE/00024/all.pdf> , после регистрации. P. 4–6. Стоит отметить, что данные сведения противоречат советской информации о сравнительно боеготовности Корейской народной армии – в июне 1949 г. Т. Ф. Штыков сообщал в Москву о её абсолютной неготовности к отражению массированного удара с Юга. См.: Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000. С. 19.
57. FRUS 1948. P. 1130. Стоит отметить, что, по оценкам аналитиков ЦРУ, для доведения южнокорейских вооружённых сил уровня КНА американцам требовался по крайней мере год. См.: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/SE/00024/all.pdf> P. 4.
58. Korea: American «guilt» reiterated. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/44/1948-02-27.pdf, свободный. P. 1.
59. Special report 5. March 1948. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/44/1948-03-05.pdf , свободный. P. 3.
60. FRUS 1948. Vol. 6. P. 1131.
61. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1119. Л. 78.
62. FRUS 1948. Vol. 6, P. 1169.

Notes

1. Baptism By Fire: CIA Analysis of the Korean War Overview | CIA FOIA (foia.cia.gov). Available at: <http://www.foia.cia.gov/collection/baptism-fire-cia-analysis-korean-war-overview#FBIS> free.
2. Lankov A. Crisis in North Korea. The Failure of De-Stalinization, 1956. Honolulu, 2005. P. 214.
3. Yoon Kwon Chae Christians in North Korea. Available at: http://www.kcgm.org/north_korea.html free; B. Cumings, The Origins of the Korean war (in 2 vols.). Vol. 2. Roaring of the Cataract, 1947-1950. Seoul, 2004. P. 319.
4. Tikhonov V. South Korea's Christian Military Chaplaincy in the Korean War – religion as ideology?// The Asia-Pacific Journal. Vol. 11. Issue 18. No. 1. May 6. 2013.
5. Roxborough, J. Christianity in Korea: nationalism, identity and church growth. URL: <http://roxborough.com/REFORMED/korea.htm> free.
6. C. Armstrong, The North Korean revolution. Ithaca, 2003. P. 46-47.
7. War department – Strategic services unit official dispatch. 4 November 1946. Available at: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/CI/00199/all.pdf> after check-in.
8. Foreign Relations of United States (Hereafter FRUS). 1945. Vol. 6. Pp. 1065-1066; War Department Incoming Classified Message, October 1, 1945. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-14.pdf free. P. 1.

9. War Department Incoming Classified Message, September 18, 1945. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-15.pdf free. P. 2.
10. FRUS 1945. Vol. 6. Pp. 1072-1073.
11. Ibid. Pp. 1112-1113.
12. Ibid. Pp. 1149-1150.
13. AVP (Archive of International Policy) RF. F. 102. Sh. 7. Folder 5. Case 23. Sh. 3.
14. The Agency responsible for the censorship and dissemination of government propaganda.
15. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1067; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf free. Pp. 6-7.
16. Ibid. P. 3.
17. Ibid. P. 8.
18. FRUS 1945. Vol. 6. Pp. 1129-1130.
19. Ibid. 1146 P.; Hodge, J. With the US Army in Korea // National Geographic Magazine. 1947. June. P. 840; War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf free. P. 10.
20. Ibid.; FRUS 1945. Vol. 6. Pp. 1146-1147.
21. War Department Incoming Classified Message, September 18, 1945. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-15.pdf free. P. 2.
22. Soon Sung Cho, Korea in world politics 1940-1950. Berkeley, 1967. P. 94.
23. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1143.
24. Ibid. P. 1072.
25. Ibid. P. 1055.
26. War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf free. P. 11.
27. Subsequently, the pilot of this plane Eugene Harwood had written the autobiography "Noble heart", in which he called himself one of the first direct participants of the cold war. See: Harwood E. Honorable Heart: Memoirs from Colorado to B-29s to Iowa/ E. Harwood, B. Hartwig (Harwood). Morgan Hill, 2009.
28. FRUS 1945. Vol. 6. P. 1143; P. 1146.
29. Ibid. P. 1051.
30. Cumings B. The Origins of the Korean war (in 2 vols.). Vol. 1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945-1947. Seoul, 2002, P. 183.
31. Ibid. P. 186.
32. Ibid. P. 392.
33. FRUS 1945, Vol. 6. Pp. 1148-1149.
34. FRUS 1946, Vol. 8. P. 647.
35. Ibid. P. 641.
36. Ibid. P. 645.
37. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1945-1949* – Soviet-American relations. 1945-1949. Documents. M. 2004. P. 251.
38. MacArthur told Pauley's goals // Miami daily news. 1946. May 12. Available at: <http://news.google.com/newspapers?nid=2206&dat=19460512&id=CgotAAAAIbAJ&sjid=Y9YFAAAAIAAJ&pg=3809,4348922> free.
39. FRUS 1946, Vol. 8. P. 707; North Korea's heavy industries, The morning bulletin, Rockhampton, June 12, 1946. Available at: <http://trove.nla.gov.au/ndp/del/article/56447300> free.
40. FRUS 1946. Vol. 8. P. 713.
41. Strategic Services Unit Station in Japan. Top Secret, Cable, July 08, 1946, 4 pp. U.S. Intelligence and China: Collection, Analysis, and Covert Action, CI00149 Available at: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/CI/00149/all.pdf> after check-in. P. 2.
42. "The Situation in Korea" Office of Reports and Estimates 5/1., 1947 January 3. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-4.pdf free. P. 5.
43. Ibid. P. 6.
44. Ibid. P. 1.
45. Ibid. Pp. 6-7.
46. Ibid. P. 9.
47. Torkunov A.V. *Zagadochnaya vojna: korejskij konflikt 1950-1953 godov* [The Mysterious war: Korean conflict of 1950-1953]. M. 2000. P. 36.
48. FRUS 1946. Vol. 8. P. 750.
49. FRUS 1947. Vol. 6. Pp. 690-691.
50. Ibid. P. 799.
51. Ibid. P. 794.
52. Ibid. Pp. 857-859; Resolutions: General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II)[A-B] The problem of the independence of Korea. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf>, free.

53. FRUS 1947. P. 856; Encyclopedia of the Korean war: A Political, Social, and military History. Vol. III / ed. by S. C. Tucker. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2000. P. 806.

54. FRUS 1947. P. 845.

55. It should be noted that despite the expectation by Washington that very reaction of Moscow, Coordinating Committee state, war and Navy departments studied and the opposite possibility. The Americans feared that in case of the consent of the Soviet Union with the terms of the UN resolution leftists can get a majority in Parliament of a unified Korea due to the intervention of Communists in the democratic process in the North. In this case, the left from the Soviet occupation zone winning with a big advantage were able to team up with likely would have received a significant percentage of voters left the South. To struggle such development of events the Committee has proposed to refuse to recognize the elections in the North before they would be held "in conditions that effectively ensure full freedom of expression people of this area their will". See: Encyclopedia of the Korean war. Vol. III. P. 806. Naturally, the criteria for which it was necessary to evaluate the "freedom" of the Korean people, was chosen later by the Americans themselves.

56. The Current Situation in Korea, Secret, Intelligence Estimate, March 18, 1948, 10 pp. Soviet Estimate, SE00024. Available at: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/SE/00024/all.pdf> after check-in. Pp. 4-6. It should be noted that these data contradict the Soviet information about the comparative readiness of the Korean people's army in June, 1949. T. F. Shtykov informed Moscow about its absolute unwillingness to repel a massive blow from the South. See: Torkunov A.V. *Zagadochnaya vojna: korejskij konflikt 1950–1953 godov* [The Mysterious war: Korean conflict of 1950-1953]. M. 2000. P. 19.

57. FRUS 1948. P. 1130. It is worth noting that, according to the analysts of the CIA, to bring a South Korean level of the armed forces of the kPa Americans needed at least a year. See: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/SE/00024/all.pdf>. P. 4.

58. Korea: American "guilt" reiterated. Available at: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/44/1948-02-27.pdf free. P. 1.

59. Special report 5. March 1948. Available at: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/44/1948-03-05.pdf free. P. 3.

60. FRUS 1948. Vol. 6. P. 1131.

61. RGASPI. F. 17. Sh. 128. File 1119. Sh. 78.

FRUS 1948. Vol. 6. P. 1169.

УДК 94(498)

М. А. Росина

Позиция Соединенных Штатов по румынской проблеме в 1944–1945 гг.*

В статье исследуется изменение позиции США по румынскому вопросу на завершающем этапе войны и в первые послевоенные месяцы. Анализируются приоритетные направления и основные принципы политики Соединенных Штатов в отношении Румынии, а также факторы, повлиявшие на формирование американского курса. Раскрывается суть румынского политического кризиса марта 1945 г. и проводится анализ изменения американской позиции по проблеме признания правительства П. Грозы.

Автор приходит к выводу, что в 1944 г. официальный Вашингтон оптимистично смотрел на перспективы отношений с Бухарестом и не ожидал возникновения серьезных проблем в будущем. После событий марта 1945 г. позиция США ужесточилась, однако из-за отсутствия эффективных инструментов воздействия на ситуацию им пришлось признать де-факто установление советского контроля над Румынией.

The article examines the changing US position on the Romanian problem in the final stages of the war and in the early postwar months. It analyzes the basic principles of the policy of the United States towards Romania, and the factors that influenced on the development of US policy. Reviews the essence of the Romanian political crisis of March 1945 and it analyzes the American sights at the problem of a recognition of the Groza's government.

The author concludes that in 1944, official Washington optimistically looking at the future of the relations with Bucharest and does not expect any serious problems. After the events of March 1945 the United States changed their position, but because of the lack of effective tools to influence the situation, they had to accept the de facto establishment of Soviet control over Romania.

Ключевые слова: внешняя политика США, Румыния, Вторая мировая война, холодная война, международные отношения, послевоенное мирное урегулирование, советизация Румынии.

Keywords: foreign policy of the United States, Romania, World War II, the cold war, international relations, the postwar peace settlement, the Sovietization of Romania.

На завершающем этапе Второй мировой войны вопрос о мирном урегулировании в послевоенной Европе начал стремительно переходить из области теоретических проектов в сферу практической реализации. В связи с сокрушительными поражениями в боях на Дону и под Сталинградом, нарастанием экономической истощенности страны, а также назреванием острого политического кризиса поражение Румынии казалось неизбежным.

Особое значение для США приобрели вопросы о послевоенной политике Кремля в Восточной Европе и на Балканах [1].

В Государственном департаменте считали обязательным применять к Румынии общие для всей американской внешней политики фундаментальные положения: обеспечение прав и свобод человека, суверенитет, свобода торговли и равные возможности во всём мире [2].

Подготовка условий перемирия была возложена на советских дипломатов. Государственный секретарь Хэлл исходил из того, что США не были намерены в ближайшее время предоставлять свою помощь для ведения операций в этом районе, а по вражескому блоку должен быть нанесён максимально возможный удар, поэтому условия предстоящего перемирия должны в значительной степени учитывать интересы СССР, которому предстояло продолжать борьбу в этом регионе [3].

К 12 апреля 1944 г. Москвой были разработаны условия перемирия с Бухарестом. В соответствии с ними Кремль получил несоизмеримо бóльшие возможности влиять на события в Румынии, нежели западные союзники. Условия были одобрены Вашингтоном и Лондоном, однако в письме американскому послу в Москве А. Гарриману К. Хэлл отмечал, что со стороны СССР было бы неплохо пообещать румынам действовать только после взаимных консультаций с державами Большой тройки, вследствие чего «будущее румынской нации» не окажется исключительно в руках Кремля [4].

Впоследствии экс-сотрудник Государственного департамента, историк Дж. Кэмпбелл, непосредственно занимавшийся восточноевропейскими делами, отмечал, что американским внешнеполитическим ведомством все важнейшие вопросы мирного урегулирования предполагалось решить после разгрома врага. По мнению Кэмпбелла, советской стороне удалось воспользоваться этим обстоятельством. Выдвигавшиеся ею требования не всегда соответствовали пожеланиям Вашингтона, однако «с политической и моральной точек зрения» торговаться с СССР тогда было очень сложно [5].

Вместе с тем полностью отрицать вероятность того, что Москва захочет воспользоваться своими преимуществами, было нельзя. Стремясь предотвратить распространение советского контроля на всю Восточную Европу и Балканы, премьер-министр Великобритании У. Черчилль весной 1944 г. поставил вопрос о разделе районов военных операций западных союзников и СССР. Он подчеркнул необходимость «что-то противопоставить преобладающему влиянию Советов в Румынии, учитывая, что ни он сам, ни Рузвельт не располагают войсками в этом районе» [6] и предложил договориться с Москвой о предоставлении западным союзникам свободы действий в Греции, взамен на свободу действий советской стороны в Румынии.

Рузвельт и Хэлл являлись противниками политики сфер влияния. Президент был убежден, что до конца войны [а в идеале и в послевоенном мире. – М. Р.] никакого разграничения на сферы особого влияния среди союзников быть не должно. Глава Госдепартамента считал, что у США нет собственных территориальных интересов в районах боевых действий, поэтому не надо создавать у своих соотечественников впечатление, что страна воюет ради достижения корыстных целей европейских держав. К тому же любая сепаратная сделка могла возбудить подозрительность среди основных участников коалиции, негативно сказаться на военных усилиях, а также повлечь за собой опасность возникновения новых очагов напряженности [7].

Исходя из сложившейся обстановки и стремясь избежать споров между союзниками, 12 июня Рузвельт, не осведомляя Госдепартамент, всё-таки дал своё согласие на разграничение сфер военных действий, но только на трехмесячный срок. При этом президент настаивал на том, что речь не будет идти об установлении каких-либо сфер влияния [8].

Хэлл был неприятно удивлен этим решением. В своих мемуарах он отмечал, что «если бы американцы настойчиво выступили против англо-советского соглашения, то впоследствии у них не возникло бы столько трудностей на Балканах» [9].

23 августа в Бухаресте произошла смена правительства: королю и лидерам т. н. «исторических» партий НЦП и НЛП удалось совершить государственный переворот [10], в результате которого пронацистский режим маршала И. Антонеску прекратил своё существование. Румыния вы-

шла из войны. В документах внешнеполитического ведомства, датированных августом – началом сентября 1944 г., отмечалось, что в отношении Румынии Госдепартамент «большое значение придаёт советским взглядам», условия предстоящего перемирия должны основываться на предложениях Москвы, а все возможные изменения в них должны быть «приемлемы для Советского правительства» [11].

12 сентября 1944 г. на основе предложенных весной условий было подписано соглашение о перемирии держав Большой тройки с Румынией. По нему предусматривалось участие последней в борьбе против Германии под общим руководством союзного (советского) главнокомандования. Румынское правительство обязывалось возместить убытки, причиненные СССР, а также обеспечить советским войскам возможность беспрепятственного продвижения по румынской территории. Сторонами признавалась советско-румынская граница 1940 г., решения второго Венского арбитража аннулировались [12]. Для контроля за ходом выполнения соглашения была создана Союзная контрольная комиссия (СКК), которая осуществляла свои функции от имени трех союзных держав под общим руководством советского главнокомандования.

Высокая заинтересованность Кремля в установлении тесного сотрудничества с Румынией и его пристальное внимание к вопросу о её будущем оставались очевидными [13], и Вашингтон относился к этому с пониманием [14]. В тот момент американское руководство в целом с оптимизмом смотрело на перспективы послевоенного сотрудничества с Москвой и серьёзных трудностей в этом отношении не ожидало [15].

Информация о советских злоупотреблениях на румынской территории начала поступать во внешнеполитическое ведомство США с конца сентября 1944 г. Анализ событий того периода позволяет выявить разницу между восприятием происходивших событий сотрудниками Госдепартамента, находившимися в Вашингтоне и дипломатами, работавшими в СССР и странах Восточной Европы.

Дипломаты, лично наблюдавшие за советскими действиями и не имевшие возможности повлиять на ситуацию, всё более склонялись к мысли о предстоящем ухудшении американо-советских отношений. Временный поверенный в делах в Москве Дж. Кеннан призывал Госдепартамент занять твёрдую позицию в отношении восточного союзника. Он сообщал, что советские намерения в Центральной и Восточной Европе сводятся к одной цели – распространению своего влияния в этом регионе любыми способами [16]. Обеспокоенность по поводу открывавшихся перед Кремлем возможностей испытывал и посол США в СССР А. Гарриман. Он не питал иллюзий насчёт возможного развития событий в Румынии и придерживался мнения, что советское командование будет осуществлять неограниченный контроль над политической и экономической жизнью этой страны [17].

Рузвельт считал тактику прямого давления на Советский Союз не только бесперспективной, но и наименее выгодной для достижения целей Соединенных Штатов в ходе послевоенного мирного урегулирования [18]. Это было важной причиной, по которой официальный Вашингтон придерживался курса на построение отношений с Москвой в духе сотрудничества и совместного воплощения в жизнь принципов Атлантической хартии [19].

Политическая ситуация в Румынии на рубеже 1944–1945 гг. не требовала от западных представителей немедленных акций, так как действовавшие в этот период правительства Сана-теску и Радеску устраивали и Великобританию, и США [20]. Судя по американским документам, главным в отношении Румынии в тот период был вопрос о предельно допустимой степени влияния Советского Союза на неё.

Накануне Ялтинской конференции приоритетная долгосрочная цель Америки в отношении Румынии сводилась к обеспечению условий, открывающих перед этой страной возможность стать равноправным членом мирового сообщества, который не будет представлять угрозы безопасности других государств. Поскольку существовавшая контрольная комиссия давала очень широкие полномочия советским властям, статус и возможности американских представителей в бывших сателлитах Германии нуждались в уточнении. В первую очередь представители СКК должны были быть уверены в наличии свободы передвижения и возможности консультации с правительством США перед принятием важных решений [21].

Стремление к реализации идеи политической самостоятельности Румынии нашло своё отражение в предложенной американской делегацией и утвержденной в Ялте Декларации об освобожденной Европе. В соответствии с ней союзниками принималось обязательство о взаимных консультациях в переходный послевоенный период. Три правительства обязывались помогать «любому европейскому государству» и всем бывшим государствам-сателлитам «оси», если этого потребуют обстоятельства, «создавать условия внутреннего мира; ...создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обя-

занные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа» [22]. Применительно к Румынии предполагалась последовательная реализация зафиксированных в Декларации положений.

Румынский вопрос обратил на себя внимание в феврале 1945 г., когда в стране начался политический кризис. Англо-американские союзники увидели в этом вмешательство Москвы во внутренние дела Румынии и экспорт революции.

Сообщая о советском демарше в Вашингтон, глава военного представительства США в СКК К. Скайлер отметил, что дни правительства Радеску сочтены, и предложил своему руководству придерживаться жесткой позиции, чтобы предотвратить нарушение Советским Союзом ялтинских принципов и избежать гражданской войны в Румынии [23]. Однако его предложение не нашло поддержки в Военном департаменте. 23 февраля 1945 г. исполняющий обязанности государственного секретаря Дж. Грю сообщил официальному представителю Соединенных Штатов в Бухаресте Б. Берри, что в связи с заявлением В. М. Молотова об отсутствии у СССР цели изменить существующую социальную структуру Румынии, а также с учётом советской солидарности с положениями Крымской декларации, Госдепартамент не может занять позицию, ставящую под сомнение намерение Москвы исполнять взятые на себя обязательства [24]. Официальная позиция США сводилась к тому, что в Румынии должно быть сохранено коалиционное правительство [25].

Кризис завершился в марте 1945 г. приходом к власти просоветского правительства П. Грозы [26]. Произошедшее в Румынии стало одним из первых прецедентов, продемонстрировавших Соединенным Штатам, что, несмотря на союзнические соглашения, СССР будет действовать решительно в границах тех территорий, которые он определил как сферу обеспечения своей безопасности.

В начале марта 1945 г. действиям Москвы можно было найти оправдание: соглашение о перемирии предполагало обеспечение спокойствия в тылу Красной армии. Тем не менее, ощущая потенциальную угрозу от СССР, 7 марта лидеры Великобритании и США заявили о том, что новое румынское правительство не соответствует букве Декларации об освобождённой Европе, и отказались признать его законным [27]. Протесты США и их представителей были отвергнуты Советским Союзом [28]. Однако никаких более решительных мер с их стороны предпринято не было. Как отмечает Л. Дэвис, сохраняя надежду на будущее установление демократического правительства в Румынии, американцы не были готовы активно противостоять Москве [29]. Реакция западных лидеров на ликвидацию правительства Радеску свидетельствовала, с одной стороны, об усилении их обеспокоенности действиями СССР, а с другой – о нежелании обострять отношения внутри коалиции.

В послании Черчиллю от 11 марта Рузвельт отметил, что нельзя допустить того, чтобы решения Ялтинской конференции оказались безрезультатными. Глава Белого дома намеревался сделать всё от него зависящее, чтобы добиться от Сталина их добросовестного выполнения. Однако уже тогда президент подчеркнул, что сложно будет что-либо изменить [30]. Главная задача, которую предстояло решить, заключалась в том, чтобы, не препятствуя конструктивному диалогу с Москвой по иным аспектам послевоенного урегулирования, обозначить допустимый предел советского контроля над восточноевропейскими странами.

В апреле 1945 г. Ф. Рузвельта на посту президента сменил Г. Трумэн. Вопрос о взаимодействии с Москвой оказался для нового главы государства одним из наиболее трудных. Трумэн «опасался... встать на путь, который мог привести к новому мировому конфликту». Будучи недоволен тем, что у США и СССР разная интерпретация ялтинских соглашений и считая, что страны Юго-Восточной Европы нуждаются в установлении свободно избранных правительств, он в то же время был заинтересован в скорейшем вступлении русских в войну против Японии [31].

В американской внешней политике всё острее ощущалось влияние двух противоборствующих тенденций. Перед новым главой Белого дома встала сложная задача – учесть взгляды сторонников продолжения дружественных отношений с Советским Союзом и тех, кто считал, что настало время указать Москве границы её возможного влияния. Позиция президента в некоторой степени была двойственной: не скрывая от американского истеблишмента своего резкого недовольства советской политикой, публично он не акцентировал внимание на этом. Данное обстоятельство могло быть связано с необходимостью постепенно подводить американскую общественность к мысли, что в лице бывшего союзника Соединенные Штаты могут обрести будущего противника.

Признание просоветского кабинета Грозы создало бы крайне нежелательный прецедент, который шел бы вразрез с разработанной администрацией Рузвельта и унаследованной Трумэном глобальной внешнеполитической стратегией США. Трумэн в письмах Сталину подчеркивал принципиальную позицию правительства Соединенных Штатов, которое считает, что «полити-

ческое положение в Румынии должно стать предметом консультаций между тремя главными союзными правительствами» [32].

3 мая 1945 г. американский военный представитель в Румынии К. Скайлер сообщил в Госдепартамент, что СКК полностью находится под контролем Советского Союза, который использует её как средство для проведения быстрой коммунизации страны, а представители Соединенных Штатов и Великобритании не имеют возможности защищать свои национальные интересы. В качестве необходимых мер Скайлер предлагал в первую очередь наладить работу СКК таким образом, чтобы представители всех трех союзнических наций обладали равными полномочиями, а также расширить правительство Грозы, чтобы в нем в соответствующих пропорциях были представлены все политические силы [33]. Несмотря на внутренние противоречия по общему курсу американской политики в отношении СССР, официальная американская позиция по Румынии к моменту начала Потсдамской конференции содержала в своей основе именно эти требования [34].

В первые дни конференции американская сторона категорично заявила о своём отказе от дипломатического признания Бухареста. Восстановление отношений с правительствами Румынии и Болгарии предполагалось «только после того, как последние будут реорганизованы должным образом» [35]. Советская делегация стремилась, чтобы представляющие для Кремля интерес Болгария, Румыния, Венгрия и Финляндия не были поставлены в худшие условия, чем Италия.

По справедливому замечанию Ч. Болена, ничто в Потсдаме не создавало такой «глубочайшей пропасти» между СССР и западными союзниками, как спор о сущности демократии на Балканах и об исполнении условий Декларации об освобожденной Европе [36]. Расплывчатость предыдущих соглашений уже не устраивала западных лидеров, послевоенные реалии требовали конкретики.

Принятые на Потсдамской конференции решения по восточноевропейскому вопросу констатировали, что каждая союзная держава может самостоятельно решать вопрос о дипломатических отношениях с бывшими вражескими государствами [37]. Это в значительной степени соответствовало интересам Кремля. В Потсдаме не были реализованы планы западных союзников по установлению международного контроля за выборами в восточноевропейских странах.

Несмотря на существующие разногласия, руководству США важно было показать американской общественности преемственность политики нового президента и его выдающегося предшественника и подчеркнуть общность целей с СССР. 9 августа 1945 г. Трумэн выступил по радио перед своими соотечественниками с сообщением о результатах Потсдамской конференции. В нём он отдельно коснулся вопроса о судьбе восточноевропейских стран. Президент подчеркнул, что они не должны войти в сферу влияния какой-либо державы. В завершение своих слов Трумэн отметил, что три великие державы находятся в единении и намерены продолжать совместный путь к прочному и счастливому миру [38].

Уже через неделю после конференции советская сторона объявила о своём признании существующего румынского правительства. Одновременно с этим Государственный департамент подтвердил нежелание Вашингтона пойти на аналогичный шаг. Политический представитель Соединенных Штатов в Бухаресте Р. Мельбурн был проинструктирован сообщить румынским лидерам, что США намерены исполнять свои обязательства согласно Ялтинской декларации и требуют, чтобы в Румынии было сформировано действительно представительное правительство [39]. В условиях завершения войны американцы не желали полностью терять возможность воздействия на ситуацию в Юго-Восточной Европе. Непризнание румынского правительства позволяло им вести торг с Москвой по ряду насущных проблем. Кремль регулярно подчеркивал, что он не препятствует действиям Вашингтона и Лондона в Италии, Греции и Испании, рассчитывая на ответные уступки западных союзников в отношении Румынии и Болгарии [40].

11 сентября 1945 г. начала работу Лондонская сессия СМВД. Советскую делегацию возглавлял нарком иностранных дел В. М. Молотов, американскую – государственный секретарь Дж. Бирнс, английскую – министр иностранных дел Э. Бевин. Представители Москвы подчеркивали, что «в побежденной, особенно соседней стране СССР должен иметь какое-то влияние» [41]. При этом они выражали свою убежденность в демократическом характере существующего румынского правительства. Молотов отмечал, что в кабинете Грозы представлены социал-демократы, Земледельческий союз, коммунистическая партия, либералы и беспартийные. Представителям «исторических» партий тоже предлагалось занять в правительстве несколько мест, но они сами от этого отказались. Вмешательство советской стороны в мартовский кризис объяснялось необходимостью избежать беспорядков [42] в тылу Красной армии. Лондонская сессия СМВД не привела к решению проблемы, румынский вопрос оставался открытым.

Осенью 1945 г. референт советского посольства сообщил в Москву, что отказ Великобритании и США признать правительство Грозы связан с их боязнью потерять свои позиции на юго-востоке Европы. В подтверждение своих слов он приводил обзор зарубежных СМИ. Так, газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» отмечала, что «англо-американский капитал опасается, что он будет отстранен от эксплуатации румынских ресурсов». «Нью-Йорк Таймс» жаловалась по поводу образования советско-румынских коммерческих компаний, что монополия, предоставляемая России при помощи этих соглашений, будет препятствовать дальнейшему участию англо-американского капитала в развитии румынских богатств, поскольку воздушный и морской транспорт окажутся под абсолютным контролем Советского Союза». В октябре 1945 г. агентство Рейтер передавало, что «разногласия между Советским правительством и западными союзниками по вопросам торговой политики в Центральной и Юго-Восточной Европе выросли в один из главных спорных вопросов между ними» [43].

Для более глубокого анализа ситуации по инициативе Бирнса в период между Лондонской и Московской сессиями СМВД состоялся визит в Румынию журналиста, эмиссара и наблюдателя правительства США М. Этриджа. В своём отчёте по окончании поездки он отмечал, что кабинет Грозы является недемократическим и проводит курс, «противоречащий румынской политической традиции, ведущий к усилению экономической и политической зависимости Румынии от СССР» [44]. Американский наблюдатель писал о необходимости принятия неотложных и жестких мер по этой проблеме: «Если США желают соблюдать обязательства, принятые в Ялте и Потсдаме, следует оказать прямое давление на советское правительство». Рассуждая о геополитических последствиях внешней политики Москвы, Этридж отмечал: «Пока еще нет оснований полагать, что советская сторона стремится к чему-то большему, чем установление зоны безопасности с участием Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польши». Тем не менее просоветская ориентация Болгарии и Румынии в перспективе может быть использована для укрепления влияния Кремля в Греции и Турции, и особенно в черноморских проливах [45]. Американцами рассматривалась также вероятность того, что Москва может использовать румынский вопрос для укрепления своих позиций в Средиземноморье и на Среднем Востоке [46].

Впоследствии в одном из интервью Этридж отметил, что, несмотря на содержание предоставленного отчёта, Бирнс стремился к компромиссу с советской стороной и верил в возможность его достижения по любому вопросу. По мнению Этриджа, госсекретарю было свойственно «сбрасывать со счетов» резкость поступавших от Берри и Скайлера сообщений, и в целом он недостаточно серьёзно относился к сложившейся ситуации [47].

К началу Московской конференции СМВД, проходившей с 16 по 26 декабря 1945 г., советская сторона, стремясь поставить точку в вопросе о румынском правительстве, была готова на допуск в его состав нескольких членов «исторических» партий. Поэтому высказанное Бирнсом 22 декабря 1945 г. предложение о включении в кабинет Грозы представителей НЦП и НЛП не было отвергнуто и легло в основу американо-советского компромисса. Также было решено организовать поездку в Бухарест союзной комиссии во главе с А. Я. Вышинским, А. Гарриманом и А. Кларком Керром для консультаций с королём Михаем и румынскими государственными деятелями. Московская встреча министров иностранных дел привела к выгодному для СССР итогу.

Усиление позиций СССР в Юго-Восточной Европе продолжало вызывать серьёзные опасения главы Белого дома. В письме Бирнсу 5 января 1946 г. президент отметил, что для него очевидно стремление России к контролю над черноморскими проливами и выходом в Средиземноморье: «Я думаю, что мы не должны продолжать идти на компромисс. Мы должны отказаться признать Румынию и Болгарию, пока они не выполнят наших требований... мы также должны настаивать на интернационализации рейнско-дунайского водного пути и черноморских проливов. Я устал баловать Советов» [48]. Тем не менее в практической плоскости никаких действий, направленных на пересмотр соглашений по Румынии, предпринято не было.

Выступая на пресс-конференции, 8 января 1946 г. Трумэн отметил, что в целом он удовлетворён результатами Московских переговоров. На прямой вопрос о том, почему США собираются признать правительства Румынии и Болгарии, несмотря на их нелегитимный характер, президент ответил, что в качестве обязательного условия Соединенные Штаты потребовали гарантии проведения демократических выборов в этих странах [49]. «Нью-Йорк Таймс» сообщала, что глава Белого дома оставил за собой право отозвать признание Румынии, Болгарии и Югославии, если их развитие не будет приведено в соответствие с принципами Ялтинской декларации [50]. Вероятно, выступая публично, американский президент был несколько неискренен в оценке результатов Московской конференции. Приведённые выше цитаты из личных записей и воспоминаний Трумэна свидетельствуют о сложившемся у него к тому времени пессимизме по поводу румынского вопроса и в целом дальнейших отношений с СССР.

В ходе практической реализации московских соглашений американская сторона натолкнулась на стремление Кремля избежать включения в коалиционное правительство сильных фигур от оппозиционных партий. Гарриман отмечал, что в Бухаресте возможности представителей США и Великобритании были сильно ограничены. Вышинский и Гроза не давали им возможности отстаивать интересы западных держав.

5 февраля 1946 г. США официально признали правительство П. Грозы [51]. Вашингтон пошел на очередную уступку по румынскому вопросу. Ей способствовал и ряд объективных причин. Во-первых, Вашингтон не обладал эффективными рычагами воздействия ни на ситуацию в Румынии, ни на советскую политику в этой стране и был вынужден ограничиваться призывами к соблюдению ялтинских принципов и равноправия сторон в СКК. Москва, наоборот, умело использовала в своих интересах военное присутствие на территории Румынии, условия перемирия и трансильванский вопрос. Во-вторых, официальная позиция США, в отличие от СССР не имевших непосредственных национальных интересов в Румынии, формировалась в условиях отсутствия у американской политической элиты единой линии по выработке политики в отношении Кремля. Москва же была сосредоточена на обеспечении безопасности СССР в долгосрочной перспективе.

В 1944–1945 г. позиция Вашингтона в отношении Румынии в целом была довольно лояльной и отражала стремление к продолжению конструктивного диалога с Москвой. В период 1944 – февраля 1945 г. румынский вопрос рассматривался американской администрацией «в рабочем порядке». Руководство США не заостряло на нём особого внимания, не видя в то время грубых противоречий американским принципам.

Государственный департамент внимательно следил за развитием событий и стремился не упустить шанс заполучить средства воздействия на ситуацию в Румынии. Однако исходящие от американских дипломатов в Москве и Бухаресте призывы к ужесточению политики в отношении СССР в тот период не побуждали внешнеполитическое ведомство к решительным действиям. Принимая их во внимание, официальный Вашингтон продолжал ориентироваться на сохранение союзнических отношений с Москвой и после окончания войны. Американские интересы в послевоенной Румынии должна была обеспечить Декларация об освобожденной Европе, в которой нашли своё выражение принципы американского видения мироустройства.

После прихода в Белый дом Г. Трумэна румынская политика Соединённых Штатов выглядела несколько непоследовательной. Демонстрация принципиальной позиции накануне Потсдамской конференции не помешала фактическим уступкам по румынскому вопросу на самой конференции, а пришедшийся на сентябрь – ноябрь 1945 г. очередной виток настойчивых требований по радикальной реорганизации румынского правительства сменился в декабре согласием на его официальное признание практически в том самом виде, в каком оно и было изначально сформировано. Тем не менее в целом американскую позицию нельзя назвать нерешительной и противоречивой. Руководство США хорошо представляло, каким оно хочет видеть послевоенный мир. Проблема заключалась в том, что существующие реалии требовали как можно скорее показать Советскому Союзу пределы своего доверия к нему, не разрушив вместе с тем сложившегося за годы войны партнёрства.

Обеспокоенность США усилением советского влияния на румынскую экономику и появившейся у СССР практикой трактовать международные соглашения в свою пользу нарастала. Соединённые Штаты продолжали добиваться обеспечения своих интересов. Вашингтон стремился использовать складывавшуюся в Румынии ситуацию для решения более принципиальных для него вопросов послевоенного урегулирования.

Примечания

1. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. II. P. 1451.
2. FRUS. 1944. Vol. IV. P. 146–147.
3. Ibid. P. 163–164.
4. Ibid. P. 168–169.
5. Oral History Interview with John C. Campbell. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>.
6. Цит. по: Burns J. M. Roosevelt: the Soldier of Freedom 1940–1945. N.Y., 1970. P. 484.
7. Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1168, 1452, 1454.
8. FRUS. 1944. Vol. V. P. 117–121, 123–127; Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N. Y., 1979. P. 456; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1455.
9. Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1459.
10. Названные партии отличались своей антисоветской направленностью и стремлением к сотрудничеству с США и Великобританией.
11. FRUS. 1944. Vol. IV. P. 197–198, 203, 222.

12. По решениям второго Венского арбитража от 30 августа 1940 г. Румыния передавала Северную Трансильванию Венгрии.
13. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953 гг. / под ред. Т. В. Волокитиной. М., 1999. Т. 1. С. 24, 31–33.
14. FRUS. 1944. Vol. IV. P. 243; Ibid. 1945. Vol. V. P. 509–510; Ibid. Conferences at Malta and Yalta. P. 246–248.
15. *De Santis H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947. P. 108, 114.
16. *Hixson W. George F. Kennan.* Cold War Iconoclast. P. 23; FRUS. 1944. Vol. IV. P. 924.
17. *Harriman A., Abel E. A.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y., 1975. P. 424; *Hixson W.* Op. cit. P. 24.
18. *Позняков В. В.* Крымская конференция в оценке американских участников переговоров // Американский ежегодник. М., 1985. С. 180.
19. *De Santis H.* Op. cit. P. 4–5.
20. *Жигня К. Л.* Империалистическая политика США и Великобритании в отношении Болгарии и Румынии (1944–1947 гг.). М., 1987. С. 17–18, 26.
21. FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. P. 245–248; *Stettinius. E.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N. Y., 1949. P. 43, 87.
22. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав: СССР, США и Великобритании / под ред. А. А. Громыко. М., 1984. С. 270–271.
23. *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 424; *De Santis H.* Op. cit. P. 134.
24. FRUS. 1945. Vol. V. P. 475–476.
25. Ibid. P. 478–479, 483, 494.
26. Петру Гроза, занимавший пост премьер-министра Румынии с 6 марта 1945 г. по 2 июня 1952 г., был известен как активный антифашист, открыто симпатизировал коммунистической идеологии, но по факту членом коммунистической партии не являлся.
27. FRUS. 1945. Vol. V. P. 501.
28. *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. P. 312; *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 425.
29. *Davis L.* The Cold War Begins. Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974. P. 259.
30. *Harriman A., Abel E.* Op. cit. P. 425.
31. *Truman H.* Memoirs by Harry S. Truman. Vol. I. P. 245, 411–412; Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman / ed. by R. Ferrell. N. Y., 1980. P. 31.
32. Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 258.
33. FRUS. 1945. Vol. V. P. 541–544.
34. Ibid. P. 512, 522–524, 577–578.
35. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. А. А. Громыко. М., 1984. Т. VI. С. 181.
36. *Bohlen Ch.* Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973. P. 234.
37. Советский Союз на международных конференциях... Т. VI. С. 474.
38. Public Papers of the Presidents of the United States. 1945. [97]. P. 210, 214.
39. *Davis L. E.* Op. cit. P. 299.
40. Советско-американские отношения. 1945–1948 гг. / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004. С. 22, 32; Трансильванский вопрос... С. 332; *Truman H.* Memoirs... Vol. I. P. 365.
41. Советско-американские отношения, 1945–1948... С. 32.
42. Трансильванский вопрос... С. 331–332; Советско-американские отношения, 1945–1948... С. 31–32.
43. АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 336. П. 129а. Д. 7. Л. 14–15.
44. FRUS. 1945. Vol. V. P. 627–630; *Stone D. R.* The 1945 Ethridge Mission to Bulgaria and Romania and the Origins of the Cold War in the Balkans // Diplomacy & Statecraft. 2006. March. Vol. XVII. Issue 1. P. 93–112.
45. FRUS. 1945. Vol. V. P. 631–633, 637–641.
46. Navigating the Rapids... P. 548; *Feis H.* From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945–1950. N. Y., 1970. P. 124; *Davis L.* Op. cit. P. 333; Off the record... P. 79–80.
47. Oral History Interview with Mark F. Ethridge. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oral-hist/ethridge.htm>.
48. Off the Record... P. 80.
49. Public Papers of the Presidents of the United States. 1946. [6]. P. 9–10.
50. *Byrnes J.* All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 347.
51. АВП РФ. Ф. 0454. Оп. 3. П. 78. Д. 120. Л. 7–9; Там же. Ф. 566. Оп. 9. П. 144. Д. 331. Л. 84; A Decade of American Foreign Policy.... P. 1202.

Notes

1. *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. II. P. 1451.
2. FRUS. 1944. Vol. IV. Pp. 146–147.
3. Ibid. Pp. 163–164.
4. Ibid. Pp. 168–169.

5. Oral History Interview with John C. Campbell. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>.
6. Cit. by: Burns J. M. Roosevelt: the Soldier of Freedom 1940-1945. N. Y., 1970. P. 484.
7. Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1168, 1452, 1454.
8. FRUS. 1944. Vol. V. Pp. 117-121, 123-127; Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945. N. Y., 1979. P. 456; C. Hull, Op. cit. Vol. II. P. 1455.
9. Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1459.
10. The mentioned parties were notable for their anti-Soviet orientation and a desire to cooperate with the United States and Britain.
11. FRUS. 1944. Vol. IV. Pp. 197-198, 203, 222.
12. According to the decisions of the second Vienna award of 30 August 1940, Romania gave Northern Transylvania to Hungary.
13. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope, 1944-1953 gg.* – The Soviet factor in Eastern Europe, 1944-1953 gg. / under the editorship of T. V. Volokitina. M. 1999. Vol. 1. Pp. 24, 31-33.
14. FRUS. 1944. Vol. IV. P. 243; Ibid. 1945. Vol. V. Pp. 509-510; Ibid. Conferences at Malta and Yalta. Pp. 246-248.
15. H. De Santis. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933-1947. Pp. 108, 114.
16. W. Hixson. George F. Kennan. Cold War Iconoclast. P. 23; FRUS. 1944. Vol. IV. P. 924.
17. A. Harriman, Abel E.A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946. N. Y., 1975. P. 424; W. Hixson Op. cit. P. 24.
18. Poznyakov V.V. *Krymskaya konferenciya v ocnke amerikanskih uchastnikov peregovorov* [Crimean conference in the assessment of the American negotiators] // American Yearbook. M. 1985. P. 180.
19. H. De Santis. Op.cit. Pp. 4-5.
20. K. L. Zhignya *Imperialisticheskaya politika SSHA i Velikobritanii v otnoshenii Bolgarii i Rumynii (1944-1947 gg.)* [The imperialist policy of the USA and the UK in regard to Bulgaria and Romania (1944-1947 years)]. M. 1987. Pp. 17-18, 26.
21. FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. Pp. 245-248; Stettinius. E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N. Y., 1949. Pp. 43, 87.
22. *Krymskaya konferenciya rukovoditelej tryoh soyuznyh derzhav: SSSR, SSHA i Velikobritanii* – Crimean conference of the leaders of the three allied powers: USSR, USA and Great Britain / edited by A. A. Gromyko. M. 1984. Pp. 270-271.
23. Harriman A., Abel E.A. Op. cit. P. 424; De Santis H. Op. cit. P. 134.
24. FRUS. 1945. Vol. V. Pp. 475-476.
25. Ibid. Pp. 478-479, 483, 494.
26. Petru Groza, who served as Prime Minister of Romania from 6 March 1945 to June 2, 1952, was known as an active anti-fascist, openly sympathized with the Communist ideology, but in fact he was not a member of the Communist party.
27. FRUS. 1945. Vol. V. P. 501.
28. Stettinius E. Roosevelt and the Russians. 312 P.; Harriman A., Abel E.A. Op. cit. P. 425.
29. Davis L. The Cold War Begins. Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974. P. 259.
30. Harriman A., Abel, E., Op. cit. P. 425.
31. H. Truman Memoirs by Harry S. Truman. Vol. I. P. 245, 411-412; Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman / ed. by R. Ferrell. N. Y., 1980. P. 31.
32. *Perepiska predsedatelya Soveta ministrov SSSR s prezidentami SSHA i prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremena Velikoj Otechestvennoj vojny* – Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the U.S. presidents and Prime Ministers of Great Britain during the great Patriotic war. Vol. 2. P. 258.
33. FRUS. 1945. Vol. V. Pp. 541-544.
34. Ibid. Pp. 512, 522-524, 577-578.
35. *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciayah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.* – The Soviet Union at international conferences during the great Patriotic war of 1941-1945 / ed. by A. A. Gromyko. M. 1984. Vol. VI. P. 181.
36. Bohlen Ch. Witness to History, 1929-1969. N. Y., 1973. P. 234.
37. *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciayah...* – The Soviet Union at international conferences... Vol. VI. P. 474.
38. Public Papers of the Presidents of the United States. 1945. [97]. Pp. 210, 214.
39. Davis L. E. Op. cit. P. 299.
40. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1945-1948 gg.* – Soviet-American relations. 1945-1948 / ed. by G. N. Sevostyanova. M. 2004. Pp. 22, 32; *Transil'vanskij vopros...* - Transylvanian question... P. 332; H. Truman Memoirs... Vol. I. P. 365.
41. Soviet-American relations, 1945-1948... P. 32.
42. *Transil'vanskij vopros...* - The Transylvanian question... Pp. 331-332; *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya, 1945-1948...* – Soviet-American relations, 1945-1948... Pp. 31-32.
43. AVP RF. F. 0125. Sh. 33b. P. 129a. File 7. Sh. 14-15.

44. FRUS. 1945. Vol. V. Pp. 627-630; D. R. Stone The 1945 Ethridge Mission to Bulgaria and Romania and the Origins of the Cold War in the Balkans // Diplomacy & Statecraft. 2006. March. Vol. XVII. Issue 1. Pp. 93-112.
45. FRUS. 1945. Vol. V. Pp. 631-633, 637-641.
46. Navigating the Rapids... P. 548; H. Feis in From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945-1950. N. Y., 1970. P. 124; Davis L. Op. cit. P. 333; Off the record... Pp. 79-80.
47. Oral History Interview with Mark F. Ethridge. Available at: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/ethridge.htm>.
48. Off the Record... P. 80.
49. Public Papers of the Presidents of the United States. 1946. [6]. Pp. 9-10.
50. Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 347.
51. AVP RF. F. 0454. Sh. 3. P. 78. File 120. Sh. 7-9; ibid. F. 56b. Sh. 9. P. 144. File 331. Sh. 84; A Decade of American Foreign Policy.... P. 1202.

Этническая и языковая идентичность современных российских немцев Кировской области*

Статья посвящена вопросу идентичности современных российских немцев Кировской области, проживающих дисперсно в северной части региона. В статье рассматривается часть полевых исследований, касающаяся этнической и языковой идентичности российских немцев Кировской области. Данная статья показывает, в каком состоянии находится немецкий этнос в наши дни. Также приводятся сведения о самих понятиях «этнической и языковой идентичности», о структуре данных понятий и их характеристиках. Описывается языковая ситуация в районах проживания кировских немцев на современном этапе, состояние немецких говоров Кировской области, типы билингвизма. Предлагаются пути решения сохранения этнической идентичности и языка российских немцев Кировской области.

The article is devoted to the problem of the identity of the Russian Germans in Kirov region, dispersively living in the northern part of the region. The article describes a part of field research dealing with the ethnic and language identity of the Russian Germans in Kirov region. The article shows the state of the ethnic Germans nowadays. It also introduces the concept of the 'ethnic and language identities', the structure of these concepts and their characteristics. The current linguistic situation in the areas with the living Russian Germans, the state of German dialects in Kirov region and the types of bilingualism are described. The author proposes solutions to maintaining the ethnic identity and the language of the Russian Germans in Kirov region.

Ключевые слова: российские немцы, этническая идентичность, языковая идентичность, Кировская область.

Keywords: Russian Germans, ethnic identity, language identity, Kirov region.

Проблеме идентичности проживающих дисперсно российских немцев, не пожелавших переезжать в Германию и оставшихся в России, не уделяется достаточного внимания.

Этническая идентичность как вид социальной идентичности, т. е. осознания себя как представителя определенного этноса, отличается от этничности – социологической категории, зафиксированного внешнего параметра.

Осознанию собственной этнической и национальной идентичности способствует стремление понять самобытность и уникальность других народностей. Этническая идентичность является внутренней психологической характеристикой личности, существует в разных качествах и включает в себя взаимосвязанные аспекты, которые носят этнический, социальный, языковой, культурный, национальный характер.

Совокупность представлений о себе и о своей этнической группе, идентификация с этой группой, ее культурой, традициями, языком, общим происхождением рассматривается как идентичность.

Этническая идентичность обладает трехчастной структурой. Первый – когнитивный – компонент включает знания человека о своей этнической группе: самоназвание, ее особенности исторической судьбы, предметы материальной и духовной культуры, свой опыт участия в традиционных мероприятиях.

Второй – аффективный (эмоциональный) – компонент охватывает личное отношение человека к своей этнической группе, принадлежности к ней и субъективную значимость группы.

На основе этих двух компонентов формируется третий – поведенческий, который проявляется в способе организации бытовой и общественной жизни, стандартах и образцах деятельности [1].

В Кировской области российские немцы относятся к малочисленной этнической группе, и их число постоянно сокращается. В настоящее время в области проживают 1500 российских немцев. До середины XX в. представители этого этноса приезжали в Вятскую губернию как квалифицированные специалисты и представители интеллигенции, а после 40-х гг. в области вследствие депортации начали появляться районы достаточно компактного проживания немцев.

Российские немцы – вариант этнической идентичности, внутренняя психологическая характеристика, результат самоопределения человека в этническом пространстве.

В наши дни в области отсутствуют моноэтнические поселения с преобладанием немецкого большинства, а ранее в той или иной мере компактное проживание становится все более дисперсным, культурные, языковые и социальные контакты накладывают отпечаток на характер этнической идентичности местных немцев. Их этническая идентификация отличается подвижностью, что является отличительной чертой всех немцев России. Она существенно отличается в группах в зависимости от возраста, места жительства и степени урбанизации. Все немцы считают своей Родиной Россию. Все это признак ярко выраженной гражданской идентичности. Большинство полагает, что российские немцы должны сохранять свои традиции, язык и историческое наследие. Взаимоотношения немцев с другими народами Кировской области носят добрый, доброжелательный характер, что свидетельствует о положительных тенденциях процессов формирования и развития этнического самосознания российских немцев, о положительном отношении к своему происхождению, о гордости своим народом.

Часто у представителей немецкого населения, проживающих в инонациональном окружении, формируется двойственная идентичность. Этому способствует также большое количество межнациональных браков. В отдельных случаях некоторые опрошенные в ходе полевых исследований немцы сообщали, что не ощущают себя полноправными представителями немецкого этноса, но при этом к русским себя не относят. Занимая такое промежуточное положение, данные представители российских немцев совмещают в себе характеристики и немецкого, и русского народов.

Быстро изменяющиеся экономические и политические события в России в XX в. привели к масштабным изменениям в обществе российских немцев по всей стране. Последствия этих событий находят свое отражение в современном состоянии данного этноса.

С точки зрения этнокультурного развития российских немцев выделяются представления вятских немцев об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Наиболее значимыми признаками являются историческая судьба, общая культура. Третье место занимает язык. Основной средой актуализации идентичности служит семья.

Кировские немцы с большим уважением относятся к собственному прошлому, особенно к семейной истории. Прошлое воспринимается ими не как набор сухих фактов, а как глубокий личностный опыт. Историческая память является ключевым маркером идентичности. Депортация, трудовая армия, спецпоселения, массовый переезд в Германию в 90-х гг. сформировали и групповое самосознание российских немцев. Этот факт объединяет все немецкие поселения в России [2].

Взаимосвязь этнической идентичности и языка – одна из проблем изучения социального сознания. Это объясняется особым местом языка в ряду основных компонентов этноса и прежде всего с тем, что именно язык издавна рассматривали как один из важных факторов этнической идентичности.

Язык – инструмент культуры, который воплощает в себе культурное своеобразие целого народа, если опираться на тезис, что единство языка как символизация внутренней, духовной жизни человека является связующим элементом говорящих на нем, что обеспечивает их единодушие и единомыслие.

Язык не только инструмент и особая форма национальной культуры, это также способ выражения этой культуры в слове, историческая память народа. Он – источник ценнейшей информации при изучении культуры, истории и социальных отношений определенной этнической группы. При этом он является одним из способов объективизации мировоззрения и менталитета этноса, поскольку история, традиции, материальная и духовная культура составляют определенную когнитивную, концептуальную систему как отдельного индивида, так и целой этнической группы. Описание и изучение всех этих аспектов через призму языка может дать ключ к пониманию и сохранению этнокультурного своеобразия российских немцев [3].

Характерной чертой немцев Кировской области является русско-немецкое двуязычие. Имеется нарастающая тенденция в предпочтении использования русского языка немецкому. Языковая ситуация характеризуется закончившимся переходом от субординативного билингвизма к координативному. С немецкими говорами произошли следующие преобразования со времен их появления в Кировской области. Привезенные из Германии многочисленные диалект-

ные вариации взаимодействовали в немецких национальных регионах в России и на Украине. Как результат в большинстве случаев под воздействием процессов смешения, сглаживания, ослабления диалектов возникали смешанные говоры. Затем эти говоры продолжали соприкасаться в депортации и развились в такую форму немецкого языка, которую можно обозначить как некое надрегиональное образование [4], то есть когда говоры, состоящие из отдельных идиолектов, включают в себя общие и разделяющие единицы различных уровней. Говоры российских немцев Кировской области как одна из форм существования в России, имея свой особый путь развития, являются конечным пунктом трансформации переселенческих говоров [5]. Немецкий язык выполняет функцию маркера этничности. Даже плохо владеющие немецким языком информанты – российские немцы называют его родным, наделяют его особой символической значимостью.

Исконные диалекты российских немцев вытесняются стандартным немецким языком с присущим каждому информанту своим локальным колоритом.

Часто среднее и младшее поколение немцев учат немецкий язык на курсах и в школе соответственно, а не в семье от старшего.

Повсеместно выявляется устойчивое противоречие между тем, что российские немцы говорят об отношении к своему этническому языку, и о реальной практике его использования. Большинство немецкого населения и в России, и в Кировской области выражает положительное отношение к немецкому языку. Родители хотят, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми даже в моноэтнических семьях, в большинстве случаев оказывается русский язык [6].

Немецкое этническое меньшинство Кировской области представляет собой весьма значительный исследовательский интерес как одно из наиболее подверженных ассимиляции этносов, с катастрофическими показателями эрозированности и деформации традиционного этнокультурного комплекса, который уже вряд ли может быть возрожден без применения радикальных мер. На сегодняшний день единственный вариант хотя бы частичного решения проблемы российских немцев конкретно в Кировской области по причине эмиграции – это общественные организации немцев, ставящие своей целью возрождение немецкой культуры и языка и направленные не на эмиграцию, превратившуюся в последнее время в этническую парадигму, а на создание в местных условиях национальных немецких структур, имеющих статус культурной автономии.

Десять лет назад в нашем регионе по инициативе российских немцев, проживающих в Верхнекамском районе, при содействии Областного немецкого учебно-культурного центра города Кирова, а также Кировского регионального общества «Знание», работающего по программе «Breitenarbeit», была создана организация, объединяющая всех российских немцев Кировской области «Единство» («Einheit»). Цель данной организации – это сохранение немецкой культуры и языка, а также возможность помочь многим людям обрести свое «я» в бесконечном «мы» и «они», занять определенное место в системе этнокультурного взаимодействия, покончив с неопределенно-переходным маргинальным положением.

Главными направлениями общественной организации российских немцев «Единство» стали: 1) сохранение национальной немецкой культуры и традиций; 2) организация курсов по изучению немецкого языка; 3) содействие политической реабилитации граждан немецкой национальности, пострадавших от политических репрессий; 4) оказание социальной помощи малоимущим, ветеранам и тру다мейцам; 5) организация летнего отдыха и досуга немецкой молодежи.

Данные мероприятия дали возможность понять российским немцам, что они востребованы обществом, что занимают достойное место в этнокультурном пространстве Кировской области и Российской Федерации.

Примечания

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов по спец. «Психология». М., 1999. С. 199–200.
2. Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. С. 11–16.
3. Москвина Т. Н. Лексические средства выражения эмоций в островном верхненемецком говоре: монография. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 12.
4. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Н. Новгород, 1995. С. 56.
5. Дульзон А. П. Проблема скрещения диалектов по материалам немцев Поволжья // Известия Академии наук Союза ССР. 1941. № 3. С. 82.
6. Курске В. С. Указ. соч. С. 45–49.

Notes

1. Stefanenko T. G. *Ethnopsihologiya: uchebnik dlya vuzov po spec. «Psihologiya»* [Ethnopsychology: textbook for universities on spec. "Psychology"]. M. 1999. Pp. 199-200.
2. Kurske V. S. *Mnozhestvennaya ehtnicheskaya identichnost': teoreticheskie podhody i metodologiya issledovaniya (na primere rossijskih nemcev): dis. ... kand. sociol. nauk* [Multiple ethnic identity: theoretical approaches and research methodology (on the example of Russian Germans): dis. ... Cand. Sociological Sciences]. M. 2011. Pp. 11-16.
3. Moskvina T. N. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya ehmcij v ostrovnom verhnenemeckom govore: monografiya* [Lexical means of expression of emotions in the high German dialect of the island: a monograph]. Barnaul. AltSPA. 2013. P.12.
4. Bukharov M. V. *Varianty norm proiznosheniya sovremennogo nemeckogo literaturnogo yazyka* [Options for the rules of pronunciation of the modern German literary language]. N. Novgorod. 1995. P. 56.
5. Dulzon A. P. *Problema skreshcheniya dialektov po materialam nemcev Povolzh'ya* [Problem of combining dialects according to the materials of Germans of the Volga region] // News of Academy of Sciences of the USSR. 1941, No. 3, p. 82.
6. Kurske V. S. Op. cit. Pp. 45-49.

УДК 81.2

С. В. Губик

Стратегии экспрессивности в экономическом медиадискурсе (на материале журнала "The Economist")

Статья посвящена изучению наиболее типичных стратегий производства экспрессивного содержания в экономическом медиадискурсе, к которым автор относит метафоры и прецедентные феномены. Анализу подвергаются языковые единицы текстов, вербализующие термины-метафоры, концептуальные метафоры и метафорические модели. Изучение распространенных в данном типе дискурса метафорических моделей позволяет сделать вывод о ценностных установках данного лингвокультурного сообщества. Исследуются интертекстуальные связи дискурса, текстовыми проявлениями которых являются разные виды прецедентных феноменов. Рассматривается аллюзия как способ актуализации прецедентных феноменов, анализируются разные уровни прецедентности. Автор делает вывод о том, что стратегии экспрессивности обусловлены культурно-языковой и профессиональной принадлежностью коммуникантов.

The article examines the most typical strategies used to generate expressive content in the economic media discourse, to which the author refers metaphors and precedent phenomena. Analysis is concerned with linguistic units which verbalize metaphoric terms, metaphors, conceptual metaphors and metaphoric models. Study of metaphorical models typical in this type of discourse suggests certain value orientations of the linguistic and cultural community. The author has studied the intertextual relations of the discourse, which are displayed in the text by different types of precedent phenomena. Consideration is given to the allusion as a means of realization of precedent phenomena in the text and different levels of precedent content are reviewed. The author concludes that the strategies of expressiveness are largely determined by cultural, linguistic and professional affiliation of communicators.

Ключевые слова: экономический медиадискурс, экспрессивность, стратегии экспрессивности, метафора, концептуальная метафора, метафорическая модель, прецедентный феномен, когнитивный, когнитивное пространство, аллюзия, интертекстуальность, лингвокультурное сообщество.

Keywords: economic media discourse, expressiveness, strategies of expressiveness, metaphor, conceptual metaphor, metaphoric model, precedent phenomena, cognitive, cognitive space, allusion, intertextuality, linguistic and cultural community.

Цель написания данной статьи – изучение способов формирования экспрессивного содержания английского экономического медиадискурса. Практическим материалом для исследования послужили статьи журнала "The Economist" за период с 2003–2014 гг. [1], опубликованные в двух специализированных рубриках: *Business* и *Finance & Economics*. Такой выбор объясняется тем, что эти журнальные рубрики адресованы в первую очередь специалистам в области экономики и бизнеса, в отличие от других разделов, например, *Europe* или *Britain*, в большей степени ориентированных на массового читателя.

Способы производства экономического медиадискурса определяются в первую очередь его целями: не только информировать читателя о происходящих в экономической сфере жизни событиях, но и воздействовать на него, формируя его мышление, давая анализ этих событий. Указанные цели актуализируются в языковой плоскости за счёт стратегий экспрессивности и стандартизованности. В основе формирования стратегий лежит конструктивный принцип чередования стандартных и экспрессивных элементов [2], поэтому с некоторой долей условности можно разделить стратегии формирования экономического медиадискурса на стратегии информирования и стандартизованности, с одной стороны, и стратегии эмоционального воздействия и экспрессивности – с другой. Стратегии эмоционального воздействия можно приравнять к стратегиям экспрессивности на том основании, что одна из целей медиадискурса – воздействие на читателя – актуализируется в языковой плоскости за счёт стратегий экспрессивности. Проведенное исследование показало, что стратегии экспрессивности реализуются в медиадискурсе за счёт использования эмоционально-экспрессивных средств языка, таких как метафоры и метафорические модели, образование новых слов и т. д. Способы реализации данной стратегии выделяются в тексте за счет выявления элементов, носящих экспрессивный характер. Экспрессивность понимается как способность единицы языка выступать средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [3]. Сочетание разнообразных стратегий экспрессивности позволяет создать особую тональность общения с читателями, отражающую этнокультурную специфику данного типа дискурса и характеризующую его информационно-вещательный стиль [4].

В рамках данной статьи наибольший интерес представляют метафоры и прецедентные феномены, которые являются наиболее типичными и характерными средствами создания экспрессивности в английском экономическом медиадискурсе. Следует заметить, что метафоры и прецедентные феномены представляют собой разнопорядковые явления, так как прецедентные феномены являются элементами когнитивной базы и вербализованными компонентами фоновых знаний, а метафора – это один из способов и инструментов когниции. Прецедентные феномены могут быть вербализованы за счет метафор или функционировать как свёрнутая метафора, выступая как символ какого-либо феномена или ситуации [5]. Современная лингвистика уделяет особое внимание исследованию когнитивных механизмов формирования метафоры в профессиональном дискурсе (политическом, экономическом и т. д.). Способность концептуальной метафоры, заключающаяся в сопоставлении явлений и объектов внеязыковой действительности на основе их подобия, а затем в синтезировании смыслов, соотносимых с разными сферами внеязыковой действительности, является аналогом когнитивных операций, составляющих суть процессов концептуализации и категоризации [6].

Общепризнанным фактом является роль метафорической номинации как одного из основных способов образования терминов. Употребление старого, известного слова в каком-то новом значении является средством доступного донесения научного знания. Метафору можно рассматривать как своеобразный «концентрат» информации. Ярким примером метафорического термина может служить метафора *bubble*. Применительно к сфере бизнеса данная метафора подразумевает некое предприятие, действие или событие, напоминающее мыльный пузырь, т. е. нечто пустое внутри, не заполненное никаким содержанием, которое может лопнуть в любую минуту, что зафиксировано в словарях: *bubble* – 1) *when a lot of people buy shares in a company that is financially weak, with the result that the price of the shares becomes much higher than their real value*; 2) *if the bubble bursts in a particular area of business, a period of growth and success ends suddenly* [7]; *bubble* – 1) искусственное раздувание экономического подъёма, бум; 2) фиктивное предприятие [8]; подъём биржевой конъюнктуры до уровня, не имеющего объективной основы [9]. Очевидно, что при переносе первоначального образа из области-источника копируются такие признаки, как незаполненность изнутри, натянутость и готовность лопнуть, а внутренние связи и структура событий заимствуются из области, в которую они переносятся. Как показали наблюдения, в повседневном языке данная метафора имеет другое значение и не является столь распространённой, как в экономическом дискурсе и, как следствие, не обладает широкими сочетаемостными возможностями: *to prick\to burst the bubble* – *to make someone suddenly realize the unpleasant truth about something that seemed wonderful or perfect*; *to burst smb's bubble* – *to destroy someone's beliefs or hopes about something* [10]. Однако анализ современных экономических медиатекстов выявил большой потенциал исследуемой метафоры в плане создания сложных метафорических образов: *speculative bubble*, *bubble economy*, *economic bubble*, *serial bubble blower*, *to inflate the bubble*, *the biggest credit bubble in history*, *post-bubble hangover*, *old bubble favourites*, *managers' bubble sins*, *house-price bubbles*, *share bubble*, *bubble mentality*. Очень часто авторы используют данную метафору для ссылки на

конкретные явления, имевшие место в экономической жизни той или иной страны: *the bubble era, the bubble years, the bubble in the late 1990s, post-bubble depression, the stock-market bubble of 2001*.

Другую природу имеют метафоры, не являющиеся терминами, но регулярно использующиеся в экономических медиатекстах и служащие для передачи определённых реалий экономической жизни, которые называют «концептуальными метафорами», так как они представляют «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [11]. Как показал анализ статей, публикуемых в журнале “The Economist”, чаще всего используются следующие метафорические модели, изображающие бизнес и сферу экономики как:

1) СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ: *There must be no fair competition in the EU and we shall continue to stress the need for a level playing field. The consortium now has the inside track for a project valued at more than \$1bln*. В приведённых примерах используются метафоры, соотносящие сферу бизнеса с областью спорта и переносящие отдельные закономерности, характерные для области-источника, в область цели: в экономике, как и в спорте, должны быть равные условия для всех участников – *a level playing field (a situation in which different companies can all compete fairly with each other because no one has special advantages* [12]), но соперники стремятся получить преимущество – *inside track (the part of a circular track for racing that is nearest to the centre of the circle and is therefore shorter* [13]);

2) ВОЙНУ: *The battle lines over corporation tax in the EU are moving east. The French camp said that the Americans had changed their position*. Метафора войны позволяет спроецировать определённые элементы области-источника на область-мишень «экономическая деятельность»: споры по поводу корпоративного налога – это линия фронта (*The battle lines*), разногласия между Францией и США – военные манёвры (*Americans had changed their position*);

3) АЗАРТНЫЕ ИГРЫ: *Investors also have to accept that they will never really hit the jackpot. Brazil is another throw of the dice*. Метафоры, перенесённые из области азартных игр, подчёркивают идею случайной удачи, случайного успеха, которые часто имеют место в мире бизнеса – *to hit the jackpot, throw of the dice*;

4) ЖИВОТНОЕ (хищное): *Long after the corporate vultures have finished fighting over Ahold's bones the reverberations of Europe's Enron will be felt by all the old continent's companies*. Метафоры из мира животных соотносят законы и модели поведения, характерные для дикой природы, со сферой экономических отношений и зачастую передают агрессивное поведение – *vultures fighting over smb's bones*;

5) БОЛЬНОЙ/ ЗДОРОВЫЙ ОРГАНИЗМ: *The diagnosis of the US crisis is quite simple,... western economies are anaemic at best. But in several less dramatic cases the injection of fresh blood has worked*. Метафорические следствия метафоры болезни позволяют осуществить проекцию ряда элементов из области-источника, чтобы высветить целый спектр негативных явлений в экономике: дефицит наличных денег – анемия, валютные вливания – инъекции;

6) ЧЕЛОВЕКА (персонификация): *The WTO has been dealt a body blow. Over the past few years Sony has studiously kept its head down*. Роль метафоры персонификации заключается в том, что она позволяет представить экономические сущности как активно действующие субъекты, оказывающие воздействие друг на друга и испытывающие такое же воздействие от других субъектов. Следствием того что экономические объекты наделяются человеческими свойствами и характеристиками, является приписывание им принятых в обществе моделей поведения, эмоциональных состояний и т. д. – *to keep one's head down (to work steadily and quietly* [14]), *body blow (a serious loss, disappointment, or defeat* [15]);

7) СРЕДСТВО ТРАНСПОРТА (АВТОМОБИЛЬ, КОРАБЛЬ): *A Zimbabwean central banker needs unusual skills. Not only must he steer the monetary ship through perhaps the choppiest economy on earth; he must also cope with a captain whose instinct is to head blithely for the rocks*. Метафоры, спроецированные из данной области-источника, характеризует идея развития, движения вперёд, которое необходимо для того, чтобы экономический механизм сохранил свою жизнеспособность, избежал стагнации.

Иногда когнитивная метафора, которая основана на взаимодействии двух структур знаний – источника и цели, пронизывает весь текст, создавая метафорическую проекцию, устанавливающую соответствие между областью источника и областью цели на протяжении целого текста. Так, например, в статье, посвящённой проблемам мировой экономики, используется метафора МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА – это САМОЛЁТ, проекцией которой является метафора АМЕРИКАНСКИЙ ДОЛЛАР – ДВИГАТЕЛЬ, и автор обращается к данному метафорическому образу многократно, высвечивая отдельные свойства источника в области цели, возникающие в процессе метафорической проекции: *The world economy is flying on one engine... Just as flying on one engine is inherently risky, so a one-engined*

world economy is more likely to crash...the euro zone, especially Germany, and Japan remain the most likely back-up motors for the global economy...On present policies a hard landing has become inevitable for the dollar and the world economy...But if nothing changes, get ready for a crash landing [16]. Зависимость мировой экономики от американского доллара сравнивается с самолётом, летящим на одном двигателе, что является очень рискованным и даже может привести к крушению. Анализ наиболее частотных метафорических моделей дает представление о ценностях, присущих данному сообществу, установкам которого связаны с конкурентной борьбой, стремлением к успеху любой ценой, агрессивным поведением для достижения поставленных целей.

Интертекстуальные связи дискурса являются еще одной содержательной категорией, которая наряду с метафорами служит одним из основных средств создания экспрессивности дискурса, благодаря своей афористичности, узнаваемости, созданию вертикального контекста, связывающего авторский текст с определённой культурой. Распространённость данного явления можно объяснить тем, что этот приём помогает автору создать нужные ассоциации у читателей, избегая при этом прямолинейности, и создать новый смысл, апеллируя к фоновым знаниям читателя. Текстовыми проявлениями интертекстуальности являются прецедентные феномены (далее ПФ), которые в английском экономическом медиадискурсе представлены практически всеми их видами: прецедентными ситуациями, именами, высказываниями и текстами (согласно классификации прецедентных феноменов Д. Б. Гудкова – В. В. Красных). Ю. Е. Прохоров предлагает различать прецедентные феномены как элементы текста с их классификацией на упомянутые выше четыре группы и прецедентные феномены как элементы дискурса, которые реализуются в дискурсе в форме прецедентных именовании, прецедентных цитаций, прецедентных аллюзий и прецедентных реминисценций [17].

Проведенный анализ показал, что актуализация ПФ может происходить за счет аллюзий – стилистического приема, акцентирующего внимание на эмоционально-экспрессивной стороне явления. Аллюзия (от лат. *allusion* – шутка, намек) – стилистическая фигура, намек, сделанный посредством упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения. Аллюзия не только отсылает к тому или иному событию или объекту, имеющему значимость для данного лингвокультурного сообщества, но и проецирует упоминание того или иного факта на порождаемый текст и является средством переноса свойств и качеств литературных, исторических объектов и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании [18]. Рассмотрим в качестве примера аллюзии на известную книгу выдающегося британского экономиста Э. Ф. Шумахера (1911–1977), в которой предлагается революционный взгляд на экономическую структуру западного мира, «Малое – прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение» (1973) [19]. Эта книга была названа «Time magazine» «эко-библией современности» и входит по версии «Times Literary Supplement» в список ста наиболее влиятельных книг, опубликованных после Второй мировой войны. Регулярная воспроизводимость аллюзии на данную лингвокогнитивную структуру, хорошо известную всем представителям данного профессионального сообщества, не только свидетельствует об ее актуальности в когнитивном плане, но и является способом кодирования информации. *Economics focus: When small is beautiful (18 Dec 2003). The car industry: Small isn't beautiful (17 Sep 2009). Buttonwood: Big is not always beautiful (15 Dec 2012). Particle accelerators: Small really is beautiful (19 Oct 2013). Foreign entrepreneurs in China: Small is not beautiful (18 Oct 2014).*

Рассмотрим еще один пример аллюзии на литературное произведение. Например, в заголовке *Follow the yellow BRIC road* акроним *BRIC* (*Brazil, Russia, India and China*) используется как средство для создания новых ассоциаций, связанных с выражением “yellow brick road” – «дорога, вымощенная желтым кирпичом», из сказки Фрэнка Баума “The Wonderful Wizard of Oz”, главные персонажи которой девочка Дороти и ее друзья Страшила, Железный Дровосек и Лев шагают по желтой дороге в Изумрудный город. Дорога символизирует путь, в конце которого человека ждет достижение цели и воплощение мечты, это путь к успеху, сопряженный с приключениями.

Как показали наблюдения, одним из часто встречающихся ПФ являются прецедентные именовании, в большинстве случаев – имена – антропонимы. Характеризуя данный вид ПФ, следует заметить, что они представлены не только именами текстового характера, связанными с культурой, историей и традициями англоязычного общества: *The railways are the Cinderella of public transport services*, но и хорошо известными в экономике именами реальных лиц – современников, ставших символами успеха *One of the hedge-fund managers in their portfolio might turn out to be the new George Soros* или *Siemens could never have a Jack Welch* (*Jack Welch* – до недавнего времени руководитель одной из крупнейших в Америке компаний «Дженерал Электрик»). Прецедентные ситуации (или реминисценции, в терминологии Ю. Е. Прохорова), к которым обращаются авторы, характеризуются разными уровнями прецедентности и могут относиться

– к универсально-прецедентным: *But the business of building to the sky dates back at least to the Tower of Babel and no disaster has stopped it for long*, поскольку известны любому среднему современному человеку и входят в универсальное когнитивное пространство – упоминание Вавилонской башни вызывает одинаковые ассоциации у всех людей, независимо от их этнокультурной принадлежности;

– национально-прецедентным, т. е. известным среднему представителю данного национально-лингвокультурного сообщества и входящим в национальную когнитивную базу: *Whereas in America and Britain the main reason for the ineffectiveness of so many ostensibly independent directors is that they were recruited from among the boss's golfing chums, in France the problem is the old school tie (the old school tie – the situation in many British companies where people give jobs and other privileges to former students of the public school or university that they went to [20]),*

– социумно-прецедентным, т. е. известным любому представителю данного социума и входящим в коллективное когнитивное пространство: *Both men (Mr. Reagan and Mr. Bush) spilled huge quantities of federal red ink. Red – бухгалтерский термин, означающий дебет, дефицит и вошедший в употребление благодаря красным чернилам, которыми заполнялась расходная часть финансовых документов (operating at a loss, having expenditure exceeding income [21]).*

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить огромный потенциал метафор и прецедентных феноменов для создания экспрессивного содержания в экономическом медиадискурсе, поскольку они позволяют облечь интенцию автора в оптимальную вербализованную форму и при этом исключить из сферы внимания коммуникантов языковые средства прямой экспликации его коммуникативного намерения [22]. Кроме этого метафоры и прецедентные феномены являются способами пакетирования информации, так как в них хранятся и вербализуются известные представителям одного и того же лингвокультурного и профессионального социума когнитивные, за счет которых устанавливается контакт между коммуникантами путём проверки культурно-языковой и профессиональной компетенции адресата.

Примечания

1. "The Economist". URL: <http://www.economist.com/printedition/>
2. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. С. 202.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Рос. энцикл, 1998. С. 591.
4. Губик С. В. Информационно-вещательный стиль журнала "The Economist" // Вестник Башкир. ун-та. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. Т. 15. № 4. С. 1219.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 170.
6. Зайнуллина Л. М. Метафорические переносы в номинации лексических единиц экономической сферы // Наука будущего: Единое научное пространство как гарант гармоничного развития фундаментальных и прикладных научных исследований. Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургский институт проектного менеджмента». 2014. С. 138.
7. Longman Business English Dictionary. Pearson Education limited, 2000. P. 53.
8. Пивовар А. Г. Большой англо-русский финансово-экономический словарь. М., 2003. С. 109.
9. Коваленко Е. Г. Англо-русский словарь банковской терминологии. М., 1994. С. 59.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education limited, 2001. P. 162.
11. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 76.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education limited, 2001. P. 812.
13. Там же. P. 736.
14. Там же. P. 134.
15. Там же. P. 1084.
16. The Economist. 2003. Sep. 18. URL: <http://www.economist.com/node/2050678>
17. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 157.
18. Гарифуллина А. М. Аллюзии сквозь призму культурного кода // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 1432.
19. Schumacher E. F. "Small Is Beautiful: Economics as if People Mattered". Harper Perennial. Reprint edition. 2010. 352 p.
20. Oxford Guide to British and American Culture. Oxford University Press, 2001. P. 391.
21. Oxford Dictionary of Business English. Oxford University Press, 1996. P. 348.
22. Иванова С. В., Шакирова Э. Р. Функции этнокультурных речеповеденческих фильтров в процессе вербализации интенции говорящего // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 3–2. С. 53.

Notes

1. "The Economist" URL: <http://www.economist.com/printedition/>
2. Kostomarov V. G. Our language in Action: Essays on modern Russian stylistics. M.: Gardariki, 2005. P.202.
3. Collegiate Dictionary. Linguistics. M.: Great Russian Encyclopedia, 1998. P.591.
4. Gubik S. V. Broadcasting style of «The Economist». Bulletin of Bashkir state university. Ufa: Publishing center: BashSU, 2010. Book 15, № 4, P.1219.
5. Krasnykh V. V. "At home among strangers": myth or reality? ITDGK «Gnosis», 2003. P.170.
6. Zainullina L. M. Metaphoric transfers in the nomination of lexical units of the economic sphere // Science of the future: a unified scientific space as the guarantor of the harmonious development of fundamental and applied research. Non-governmental educational institution of additional vocational training «St. Petersburg Institute of Project Management». 2014. P. 138.
7. Longman Business English Dictionary.– Pearson Education limited, 2000. P. 53.
8. Pivovarov A. G. The English-Russian Dictionary of Finance and Economics. M., 2003. P. 109.
9. Kovalenko E. G. English-Russian dictionary of banking terminology. M., 1994. P.59.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education limited, 2001. P. 162.
11. Baranov A. N. On types of compatibility of metaphorical models // Issues of Linguistics, 2003. № 2. P. 76.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education limited, 2001. P. 812.
13. Ibid. P. 736.
14. Ibid. P. 134.
15. Ibid. P. 1084.
16. "The Economist" Sep 18 2003. URL:<http://www.economist.com/node/2050678>
17. Prokhorov Yu. E. Reality. Text. Discourse. M.: Flinta: Science, 2004. P. 157.
18. Garifullina A. M. Allusions through the prism of cultural code. Bulletin of Bashkir state university. Ufa: Publishing center: BashSU, 2009. Book. 14. № 4. P. 1432.
19. Schumacher E. F. "Small Is Beautiful: Economics as if People Mattered". Harper Perennial. Reprint edition. 2010.
20. Oxford Guide to British and American Culture. Oxford University Press, 2001. P. 391.
21. Oxford Dictionary of Business English. Oxford University Press, 1996. P. 348.
22. Ivanova S. V., Shakirova E. R. Functions of ethnic cultural speech and behavior filters in the process of verbalization of the speaker's intentions. Bulletin of Leningrad State University named after A. S Pushkin, 2011. Book. 1. № 3–2. P. 53.

УДК 81

Т. В. Григорьева

Аксиологические особенности оппозиции 'сладкий – горький' в русском языке

В данной статье рассматривается одна из ключевых метафорических бинарных оппозиций 'сладкий – горький', важная еще для древнего носителя языка, в качестве маркера в процессе оценивания действительности. С опорой на данные современных толковых словарей, а также художественные и публицистические тексты Национального корпуса русского языка автор описывает особенности построения семантического пространства оппозиции, компоненты которой передают сложные взаимоотношения участников перцептивной ситуации – субъекта и объекта, имеющего определенный вкус. Особое внимание в работе уделяется характеристике метафорического развития содержания оппозиции 'сладкий – горький', важного для понимания сложных аксиологических процессов; в его основе лежит состояние комфорта или дискомфорта по вкусу, которое испытывает человек при взаимодействии с объектом.

The author analyses the peculiarities of one of key axiological metaphorical binary oppositions 'sweet – bitter' as a marker in the process of evaluation of reality. This opposition was important for an ancient native speaker. She describes the design features of its semantic space, highlighting the metaphorical meaning – especially important for complex axiological processes. A careful look at the data within Russian Explanatory dictionaries and texts containing language units of the opposition 'sweet – bitter', representing in Russian National Corpus, shows that its components reflect complex relationships between participants of a perceptual situation. Its metaphorical picture is based on a condition of comfort and discomfort which is felt by the person at interaction with object, having a certain taste.

Ключевые слова: оппозиция, аксиологический, метафорическое значение, символическое значение, сладкий, горький.

Keywords: opposition, axiological, metaphorical meaning, sweet, bitter.

Представленное исследование посвящено изучению процесса оценочной категоризации экспериенциальных признаков, составляющих оппозицию 'сладкий – горький' в русском языке, и выполнено в рамках лингвокогнитивного подхода, интерпретирующего язык как способность, обусловленную общими когнитивными механизмами [1]. Основная цель работы – рассмотреть особенности развития оценочных значений у языковых единиц, вербализующих компоненты оппозиции, и проследить направление их метафоризации. Метафора в данной статье понимается широко – как лингвокогнитивный феномен, как способ понимания фрагмента действительности, закрепленного в его наименовании, что вписывает данное исследование в общий лингвокогнитивный метафорический контекст. Новизна данной работы – в стремлении представить оппозицию как оценочный феномен, показывающий важность определенных признаков для деятельности человека, номинацию которых он использует в качестве оценочной шкалы при интерпретации разных умопостигаемых сфер, передавая вместе с оценкой особенности отражения прототипической для данных признаков ситуации.

Бинарные оппозиции в статье рассматриваются как пары противоположных понятий, отражающих явления предметной действительности, их параметры и свойства и используемых языковым сообществом в метафорическом выражении для оценки умопостигаемых сфер жизнедеятельности человека. В современном языке они определяют речемыслительную деятельность и составляют сетку координат, помогающих структурировать и сделать более понятным многоликий окружающий мир. Изучение аксиологических особенностей функционирования бинарных оппозиций позволит приблизиться к пониманию сложных процессов оценочной концептуализации.

Для языкового коллектива метафорические оппозиции, например 'горячий – холодный', 'свет – тьма', 'легкий – тяжелый', 'острый – тупой' и др., являются универсально значимыми единицами. Они выступают в качестве знаков, за которыми стоит особый способ осмысления мира. Это два полюса, посредством которых познается и воспринимается окружающее людей пространство. Такие метафорические диады, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям», благодаря чему создают многослойность, каждый уровень которой является как бы «семантической историей» оппозиции, сохраняя при этом «лейтмотив конкретности» [2].

Главным способом проявления оценочного слоя у рассматриваемых оппозиций является метафора, при которой происходит категориальный сдвиг значения: стандартные для данного предиката категории аргументов замещаются новыми для него, на первый взгляд «неподходящими» [3] – например, для слов *сладкий* и *горький* вместо 'предмета, имеющего определенный вкус' (*апельсин, порошок*) употребляется 'состояние' (*грезы, усталость*). Все исследователи метафоры сходятся в том, что этот тип переноса не является произвольным: метафорический образ устойчив и проявляется не в отдельно взятом контексте, а во многих, потому что языковая метафора отражает более общие – культурные, а иногда и еще более общие – свойственные в целом человеческому сознанию (иначе говоря, когнитивные) – параллели [4].

Противоположность 'сладкий – горький' – доминантная архетипическая бинарная оппозиция, языковые репрезентанты которой относятся к классу имен, описывающих перцептивный опыт человека, т. е. в основе семантики оппозиции лежит прототипическая ситуация, в которой участвуют воспринимающий субъект и испытываемый объект, связанные определенным отношением. Главные языковые единицы оппозиции – качественные прилагательные *сладкий* и *горький*, которые в своем значении содержат информацию о вкусе объекта и о процессе его восприятия субъектом. Они рассеивают данную информацию по дериватам, парасемантам и иррадируют ее своим семантическим партнерам, создавая вокруг себя языковое поле оппозиции – «своеобразный контейнер смыслов в языковых означиваниях, связанных между собою отнесенностью к одной ментальной области» [5].

Для выявления оценочных механизмов работы оппозиции 'сладкий – горький' необходимо выделить языковые единицы, вербализующие данные признаки, с переносными аксиологическими значениями и описать особенности их символизации. В Толковом словаре [6] такие значения зафиксированы у основных имен оппозиции *сладкий, горький* – и их производных *сладость, сладко, сладковатый / горечь, горько*, а также у их синонимов: *сахарный, медовый, приторный, сладостный / мучительный, неприятный, обидный, печальный* [7].

Слова *сладкий* и *горький*, основные имена оппозиции, в научной литературе характеризуют по-разному: как **параметрические** прилагательные [см., например, 8], которые описывают свойства объектов окружающего мира, и как **экспериенциальные** прилагательные, отражающие в своих исходных значениях реакцию человека в результате взаимодействия с объектом [см.: 9]. Г. И. Кустова, отстаивая вторую точку зрения, отмечает, что у экспериенциальных прилагательных антропоцентричность заложена уже в исходном, основном значении, поскольку они обозна-

чают такие свойства предмета, которые действуют на человека и вызывают у него определенное ощущение, реакцию. При этом любой экспериенциальный признак имеет «внешний» коррелят, «объективный эквивалент» – свойство самого предмета, которое и оказывает на человека соответствующее действие. Это свойство обычно может быть описано «объективно», безотносительно к ощущению человека. Но в экспериенциальном слове это свойство концептуализируется через тип воздействия на человека, через вызываемое у человека ощущение [10]. Экспериенциальные признаки, в отличие от параметрических (цвет, ширина, высота), нельзя зафиксировать путем наблюдения «со стороны» – они обнаруживаются при взаимосвязи с объектом [11]. При этом ‘сладкий’ и ‘горький’, как и ‘горячий’ и ‘холодный’, – это прототипические экспериенциальные признаки, поскольку они связаны с определенными ощущениями, которые в русском языке имеют специальные средства выражения – *сладко* и *горько*.

Главное значение прилагательных *сладкий* и *горький* дается через описание эталонных представителей, носителей признаков, лежащих в основе главного значения данных лексем: *сладкий* – «имеющий вкус, свойственный сахару, меду»; *горький* – «имеющий острый, неприятный, едкий вкус, свойственный хине, полыни, горчице» [12]. Знакомство с эталонными носителями признаков помогает, с одной стороны, четче представить, «почувствовать» определяемое свойство предмета, с другой – увидеть результат обобщенного опыта нации или человечества в целом – объект действительности, с которым человек чаще, чем с другими объектами, взаимодействовал, ощущая описываемый признак. Информация об эталонном носителе признака лежит в основе устойчивых сравнений, в которых ярко выражена оценка и подчеркивается интенсивность: *сладкий, как сахар* – «одобрит. Об очень сладких фруктах, овощах»; *сладкий, как мед* – «о еде, напитках до приторности сладких»; *горький, как полынь* – «неодобрит. О нестерпимо горьком напитке, лекарстве и т. п.», *горький, как хина* – «неодобрит. О нестерпимо горькой пище, напитках» [13].

Главным лингвистическим показателем определения сладости и горечи объекта является ощущение комфорта или дискомфорта по вкусу у лица, взаимодействующего с ним: *сладкий* – «такой, который по вкусу комфортен субъекту», *горький* – «такой, который создает дискомфортное ощущение при восприятии объекта». Именно эти ощущения определяют метафорическое развитие языковых единиц оппозиции и создают их коннотативную насыщенность.

Появление оценочности у оппозиции ‘сладкий – горький’ ученые связывают с сильным влиянием христианско-византийских традиций через церковно-книжную литературу в древнерусском языке: «...вместе с появлением текстов новой культуры в систему древнерусского языка вошли формулы с ключевыми словами *сладъкыи*, *горькыи*, используемые для экспликации основных понятий, определяющих систему общих религиозных, эстетических, философских ценностей. Они являлись кальками с древнегреческих образцов и восходили к библейско-византийским источникам, содержащим адекватные формулы обозначения добра – зла, святости – греховности и пр., входя в основной фонд церковной литературы, синтагменные сочетания синкрет *сладъкыи*, *горькыи*, актуализирующие сему «духовное», отражали специфику мышления эпохи раннего христианства, базирующегося на идее дуалистичности мира, имели религиозно-символический, сакральный характер» [14]. Идеологическая оппозиция положительных и отрицательных коннотаций, восходящая к общему и главному противопоставлению «сакральный – мирской», легла в основу антитезного употребления слов *сладъкыи*, *горькыи*, связанных с коррелятивными понятиями неба – земли, верха – низа, Бога – Дьявола, добродетели – порока и т. п. Со словом *сладъкыи* было связано все положительное, доброе праведное, святое – «приятное». Напротив, горькому уподоблялось все отрицательное, дьявольское, безбожное, порочное, злое – «неприятное» [15].

В современном русском языке оценочная наполненность оппозиции ‘сладкий – горький’ лишена религиозной направленности, но так же важна для речевой деятельности человека.

С когнитивной точки зрения процесс формирования оценочной семантики в содержании оппозиции ‘сладкий – горький’ можно объяснить следующим образом: характер взаимодействия человека с объектом, имеющим определенный вкус, подобный меду или горчице, влияет на эмоционально-оценочное состояние субъекта при таком взаимодействии и вызывает у него определенное отношение к самим признакам ‘сладкий’ и ‘горький’. Память хранит информацию о связи признаков ‘сладкий’ и ‘горький’ с приятным или неприятным ощущением, что позволяет человеку переносить номинацию признаков на ситуации, ассоциирующиеся с таким же психологическим состоянием. В результате происходит перекаатегоризация признаков ‘сладкий’ и ‘горький’ и создается «система оценочно заряженных образов» [16], сквозь призму которых передаётся положительное или негативное восприятие событий, ситуаций, объектов, описываемое именами *сладкий* и *горький* и их производными. Как можно заметить, в метафорической картине важной

является аксиологическая норма, которая, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью: хороший означает соответствующий норме, плохой сигнализирует об отклонении от нормы» [17].

Анализ языкового материала толковых словарей русского языка [в частности 18] и текстов Национального корпуса русского языка [19] позволяет говорить о том (показывает), что идея сладости и горечи концептуализируется в широком диапазоне ощущений в комфортных / дискомфортных для человека ситуациях и состояниях, часто получающих положительную / отрицательную оценку.

Зона 'сладкого' отражает разную степень проявления признака, влияющую на характер оценки. Если объект, обладающий признаком 'сладкий', по вкусу комфортен человеку, то есть укладывается в рамки антропоцентрической нормы, значит он вызывает приятные ощущения. Сема «приятный», являясь основой метафорических переносов по сходству ощущений, дает целый ряд значений, общим компонентом для которых является «приятный для восприятия»:

– «для обоняния» (*Кто-то слез с махорочной сигаркой вниз, и острый **сладкий** запах дыма разбудил всех внизу.* В. Шаламов; ***Сладкое** благоухание таинственных деревьев распространилось в воздухе, усиливая впечатление чудесного.* И. Ефремов);

– «для слуха» (*Молчаливые звезды были свидетелями **сладких** восхищений любовников.* Г. Каменев; *Внезапно послышалась дивная музыка. Незримый хор запел чудесную, **сладкую** песнь.* Л. Чарская; *Утерян смысл детских игр, передвижений солдатиков в траве, утраты новогодние радости <...> **сладость** звучания собственного имени...* А. Терехов);

– «для эмоционального восприятия»:

физических действий и состояний (*Многие из читателей, конечно, испытывали **сладость** возвращения после долгой разлуки к родным и поймут, что я на первых порах весь отдался самой неге ухода, внимательности.* А. Кони; *Она, Анна, размахивается расслабленной рукой и наотмашь лепит по старой нарумяненной щеке **сладкую** пощечину.* Л. Улицкая; *Бычки распотрошим, на жаровне отсыревший табачок подсушим – и вот она, **сладость** курения, в ночное, неподконтрольное директору время!* А. Приставкин);

интеллектуальных действий и состояний (*Мне было приятно их видеть, и я вздрагивал от смутного и **сладкого** сознания, что когда-нибудь и у меня будет такое.* Ф. Искандер; *Им ещё **сладка** неграмотность, но это не их вина.* Б. Окуджава);

эмоциональных действий и состояний (*Любовь в юном сердце, украшенная прелестью добродетели и освященная печатью родительского согласия, есть чувство самое живое и самое **сладкое**.* В. Измайлов; *Счастье, подаренное как раз тогда, когда память о детстве оживает **сладкой** печалью.* Д. Гранин; *Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то **сладость** – именно **сладость** на сердце.* И. Тургенев);

временные периоды, этапы, события и пр. (*Это был его звездный час, может быть, он и приехал сюда только ради этого **сладкого** мига.* О. Глушкин; *Зато в другой раз мы были посланы на уборку персиков. Казалось бы, началась **сладкая** жизнь – увы!* И. Архипова).

Однако если признак 'сладкий' превышает антропоцентрическую норму и перестает быть комфортным для субъекта, он, как правило, оценивается отрицательно. Сема «неприятно» объединяет переносные значения «лицемерный» (– *А что же вы такое знаете? – спросил Гарднер с той же **сладкой** ненавидящей улыбкой, рассматривая его четырехугольное лицо, всё в тёмных пятнах и подтёках.* Ю. О. Домбровский); «излишне любезный, фальшиво-умильный» (*Рвацкий превратился весь в улыбку **сладости**, вежливости.* М. А. Булгаков; – *Практических людей люблю и не терплю **сладких** мямлей.* Ф. М. Достоевский); «слишком красивый, правильный, хороший» (*А ещё на одной стене просторно помещался квадратный портрет **сладковатого** человека в пенсне, кто направлял Абакумова непосредственно.* А. Солженицын; *Он начал писать модные в то время **сладкие** пейзажи с дымящимся Везувием, продавал в Петербург копии с картин знаменитых итальянцев, унижался перед графом Шереметьевым, снабжавшим его деньгами, и писал ему жалкие шутовские письма в стихах.* К. Г. Паустовский). Негативный фон чрезмерного проявления признака 'сладкий' поддерживается и синонимами: – *Видишь, Дельфинушка, папочка Ваксочка пришел, – **медовым** голосом пропела Васёна.* В. Аксенов; *Тогда парень отставил мускулистую ногу и пропел **сахарным** тенором...* Д. Маркиш; *И я, рассиропившись, начинаю сюсюкать **приторные** глупости, строить ему глазки, такому маленькому, рыжему...* Д. Рубина.

В зоне 'горького' все метафорические значения языковых единиц имеют отрицательную окраску и передают негативное воздействие, которое оказывают на человека следующие явления:

продукты речевой деятельности (*На это давление недоверия Абакумов мог бы ответить **горькими** словами, да не смел их сказать.* А. Солженицын; *Часто, слушая чью-либо **горькую** испо-*

ведь, люди сразу же примеряют её на свою жизнь, то есть думают в этот момент о своей судьбе и мысленно радуются тому, что несчастья, коснувшиеся или истерзавшие собеседника, их обошли стороной. А. Алексин);

физические действия и состояния (От тёплого осеннего солнца, от **горькой** усталости этих дней старушку то и дело одолевала дрема. Ф. Искандер; Словом, всякое место доставляет мне **горькое** услаждение испускать вздохи. М. Сушков);

интеллектуальные действия и состояния (И вдруг пронзает меня **горькая** мысль: не видел ни одной голливудской звезды! В. Аксенов; Он пробудил во мне **горькое** сознание, что я горд – и бессилен. И. Гончаров);

эмоциональные действия и состояния (Он испытал **горькое** разочарование, подобно тому, какое испытывает, когда у такого тонкого эстета, как Альфред Мюссе, встречается явные грубости. В. Войнович; Но как бы они ни переплетались и ни усложнялись, однажды всё содеянное каждым откроется, всплывёт и зачтётся, и снова **горькая** печаль, что будила его в позднем младенчестве, касалась Колюниной души, и он не спал до самого утра. А. Варламов);

временные периоды, этапы, события и др. (Было ему отчего в **горький** час раздумья и раскаянья пустить себе пулю! Ю. Домбровский. Жизнь вообще **горька**, но справедлива. Каждому – по заслугам. И. Грекова).

Метафорические контексты зоны 'горький' описывают страдания, разочарования, горе и т. д., которые находят отражение на внешнем облике человека – на лице, улыбке, в движениях (Бедный страдалец, приметив меня, остановился и с **горькою** улыбкою сказал... Н. Мамышев; Я очень-очень советую: вам нужно кого-то полюбить! – ораторствовал он через спинку стула, не замечая **горькой** складки у губ девушки. А. Солженицын).

Сопоставляя семантику русского прилагательного *горький* и английского *bitter* и выявляя их национальные особенности, исследователи отмечают, что русские «горькие» метафоры пропущены идеей исполненности горем, страданием, английские же метафоры отличает идея «причиняющий боль, страдания»; отличительной чертой анализируемой русской лексемы по сравнению с английской является отсутствие активного начала, агрессивности, обращенность «в себя». И объясняют такое отличие влиянием этимолов на семантику обоих прилагательных: *горький* этимологически связан с глаголом *гореть* и имело исходное значение «обжигающий, горячий», а английское *bitter* восходит к *bitan* «жалить, кусать». Сохранение связи с исходными значениями проявляется в наличии скрытых фоновых специфических сем: «гореть, горечь, нечто обжигающее внутри» – у анализируемой русской семемы, «активность, резкость, агрессивность» – у английской семемы [20].

В сочетаниях с именами состояний, чувств, действий, которые могут иметь большую или меньшую степень интенсивности, лексемы *горький*, *горько*, выполняя оценочную функцию, передают усилительное значение, помогая интенсифицировать отрицательную коннотативную окраску того состояния или действия, с именем которого они сочетаются: *горькое разочарование*, *горькая обида* – «очень сильное и неприятное, мучительное»; *горько плакать*, *жаловаться* – «очень сильно, мучительно» (А это неминуемо влечёт за собой **горькое** разочарование. А. Волос; Даша **горько** заплакала. П. Львов). Слова *горький*, *горько* могли бы в этих контекстах заменяться другими лексемами с интенсифицирующей семантикой (например: *ужасное*, *страшное*, *невыносимое*, *безумное* и т. п. *разочарование*, *обида*), что еще раз подтверждает, что интенсификация как «особый вид количественной характеристики отличается ярко выраженной субъективностью», отражая особую значимость признака для говорящего [21]. Интенсифицирующее значение лексемы *горький* поддерживается и во фразеологизмах: *хуже горькой редьки*, *горький пьяница* (– А ещё он говорит, что вы напрасно связались с этим попом. Он **горький** пьяница. Наперсный крест с себя пропил. Ю. Домбровский).

В русском языковом сознании наименования некоторых горьких предметов переосмысляются и приобретает символическое значение. Так, *горькая пилюля* становится символом чего-то неприятного, вызывающего разочарование, обиду (– Признаюсь вам, – отвечал он, – этот вопрос для меня хуже самой **горькой** пилюли. Ф. Достоевский. Слегка подсластит **горькую** пилюлю главному тренеру немцев Отмару Хитцфельду смог блистательно выигранный командой со счётом 3:0 выездной матч против дебютанта бундеслиги «Котбуса». «Известия». 2001).

Таким образом, оппозиция 'сладкий – горький' вписывается в мировоззренческую сетку координат, состоящую из разных бинарных противоположностей: пространственных ('верх – низ', 'право – лево'), размерный ('большой – маленький', 'широкий – узкий'), цветовых ('белый – черный', 'яркий – тусклый'), временных ('весна – осень', 'день – ночь') и т. д., – которая помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире. Наблюдая за предметами и явлениями действительности, человек выделяет наиболее существенные для него параметры и

свойства и отражает их в языке, а затем номинацию этих признаков использует в качестве оценочной шкалы при интерпретации различных сфер своей жизнедеятельности.

Компоненты оппозиции 'сладкий – горький', в основе метафорической картины которой лежит ощущения вкусового комфорта / дискомфорта при взаимодействии субъекта с воспринимаемым объектом, передавая сложные взаимоотношения участников перцептивной ситуации, описывают приятные и неприятные ощущения человека при оценивании разнообразных явлений, ситуаций, процессов и событий.

Примечания

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.
2. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: ДомКнига, 2005.
3. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. С. 144.
4. Там же.
5. Моисеева С. А., Бубырева Ж. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 2. С. 84–88.
6. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
7. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Рус. словари, 1999.
8. Князев Ю. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 188.
9. Кустова Г. И. Семантика тяжести // Семиотика и информатика: сб. науч. ст. Вып. 37. М., 2002. С. 116–147.
10. Там же. С. 119.
11. Там же.
12. Шуклина Т. Ю. О роли социокультурных факторов в развитии прилагательных в русском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 47–51.
13. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
14. Шуклина Т. Ю. Указ. соч.
15. Там же.
16. Ширикова Е. А. Категоризация признаков «тяжёлый» / «лёгкий» в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. С. 15.
17. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 84.
18. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
19. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.11.2014).
20. Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005.
21. Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2 / под ред. Н. Е. Ананьевой, З. И. Карцевой. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.

Notes

1. Lakoff J., Johnson M. *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by] // *Teoriya metafory – Theory of metaphor*. M. Progress. 1990. Pp. 387-416.
2. Tsivyan T. V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [Model of the world and its linguistic basis]. M. Komkniga. 2005.
3. Rakhilina E. V. *Kognitivnyy analiz predmetnyh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of object names: semantics and combinability]. M. Publ. center "Azbukovnik". 2010. P. 144.
4. Ibid.
5. Moiseeva S. A., J. A. Bubyreva *Prilagatel'nye osyazatel'nogo vospriyatiya kak ob"ekt nominacii i sinesteticheskikh perenosov* [Adjectives of tactile perception as an object of nomination and synaesthetic transfers] // *Vestnik VGU. Ser. «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya»* – Herald of VSU. Ser. "Linguistics and intercultural communication". 2010, No. 2, pp. 84-88.
6. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – The big explanatory dictionary of Russian / edited by S. A. Kuznetsov. SPb. Norint. 2000.
7. Abramov N. *Slovar' russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij* [The dictionary of Russian synonyms and similar in meaning expressions]. M. Rus. Dictionaries. 1999.
8. Knyazev Yu. *Grammaticheskaya semantika. Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. M. Languages of Slavic cultures. 2007. P. 188.
9. Kustova G. I. *Semantika tyazhesti* [Semantics of gravity] // *Semiotics and Informatics: collection of scientific papers*. Vol. 37. M. 2002. Pp. 116-147.
10. Ibid. P. 119.
11. Ibid.

12. Shuklina T. Y. *O roli sociokul'turnyh faktorov v razvitii prilagatel'nyh v russkom yazyke* [On the role of sociocultural factors in the development of adjectives in the Russian language] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Buryat State University. 2012, No. 10, Pp. 47-51.
13. Lebedeva L. A. *Ustojchivye sravneniya russkogo yazyka: tematicheskij slovar'* [Sustainable comparison of the Russian language: a thematic dictionary]. M. FLINTA: Nauka. 2013.
14. Shuklina T. Y. Op. cit.
15. Ibid.
16. Shirshikova E. A. *Kategorizaciya priznakov «tyazhyolyj» / «lyogkij» v anglijskom yazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Categorization of characteristics "heavy" / "light" in the English language: autoref. ... Cand. of Philology]. Voronezh. 2013. P. 15.
17. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. M. Languages of Russian culture. 1999. P. 84.
18. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – The big explanatory dictionary of Russian / edited by S. A. Kuznetsov. SPb. Norint. 2000.
19. National corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed on 21.11.2014). (in Russ.)
20. Laenko L. V. *Perceptivnyj priznak kak ob"ekt nominacii^ dis... d-ra filol. nauk* [Perceptual sign of an object of the category^ dis... Doctor of Philology]. Voronezh. 2005.
21. Rodionova E. S. *Intensivnost' i ee mesto v ryadu drugih semanticheskikh kategorij* [Intensity and its place in a number of other semantic categories] // *Slavyanskij vestnik* – Herald of Slavic. Vol. 2 / under the editorship of N. E. Ananieva, Z. I. Kartseva. M. MAX Press. 2004. Pp. 300-313.

УДК 81'371

М. Р. Шаймарданова

Гендерные стратегии и тактики в условиях актуализации фрейма предостережения в английских и русских паремиях

Статья посвящена исследованию гендерных стратегий и тактик в условиях актуализации фрейма предостережения в английских и русских пословицах. Изучение гендерных речевых стратегий и тактик в пословицах является недостаточно изученной областью в исследовании паремиологического дискурса. В ходе анализа английских и русских гендерно-маркированных паремий выявляются следующие тактики, используемые для достижения коммуникативной цели стратегии предостережения: *урезонивание, обличение, угроза, упрек, одергивание*. В статье проводится исследование по соотносению тактик и лексико-грамматических конструкций, используемых для успешного достижения перлокутивного эффекта в каждом из рассматриваемых языков; выявляются универсальные и уникальные для рассматриваемых языков способы объективации тактик коммуникативной стратегии предостережения в гендерно-маркированных паремиях; а также подчеркивается идея о том, что важнейшую роль в ходе интерпретации паремии играет контекстуальное окружение.

The article investigates gender strategies and tactics used in the process of precaution frame actualisation in the English and Russian proverbs. The study of gender speech strategies and tactics in proverbs is an area in the research of paremiological discourse, which is not enough investigated. The analysis of English and Russian gender-marked proverbs revealed the following tactics used to achieve communication objectives of the precaution strategy: *bringing to reason, exposure, threat, reproach, flick*. The article presents a study on the correlation of tactics and lexical and grammatical structures used for the successful achievement of perlocutionary effect in each of the viewed languages; identified universal and unique for the viewed languages ways of realization of communication precaution strategy tactics in the gender-marked proverbs; and also emphasizes the idea that contextual environment plays the most important role in the interpretation of paroemies.

Ключевые слова: фрейм предостережения, речевые стратегии и тактики, гендерно-маркированные паремии.

Keywords: precaution frame, speech strategies and tactics, gender-marked paroemies.

В настоящем исследовании рассматриваются способы речевого воздействия с позиции гендерной лингвистики, в частности гендерные стратегии и гендерные тактики моделирования поведения мужчин и женщин, используемые в английских и русских пословицах.

А. В. Кириллина заявляет о том, что «целью гендерных исследований в языке может быть изучение речевого поведения полов, выделение и описание мужского и женского речевых рисунков» [1].

Определяя главную задачу гендерных исследований в языкознании, А. В. Кирилина говорит об установлении «общих закономерностей изучения феминности и маскулинности при помощи понятийного аппарата лингвистики» [2].

Одним из направлений, связанных с изучением понятия гендер в лингвистике, является изучение речевых тактик и стратегий мужчин и женщин [3].

Основное внимание ученых в области исследования речевых стратегий и тактик коммуникантов направлено на анализ использования данных речевых действий в различных видах дискурса: политическом, рекламном, публицистическом, диалогическом, аргументационном, паремиологическом (Иссерс 2008, Янко 2001, Григорьева 2007, Сухих 1986, Демьянков 1982, Борисова 1996, Кулькова 2011). Однако изучение гендерных речевых стратегий и тактик в пословицах является недостаточно изученной областью в исследовании паремиологического дискурса.

Согласно О. С. Иссерс, «коммуникативные стратегии как разновидность человеческой деятельности имеют глубинную связь с мотивами, управляющими речевым поведением личности, и явную, наблюдаемую связь с потребностями и желаниями» [4]. Из вышесказанного следует, что «в основе коммуникативных стратегий лежат мотивы, потребности и установки коммуникантов» [5].

Стратегии коммуникантов в роли отправителя и получателя информации наиболее полно представлены Е.С. Кубряковой: «Стратегии говорящего заключаются в выборе надлежащей формы для передачи задуманного значения, стратегии слушающего в выборе из возможных для данной языковой формы надлежащего значения» [6].

Необходимо отметить, что особая роль в коммуникативном процессе отводится говорящему, так как для достижения перлокутивной эффективности продуценту требуется спрогнозировать процесс кодирования передаваемой информации, а также предусмотреть процесс декодирования получаемого реципиентом сообщения. Из вышесказанного следует, что изучение роли продуцента требует более тщательного исследования. Максимальная перлокутивная эффективность будет достигнута лишь при правильном прогнозировании вышеупомянутых процессов. Данная «программа» и называется речевой коммуникативной стратегией. Эффективность является наиболее важным критерием, обуславливающим выбор речевых стратегий.

Гендерные речевые стратегии – это план речевого воздействия, осуществляемого отправителем информации (продуцентом), на реципиента с учетом его принадлежности к тому или иному полу. Гендерными являются те стратегии и тактики, в процессе использования которых продуценту необходимо учитывать гендерные особенности реципиента: гендерные модели речи, поведения и т. д.

Гендерная речевая стратегия предостережения является кооперативной, так как ведущую роль в реализации рассматриваемой стратегии играет фактор бенефактивности, «с учетом которой рекомендуемый алгоритм действий представляется в интересах реципиента, что способствует благоприятному исходу событий, выработке адекватной стратегии поведения» [7]. Применение гендерной стратегии предостережения обусловлено заботой говорящего о слушающем. Стратегической целью рассматриваемой ситуации общения является коррекция действий и поведения представителя того или иного пола, осуществляемая в мягкой, некатегоричной форме.

Эмпирическим материалом данного исследования послужили английские и русские пословицы, отобранные из следующих источников: G. B. Bryan & W. Mieder. Anglo-American Proverbs and Proverbial Phrases (далее – Bryan & Mieder), Bertram A. NTC's Dictionary of Proverbs (далее – Bertram), Mieder W. English Proverbs (далее – Mieder), Speake J. Oxford Dictionary of Proverbs (далее – Speake), Даль В. И. Пословицы русского народа – (далее Даль), Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок (далее – Жуков), Мюррей Ю. В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов (далее – Мюррей), Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи (далее – Снегирев).

В ходе анализа английских и русских гендерно-маркированных паремий были выявлены следующие тактики, используемые для достижения коммуникативной цели стратегии предостережения: *урезонивание, обличение, угроза, упрек, одергивание*.

Наиболее часто употребляемой тактикой стратегии косвенного предостережения в гендерно-маркированных паремиях является **тактика обличения** (в английских рассматриваемых пословицах – 34%, в русских паремиях – 37,5%):

A Jack of all trades is a master of none (Bertram, 8), Joan's as good as my lady in the dark (Мюррей, 104), A good actor at rehearsal is a bad actor at night (Bryan & Mieder, 8), A bad workman blames his tools (Speake, 15), A man's praise in his own mouth stinks (Мюррей, 104); Бабы хоромы недолго

живут (Даль, 65), Девка хороша, да слава не хороша (Даль, 207), Не плачь девка, что отдают за парня: плакать бы ему, что берет беду (Даль, 89), Жена красавица – безочному (слепому) радость (Даль, 102), Жена мужа любила: в тюрьме место купила (Даль, 19).

В качестве иллюстрации использования гендерной стратегии предостережения с применением тактики обличения приведем фрагмент из произведения Дороти Хьюэт:

"She fought down her irritation. They're all good people, she said to herself. It's only because of your own bad work in the past that *you're reaping the results now*" (D. Hewett. Wild Card).

В приведенном отрывке героиня произведения разговаривает сама с собой. Она является как адресатом, так и адресантом. Девушка предостерегает себя от чувства раздражения, избирая тактику обличения с помощью пословицы *As a man sows, so shall he reap*.

Реализация гендерной стратегии предостережения путем использования тактического приема обличения прослеживается в разговоре между преподавателем и его ученицей в отрывке из произведения «Два капитана»:

« – Я напомним тебе, Катюша, – ровным, мягким голосом продолжал он, – одну известную поговорку: "*Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты*". Если ты считаешь возможным водить дружбу с человеком, которому не приходит в голову, что, прежде чем сесть, он должен предложить стул своему педагогу, тогда...» (В. Каверин. Два капитана).

Стратегическая цель педагога – предостеречь Катю от дружбы с ненадежным молодым человеком. Для этого мужчина применяет тактику обличения (*Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты*), намекая на то, что репутация девушки от дружбы с вышеупомянутым молодым человеком может пострадать.

Как видно из приведенных примеров, данная гендерная тактика главным образом применяется при реализации речевого воздействия на представительниц женского пола.

Тактика упрека. Необходимо отметить, что русские паремии, выражающие тактику упрека, составляют 9,6% от общего числа паремий со значением предостережения; а в английском языке доля рассматриваемых превентивов заметно больше и составляет 15,5%:

Dumb men get no lands (Мюррей, 104), Envy never enriched any man (Мюррей, 26), Evil men, evil times (Mieder, 82), It is ill putting a knife in a madman's hand (Мюррей, 16), It is ill speaking between a fool man and a fasting (Speake, 130); Бабий язык, куда ни завались, достанет (Даль, 65), Бабу не переговоришь (Даль, 64), Лукавой бабы и в ступе не истолчешь (Даль, 67), Пусти бабу в рай: она и корову за собой приведет (Даль, 66).

Ср. в художественном дискурсе:

"Sin Sin Wa studied her silently for some time, then: "Yes," he murmured, "she is beautiful. But *women are like adder's eggs*. He is a fool who warms them in his bosom." (S. Rohmer. Dope).

Стратегическая цель говорящего в приведенной ситуации общения – предостеречь мужчин от женских чар. Для эффективного достижения цели речевого воздействия Син Син Уа избирает тактику упрека: *But women are like adder's eggs*. Он упрекает всех женщин в лице миссис Син в том, что их внешность не соответствует их внутреннему миру.

"Why did you come up here?" "My manager was worried I was going to propose an arrangement." "*One needs a long spoon to sup with you*, Yusef." "My enemies do. Not my friends. I would do a lot for you, Major Scobie." (G. Greene. The Power and the Glory).

В приведенном фрагменте из произведения Грэма Грина говорящий предостерегает реципиента от неправильного поведения, используя тактику упрека посредством паремии *He that sups with the devil must have a long spoon*.

Ср. тактику упрека во фрагменте известного произведения П. Волкова «Цена земли»:

«Да... с людьми обращаться – большой навык надо. Это все равно, что стрелять в цель. Жене и той не нравится, когда скажешь прямо. Дорога-то она прямая... да не всегда по ней идти хорошо. Окольными тропинками другой раз куда лучше. Не всегда людям можно говорить то, что думаешь... И ведь знал я, знал, а тут... разошелся!.. Не зря говорят, *задним умом мужик крепок*. Наперед наука» (П. Волков. Цена земли).

Стратегической целью говорящего в приведенном отрывке является предостережение самого себя от необдуманных правдивых высказываний. В качестве тактики упрека выступает гендерно-маркированная паремия *Мужик задним умом крепок*.

Другой наиболее часто употребляемой тактикой в достижении стратегической цели предостережения является **тактика урезонивания**. Необходимо отметить, что доля гендерно маркированных паремий, служащих для реализации рассматриваемой тактики, является одинаковой в английской и русской паремиологической системе (по 23%):

A man cannot be in two places at once (Мюррей, 132), A man cannot escape what is written on his forehead (Bryan & Mieder, 296), A man may bear till his back break (Мюррей, 44), All men can't be first

(Мюррей, 19), All men can't be masters (Мюррей, 21), Gluttony kills more men than the sword (Мюррей, 55); Бабе спустишь – сам баба будешь (Даль, 65), Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже (Даль, 66), Кто бабе поверит, трех дней не проживет (Даль, 67), Кто с бабой свяжется – сам баба будет (Даль, 67).

Ср. в художественном дискурсе:

«[Щербак:] Да что за дело у тебя? Не баба ль? Так лучше брось. *Кто с ними поведется, сам баба будет*. Бабий волос долог, язык длинней» (А. Н. Островский. Воевода).

В приведенном фрагменте из пьесы А. Н. Островского речевое воздействие на молодого человека осуществляется Щербаком. Конечной целью аргументированного речевого акта является достижение перлокутивного эффекта – оказание воздействия на слушающего, которое в условиях успешного протекания речевого акта приведет к невыполнению реципиентом нежелательного действия – возобновления связи с женщиной. В качестве довода (резона) выступает поговорка *Кто с бабой свяжется, сам баба будет*.

В отрывке из произведения Арчибальда Кронина «Цитадель» стратегическая цель реализации предостережения достигается употреблением паремии *Give a man enough rope and he will hang himself* в качестве тактики урезонивания: дай дурному человеку возможность делать все, что он захочет, – и он обязательно наделает дел, за которые ему придется расплачиваться. В качестве довода (резона) выступает представление отрицательных последствий действий:

“You cannot take proceedings against him without inflicting enormous damage on Nicholas and yourself. The publicity alone ... it's unthinkable.” “Something must be done.” In a tone of menace, Brande bit out his words, his head sunk deep in his shoulders. “Then be patient. *If you give a fellow of that type enough rope, he is sure to hang himself*” (A. J. Cronin. The Citadel).

Проведенный анализ гендерно-маркированных пословиц, представляющих тактику урезонивания, показал, что рассматриваемая тактика в большинстве случаев может осуществлять речевое воздействие на представителей мужского пола.

Одной из нечасто употребляемых, но не менее важных тактик стратегии предостережения является **тактика одергивания**. На долю английских гендерно-маркированных паремий, выражающих предостережение, приходится 4,5% паремий, реализующих тактику одергивания; русские рассматриваемые паремии составляют 11%:

Don't hit a man when he's down (Bryan & Mieder, 491), Praise no man before his death (Bryan & Mieder, 203), You can't keep a good man down (Bryan & Mieder, 498), You can't rob a naked man of his clothes (Bryan & Mieder, 498), Choose not a wife by your eye only (Мюррей, 72), Never send a boy to do a man's job (Speake, 34); Бабе кровь проливать не годится (Даль, 65), Не дело бабе пьяной коров доить (Снегирев, 312), Не петь куры петухом, не владеть бабе мужиком (Даль, 113), Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери (Даль, 66), Исайя ликуй, а ты, девушка не финтуй (Даль, 233).

Ср. тактику одергивания в художественном произведении:

«А ты бы, не прогневайся, Евгениюшка, прежде чем поручиться по твою покойнике в десяти тысячах рублях, отписал бы об этом ко мне, как бы я тебе присоветовал. Знаешь... русскую поговорку: *прежде отца в петлю не суйся*. Мне не жаль десяти тысяч рублей... а вот жаль только того, что ты их все равно что в огонь бросишь» (А. Е. Измайлов. Евгений).

Отрывок из произведения А. Е. Измайлова «Евгений, или Пагубные последствия дурного воспитания и сообщества» иллюстрирует ситуацию общения, где отец Евгения предостерегает сына от необдуманного поручительства. Гендерно-маркированная паремия *Прежде отца в петлю не суйся* выполняет роль тактики одергивания.

“If you tell me anything, I'm not going to keep the conversation confidential. If I can capitalize on what you tell me, I'm going to do it. *A lawyer can't serve two masters*” (J. Gardner. The Art of Living).

В приведенном фрагменте из произведения Джона Гарднера говорящий предостерегает слушающего от нежелательных высказываний, честно признавшись, что он огласит их при первой возможности извлечь выгоду. Тактикой одергивания в достижении стратегической цели предостережения выступает перефразированная паремия *No man can serve two masters*.

Тактика угрозы. Тактика угрозы в английских гендерно-маркированных паремиях, встречающаяся в превентивах, составляет 22,5%, в русских рассматриваемых пословицах – 18%:

A hungry man is an angry man (Mieder, 79), A hungry man smells meat afar off (Мюррей, 223), An unfortunate man would be drowned in a teacup (Мюррей, 24), Beware of a silent man and still water (Мюррей, 309), Hunger and cold deliver a man to his enemy (Bryan & Mieder, 413), Man is a wolf to a man (Мюррей, 239); Вдоветь – вдовье терпеть (Даль, 122), Худо полю без изгороды, а вдове без обороны (Даль, 123), Бил жену денечек, сам плакал годочек (Даль, 107), Взял жену – забудь тишину (Мюррей, 5), Ест червь древо, а зла жена чрево (Снегирев, 157), Жена злонравна – мужу по гибель (Снегирев, 163).

Для демонстрации применения тактики угрозы с целью предостережения приведем отрывок из художественного произведения:

«Здесь – тайга: все одинаковые. Помни это. А то и до воли своей не добежишь – сломишь голову. Знаешь, говорят: *молодец против овец, а спротив молодца – сам овца*. Найдется и на тебя лихой человек. Обидишь вот так вот – ни за што ни про што, он тебе покажет, где волю искать» (В. Шукшин. Охота жить).

Продуцент реализует тактику угрозы посредством паремии *Молодец против овец, а против молодца – сам овца*, предостерегая реципиента от неуважительного отношения к другим людям.

“You haven’t any idea what the project could be?” “Not a clue. He ought to be careful. *To sup with the Baron you need a very long spoon*” (G. Greene. The Power and the Glory).

Приведенный отрывок из произведения иллюстрирует использование тактики угрозы для реализации стратегической цели предостережения. Для этого говорящий использует паремию *He needs a long spoon that sups with the Devil*.

Рассмотренные примеры доказывают тезис о том, что одна пословица может представлять разные тактики в разных ситуациях общения. Пословица *He needs a long spoon that sups with the Devil* реализует стратегию предостережения, но может выполнять функцию как тактики угрозы, так и тактики упрека.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что важнейшую роль в ходе интерпретации паремии играет контекстуальное окружение. Только контекст помогает установить ту или иную коммуникативную стратегию либо тактику.

Проанализировав соотношение тактик и лексико-грамматических конструкций, используемых для успешного достижения перлокутивного эффекта в каждом из рассматриваемых языков, мы можем выявить следующие особенности.

В английских и русских рассматриваемых пословицах тактика обличения представлена различными лексико-грамматическими конструкциями. Согласно Г. Д. Сидорковой, «в обличении превалирует моральная оценка чего-то предосудительного... акцентируется мотив обнаружения, фиксация того, что считается предосудительным... данный предосудительный момент маскировался действующим лицом, стремившемся представить его в положительном свете» [8]. Наиболее характерными для рассматриваемых паремий являются противопоставления, основанные на полярных оппозициях: Девка хороша, да слава не хороша (Даль, 207), По старом муже молода жена не тужит (Даль, 103), Хорошая невеста – плохая жена. Девка не жена: порода одна (Даль, 203), Худой муж в могилу – добрая жена по дворам (Даль, 119); A Jack of all trades is a master of none (Bertram, 8), A good actor at rehearsal is a bad actor at night (Bryan & Mieder, 8), A wise man commonly has foolish children (Мюррей, 227). Данные противопоставления, служащие для достижения стратегической цели косвенного предостережения, могут быть представлены в русских паремиях антонимами, конверсивами, контекстными антонимами в конструкциях типа «Муж А, жена В», «Жена А, муж В», «невеста А, жених В»: Жена поет, а муж волком воет (Даль, 118), Жена прядет, а муж пляшет (Даль, 104), Муж в тюрьме, а жена в сурьме (вдова никогда замуж не пойдет и навек от нарядов отказывается) (Даль, 118).

Другим характерным средством для реализации рассматриваемой тактики является конструкция «Каков... таков...» («Кто... кто...»): Какова мать, такова и дочь (Мюррей, 89), Какова Устинья, таково у ней ботвинье (Даль, 572), Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты (Жуков, 42).

Для английских рассматриваемых паремий, в которых реализуется тактика обличения, наиболее типичными являются сравнительные обороты «as... as...», «like... like...»: Joan’s as good as my lady in the dark (Speake, 53), Like master, like man (Speake, 213), Like workman, like tool (Мюррей, 121).

Не менее популярны в английских паремиях с гендерным компонентом, выражающих косвенное предостережение при помощи тактики обличения, конструкции “He (a man) who... Vs”, “He that... Vs”, “Who...Vs”: A man who has not been flogged is not educated (Speake, 249), He that tells his wife news, is but newly married (Мюррей, 144), He that does evil, never wins good (Мюррей, 203).

Тактика урезонивания, согласно Г. Д. Сидорковой, предполагает такие виды воздействия на реципиента, «которые в разговорном языке соответствуют выражениям “поставить на место”, “охладить пыл”, вразумить, призвать к трезвой оценке своих возможностей...” [9]. Данное воздействие на собеседника осуществляется при помощи каких-либо доводов (резонов).

В русских гендерно-маркированных пословицах тактика урезонивания наиболее часто представлена конструкцией *не + императив. форма глагола НСВ*: Не смейся, братец, чужим сестрицам: своя в девицах (Даль, 159), Не покупай у ямщика лошади, а у вдовы не бери дочери: у ямщика лошадь изломана, у вдовы дочь избалована (Даль, 89), Не покупай у барышника лошади – испорчена; не бери у матери одной дочери – избалована; а черта в дом захочешь – зятя возьми

(Снегирев, 556). Смысловую формулу данных высказываний можно выразить следующим образом: «Не делай А, так как В».

Другой отличительной конструкцией для тактики урезонивания является модель «Кто... тот...»: Кто бабе поверит, трех дней не проживет (Даль, 67), Кто с бабой свяжется – сам баба будет (Даль, 67), Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет – мил не живет (Даль, 144), Кто жене волю дает, тот сам себя обкрадывает (Даль, 113), Кто жены не бьет, тот и мил не живет (Снегирев, 234).

В английских паремиях приведенная модель соответствует конструкции “He (a man) who... Vs”, “He that... Vs”, “Who...Vs”: He that kisses his wife in the marketplace shall have many teachers (Mieder, 126), He that seeks trouble never misses (Мюррей, 76), He goes long barefoot that waits for dead man’s shoes (Мюррей, 60).

Особой популярностью в текстах гендерно-маркированных английских пословиц, реализующих тактику урезонивания, пользуется конструкция “A man cannot + V” и ее разновидность “No man can”: A man cannot be in two places at once (Мюррей, 132), A man cannot escape what is written on his forehead (Bryan & Mieder, 296), A man cannot spin and reel at the same time (Мюррей, 44), A man cannot whistle and drink at the same time (Мюррей, 314), No living man all things can (Мюррей, 92), No man can do two things at once (Мюррей, 132), No man can serve two masters (Bertram, 157).

Тактика угрозы направлена на информирование собеседника о том, что те или иные действия повлекут опасные для него последствия. Наиболее характерными для тактики угрозы в русских гендерно-маркированных паремиях являются инфинитивные конструкции со значением условия: Вдоветь – вдовье терпеть (Даль, 122), Знаться с кумой – расстаться с женою (Даль, 152), От мила отстать – в уме не устоять (Даль, 192), За ревнивым мужем быть – не в корысти свою молодость износить (Снегирев, 544).

В русских пословицах с гендерным компонентом частотны случаи употребления положительных и отрицательных индикативных форм глагола 2-го л. ед. ч. в предложениях со значением условия. Несмотря на многообразное сочетание времен в данных конструкциях, наблюдается преобладающее употребление будущего времени в указанных пословицах. Например:

Не найдешь паренька – выйдешь и за пенька (Даль, 122), Ветер пошумит – да устанет; старая баба расходится – не скоро уймешь (Даль, 74), Пусти бабу в рай: она и корову за собой приведет (Даль, 66), Бабе спустишь – сам баба будешь (Даль, 113), Расходится старуха, так и не убаюкаешь (Даль, 72).

Противопоставления, содержащие полярные оппозиции, также характерны для русских и английских паремий, реализующих тактику угрозы: Бил жену денечек, сам плакал годочек (Даль, 107), Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет (Даль, 104), Прими зятя в дом, а сам убираться вон (Даль, 161); A fool can ask more questions than a wise man can answer (Мюррей, 75), Old men, when they marry young women, make much of death (Мюррей, 32) Always a bridesmaid, never a bride (Speake, 37).

Значение угрозы в гендерно-маркированных паремиях может проявляться на лексическом уровне употреблением лексем с негативной коннотацией «худо», «плохой», «горький», «злой», “angry”, “unfortunate” “worst”: Худо полю без изгороди, а вдове без обороны (Даль, 132), Худая жена – кара Господня (Даль, 120), Худо мужу тому, у которого жена большая в дому (Снегирев, 496), Жених что лошадь: товар темный (Даль, 233), Жена злонравна – мужу гибель (Снегирев, 163), Кто злую жену получит, тот всю жизнь свою погубит (Снегирев, 234); A hungry man is an angry man (Mieder, 79), An unfortunate man would be drowned in a teacup (Mieder, 24), The worst always happens to the man who is ready to believe the worst (Bryan & Mieder, 866).

Тактика упрека наиболее ярко выражена в русских пословицах с гендерным компонентом, содержащих модель *не + гл. 2 л. ед. ч.*: Бабу не переговоришь (Даль, 64), Лукавой бабы и в ступе не истолчешь (Даль, 67), На людей лапти плетут, и то ино не угождают, а девкой не уноровишь (Даль, 233). Наиболее эффективное воздействие тактики упрека на собеседника достигается при помощи английских рассматриваемых паремий, в составе которых присутствует конструкция “It is ill...”: It is ill putting a knife in a madman’s hand (Мюррей, 16), It is ill speaking between a fool man and a fasting (Speake, 130), It is ill waiting for dead man’s shoes (Bertram, 127).

Отличительной характеристикой тактики одергивания в русских пословицах выступают оценочные высказывания «не дело», «не годится»: Дочь матери в сводни не годится (Снегирев, 146), Не годится водиться, матушка бить грозитя (Снегирев, 312), Бранит жена мужа, а бить его не нужна (Снегирев, 64).

Тактика одергивания также может быть реализована при помощи конструкции *не + императив. форма глагола НСВ*: Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери (Даль, 66), Не надейся, дед, на чужой обед (Даль, 550), Исайя, ликуй, а ты, девушка, не финтуй (Даль, 233), О девке худа

не молви (Даль, 2003). Данные пословицы отличаются от паремий с аналогичной конструкцией, осуществляющих тактику урезонивания, тем, что они не информируют собеседника о негативных последствиях, лишь подразумевая их.

В английских рассматриваемых паремиях тактика одергивания осуществляется при помощи отрицательной формы категориальной императивности *do not + V*, *V + not*, *never + V*: Don't hit a man when he's down (Bryan & Mieder, 491), Choose not a wife by your eye only (Мюррей, 72), Never send a boy to do a man's job (Speake, 34).

Другим эффективным средством воздействия на собеседника при актуализации тактики одергивания в английских рассматриваемых паремиях является использование отрицательной формы модального гл. *cannot + V*: You can't keep a good man down (Bryan & Mieder, 498), You can't rob a naked man of his clothes (Bryan & Mieder, 498), All men can't be masters (Bryan & Mieder, 21).

Таким образом, нами были выявлены универсальные и уникальные для рассматриваемых языков способы объективации тактик коммуникативной стратегии предостережения в гендерно-маркированных паремиях. Проведенный анализ показал, что более точное определение речевых стратегий и тактик возможно только в контексте.

Примечания

1. Кирилина А. В. Тендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. С. 36–37.
2. Кирилина А. В. Тендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: «Рос. полит. энцикл.» (ТОССПЭН), 2004. С. 153.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008; Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / под ред. А. В. Кирилиной. М., 2005; Грищенко Е. В. Гендерный аспект современного политического мы-дискурса // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2010. № 20 (207). Ч. I. С. 10–16.
4. См.: Иссерс О. С. Указ. соч. С. 57.
5. Там же.
6. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. С. 35.
7. Кулькова М. А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. С. 138.
8. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. С. 67.
9. Там же.

Notes

1. Kirilina A. V. *Tender: lingvisticheskie aspekty* [Tender: linguistic aspects]. M. Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences. 1999. Pp. 36–37.
2. Kirilina A. V. *Tendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikacii* [Tender research in linguistics and theory of communication]. M. "Russ. Political Encyclopedia" (TOSSPEN). 2004. P. 153.
3. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Ed. 5th. M. Publishing house of the LCI, 2008; Kirilina A.V. *Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh disciplinakh* [Gender research in the language disciplines // *Gender i yazyk* – Gender and language / ed. By A.V. Kirillina. M. 2005; Grishchenko O. V. *Gendernyj aspekt sovremennogo politicheskogo my-diskursa* [Gender aspect of modern political we-discourse] // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2010, No. 20 (207), Pt. I, pp. 10–16.
4. See: Issers O. S. Op. cit. P. 57.
5. Ibid.
6. Kubryakova E. S. *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. M. Nauka. 1986. P. 35.
7. Kul'kova M. A. *Germeneytika narodnoj primety: kognitivno-pragmaticheskij aspekt izucheniya* [Hermeneutics of folk omens: the cognitive-pragmatic aspect of learning]. Kazan. Publishing house of the Ministry of education and science of RT. 2011. P. 138.
8. Sidorkova G. D. *Pragmatika paremij: poslovice i pogovorki kak rechevye dejstviya* [Pragmatics of paroemias: Proverbs and sayings as verbal actions]. Krasnodar. Kuban State University. 1999. P. 67.
9. Ibid.

Функционально-когнитивная сфера – новый тип организации лексики

В статье рассматриваются вопросы систематизации лексики с новых позиций – с точки зрения концептуализации и обобщения ментального опыта и упаковки информации в памяти человека с помощью лексических средств. В современном языкознании приоритетной является проблема структурирования и организации знаний. Системный подход предполагает учёт всех типов связей и отношений, позволяя более четко увидеть и верно описать элементы языка в реальных, объективно присущих языку связях и отношениях, не навязывая ему никаких искусственно сконструированных наукой систем. В последние годы наблюдается переориентация лексикографических исследований на когнитивную и деятельностную параметризацию словарного состава языка. Практика лексикографии обогащается новыми типами словарей. Один из таких словарей «активного» типа – это функционально-когнитивный словарь. Классификация вокабуляра в этом словаре производится с учетом коммуникативной деятельности человека, т. е. живого употребления слов.

In the article the questions of systematization of lexicon in the new view – from the point of view of conceptualization and synthesis of mental experience and packing of information in memory of a person by means of lexical means are considered. In modern linguistics the problem of structuring and the organization of knowledge is priority. System approach assumes taking into account all types of communications and the relations, allowing to see more accurately and to describe truly language elements in real, objectively inherent in language communications and relations, without imposing it any systems which are artificially designed by science. In recent years reorientation of lexicographic researches to cognitive and activity parametrization of dictionary structure of language is observed. Practice of lexicography is enriched with new types of dictionaries. One of such dictionaries of «active» type is a functional – cognitive dictionary. Classification of a vocabulary in this dictionary is made taking into account communicative activity of a person, i.e. live use of words.

Ключевые слова: когнитивистика, системный подход, лексико-семантическая система, лексико-семантическая группа, словарь, классификация вокабуляра, функционально-когнитивная сфера, макроконцепт.

Keywords: cognitive science, a systematic approach, the lexical-semantic system, lexico-semantic group, dictionary, classification of vocabulary, functional-cognitive sphere, macroconcept.

В когнитивистике ведущая роль отводится исследованию лексики. Лингвистов интересует то, каким образом деятельность по формированию знания, опыта и обработке информации связана с языковыми формами, которые выступают как формы «упаковки» знания. «В словарном составе фиксируется совокупность знаний об окружающей действительности в свойственных ему закономерностях и связях. Не случайно в современном языкознании приоритетной является проблема структурирования и организации знаний, которая требует опоры на огромный эмпирический материал. В связи с этим ощущается настоятельная потребность в создании целостной интегральной концепции естественного языка в плане формирования и передачи информации. Тем не менее до настоящего времени структура лексикона не описана в полном объёме. Само понятие картины мира до сих пор остается нераскрытым, являясь скорее дежурным термином. Её разработка лежит на стыке теоретических изысканий и лексикографических описаний словарного состава языка. Лексическая система имеет многоуровневое строение, составляющее информационную базу, тем самым позволяя индивиду овладеть опытом предшествующих поколений» [1]. Современный уровень лингвистических знаний позволяет рассматривать вопросы систематизации лексики с новых позиций – с точки зрения концептуализации и обобщения ментального опыта и упаковки информации в памяти человека с помощью лексических средств, что осуществляется не только на уровне слов, но и на уровне языковых единиц, которые уже изначально определяют их поведение в речевой коммуникации.

Системный подход предполагает учёт всех типов связей и отношений, существующих между элементами языковой структуры на разных её уровнях. Это позволяет более четко увидеть и верно описать элементы языка в реальных, объективно присущих языку связях и отношениях, не навязывая ему никаких искусственно сконструированных наукой систем. Первыми системный подход к языку и его центральной единице – слову – реализовали лексикологи, решившись исследовать лексико-семантическую систему (ЛСС) языка через изучение её фрагментов, микро-

систем. Они увидели в ЛСС отражение уникальной онтологической сложности и уникальной гибкости системного устройства всего языка. Гибкость её связана с тем, что по отношению ко всем основным смысловым единицам и их связям ЛСС является открытой, не замкнутой по своему характеру, легко проникаемой. «Уникальность ЛСС состоит также в том, что это система систем, сложная и многоярусная по своей структуре, к познанию которой можно прийти только через обращение к различным её фрагментам, микросистемам» [2].

Одной из моделей ЛСС (да и всей языковой системы языка и его межуровневых взаимодействий) является лексико-семантическая группа (ЛСГ), объединяющая слова на основе собственно языкового признака – лексического значения слова. Наиболее полное, всестороннее определение ЛСГ даёт З. В. Ничман: «Лексико-семантическая группа – это часть лексико-семантической системы языка (микросистема), представляющая собой объединение слов одной части речи на основе интегрирующего семантического признака как компонента лексического значения слов группы. Интегрирующий семантический признак может присутствовать в одном значении многозначной лексемы либо в нескольких (редко – во всех). Семантическая структура группы может быть представлена в виде иерархической организации дифференцирующих семантических признаков, подчинённых интегрирующему признаку группы. По каждому из признаков ЛСГ может иметь синхронные парадигматические связи с другими ЛСГ, что отражает системность лексического уровня в целом. На основе дифференциальных признаков группа делится на отдельные подгруппы, разряды, ряды. По каждому из признаков выделяемые в ЛСГ подгруппы (и далее – ряды) способны объединяться с другими смежными группами: одна группа пересекается с множеством других групп и т. д. Связи между группами обеспечивают системность лексического уровня в целом» [3].

В последние годы наблюдается переориентация лексикографических исследований на когнитивную и деятельностную параметризацию словарного состава языка. Практика лексикографии обогащается новыми типами словарей. Один из таких словарей «активного» типа, ориентированный на то, чтобы приблизить человека к новому словарю – к его структуре, содержанию, механизму функционирования, к тем потребностям, с которыми к словарю обращается носитель языка или человек, изучающий язык как не родной, – это функционально-когнитивный словарь [4]. Классификация вокабуляра в этом словаре производится с учетом коммуникативной деятельности человека, т. е. живого употребления слов.

Функционально-когнитивный подход является в составлении словаря стержневым и позволяет подойти к решению проблемы систематизации лексического материала с опорой на речемыслительную деятельность человека и выделить качественно новые разряды лексики, которые определяют как членение лексикона, так и семантические процессы, происходящие в отдельных блоках и лексемах. По мнению Т. А. Кильдибековой, «расчленение мира в деятельностном аспекте находит отражение в объемных *функционально-когнитивных сферах (ФКС)*, которые представляют собой принципиально новый тип организации лексики» [5].

«ФКС – это многомерное образование, позволяющее вычленив из словарного состава языка его наиболее объёмный фрагмент, так или иначе связанный с человеком: *жить, слышать, видеть, двигаться, говорить* и т. п. Основу сферы составляет *макроконцепт*, предполагающий различные аспекты развертывания общего понятия. Это целостное образование с широким значением, создающее когнитивную субстанцию языка и выступающее в качестве базы языковой картины мира» [6].

Макроконцепт проявляется как многомерная и многоуровневая сущность, где каждый тип значения связан с общим понятием разнообразными смысловыми отношениями, проявляющимися на глубинном уровне. В разных языковых единицах *макроконцепт* раскрывает семантический потенциал до их реализации в речи то в сжатом, то в развернутом представлении. *Макроконцепт*, обобщая значение всех слов определенного смыслового пространства, выступает в качестве семантической категории наиболее высокой степени абстракции, имеющей большой функционально-когнитивный потенциал и «притягивающий» к себе блоки лексем разного объёма [7].

ФКС, будучи довольно объёмной, распадается на более узкие блоки – семантические поля. Традиционно семантическое поле признается самой крупной системообразующей единицей языка.

Семантическое поле внутри ФКС представляет собой иерархически организованное множество лексических единиц, объединенных общим концептом и отражающих в языке определенную понятийную область. Так, дифференциация ФКС «Речевая деятельность» осуществляется в семантических полях: «говорить на каком-либо языке», «общаться», «информировать, сообщать», «спорить», «критиковать», «обращаться», «советовать», «описывать» и т. д. [8]

Как показывает материал, семантические поля и составляющие их менее объёмные парадигматические группы получают функциональную значимость именно в составе более крупных блоков – *функционально-когнитивных сфер*. По мнению Т. А. Кильдибековой, «анализ семантических полей «без поддержки» функционально-когнитивных сфер представляется бесперспективным» [9].

«В структурной организации лексических групп, кроме традиционно выделяемых межчастеречных, родовидовых, синонимических, антонимических, ассоциативных, словообразовательных отношений представлены также следующие типы глубинных связей: концептуальная хронология – порядок следования семантических процессов: *родиться – жить – умереть*; концептуальная деривация – отношение смысловой производности между событиями и их участниками: *работать – работник, место работы, орудие, результат*; расщепление концепта в синхронных понятиях, выступающих на одном уровне концептуальных отношений: *жители, земляне, европейцы, австрийцы, горожане, жильцы дома*» [10]. Эти отношения структурируют семантическое поле по вертикали – сверху донизу.

В ФКС словаре впервые использован прототипический принцип построения блоков, который позволяет описывать лексические разряды слов по принципу центр – периферия в соответствии с их функциональной ценностью. В первую очередь, выстраиваются наиболее употребительные, частотные слова (прототипы), образующие центр группы.

В словаре реализуется интегральная, комплексная подача материала, предопределяющая включение разных частей речи и разных типов зависимостей между словами. Они отражают в полном объёме функционально-когнитивные отношения в структуре ФКС и максимально приближают словарь к речевой компетенции носителей языка. Раскрывается частеречная наполняемость каждой сферы [11].

Но самое главное преимущество ФКС – это *свойство открытости*, т. е. возможности его пополнения новыми словами без перестройки общей схемы, что позволяет её структуре легко адаптироваться к происходящим в языке изменениям.

Исходная определяющая единица, выступающая в качестве детерминанты семантического поля, предопределяет семантическое разветвление его элементов, направление разветвления связей и его частеречный состав; например: в одних доминируют глаголы (*говорить, разговаривать, беседовать, рассказывать, передавать, пересказывать, рассуждать, толковать и т. п.*), другие члены вторичны, производны (*разговор, беседа, сказка, рассказ, говорливый и т. п.*), во вторых ведущая позиция принадлежит существительным (зрение: *глаза, взгляд, обзор, цвет и т. д.*) [12].

В соответствии с уровнем развития современной лингвистики когнитивный подход можно использовать *при сопоставительном изучении лексической системы языков*, что позволяет по-новому решать вопрос о семантических параметрах компаративных исследований и использовать в качестве единицы анализа при сравнении языков функционально-когнитивную сферу. Задача данного сопоставления заключается в описании языковой интерпретации одного и того же концепта и основывается на выявлении наиболее характерных сходств и различий (универсальных и идиоэтнических признаков) сравниваемых ментальных структур как в содержательном, так и в формальном аспектах.

Идеоэтническое в категоризации языков часто реализуется посредством лингвокультурного кода, который «распредмечивает» культурные смыслы. Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, значимость каждого из них в рамках определенной культуры, а также языковые средства, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой [13]. Как отмечает В. В. Красных, код культуры – это как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [14].

Таким образом, ФКС может служить единицей описания при сопоставительном изучении лексики разных языков, поскольку в ней явственно обнаруживается, с одной стороны, общность мира и мыслительных процессов, а с другой – определенное своеобразие языков, которое создается переплетением универсального и идиоэтнического в содержании языковых категорий. Это проявляется в линейных и векторных соответствиях лексических элементов в сравниваемых языках, которые прослеживаются на разных ступенях актуализации общего концепта [15].

ФКС помогает выявить универсальные черты двух сравниваемых языков, поскольку основные блоки, передающие отдельные аспекты развертывания макроконцепта, совпадают. В сфере речи это: а) общий процесс речи – *умение говорить на каком-либо языке: говорить по-русски // to speak some language: to speak the Russian language*; б) объект речи – *говорить / сказать, что пошел дождь // to tell/ to say that it started raining*; в) адресат речи – *говорить / сказать*

кому: *omuy* // *to tell/ to say to whom: to father*; а также внешняя сторона речи; состояние говорящего; отношение говорящего к собеседнику; цель речи; количественный аспект; оценочный аспект. В сфере жить это: а) жить где – *жить в России* // *to live in Russia*; б) жить с кем – *жить с родителями* // *to live with parents*; в) жить как – *жить в бедности* // *to live in poverty*; обозначение средств существования; цели существования; времени существования.

ФКС, представляя собой самый обширный фрагмент лексической системы, выступает как языковая универсалия, позволяющая осуществить параллельное описание фрагментов лексических систем разных языков: в первую очередь, обозначение событий, ситуаций, т. е. глагольных номинаций, а также их субстантивных распространителей – существительных и признаков конкретных – прилагательных и наречий. Ведущая роль при сопоставлении языков в структуре ФКС отводится глаголу, поскольку именно он выступает как центральный систематизирующий элемент ФКС, предопределяющий аспекты функциональной и ситуативной категоризации макроконцепта [16].

Важнейшим принципом при сопоставлении языков является принцип эквивалентности, т. е. содержательного соответствия между языковыми единицами двух языков. Как отмечает А. М. Кузнецов, наибольшим своеобразием отличаются смысловые структуры отдельно взятых лексем. Даже в тех случаях, когда они соотносятся с одной и той же денотативной сферой, параллельные лексемы разных языков часто оказываются идиоматичными в каждом значении. Совпадение же по всему объему лексико-семантических вариантов наблюдается совсем редко. Однако семантическое сближение оказывается весьма вероятным, как только мы выходим за пределы отдельной лексемы в область лексико-семантической парадигмы, семантического поля, лексико-семантической группы, включающих целый ряд близких по содержанию слов. По мнению автора, возможности совпадения семантических блоков, обозначенных группами слов, расширяются. С проникновением в сферу лексико-семантической парадигматики укрепляется ощущение семантического универсализма, содержательного единства языков, их принципиальной взаимной переводимости [17]. А. Е. Кибрик также отмечает, что не следует преувеличивать несопоставимость семантических членений естественных языков, подчеркивая, что при всем удивительном разнообразии лексических и грамматических значений в конкретных языках обнаруживается в то же время и удивительная их повторяемость. Языки как бы заново открывают одни и те же элементы смысла, придавая им различное оформление, что позволяет говорить в применении к различным языкам о тех или иных фиксированных смысловых блоках универсума значений, предопределяемых свойствами отражаемого в мышлении человека и независимо от него существующего мира предметов, событий, отношений и т. п. [18]

Таким образом, когнитивный подход предполагает новую интерпретацию проблемы эквивалентности, связанной с деятельностной природой языка, которая проявляется «в накоплении знаний и передаче информации через определённые когнитивные структуры» [19]. Целесообразным при сопоставлении языков видится использование функциональных, ситуативно ориентированных языковых параллелей, поскольку именно в них передаются универсальные категоризированные знания, возникающие в процессе приобретения опыта и получающие реализацию в процессе общения. Межязыковые эквиваленты в таксономических классах выступают как дополнения к функциональным, событийным эквивалентам, поскольку содержат «статические языковые элементы, определяющие способы развертывания макроконцепта» [20].

Подача параллельных, однонаправленных номинаций – русского и сравниваемого (английского или любого другого) – языков блоками разного объёма способствует активному и ускоренному усвоению языкового материала.

Примечания

1. Кильдибекова Т. А., Гафарова Г. В., Абдюкова Л. А. Функционально-когнитивная систематизация лексики как основа дискурсивной деятельности // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 11–12 декабря 2012 г. Т. 1., г. Уфа / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа, 2012.
2. Антонова С. М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. Гродно: ГрГУ, 2003.
3. Ничман З. В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке. Томск: АҚД, 1980.
4. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / под общ. ред. Т. А. Кильдибековой. СПб.: Политехника-сервис, 2011; Функционально-когнитивный словарь русского языка: Языковая картина мира / под общ. ред. Т. А. Кильдибековой. М.: «Гнозис», 2013; Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «Говорить», «Слышать», «Видеть») / Т. А. Кильдибекова, Г. В. Гафарова, В. А. Шарипова и др. Уфа: РИО БашГУ, 2004.
5. Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа: РИО БашГУ, 2003.

6. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира)...
7. Зайнуллина Л. М. Лингвокогнитивное исследование адъективной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков). Уфа: РИО БашГУ, 2003.
8. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «Говорить», «Слышать», «Видеть»)...
9. Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А. Указ. соч.
10. Кильдибекова Т. А., Гафарова Г. В., Абдюкова Л. А. Указ. соч.
11. Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А. Указ. соч.
12. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «Говорить», «Слышать», «Видеть»)...
13. Гарифуллина А. М. Аллюзии сквозь призму культурного кода // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 1431–1434.
14. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
15. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
16. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: УРСС, 2012.
17. Кузнецов А. М. Варианты лексико-парадигматических структур // Языки мира: проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990. С. 108–119.
18. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: УРСС, 2002.
19. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
20. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. Изд. 3-е, стер.

Notes

1. Kildibekova, T. A., Gafarova, G. V., Abdyukova, L. A. Functional-cognitive systematization of vocabulary as the basis of discursive activity // Cognitive and communicative aspects of discursive activity: materials of the International scientifically-practical conference on December 11–12, 2012., Volume 1., Ufa / resp. edited by F. G. Fatkulina. – Ufa, 2012. – 348 p.
2. Antonova, S. M. Verbs of speaking – dynamic model of the language picture of the world: the experience of cognitive interpretation: Monograph – Grodno: Grodno state University, 2003, – 519 pp.
3. Nitchman, Z.V. Verbs of speaking (oral language) in the modern Russian language – Tomsk: AKD, 1980. – 21 pp.
4. Functional-cognitive dictionary of the Russian language (Language picture of the world) / Under the General editorship of T. A. Kildibekova. – St. Petersburg, «Polytechnics-service, 2011. – 664 pp.; Functional-cognitive dictionary of the Russian language: the Linguistic picture of the world / Under the General editorship of Professor T. A. Kildibekova. – Moscow: Gnosis, 2013. – 676 pp.; Russian-English functional-cognitive dictionary (spheres «Speak», «Hear», «See») / Kildibekova, T. A., Gafarova, G. V. Sharipova V.A., etc. – Ufa: RED of Bashkir state University, 2004. – 270 pp.
5. Gafarova, G. V., Kildibekova, T. A. Theoretical foundations and basis of preparation the functional-cognitive dictionary – Ufa: RED of Bashkir state University, 2003. – 302 pp.
6. Functional-cognitive dictionary of the Russian language: the Linguistic picture of the world– Moscow: Gnosis, 2013. P. 4
7. Zainullina, L. M. Linguistic and cognitive research adjectival vocabulary (in English, Russian, Bashkir, French and German) – Ufa: RED of Bashkir state University, 2003. – 256 pp.
8. Russian-English functional-cognitive dictionary (spheres «Speak», «Hear», «See») / Kildibekova, T. A., Gafarova, G. V. Sharipova V.A. Pp. 4-100
9. Gafarova, G. V., Kildibekova, T. A. P. 141
10. Kildibekova, T. A., Gafarova, G. V., Abdyukova, L. A. P. 296
11. Gafarova, G. V., Kildibekova, T. A. Pp. 132 – 134
12. Russian-English functional-cognitive dictionary (spheres «Speak», «Hear», «See») / Kildibekova, T. A., Gafarova, G. V. Sharipova V.A. Pp. 4-100
13. Garifullina A. M. Allusions through the prism of the cultural code // Bulletin of the Bashkir University, 2009. 14. No. 4. Pp. 1431-1434.
14. Krasnikh V. «Ours» among «strangers»: myth or reality? – Moscow: Gnosis, 2003. – 375 pp.
15. Sternin, I. A. Contrastive linguistics. Problems of theory and methodology of the study – M.: AST: East – West, 2007. – 288 pp. – (Linguistics and intercultural communication: gold series).
16. Kobozev, I. M. Linguistic semantics – 5th ed., Rev. and extra – URSS, 2012. – 352 pp.
17. Kuznetsov, A. M. Options lexical-paradigmatic structures // the languages of the world: the problem of language variability. – M.: Nauka, 1990. Pp. 108-119.
18. Kibrik, A. E. Essays on General and applied aspects of linguistics, Moscow: URSS, 2002. – 333 pp.
19. Kubryakova, E. S. About preferences, cognitive science and cognitive linguistics // Issues of cognitive linguistics. – 2004. – No. 1. – Pp. 6 – 17.
20. Boldyrev, N. N. Cognitive semantics: a Course of lectures on English Philology – Tambov: Publishing house of Tomsk state University by G. R. Derzhavin, 2002. Ed. 3rd, erased. – 123 pp.

**Стихотворение Александра Кушнера
«Зачем Ван Гог вихреобразный...»
с лингвоинтермедальной точки зрения**

В статье рассматриваются интермедальные связи стихотворения известного современного поэта Александра Кушнера «Зачем Ван Гог вихреобразный...», написанного в 1960-х гг. Основное внимание уделяется языковым единицам, являющимся материальными носителями связей словесного текста с иконическим источником – картинами Винсента Ван Гога. Прослеживаются как связи с конкретными произведениями художника, так и отсылки к его позднему творчеству в целом, включая особенности технических приёмов. Так, в стихотворении через вербализацию элементов изображения нашли отражение такие картины Ван Гога, как «Автопортрет с перевязанным ухом» из лондонского Института искусств Курто и «Портрет доктора Гаше» из Музея д'Орсе, «Стул Винсента с трубкой» из лондонской Национальной галереи, «Ночное кафе» из Художественной галереи Йельского университета, «Пейзаж в Овере после дождя» из московского Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Благодаря конкретным лексическим единицам, которые и следует, очевидно, считать материальными носителями интермедальной связи, можно установить наличие такой связи с вполне конкретными произведениями изобразительного искусства. Особенно наглядно это проявляется там, где имеются близкие друг другу варианты живописных произведений (это относится к «Автопортрету...» и «Портрету доктора Гаше»). Однако чтобы наше восприятие работало в нужном направлении, необходима отсылка в виде имени художника, которая и имеется в первой строке. То есть элементы вербализации изображения действуют в комплексе с отсылкой, которая предполагает наличие у читателя сформированного концепта «творчество Ван Гога». В этом отношении интересна роль эпитета *вихреобразный*, в котором внутри одного слова содержится и вербализация элементов ряда произведений (в первую очередь, картины «Звёздная ночь» из нью-йоркского Музея современного искусства), и отсылка к представлению о творчестве художника. Данное слово оказывается своего рода моделью всего текста в его взаимоотношениях с иконическим источником.

The article deals with intermedia communication poems famous modern poet Alexander Kushner "What Van Gogh swirls ...", written in the 1960s. Main attention is paid to linguistic units is the material bearers of verbal text iconographic sources - the paintings of Vincent Van Gogh. Communications can be traced both to the specific make-tions of the artist, as well as references to his later works as a whole, including features of techniques. For example, in the poem through verbalization pixel reflected such car-Tina Van Gogh as "Self-portrait with bandaged ear" from London's Courtauld Institute of Art and the "Portrait of Dr. Gachet" from the Musée d'Orsay, "Vincent's Chair with Pipe" from London's National gallery, "Night Cafe" from Yale University Art Gallery, "Landscape at Auvers after the rain" from the MOS-Minkowski Museum of Fine Arts named after AS Pushkin. Due to the specific lexical ed-nitsam, which should obviously be considered material carriers intermedial connection, you can establish the existence of such a connection with very specific work of art. Obviously this is manifested particularly where there are close to each other embodiments paintings (this refers to the "Description ..." and "Portrait of Dr. Gachet"). However, to our perception of the work in the right direction, you need a reference in the form of the artist's name, which has the first line. That is, elements of verbalization images are combined with reference, which involves Nali-Chie reader formed concept "Van Gogh". In this regard, an interesting role epi-theta swirls, which is contained within a single word, and verbalization of a number of elements of productivity-tions (primarily painting "Starry Night" from the New York Museum of Modern Art), and a reference to the notion of the artist's work. This word is a kind of model for all text in its relationship with the iconic source.

Ключевые слова: интермедальные связи художественного текста с произведениями изобразительного искусства, языковые единицы – носители связей, поэтический текст, русская поэзия XX в., поэт Александр Кушнер, стихотворение «Зачем Ван Гог вихреобразный...».

Keywords: Intermediality connection with works of art text portrayer-foot art, language units – media relations, poetic lyrics, Russian poetry of the twentieth century., Poet Alex Sandro Kouchner, the poem "What Van Gogh swirls ...".

В поэзии А. Кушнера – поэта принципиально лирического, отрицающего крупные формы, – отсылки к изобразительному искусству встречаются часто. Есть и целые стихотворения, посвященные какой-либо картине или творчеству одного художника. Мы уже рассматривали с лингвоинтермедиальной точки зрения три стихотворения из цикла «Хвала художнику», входящего в книгу «Мелом и углём» (2010) [1]. (Работы находятся в печати [2].)

Стихотворение А. Кушнера «Зачем Ван Гог вихреобразный...» [3] написано значительно раньше – в 60-е гг. Приведём стихотворение полностью.

Зачем Ван Гог вихреобразный
Томит меня тоской неясной?
Как желт его автопортрет!
Перевязав больное ухо,
В зеленой куртке, как старуха,
Зачем глядит он мне вослед?
Зачем в кафе его полночном
Стоит лакей с лицом порочным?
Блестит бильярд без игроков?
Зачем тяжелый стул поставлен
Так, что навек покой отравлен,
Ждешь слез и стука башмаков?
Зачем он с ветром в крону дует?
Зачем он доктора рисует
С нелепой веточкой в руке?
Куда в косом его пейзаже
Без седока и без поклажи
Спешит коляска налегке?

Критик Игорь Померанцев в эссе «Под знаком вопроса», посвященном поэзии Кушнера, отмечал: «У Александра Кушнера слабость к вопросительному знаку» [4]. Первые строки стихотворения о Ван Гогге критик прокомментировал так: «Вопрос – это легализация сомнения, сосания под ложечкой. Где неясно, там тоскливо. Спросив вслух, преодолеваешь сомнение, разгоняешь тоску...» [5]

Мы рассмотрим стихотворение с точки зрения его интермедиальных связей – оно интересно, в частности, тем, что практически полностью представляет собой вербализацию узнаваемых элементов целого ряда картин художника. Вопросы поэта адресованы то самому художнику, то отдельным деталям его картин, то творчеству художника в целом.

В стихотворении важную роль играет переосмысление, углубление обычной языковой (лексической) метонимии, предполагающей употребление имени художника для обозначения его творчества. В стихотворении Кушнера происходит полное слияние образа художника и человека с образом его творчества: *Ван Гог* превращается в некую стихийную силу, которая может быть *вихреобразной*, может *дуть*, как ветер и вместе *с ветром*, которая творит свой особый мир, где *пейзаж – косой*, и повозка (*коляска*) *без седока и без поклажи* существует уже как бы автономно, как и *тяжелый стул*, который кем-то неведомым *поставлен* – субъект действия не уточняется; но в то же время *Ван Гог* у Кушнера остается человеком с *больным ухом*, художником, который *рисует*. Всё это организовано в форме вопросов и, в совокупности и взаимодействии элементов, выражает идею непостижимости природы художника и тайны творчества.

Эпитет *вихреобразный*, отнесенный в первой строчке к имени художника (*Зачем Ван Гог вихреобразный*), происходит из особой манеры наложения мазков в ряде картин Винсента Ван Гога (1853–1890), в основном позднего периода творчества, 1888–1890 гг. – трёх последних лет жизни художника. По словам искусствоведа К. Курека, в эти годы Ван Гог «отточил свой стиль в живописи, главным образом пейзажной и портретной, отличавшийся насыщенными яркими красками с преобладанием жёлтого, выразительной фактурой и некоторой деформацией объектов...» [6].

В связи с эпитетом *вихреобразный* в первую очередь возникает ассоциация с картиной «Звёздная ночь» (1889, Музей современного искусства, Нью-Йорк). По словам анонимных авторов «Художественной галереи», «[э]та знаменитая картина Ван Гога демонстрирует огромную мощь художника и его неповторимую индивидуальную манеру письма, его особое видение окружающего мира. <...> до Ван Гога ни один художник не писал ночное небо с таким трепетом перед величием и непостижимостью Вселенной. Небо, звёзды и лунный серп движутся в едином экстастическом волнообразном ритме. <...> Спиральные завитки света проносятся по небу, создавая стилизованный образ Галактики» [7].

Можно упомянуть в связи с этим и картину «Поле с кипарисами» (1889, Национальная галерея, Лондон): «Изображая небо, Ван Гог производил смелые дугообразные взмахи кисти, передающие движение облаков. <...> Пшеничное поле выписано посредством множества быстрых, накладывающихся друг на друга мазков, воспроизводящих волнующиеся на ветру колосья» [8]. Такие же линии оказываются в «Пейзаже с оливами» (1889, собрание Дж. Г. Уитни, Нью-Йорк). Три названных «произведения отличают от всех прочих мягкие волнообразные линии, переходящие вдруг в неистовые завихрения» [9].

Изогнутые мазки встречаются на картинах «Роща олив» (1889, Музей Крёллер-Мюллер, Оттерло), «Сад лечебницы в Сен-Реми» (1889, Музей Фолькванга, Эссен), «Пшеничное поле с кипарисами» (1889, Национальная галерея, Прага), «Маковое поле» (1889, Кунстхалле, Бремен), «Пшеничное поле со жнецом» и «Сад лечебницы Сен-Поль» (обе 1889, Музей Ван Гога, Амстердам), «Зеленое пшеничное поле» (1890, Национальная галерея, Вашингтон), «Пейзаж в Овере после дождя» (1890, ГМИИ им. А. С. Пушкина), в ряде пейзажей Овера 1890 г. из разных музеев мира.

Примечателен в связи с эпитетом *вихреобразный*, отнесенным к имени художника, и один из автопортретов Ван Гога, находящийся в Музее д'Орсе в Париже (1889). Голубовато-серый фон в нём организован дугообразными мазками, которые местами почти переходят в подобные же линии на чуть более тёмном пиджаке. С ними «перекликаются» менее изогнутые и более мелкие мазки, которыми написаны волосы, борода и даже кожа на лбу и висках. В более ранних автопортретах встречается мотив движения по кругу – в основном, вокруг головы – прерывистых мазков, точек и т. п. Упомянем в связи с этим «Автопортрет» (1887) и «Автопортрет в серой фетровой шляпе» (1887–1888, оба – Музей Ван Гога, Амстердам), «Автопортрет» (1888, Музей Фогга, Гарвард), «Автопортрет с палитрой» (1889, собрание Дж. Г. Уитни, Нью-Йорк).

Таким образом, эпитет *вихреобразный* оказывается очень ёмким и абстрагирующим характерную черту поздней манеры художника.

Далее речь идёт о вполне конкретном произведении Ван Гога:

Как желт его автопортрет!
Перевязав больное ухо,
В зеленой куртке, как старуха,
Зачем глядит он мне вослед?

Имеется в виду определенно «Автопортрет с перевязанным ухом» (1889) из лондонского Института искусств Курто, а не подобный же из частного собрания в Чикаго. Повязка на ухе и *зелёная куртка* – конкретные детали обоих вариантов, однако в лондонском автопортрете фон зеленовато-жёлтый, светлый, в отличие от чикагского, где фон красновато-кирпичный. В обоих вариантах фон и лицо близки по цвету, то есть в лондонском автопортрете лицо также имеет жёлтый оттенок. Поэтому *Как желт его автопортрет!* относится и к лицу в частности, и к картине в целом. В чикагском автопортрете присутствует трубка, которой нет в лондонском варианте. Эта деталь исключает сравнение *как старуха*, что лишний раз подтверждает то, что имеется в виду именно лондонский портрет.

Как старуха относится, очевидно, к *Зачем глядит он мне вослед*, а не к *зелёной куртке*, в которой нет ничего специфически старушечьего. Ассоциации со *старухой* вызывает повязка на ухе, которая может напоминать платок (в чикагском варианте она «нейтрализуется» трубкой); возможно, играет роль отсутствие бороды, имеющейся на большинстве автопортретов Ван Гога. На желтоватом лице почти не выделяются светлые брови, что может вызвать ассоциацию с преклонным возрастом – у старых людей брови седеют и могут заметно редеть. Взгляд, довольно пристальный и неподвижный, лишён какой-либо мужественности. Может быть, в контексте этих деталей поворот в три четверти производит впечатление какой-то медлительности, «недоповороты».

Строчки

Зачем в кафе его полночном
Стоит лакей с лицом порочным?
Блестит бильярд без игроков? –

отсылают, разумеется, к картине «Ночное кафе» (1888, Художественная галерея Йельского университета). Эпитет *полночном* придает больше трагичности и тревожности сюжету, однако является и вербализацией детали: под потолком кафе изображены часы, показывающие четверть первого. Лицо стоящего у бильярдного стола и смотрящего на зрителя лакея прописано

нечетко, неприятные черты только угадываются, цвет лица – красно-кирпичный, почти совпадает с цветом стен. («Стены кафе написаны тревожным красным цветом, ассоциирующимся с кровью и традиционно символизирующим опасность и страсть» [10].) В центре композиции – бильярдный стол, напоминающий по форме средневековую гробницу, за ним никто не играет, а всё помещение производит впечатление пустого – за столиками в разных местах три полусонные мужские фигуры и у выхода – мужчина и женщина в позах, характерных для ухаживания. В поверхности бильярдного стола, написанной пастозными мазками, отражается свет висящей над столом лампы, видны блики на торцевой стороне и на углу ближе к зрителю (*Блестит бильярд...*). По общему мнению комментаторов, сочетание ядовитых тонов – зеленого, красного и желтого – придает картине тревожность и трагичность [11].

Строка *Зачем тяжёлый стул поставлен* отсылает, в первую очередь, к картине «Стул Винсента с трубкой» (1888, Лондонская национальная галерея), где в вертикальном формате изображён занимающий основную часть пространства картины стул с плетёным сидением и массивными деревянными ножками – отсюда, видимо, эпитет *тяжёлый*.

Два таких же стула изображены и в известной в нескольких вариантах композиции «Спальня Ван Гога» (1888, Музей Ван Гога, Амстердам, или 1889, Институт искусств, Чикаго). Однако единственное число слова *стул* и характеристика *стул поставлен /Так, что навек покой отправлен* – свидетельствуют об отнесении строчек к картине из Лондонской галереи, где стул «смотрится как символ покинутости, внезапной опустелости» [12].

Стук башмаков – видимо, отсылка к нескольким необычным натюрмортам Ван Гога, в первую очередь, к картине «Башмаки» (1887, Художественный музей, Балтимор), где изображена пара грубых башмаков, подбитых гвоздями – отсюда *стук*. Можно назвать также картины «Ботинки» (1888, Метрополитен, Нью-Йорк), «Кожаные сабо» (1888, Музей Ван Гога, Амстердам), «Три пары обуви» (1886–1887, Музей Фогга, Гарвард) и другие, изображающие тяжёлую повседневную обувь.

Строка *Зачем он с ветром в крону дует?* отсылает, видимо, к тем пейзажам, в которых имеются изображения кипарисов – их силуэты производят впечатление волнообразного движения, а верхушки и ветви направлены в разные стороны. Назовём уже упоминавшиеся картины «Звездная ночь», «Поле с кипарисами», «Пшеничное поле с кипарисами», а также «Кипарисы» (1889, Музей Метрополитен, Нью-Йорк) и «Сельская дорога с кипарисами» (1890, Музей Крёллер-Мюллер, Оттерло). Можно в связи с *ветром*, который *в крону дует*, назвать, например, и картину «Роща олив» из Музея Крёллер-Мюллер. Но, возможно, здесь отсылка не к конкретной картине или группе картин, а к характерному мотиву в творчестве художника. Ветер на картинах Ван Гога угадывается и там, где нет *крон*, то есть деревьев. Так, на картине «Зелёное пшеничное поле» из Вашингтонской национальной галереи, как и в пражском «Пшеничном поле...», ощущение ветра создают гнущиеся колоски на переднем плане. Присутствие ветра ощущается и в таких картинах, как «Вороны над пшеничным полем», «Поле под грозовым небом» (обе – 1890, Музей Ван Гога, Амстердам), «Пейзаж близ Овера» (1890, частное собрание).

Строчки *Зачем он доктора рисует /С нелепой веточкой в руке?* подразумевают один из двух очень близких вариантов «Портрета доктора Гаше» (оба – 1890) – тот, что находится в Музее д'Орсе. Композиция двух портретов почти одинакова, отличие только в том, что в варианте д'Орсе *веточка*, вернее, двойной стебелёк садового цветка лежит на столе, как и рука доктора, которой он, видимо, рассеянно теребит конец лежащей *веточки*. В варианте из частного собрания такой же двойной стебелек поставлен в стакан и рядом лежат две книги, хотя положение руки то же. *Нелепой веточка* названа, возможно, потому, что растение довольно невзрачно.

Три заключительные строчки, видимо, вербализуют элементы «Пейзажа в Овере после дождя» из ГМИИ:

Куда в косом его пейзаже
Без седока и без поклажи
Спешит коляска налегке?

Косым пейзаж назван, видимо, потому, что в нём полосы возделанных полей располагаются под углом к краям картины – взята широкая панорама с высокой точки зрения, и перспективное сокращение достаточно сильное. В центре композиции на мокрой дороге изображена запряжённая повозка (*коляска*), которой никто не управляет. Заметим, что повозка на картине двухколёсная, запряжённая одной лошадью, а по Словарю Ушакова, «КОЛЯСКА ... Парный рессорный экипаж на четырёх колёсах...» [13]. Однако здесь важна сема 'конный экипаж'. Экипаж на картине движется, что ясно из положения ног лошади, однако человека в ней не видно, никто не держит поводьев. Напи-

сан экипаж, как и лошадь, несколькими «небрежными» мазками и производит впечатление сквозного и пустого, а также очень небольшого по сравнению с огромным колесом. Стихотворение заканчивается мотивом движения: *Спешит коляска налегке* – не значит ли это, что вопросы к художнику и его творчеству далеко не исчерпаны и их можно продолжать до бесконечности, так и не избавляясь от *тоски неясной*? Тем более что шесть раз повторенное *зачем* сменяется в конце новым вопросом – *куда*, и, следовательно, задаётся возможность новой серии вопросов.

К чему же мы приходим, разобрав в подробностях соотношение стихотворения с живописными произведениями? (Заметим, чтобы реализовать эту связь, поэту, в отличие от нас, потребовалось 18 коротких строк.) Мы видим, что, благодаря конкретным лексическим единицам, которые и следует, очевидно, считать материальными носителями интермедальной связи, можно установить наличие такой связи с вполне конкретными произведениями изобразительного искусства. Особенно наглядно это проявляется там, где имеются близкие друг другу варианты живописных произведений. Однако, чтобы наше восприятие работало в нужном направлении, необходима отсылка в виде имени художника, которая и имеется в первой строке. То есть элементы вербализации изображения действуют в комплексе с отсылкой, которая предполагает наличие у читателя сформированного концепта «творчество Ван Гога». В этом отношении интересна роль эпитета *вихреобразный*, в котором внутри одного слова содержится и элемент вербализации, и отсылка к представлению о творчестве художника. Данное слово оказывается своего рода моделью всего текста в его взаимоотношениях с иконическим источником.

В работе использовались альбомы [14] и материалы интернет-сайта «Мир Ван Гога» [15].

Примечания

1. Кушнер А. Мелом и углём. М.: Мир энциклопедий Аванта+Астрель: Полиграфиздат, 2010. С. 39–50.
2. Суханова И. А. Медный Всадник и другие конные статуи в интерпретации двух поэтов // Вестник Костромского университета. 2015. № 3 (в печати); Она же. Стихотворения А. Кушнера из цикла «Хвала художнику» с лингвоинтермедальной точки зрения // Чтения Ушинского: материалы науч. конф. 2015 (в печати).
3. Кушнер А. Времена не выбирают....: Пять десятилетий. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2007. С. 47.
4. Померанцев И. Под знаком вопроса. Эссе // Игорь Померанцев По шкале Бофорта. Urbi. Литературный альманах. Вып. 10. СПб.: Атос, 1997. С. 57.
5. Там же.
6. Национальная галерея, Прага / авт. текста К. Курек. М.: АРИА-АиФ, 2012. С. 77. (Музеи мира).
7. Ван Гог. Художественная галерея. Вып. № 1. ДеАгостини. 2007. С. 14.
8. Там же. С. 16.
9. Винсент Ван Гог / [сост. А. М. Гаврильчик]. М.: РИПОЛ классик, 2014: ил. (Великие зарубежные живописцы). С. 33.
10. Ван Гог. Художественная галерея. Вып. № 1. ДеАгостини, 2007. С. 10.
11. Ван Гог. Художественная галерея. Вып. № 1. ДеАгостини, 2007; Винсент Ван Гог. М.: Изд-во «Директ-Медиа», 2009 (Великие художники. Т. 18); и др.
12. Кудрявцев Б. В. Художественные музеи Лондона. М.: Искусство, 1994. (Города и музеи мира). С. 78.
13. Толковый словарь русского языка. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. Столбец 1415.
14. Ван Гог. Художественная галерея. Вып. № 1. ДеАгостини, 2007; Винсент Ван Гог. М.: Изд-во «Директ-Медиа», 2009. (Великие художники. Т. 18); Винсент Ван Гог / [сост. А. М. Гаврильчик]. М.: РИПОЛ классик, 2014. (Великие зарубежные живописцы); Жабцев В. М. Голландская живопись. Минск: Харвест, 2008. (Мастера мировой живописи); Музей Ван Гога (Амстердам). М.: Изд-во «Директ-Медиа», 2012. (Великие музеи мира. Т. 57); Музей Фогга (Гарвард) М.: Изд-во «Директ-Медиа», 2012. (Великие музеи мира. Т. 41); Национальная галерея, Прага / [автор текста К. Курек]. М.: АРИА-АиФ, 2012. (Музеи мира).
15. Мир Ван Гога. URL: <http://vangogh-world.ru/>

Notes

1. A. Kushner *Melom i uglyom* [With chalk and coal]. M. Mir encyclopediy AVANTA+Astrel: Poligrafizdat. 2010. Pp. 39-50.
2. Sukhanova I. A. *Mednyj Vsadnik i drugie konnye statui v interpretacii dvuh poehtov* [Bronze Horseman and other equestrian statues in the interpretation of culture] // *estnik Kostromskogo universiteta* – Herald of the Kostroma State University. 2015, No. 3 (in press); Sukhanova I. A. *Stihotvoreniya A. Kushnera iz cikla «Hvala hudozhniku» s lingvointermedial'noj tochki zreniya* [A. Kushner poems from the cycle "Praise to the artist" with linguaintermedial point of view] // *CHteniya Ushinskogo: materialy nauch. konf.* – Ushinsky Readings: materials of scientific conf. 2015 (in press).
3. A. Kushner *Vremena ne vybirayut....: Pyat' desyatiletij* [We don't choose times....: Five decades]. Spb. Publ. house "Azбука-klassika". 2007. P.47.
4. I. Pomerantsev *Pod znakom voprosa. EHsse* [Under the question mark. Essay] // *Igor' Pomerancev Po shkale Boforta. Urbi. Literaturnyj al'manah* – Igor Pomerantsev On the Beaufort scale. Urbi. Literary almanac. Vol. 10. SPb. Athos. 1997. P. 57.

5. Ibid.
6. A&F. 2012, p. 77. (Museums of the world).
7. *Van Gog. Hudozhestvennaya galereya* – Van Gogh. Art gallery. Issue No. 1. DeAgostini. 2007. P. 14.
8. Ibid. P. 16.
9. *Vinsent Van Gog* – Vincent van Gogh / [comp. M. A. Gavrilchik]. M. AST. 2014: Illustr. (The great foreign painters). P. 33.
10. *Van Gog. Hudozhestvennaya galereya* – Van Gogh. Art gallery. Issue No. 1. DeAgostini. 2007. P. 10.
11. *Van Gog. Hudozhestvennaya galereya* – Van Gogh. Art gallery. Issue No. 1. DeAgostini. 2007; *Vinsent Van Gog* – Vincent Van Gogh. M. Publishing house "Direct Media". 2009 (Great artists. Vol. 18); etc.
12. Kudryavtsev V. B. *Hudozhestvennye muzei Londona* [Art museums of London]. M. Iskusstvo. 1994. (The city and the museums of the world). P. 78.
13. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 1 / under the editorship of D. N. Ushakov. M. OGIZ. 1935. Column 1415.
14. *Van Gog. Hudozhestvennaya galereya* – Van Gogh. Art gallery. Issue No. 1. DeAgostini. 2007; Vincent Van Gogh. M. Publishing house "Direct Media". 2009. (The great artists. Vol. 18); *Vinsent Van Gog* – Vincent van Gogh / [comp. M. A. Gavrilchik]. M. AST. 2014. (The great foreign painters); Zhabtsev V. M. *Gollandskaya zhivopis'* [Dutch painting]. Minsk. Harvest. 2008. (Masters of world painting); *Muzej Van Goga (Amsterdam)* – Van Gogh Museum (Amsterdam). M. Publishing house "Direct Media". 2012. (Great museums of the world. Vol. 57); *Muzej Fogga (Garvard)* – Fogg Museum (Harvard). M. Publishing house "Direct Media". 2012. (Great museums of the world. Vol. 41); *Nacional'naya galereya, Praga* – National gallery, Prague / [lyricist K. Kurek]. M. ARIA-A&F. 2012. (Museums of the world).
15. *Mir Van Goga* – The World Of Van Gogh. Available at: <http://vangogh-world.ru/> (in Russ.)

УДК 8; 82-1/-9

Л. А. Чехлова

Австрийский фантастический роман первой половины XX в.

В статье рассматриваются типологические признаки фантастического романа в контексте австрийской литературы первой половины XX в. Вопрос жанровой идентификации фантастической литературы принадлежит к числу дискуссионных в отечественном и зарубежном литературоведении. Период с 1900 по 1930 г. в творчестве австрийских фантастов представляется наиболее продуктивным. Историческая «изменчивость» географического положения страны, «многоголосие» и «многоликость» образуют самобытность австрийской культуры, являют собой основу австрийского мироощущения. Австрийский фантастический роман несет в себе отражение этого важного исторического факта. Автор статьи особое внимание уделяет проблеме интегрирования фантастического элемента в структуру романа. Обзор теоретического материала по исследуемой проблеме позволяет утверждать, что романы австрийских писателей заложили новый этап в развитии фантастической литературы, а их произведения считать в определенной степени моделирующими.

The article considers the typological features of fiction novel in the context of Austrian literature of the first half of the twentieth century. The question of genre identification of fiction is one of the discussion in literary criticism. Phase between 1900-1930 years is the most productive among the Austrian fantastic writers. Historical versatility of geographic location, polyphony and diversity are foundation of Austrian culture, Austrian mental outlook. Austrian fiction novel carries a reflection this important historical fact. Author of this article pays special attention to the problem of integrating the fantastic element in the structure of the novel.

Ключевые слова: фантастика, фантастическая литература, австрийский фантастический роман, фантастический элемент, фантастический жанр, фантастический признак.

Keywords: fantasy, fiction literature, the Austrian science fiction novel, the fantastic element, fantastic genre, a fantastic sign.

Немецкоязычная литература начала XX в. отличается сложностью и противоречивостью, которые обусловлены прежде всего тем, что она создавалась писателями разных национальных культур: выходцами из Германии, Австрии, Швейцарии, а также города Праги – литературной столицы, подарившей миру плеяду немецкоязычных авторов.

Существование австрийской литературы долгое время вызывало много споров, она не рассматривалась как самостоятельная единица европейского литературного процесса. Большинство западных исследователей воспринимали творчество австрийских писателей как часть немецкой литературы, аргументируя это общностью языка и наличием этнографических особенностей. Сложность в определении австрийских черт в литературной традиции связана с культурно-историческим прошлым страны, поскольку как суверенное самостоятельное государство Австрия сложилась по окончании Второй мировой войны. Контуры австрийского своеобразия едва ли различимы в историческом прошлом. Специфические особенности общественного развития определили культурное развитие страны. До 1918 г. австрийская культура находилась под влиянием культур соседних стран, входивших в состав крупнейшего многонационального государства Габсбургов, занимавшего около половины территории Европы. В период с 1938 по 1945 г. страна являлась частью Третьего рейха.

Выделение австрийской литературы в отдельную сферу исследования происходит во второй половине прошлого столетия. Прочно вошли в научный оборот такие понятия, как «австрийский синдром», «австрийская идентичность», «Габсбургский миф», «австрийскость» и др., которые ассоциируются с особой национально-специфической ментальностью австрийских писателей, проявляющейся на разных уровнях. В отечественной германистике австристика как самостоятельная область изучения начинает складываться в 60–70-х гг. XX в. в исследованиях Д. В. Затонского [1], Н. С. Павловой [2], А. В. Карельского [3], А. В. Михайлова [4] и др., где представлен обширный анализ культурно-исторического развития страны на примере творчества крупнейших представителей австрийской литературы.

Историко-культурный контекст рассматриваемого периода характеризуется противоречивостью и неоднозначностью. Сложившуюся в Европе на рубеже веков особую духовную атмосферу обозначают термином «синдром конца века». В немецком языке существует выражение «*Jahrhundertwende*» (смена столетия, рубеж веков), несущий оттенок *нового, переломного*. Рубеж веков способствует возникновению особого умянастроения эпохи, характеризующегося как период переосмысления прошлого, формирования иного сознания. Конфликт между устаревшим «прошлым» и несформировавшимся «настоящим» порождает ощущение тревоги и неуверенности перед неизвестным «будущим». Ощущение кризиса эпохи получает особое звучание в истории Австрии. Рушится веками стоявшая империя. Гибель старого мира с его устоявшимися порядками находит отражение в творчестве многих писателей и становится центральным мотивом в австрийской литературе.

«Австрийский» кризис, зародившийся задолго до распада Габсбургской империи, укрепившийся после ее краха и усиливающийся на фоне кризиса общечеловеческих ценностей, связывают с ощущением «оторванности», «бездомности». Все это способствует в дальнейшем возникновению экспериментальных методов, форм, направлений в искусстве и литературе, соответствующих запросам современности. Не случайно писателей Австрии называют «первопроходцами новых путей современного искусства» [5].

В литературе начала прошлого века жанр романа занимает лидирующее положение. Первые десятилетия XX в. отмечены расцветом романа в Австрии. Очередное «рождение» романа в начале XX в. обусловлено своеобразием этого жанра, присущей ему, по словам М. М. Бахтина, «пластичностью» [6]. Н. Э. Сейбель указывает на жанровое многообразие романа в австрийской литературе. По ее мнению, с 20-х гг. XX в. особую популярность получают фантастические романы, представленные творчеством Г. Майринка, Л. Перуца, Ф. К. Гинцки, исторические романы Й. Рота, Ф. Верфеля, Х. фон Додерера, социальные и социально-исторические романы Э. Э. Киша, К. Х. Ваггерля, Э. Хорвата, романы воспитания А. Мюллер-Гуттенбруна, Ф. Торберга, Э. Ландгребе, Х. фон Додерера [7].

Одной из особенностей поэтики австрийского романа XX в. является наличие фантастического элемента. Австрийские писатели (Г. Майринк, К. Г. Штробль, Л. Перуц, Г. Фрешель, Ф. Шпунда, Э. Колерус, П. Буссон, О. Сойка, Ф. фон Херцмоновски-Орландо, А. Кубин, Ф. Кафка и др.) сыграли значимую роль в становлении немецкоязычного фантастического романа. На это, в частности, указывают Ф. Роттенштайнер [8], К. Рутнер [9].

Основными мотивами романа исследуемого периода, по Н. Э. Сейбель, являются мотив войны как «универсальный» мотив эпохи, мотив двойничества, характерный для классической немецкоязычной, в частности, австрийской литературы, а также «чисто» австрийский мотив – «бюрократическая машина». Важным мотивом австрийского романа межвоенного десятилетия становится мотив мнимой смерти и утраты национальной идентичности [10].

Австрийские писатели объединены стремлением найти универсальные духовные ценности, которые могли бы стать опорой в быстроменяющейся реальности. Именно этим объясняется

тот факт, что зачастую в своих романах писатели обращаются к религиозным учениям. В по- смертно опубликованной автобиографии Ст. Цвейга «Вчерашний мир» 20-е гг. XX в. охарактери- зованы как «хаотичное время» (chaotische Zeit), когда всё экстравагантное и неконтролируемое переживало «золотой век»: теософия, оккультизм, спиритизм, сомнамбулизм, антропософия, хи- романтия, графология, йога, мистицизм [11]. Все это находит отражение в фантастическом рома- не, что также может рассматриваться в качестве одной из причин возросшего интереса к фанта- стике.

Интерес к оккультной тематике и обращение к восточной традиции обусловлены духов- ным поиском, стремлением постичь то, что не поддается однозначной рациональной интерпре- тации и являет собой характерную австрийскую черту в ее открытости новым культурам. Благо- даря научным открытиям в области психологии, физиологии, биологии, физики происходит трансформация более ранних теорий оккультных учений. «Научная» оккультная тематика про- никает в фантастическую литературу и дает новый материал для фантастических образов. Г. Майринк – ярчайший представитель фантастической литературы, черпавший для своих рома- нов материалы из магического оккультизма разных эпох и культур. Он стоял у истоков жанра «черная фантастика», расцвет которого пришелся на начало прошлого столетия. Продолжая ли- тературные традиции Э. Т. А. Гофмана и Э. По, Г. Майринк одним из первых продемонстрировал возможность использования оккультной тематики в художественном произведении как способа объяснения действительности.

Значимую роль в истории австрийской литературы сыграла Пражская школа. Именно пи- сатели Пражского литературного круга (Ф. Кафка, Г. Майринк, Л. Перуц) создают ключевые фан- тастические романы. В. Г. Зусман пишет об особой атмосфере «магической» Праги, определившей характерные штампы и стереотипы описания [12]. Прага – город с многовековой историей, вме- стивший в себя разные народы и культуры, служит «питательной почвой» для возникновения фантастического.

Интерес к внутреннему миру героя проходит под знаком психоаналитического учения о бессознательном З. Фрейда. В связи с этим обостренное внимание к человеческой психике нашло отражение в фантастическом романе первой трети прошлого столетия (Л. Перуц, Ф. Кафка). В фантастических романах писатели часто используют сюжет о смене состояний сознания (сновидение, потеря сознания, состояние бреда, болезненное состояние и др.), где происходит стирание границ реального пространства-времени и ирреальной действительности, что порождает возможность двоякого объяснения событий – сверхъестественного и естественного. Сновидение становится организующей темой романа. Н. Э. Сейбель подчеркивает особую значи- мость метафоры сна в творчестве Г. Гофмансталя, Р. М. Рильке, Ф. Кафки и Р. Музиля [13]. Сон упорядочивают трудноуловимые процессы человеческого сознания, «обнажая» их перед читате- лем.

Кроме того, фантастические романы австрийских писателей начала прошлого столетия содер- жат элементы научной фантастики, связанные с открытиями в области медицины и физики. Романы Г. Флеша «Бальтазар Тифо» (1919) и Ф. Шпунды «Девахан» (1921), «Белый и жёлтый Папа» (1923) отражают эту тенденцию. В романах могут сочетаться элементы родственных структур фантастики, таких как утопия, научная фантастика и фантастика. В романе Г. Г. Эверса «Превращенная в мужчи- ну» присутствует элемент научной фантастики. Роман Вестенхофа «Человек с тремя глазами» (1913), содержащий научно-фантастический элемент из области медицины, повествует о психофизической бисексуальности. К. Лассвиц наряду с научной фантастикой создал фантастический роман «Хомчен» (1902), который обозначил как «сказка о животных» («Tiermärchen»). В романе представлен период существования динозавров. Фантастические романы О. Сойки сочетают в себе изображение психиче- ских состояний (psychische Extremsituationen), элементы научной фантастики, детективно-крими- налистическое расследование убийства. Протагонисты обладают сверхспособностями к гипнозу, используют их в криминальных целях.

Практически все романы Майринка, в особенности «Голем», «Зеленый лик», «Белый доми- никанец», «Ангел западного окна», романы В. Бергенгрюена «Закон Атума» (1923), П. Буссона «Возрождение Мельхиора Дронте» (1922), Г. Видмера «Метаморфозы Вальтера фон Тило» (1930), серия романов Ф. Шпунды «Девахан» (1921), «Белый и жёлтый Папа» (1923), «Египетская книга мертвых» (1924), «Бафомет» (1928) и другие строятся по единой модели. «Моделеобразующей» становится проблема личности (двойничество, раздвоение личности и др.), которая характерна для австрийской фантастической литературы этого периода.

Проблема личности реализуется в художественном произведении в форме «биографиче- ского рассказа» героя, имеет структуру «путь-цель» (die Weg-Ziel Struktur), что, по мнению М. Вюнш, не является для литературы чем-то новым. Ее предшественником является роман вос- 112

питания (роман становления) эпохи романтизма. Однако структура «путь-цель» фантастических романов раннего модерна имеет радикальные отличия в содержательных элементах, прежде всего, таких понятий, как «личность» и «реальность». В структурах «путь-цель» раннего модерна значения «жизнь» в эмфатическом смысле и «самоопределение» становятся центральными категориями в литературной системе начала XX в. [14]

Кроме того, в австрийской литературе рассматриваемого периода особое значение приобретает тема истории и место и роль человека в ней. Исторический роман как попытка осмысления событий недавнего прошлого становится ведущим жанром межвоенного двадцатилетия. Сочетание исторического и фантастического в романе приводит к возникновению нового типа повествования. Историко-фантастический роман, где развитие исторических событий представлено как неизбежное, предначертанное, неподвластное человеку стечение обстоятельств, подчиняющееся иррациональным силам, представлен в творчестве Л. Перуца и А. Лернет-Холении.

Одной из центральных тем в литературе Австрии является тема отчуждения. Писатели остро чувствовали свою «вырванность» из исторического «контекста» и стремились отобразить ощущение утраты былого величия, культурной целостности в своих романах. Все больше заявляет о себе проблема австрийской идентичности, которая объединяет в себе вопросы о родине, осмыслении прошлого. В разговоре о своеобразии австрийской прозы второй половины прошлого столетия все чаще затрагиваются вопросы о самоидентификации австрийского народа, об истории страны, заявляют о себе «тоска по былому величию империи Габсбургов», проблема родины, «самокритика» [15] и др.

Таким образом, можно подытожить, что эволюция австрийского фантастического романа первой трети XX в. представляет собой сложное явление. Принимая во внимание общие тенденции развития жанра романа в австрийской литературе начала века, мы выявили типологические признаки этой разновидности фантастической литературы. Общим признаком для этого типа романа выступает наличие в повествовательной структуре сверхъестественного, неконтролируемого, «вторгающегося» в реальную жизнь, угрожающего личности и обществу разрушением. Под влиянием психоаналитических и лингвистических теорий фантастическое в XX столетии становится неотъемлемым элементом изображения действительности, альтернативой реальности.

Примечания

1. Затонский Д. В. Австрийская литература в XX столетии. М.: Худож. лит., 1985.
2. Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Карельский А. В. Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1999.
4. Михайлов А. В. Избранное: Феноменология австрийской культуры. СПб.: Универ. кн.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та: Центр гуманитар. инициатив, 2009.
5. Архипов Ю. И., Седелник В. Д. История австрийской литературы XX века: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. Д. Седелник. М.: ИМЛИ им. Горького РАН, 2009.
6. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа). URL: <http://mmbakhtin.narod.ru/eposrom.html> (дата обращения 10. 03. 2015)
7. Сейбель Н. Э. Поэтика австрийского романа 20–30-х годов XX века: автореф. дис... д-ра филол. наук. Челябинск, 2007. URL: <http://www.disscat.com/content/poetika-avstriiskogo-romana-20-30-kh-godov-xx-veka> (дата обращения 13. 02. 2015)
8. Rottensteiner F. Die österreichische phantastische Literatur der Gegenwart // Der Demiurg ist ein Zwitter. Alfred Kubin und die deutschsprachige Phantastik / Hrsg. von Winfried Freund. München: Wilhelm Fink Verlag, 1998. S. 262.
9. Ruthner C. Anderseits. Die deutschsprachige Phantastik des frühen zwanzigsten Jahrhunderts in ihrem kulturhistorischen Kontext // Der Demiurg ist ein Zwitter. Alfred Kubin und die deutschsprachige Phantastik / Hrsg. von Winfried Freund. München: Wilhelm Fink Verlag, 1998. S. 168.
10. Сейбель Н. Э. Указ. соч.
11. Цит. по: Wünsch M. Die Fantastische Literatur der Frühen Moderne (1890–1930). München: Wilhelm Fink Verlag, 1998. S. 120.
12. Зусман В. Г. Пражский круг // История австрийской литературы XX века: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. Д. Седелник. М.: ИМЛИ им. Горького РАН, 2009. С. 265.
13. Сейбель Н. Э. Указ. соч.
14. Wünsch M. Op. cit. S. 228.
15. Ефименко Е. А. Немецкоязычная литература Австрии или своеобразие австрийской прозы второй половины XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 1 (19). С. 81.

Notes

1. *Zatonsky D. V.* Avstriyskaya literatura v XX stoletii [Austrian literature in the XX century]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1985. 444 p.
2. *Pavlova N. S.* Priroda realnosti v avstriyskoy literature [The nature of the reality in the Austrian literature] M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2005. 312 p.
3. *Karelskiy A. V.* Metamorfozy Orfeya: Besedy po istorii zapadnykh literatur [Metamorphoses of Orpheus: talk in the history of Western literature]. M.: Russian State University for the Humanities, 1999. 303 p.
4. *Mikhailov A. V.* Izbrannoe: Fenomenologiya avstriyskoy kultury. [Selecta: phenomenology of Austrian culture] St. Petersburg: University book, publisher of the St. Petersburg University, center for Humanitarian Initiatives, 2009. 392 p.
5. *Archipov Yu. I., Sedelnik V. D.* Istoriya avstriyskoy literatury XX veka [History of the Austrian literature of the XX century]: in 2 volumes Vol. 1 / Executive Editor. V. D. Sedelnik. M.: Gorky Institut of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2009. P. 13.
6. *Bahtin M. M.* Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana) [Epic and novel (About the methodology of the study of the novel)]. – URL: <http://mmbakhtin.narod.ru/eposrom.html>. Date of treatment: 10. 03. 2015
7. *Seibel N. E.* Poetika avstriiskogo romana 20-30-h godov XX veka [Austrian poetics of the novel 20–30-ies of the 20th century]: avtoreferat dissertatsii d-ra filol. nauk [the dissertation abstract of the doctor of filological sciences]: 10.01.03. – Chelyabinsk, 2007. – URL: <http://www.disserscat.com/content/poetika-avstriiskogo-romana-20-30-kh-godov-xx-veka> Date of treatment: 13. 02. 2015
8. *Rottensteiner F.* Die österreichische phantastische Literatur der Gegenwart [Austrian fiction literature of presence] // In: Der Demiurg ist ein Zwitter. Alfred Kubin und die deutschsprachige Phantastik [The Demiurge is a hermaphrodite. Alfred Kubin and the German fiction] / Hrsg. [ed.] von Winfried Freund. – Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1998. P. 262.
9. *Ruthner C.* Anderseits. Die deutschsprachige Phantastik des frühen zwanzigsten Jahrhunderts in ihrem kulturhistorischen Kontext [the German-language fiction of the early twentieth century in cultural and historical context] // In: Der Demiurg ist ein Zwitter. Alfred Kubin und die deutschsprachige Phantastik [The Demiurge is a hermaphrodite. Alfred Kubin and the German fiction] / Hrsg. [ed.] von Winfried Freund. – Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1998. P. 168.
10. *Seibel N. E.* Op. cit.
11. Cited in: *Wünsch M.* Die Fantastische Literatur der Frühen Moderne (1890-1930) [Early modern Fantastik literature (1890–1930)] Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1998. P. 120.
12. *Zusman V. G.* Prazhskii krug [Prague circle] // Istoriya avstriiskoi literatury XX veka [History of the Austrian literature of the XX century]: in 2 volumes Vol. 1 / Executive Editor. V. D. Sedelnik. M.: Gorky Institut of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2009. P. 265.
13. *Seibel N. E.* Op. cit.
14. *Wünsch M.* Op. cit. S. 228.
15. *Efimenko E. A.* Nemecko-yasychnaya literatura Avstrii ili svoeobrazie avstriiskoi prozy vtoroi polovina XX veka [German-language Austrian literature or Austrian prose of the second half of the 20th century] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [filological sciences. Theory and Practice]. Tambov: Gramota. 2013. № 1 (19). P. 81.

Некоторые процессуальные особенности рассмотрения гражданских дел о выплате страхового возмещения в рамках ДТП

Одной из проблем, обсуждаемых в науке и практике гражданского процессуального права, можно с уверенностью назвать загруженность российских судов, что, в конечном счете, является основанием снижения качества отправления правосудия и появления судебных ошибок. В связи с этим в российскую практику активно внедряется система альтернативных форм разрешения гражданско-правовых споров. Примером может служить институт медиации, нотариата, третейских судов и т. д. Вместе с тем законодатель постепенно идет по пути расширения использования обязательных досудебных процедур (претензионный порядок) в отдельных отраслях. Не стала исключением отрасль страхового права в рамках разрешения споров о выплате страхового возмещения в результате ДТП. Однако, несмотря на данное законодательное регулирование, страховые компании активно используют процедуру досудебного порядка урегулирования спора не столько для разрешения спора, сколько для затягивания конфликта со страхователями, в связи с чем возникает необходимость совершенствования механизма рассмотрения данной категории дел в судах общей юрисдикции. Для этого автором проанализирована судебная практика, а также учтен зарубежный опыт по разрешению споров с участием страхователей – физических лиц с помощью страховых омбудсменов.

One of the problems discussed in the science and practice of civil procedural law, it is safe to call the workload of the Russian courts, which ultimately is the basis of reducing the quality of justice and the appearance of judicial errors. In this connection, the Russian practice is being promoted alternative forms of resolution of civil disputes. An example is currently in mediation institute, notaries, arbitration, etc. However, the legislator is gradually moving towards increased use of mandatory pre-trial procedures (Complaint) in certain sectors. Not an exception branch of insurance law in the resolution of disputes within the insurance claim as a result of the accident. However, despite this legislative regulation, insurance companies are actively using the procedure of pre-trial settlement of the dispute is not so much to resolve a dispute as to tighten the conflict with insurers. In this connection it is necessary to improve the mechanism of consideration of this category of cases in courts of general jurisdiction. To this end, the author analyzed the jurisprudence of Russia, as well as take into account the international experience of resolving disputes involving the insured individuals, with the help of the insurance ombudsman.

Ключевые слова: страхование, претензионный порядок, суд, экспертиза, финансовый уполномоченный.

Keywords: insurance, claim order, court, examination, financial representative.

С 01.09.2014 г. законодателем была введена статья 16.1. ФЗ «Об ОСАГО» «Особенности рассмотрения споров по договорам обязательного страхования». Так, в соответствии с новыми требованиями законодательства, страхователь до предъявления требований к страховщику в судебном порядке обязан направить страховщику обоснованную претензию с полным перечнем необходимых документов, подтверждающих требования. В противном случае при обращении в суд исковое заявление будет возвращено заявителю в связи с несоблюдением досудебного порядка урегулирования спора (ст. 135 ГПК РФ).

Судебная практика по новым правилам пока только начинает складываться. Однако по решениям, вынесенным за 2015 г., можно говорить о некоторых тенденциях.

Во-первых, введение обязательного досудебного порядка урегулирования споров страховые компании используют как основание для затягивания сроков разрешения дела и создания впечатления о согласии с заявленными требованиями страхователя. Например, при рассмотрении дела мировым судьей судебного участка № 2 судебного района г. Лесного Свердловской области по делу № 2-156/2015 от 15.04.2015 г. было установлено то, что первоначально страховая компания выплатила истцу страховое возмещение в размере 4570,53 руб. Затем после предъявления претензии страховая компания дополнительно выплатила возмещение в размере 7178,14 руб. Не согласившись с заявленными выплатами, ис-

тец обратился в суд, который дополнительно присудил истцу страховое возмещение в размере 45987,66 руб. Итого общая сумма страхового возмещения составила 57976,33 руб. А изначально страховая компания выплатила около 8% от реального страхового возмещения. Тем самым претензионный порядок используется исключительно для создания препятствий в восстановлении нарушенных прав. А поэтому вполне обоснованно говорить о наличии злоупотреблений правом со стороны страховых компаний. И, как верно замечает О. Н. Бармина, «в общем виде причины злоупотреблений в праве могут составлять субъективную и объективную группы, включающие как низкий уровень правосознания и правовой культуры, так и неумелое пользование законом (в первом случае); неясность и неопределенность правовых норм, а также их несовершенство представляют объективную группу» [1]. Для исключения подобных злоупотреблений и обеспечения права на судебную защиту целесообразно отказаться от обязательного досудебного порядка урегулирования спора по делам о возмещении ущерба от ДТП.

Во-вторых, в соответствии с п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителя» в пользу истца с ответчика подлежит взысканию штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. Введение такого способа защиты, как взыскание штрафа за отказ от добровольного исполнения, не мотивирует страховые компании разрешать спор в досудебном порядке.

Анализируя практику по г. Кирову за 2015 г., можно указать на то, что все решения, вынесенные по ОСАГО, можно разделить на две группы. Первая группа решений сводится к тому, что суды применяют правило о 50%-ном размере штрафа независимо от суммы страхового возмещения. Например, по делу № 2-1975/2015 от 17.07.2015 г. сумма страхового возмещения составила 147855,25 руб., штраф – 76427,63, т. е. 50%; по делу № 2-1790/2015 г. от 01.06.2015 г. сумма страхового возмещения составила 108850,25 руб., штраф – 54425,1 руб., т. е. 50%.

Вторая группа судебных решений сводится к судебскому усмотрению в применении действующего законодательства о взыскании штрафов. Например, сумма страхового возмещения составила 1 000 000 руб., штраф – 200 000 руб., т. е. 20% (решение Октябрьского районного суда г. Кирова от 21.07.2015 г. № 2-2675/2015); сумма страхового возмещения составила 400 000 рублей, а штраф – 5000 рублей, т. е. 1,25% (решение Октябрьского районного суда г. Кирова от 21.07.2015 г. № 2-1926/2015); сумма страхового возмещения составила 192 200 руб., штраф – 10 000 руб., т. е. 5,2% (решение Октябрьского районного суда г. Кирова от 08.06.2015 г. № 2-1404/2015). Подобные примеры встречаются и в практике судов других субъектов. Например, в решении Красноармейского районного суда Краснодарского края от 19.01.2015 г. № 2-5/2015 страховое возмещение составило 10 337 34,60 руб., штраф – 490 000 руб., т. е. 47,4%. Встречаются в практике дела, по которым суд, несмотря на удовлетворение требований о страховом возмещении, полностью отказывает во взыскании штрафа, мотивируя это тем, что действия страховщика соответствуют требованиям нормативных актов, регулирующих спорные правоотношения (решение Подольского городского суда Московской области от 04.06.2014 г. № 2-6853/2014). Чем же мотивируют суды такую практику?

Данный вариант обусловлен необходимостью применения ст. 333 ГК РФ с учетом разъяснений п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». По мнению страховщиков, подлежащий уплате штраф, исходя из конкретных обстоятельств по делу, может быть явно несоразмерен последствиям нарушенного обязательства. Кроме того, суды в обоснование снижения размера штрафа указывают на то, что гражданское законодательство предусматривает выплату штрафа в качестве способа обеспечения исполнения обязательства и меры имущественной ответственности за их исполнение или ненадлежащее исполнение в целях устранения явной несоразмерности неустойки (штрафа) последствиям нарушения обязательств, что соответствует основывающемуся на общих принципах права, вытекающих из Конституции РФ, требованию о соразмерности ответственности содеянному.

Таким образом, распространенной формулировкой при удовлетворении ходатайства представителя ответчика о снижении размера штрафа является следующая: «...принимая во внимание, что неисполнение ответчиком возложенных на него договором обязательств не повлекло за собой значительных последствий, соблюдая баланс интересов сторон, характер причиненных истцу нарушений его интересов, с целью недопущения злоупотребления стороной истца своим правом, а также неосновательного обогащения, суд полагает возможным снизить размер взыскиваемого штрафа».

Обращаясь к анализу решений мировых судей по г. Кирову Кировской области, можно сделать вывод, что при вынесении решений данной категории данные мировые судьи не используют ст. 333 ГК РФ в качестве основания снижения штрафа. Причиной данного обстоятельства можно назвать то, что суммы выплат по возмещению ущерба от ДТП в среднем составляют 15–20 тыс. руб. и сумма штрафа в итоге оказывается незначительной по сравнению с практикой районных судов.

В-третьих, в случае подтверждения необоснованного отказа в выплате страхового возмещения страхователь вправе обратиться с заявлением о возмещении судебных расходов. По г. Кирову средняя сумма подлежащих возмещению судебных расходов составляет примерно 14–16 тыс. руб., из которых

6–7 тыс. руб. – услуги эксперта, 7–8 тыс. руб. – услуги представителя, 1–2 тыс. руб. – госпошлина и почтовые расходы. Однако и это обстоятельство не побуждает страховые компании разрешать спор в досудебном порядке.

В-четвертых, на практике не все страхователи в рамках ОСАГО четко представляют, в чем суть претензионного порядка. Итак, обратимся к нормативным документам. Согласно п. 3.10 «Положения о правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств», утвержденного Банком России 19.09.2014 № 431-П, потерпевший на момент подачи заявления о страховой выплате прилагает к заявлению:

заверенную в установленном порядке копию документа, удостоверяющего личность потерпевшего (выгодоприобретателя);

документы, подтверждающие полномочия лица, являющегося представителем выгодоприобретателя;

документы, содержащие банковские реквизиты для получения страхового возмещения, в случае, если выплата страхового возмещения будет производиться в безналичном порядке;

согласие органов опеки и попечительства, в случае, если выплата страхового возмещения будет производиться представителю лица (потерпевшего (выгодоприобретателя)), не достигшего возраста 18 лет;

справку о дорожно-транспортном происшествии;

извещение о дорожно-транспортном происшествии;

копии протокола об административном правонарушении, постановления по делу об административном правонарушении или определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, если оформление документов о дорожно-транспортном происшествии осуществлялось при участии уполномоченных сотрудников полиции, а составление таких документов предусмотрено законодательством Российской Федерации. Кроме того, потерпевший в зависимости от вида причиненного вреда представляет страховщику документы, предусмотренные п.п. 4.1, 4.2, 4.4–4.7 и (или) 4.13 «Положения о правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

П. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.01.2015 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» содержит положения о том, что при наступлении страхового случая потерпевший обязан не только уведомить об этом страховщика в сроки, установленные Правилами страхования, но и направить страховщику заявление о страховой выплате и документы, предусмотренные Правилами страхования (п. 3 ст. 11 ФЗ «Об ОСАГО»), а также представить на осмотр поврежденное в результате дорожно-транспортного происшествия транспортное средство и/или иное поврежденное имущество (п. 10 ст. 12 ФЗ «Об ОСАГО»).

В-пятых, одной из особенностей доказывания по рассматриваемой категории дел являются данные о проведенной экспертизе.

В соответствии со ст. 12.1 ФЗ «Об ОСАГО» в целях установления обстоятельств причинения вреда транспортному средству проводится независимая техническая экспертиза. При этом следует обратить внимание на то, что п. 6 ст. 12.1 ФЗ «Об ОСАГО» предусматривает необходимость проведения судебной экспертизы транспортного средства в соответствии с единой методикой в рамках договора обязательного страхования. Следовательно, если речь идет о договоре добровольного страхования гражданской ответственности, указанные выше требования неприменимы.

И здесь возникает главный вопрос для страхователя – что такое «независимая техническая экспертиза».

Несмотря на то что департаментом страхового сектора ЦБ РФ, Управлением Роспотребнадзора по Кировской области разработана памятка, следует признать её недостаточность и общий характер. Страхователям необходимо иметь в виду два аспекта: требования к эксперту и порядку проведения экспертизы.

Первый аспект состоит в том, что согласно п. 4 ст. 12.1 ФЗ «Об ОСАГО» независимая техническая экспертиза транспортных средств проводится экспертом-техником или экспертной организацией, имеющей в штате не менее одного эксперта-техника. Эксперт, проводивший экспертизу, должен являться экспертом-техником, т. е. пройти профессиональную аттестацию на соответствие установленным требованиям и быть внесенным в государственный реестр экспертов-техников, утвержденный МИНЮСТОМ РФ. Порядок такой аттестации осуществляется Приказом Минтранса РФ № 124, Минюста РФ № 315, МВД РФ № 817, Минздравсоцразвития РФ № 714 от 17.10.2006 «Об утверждении Условий и порядка профессиональной аттестации экспертов-техников, осуществляющих независимую техническую экспертизу транспортных средств, в том числе требований к экспертам-техникам». В силу п. 2 Порядка ведения государственного реестра экспертов-техников, утвержденного Приказом Минюста России от 06.02.2013 г. № 8, в течение месяца с момента внесения сведений об эксперте-технике в Реестр указанному лицу направляется письмо с уведомлением о вручении, содержащее выписку из Реестра о включении эксперта-техника в Реестр.

Пример: при рассмотрении дела судом установлено, что специалист Л. такой выписки не имеет, суду она не была представлена, что свидетельствует о том, что его право на составление заключения в качестве эксперта-техника не подтверждено, а потому его заключение еще и по указанному основанию допустимым доказательством, подтверждающим размер ущерба, принято быть не могло [2].

Второй аспект состоит в том, что независимая техническая экспертиза должна проводиться по единой методике, утвержденной Положением Центрального Банка РФ от 19.09.2014 г. № 432-П. Вышеуказанное требование закона предполагает, что суд должен проверить представленное экспертное заключение на соответствие формальным требованиям. И здесь, к сожалению, не все страхователи знают об указанных особенностях, а в результате страховые компании по формальным основаниям отказывают в выплате страхового возмещения, а при рассмотрении дела в суде – и в выплате неустойки и штрафа. Например, суд не принял во внимание заключение «АЭНКОВ», так как в нем не указаны сведения об эксперте, его квалификации, не указаны нормативные документы, на которых эксперт основывал свое заключение (решение Подольского городского суда по делу № 2/79/2015).

Из общей судебной практики выбивается Архангельский областной суд. Так, в одном из апелляционных определений было указано, что отсутствие в данном заключении сведений об использовании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства не является безусловным основанием для признания отчета недопустимым доказательством. Суд первой инстанции, указывая на несоответствие представленного истцом доказательства размера ущерба требованиям Единой методики, не указал конкретных обстоятельств такого несоответствия (несоответствующее определение стоимости заменяемых деталей, количества и стоимости ремонтных воздействий, износа транспортного средства и т. п.). Кроме того, у суда первой инстанции не имелось оснований для признания отчета ООО «Э.» недопустимым доказательством, поскольку размер причиненного истцу ущерба при рассмотрении настоящего спора является юридически значимым обстоятельством, для установления которого могут быть использованы любые сведения, полученные из всех перечисленных в абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ средств доказывания [3].

Таким образом, существующая судебная практика заставляет задуматься над вопросом об обеспечении баланса интересов между участниками по делу о возмещении ущерба от ДТП. Признавая, что страхователю в споре со страховыми компаниями приходится сталкиваться со злоупотреблениями, следует говорить о необходимости эффективного механизма по обеспечению баланса страхователей – физических лиц в процессе. В качестве такого инструмента можно назвать закрепление в ГПК РФ принципа активности суда. «Споры об активности суда в гражданском процессе являются предметом дискуссий не только в отечественной науке, но и в зарубежной. Анализ реформирования гражданского судопроизводства в зарубежной науке показывает, что многие страны, в том числе относящиеся к системе общего права (Великобритания, США, Австралия, Нигерия и др.), идут по пути усиления активности суда в процессе по собиранию доказательства. В частности, профессора Хазард и Таруффо пишут, что «роль суда должна быть центральной, как и в странах континентального права» [4]. Тема самым введением принципа активности суда при изучении рассматриваемой категории дела будет направлено на достижение главной цели гражданского судопроизводства – выявление истины по делу.

В-четвертых, по делам данной категории практически не используется институт мирового соглашения или медиации. Вместе с тем, обращаясь к опыту зарубежных стран, можно обратить внимание на закрепление в законодательстве института страхового омбудсмена. Впервые должность страхового омбудсмена учреждена в Германии 11.04.2001 г. по инициативе немецкой страховой отрасли на базе Ассоциации [5]. В юридической литературе высказывается, что «страховой омбудсмен призван защищать интересы потребителей и является возможностью альтернативного разрешения споров. Кроме того, организация страхового омбудсмена способствует сокращению числа жалоб потребителей страховых услуг в суды и органы страхового надзора, улучшению облика страхового сообщества» [6]. Следует признать, что анализ международной практики по данному вопросу показывает, что введение института финансового омбудсмена (уполномоченного) существенно улучшает защищенность граждан при получении финансовых услуг, значительно упрощает досудебное разрешение споров между гражданами и финансовыми организациями, а кроме того, повышает финансовую грамотность населения и снижает социальное напряжение, вызванное недовольством качеством финансовых услуг, в том числе в случае закрепитованности населения.

Применительно к России с 2011 г. активно обсуждается вопрос о введении данного института в практику российского законодательства. Для этого Правительство РФ в 2014 г. внесло в Госдуму ФС РФ законопроект «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций» [7], который был принят в I чтении. В соответствии с настоящим законопроектом учреждается Служба финансовых уполномоченных. Согласно проекту п. 7 ст. 6 Финансовый уполномоченный в сфере страховой деятельности рассматривает требования имущественного характера страхователей, застрахованных лиц и выгодоприобретателей к организациям на сумму, не превышающую 100 тыс. руб. В соответствии со ст. 14 проекта «в случае неисполнения организацией решения финансового уполно-

моченного в сроки, установленные этим решением, финансовый уполномоченный обращается в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение этого решения». Таким образом, создание службы финансовых уполномоченных будет построено по системе третейских судов и, в конечном счете, должно быть направлено на уменьшение количества судебных споров в судах.

На основании вышеизложенного предлагаем ряд изменений в действующее законодательство.

Во-первых, в целях продолжения тенденции законодателя по саморегулированию в отдельных областях следует поддержать принятие в России федерального закона «О саморегулировании в области независимой технической экспертизы транспортных средств». Несмотря на то что это воспринимается как дополнительные административные барьеры и обременения для экспертов-техников, можно указать на ряд его преимуществ. Среди них можно назвать сбор статистической информации о качестве выполнения автотехнических экспертиз конкретным экспертом-техником. Это будет призвано улучшить качество проведения независимой технической экспертизы, т. е. у суда и участников процесса будет достоверная информация о профессионализме конкретного эксперта-техника, и это, в конечном счете, уменьшит необходимость проведения дополнительных экспертиз, и соответственно сроки рассмотрения по данной категории будут меньше.

Во-вторых, в целях единообразия судебной практики по проведению автотехнических экспертиз для всех видов ДТП следует закрепить единую методику проведения независимой технической экспертизы как для ОСАГО, так и для КАСКО.

В-третьих, в целях реализации положения п. 5 ст. 12.1. ФЗ «Об ОСАГО» в части ответственности экспертов-техников за недостоверность результатов проведенной ими независимой технической экспертизы транспортных средств необходимо предусмотреть обязательное страхование их ответственности.

В-четвертых, в целях обеспечения баланса интересов между страхователем-гражданином и страховой компанией следует дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.01.2015 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» положением о том, что судам при вынесении определения о подготовке к судебному разбирательству разъяснять истцу требования к порядку проведения независимой технической экспертизы, запрашивать из саморегулируемой организации экспертов-техников справку о результатах деятельности эксперта-техника (в случае принятия такого закона).

В-пятых, в целях внедрения несудебных форм защиты прав страхователей и уменьшения нагрузки на судей поддержать принятие ФЗ «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций».

Примечания

1. Бармина О. Н. Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 99.
2. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15.10.2014 по делу № 33-13277/2014. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам от 08.06.2015 по делу № 33-2591/2015 // Информационный бюллетень судебной практики по гражданским делам Архангельского областного суда (второй квартал 2015 года).
4. Плотников Д. А. Особенности действия принципов гражданского процессуального права в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 130.
5. Обзорный материал: «Внесудебное разрешение споров с участием финансовых омбудсменов». М.: 2010. URL: <http://www.asros.ru/public/elfinder/files/events/docs/Ombudsmen.pdf>
6. Карташов А. С. Финансовые претензии потребителей страховых услуг и их урегулирование // Вестник РЭА. 2010. № 5. URL: С. 118.
7. Законопроект № 517191-6 «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций». <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf>

Notes

1. Barmina O. N. The causes and conditions of occurrence of abuse in law // Bulletin of Vyatka state Humanities University. 2014. No. 6. Pp. 99.
2. The appellate decision of Sverdlovsk regional court on 15.10.2014 in the case № 33-13277/2014. – Access mode [Consultant Plus].
3. The appellate decision of the judicial Board on civil de-Lam from 08.06.2015 in the case N 33-2591/2015 // Information Bulletin of court practice on civil cases of the Arkhangelsk regional court (second quarter 2015). – 55 p.
4. Plotnikov A. D. Peculiarities of the action of the principles of civil procedural law in the proceedings on cases arising from public legal relations: Diss. ... candidate. the faculty of law. Sciences. – Saratov, 2013. P. 130.
5. Review article: «judicial resolution of disputes involving financial Ombudsman». М.: 2010. 8 S. <http://www.asros.ru/public/elfinder/files/events/docs/Ombudsmen.pdf>
6. Kartashov S. A. Financial claims of consumers of insurance services and their management // Bulletin of the CEA. 2010. No. 5. Pp. 112–119.
7. Bill No. 517191-6 «On the financial Ombudsman for the rights of consumers of financial services organizations» // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf>

Сущность и содержание понятия «позиция адвоката-защитника» по уголовному делу

В статье автор на основе изучения большого объема научного материала анализирует сущность и содержание понятия «позиция адвоката-защитника по уголовному делу», выявляя его признаки и структурные элементы, а также выводит собственное подробное содержание данного понятия. Позиция защитника по делу – это понятие сложное, обусловленное рядом важных, значимых обстоятельств, без учета которых мнение защитника еще нельзя назвать «позицией» в полном смысле этого слова. В итоге исследования автор приходит к выводу, что «позицией адвоката-защитника по делу» можно назвать только его мнение, выраженное относительно предъявленного подзащитному обвинения, включающее версию защиты, обусловленное рядом объективных и субъективных процессуальных факторов. Исследование понятия «позиция адвоката-защитника» имеет большое практическое и теоретическое значение.

The author on the basis of study of a considerable amount of scientific materials analyzes the essence and content of the concept “position of the defense counsel in a criminal case” determining its characteristic features and structural elements and also gives her own detailed content of this concept. The defense attorney’s position is a complicated concept depending on a range of important, significant circumstances without which it is impossible to consider the defense attorney’s opinion as the “position” in the true sense of the word. As the result of the research the author makes the conclusion that “position of the defense counsel in a criminal case” may be considered only the defense counsel’s opinion expressed as regards the charge brought against the person being defended which comprises the defense version, based upon a range of objective and subjective procedural factors. Study of the concept “position of the defense counsel” is of great practical and theoretical importance.

Ключевые слова: адвокат-защитник, позиция, версия, обвинение, подзащитный, доказательства, доказывание, уголовное дело, преступление.

Keywords: defense counsel, position, version, charge, person being defended, evidence, proof, criminal case, crime.

«Позиция по делу – это всегда определенная точка зрения на обстоятельства дела, обусловленная процессуальной ролью и интересами определенной стороны» [1]. «Позиция по делу – сложное, многогранное понятие, определяемое и как результат деятельности защитника, и как процесс этой деятельности; как оценка обвинения, так и отношение к нему; как сама версия защиты, так и формулирование ее» [2].

Изучив определение понятия позиции стороны по делу и его содержания, сформулированное Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой [3], на основе его сформулируем понятие позиции адвоката-защитника по уголовному делу с учетом особенностей его правового статуса.

Итак, позиция защитника по уголовному делу – это точка зрения, мнение защитника, выражающее его отношение к предъявленному обвинению, объективно обусловленное материалами уголовного дела, доказательствами как стороны защиты, так и стороны обвинения; субъективно обусловленное процессуальной функцией защитника, конкретной правовой целью, к достижению которой стремится защитник в конкретном уголовном процессе.

В содержание позиции защитника включаются:

- 1) заявляемые защитником фактические обстоятельства уголовного дела;
- 2) предлагаемая защитником правовая оценка этих обстоятельств и выдвигаемые стороной правовые требования;

- 3) перечень доказательств, которыми защитник намерен обосновать все это перед судом.

Рассмотрим главные составляющие элементы позиции защитника.

Первый ключевой признак понятия позиции защитника – это мнение относительно предъявленного обвинения.

Необходимо согласиться с высказыванием В. Л. Кудрявцева в том, что «согласно воле законодателя, выраженной в ч. 3 ст. 335 Уголовного процессуального кодекса РФ, речь об употреблении термина “позиция” в отношении защитника и подсудимого может идти только относительно предъявленного обвинения. Поэтому под позицией защитника следует понимать его мнение относительно предъявленного обвинения подзащитному» [4].

Правильно отмечено А. П. Рыжаковым: обвинение – это то, в чем обвиняемый обвиняется. Сама суть обвинения содержится в описательной и резолютивной части постановления о привлечении лица в

качестве обвиняемого (обвинительного акта [5], а также обвинительного постановления); причем в описательной части указываются время, место, способ совершения преступления, мотивы, цели, характер, размер вреда, причиненного преступлением, иные обязательные элементы состава преступления, которые в своей совокупности должны подтверждать правильность квалификации совершенного преступления. В резолютивной части постановления, начинающейся словом «постановил», указывается решение о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявлении ему обвинения в совершении преступления, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ [6]. По делам частного обвинения, когда по заявлению не проводилось досудебного производства, обвинение содержится в составленном по правилам ч. 5 ст. 318 УПК РФ и поданном мировому судье заявлении (ч. 3 ст. 319 УПК РФ) либо во встречном заявлении (ч. 3 ст. 321 УПК РФ) [7].

Таким образом, позиция защитника выражает его отношение к вопросам о доказанности обвинения, виновности или невиновности подзащитного в инкриминируемом деянии, формы вины подзащитного, квалификации деяния в соответствии с УК РФ, вопросам о применении смягчающих наказание обстоятельств, описания данных, характеризующих личность подзащитного.

Среди прочих признаков понятия «позиция защитника» учеными-юристами выделяется также **версия защиты относительно инкриминируемого события преступления и ее формирование** [8].

Версия защитника – это обоснованное предположение о событии преступления, обстоятельствах его совершения, личности преступника.

Согласно правилам криминалистики версия должна быть обоснованной, т. е. предположения защитника должны быть основаны на фактических данных, имеющихся в деле. Версия должна быть относимой, т. е. ее составляют только предположения о факте, явлении, относящемся к делу. Не могут считаться версиями предположительные объяснения фактов, не связанных с предметом доказывания [9].

Обязательный признак позиции защитника – **это ее объективная обусловленность анализом всех фактических обстоятельств дела, доказательств, собранных по делу**, отсюда и вывод о том, что позиция формируется защитником после ознакомления с материалами уголовного дела.

Правильно отмечает В. Л. Кудрявцев, что еще «в начале своего участия в деле защитник составляет представление об обстоятельствах дела, намечает пути и средства ведения защиты, о чем ставит обвиняемого в известность. Но это еще не позиция в прямом значении данного понятия, а наиболее вероятное предположение защитника о плане защиты и подлежащих применению способах ее ведения» [10]. «Позицию адвокат должен выработать на основе анализа, оценки и проверки имеющихся в деле доказательств, а также оценить собранные им самостоятельно в порядке ст. 86 УПК РФ доказательства и сравнить их с имеющимися в деле. Это позволит ему установить, по какому эпизоду обвинения есть доказательства, по какому – нет, какими доказательствами обосновывается то или иное обвинение, какое из этих доказательств ложное, противоречивое, не обладает признаком допустимости» [11].

Подтверждают правильность вышеуказанного вывода о времени формирования позиции содержащиеся в юридической литературе обоснованные юридической практикой высказывания ученых, содержащие некий алгоритм выработки позиции по делу, состоящий из следующих пунктов:

1. Изучение материалов дела. 2. Беседа с подзащитным. 3. Решение вопроса о признании вины. 4. Анализ версии обвинения. 5. Выдвижение и анализ всех возможных версий защиты. 6. Выбор одной версии и формулирование ее (формула обвинения «наоборот», т. е. формула защиты). 7. Анализ доказательств «за» и «против» версии защиты. 8. Восполнение пробелов защиты. 9. Опровержение доказательств обвинения. 10. Закрепление доказательств защиты. 11. Окончательное воссоздание картины событий, фактическое и юридическое объяснение ее [12], где изучение материалов дела является первоначальным и базовым этапом формирования позиции, т. к. невозможно провести анализ доказательств, воссоздать картину события преступления, проанализировать версию обвинения, не зная материалов уголовного дела.

Однако право ознакомления со всеми материалами уголовного дела предоставлено защитнику только по окончании предварительного расследования в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ [13]. В связи с этим вполне логичным будет сделать еще один вывод о том, что позиция защитника в полном смысле этого слова формируется не ранее момента окончания предварительного расследования уголовного дела.

При формировании позиции защитника определяющую роль играет отношение доверителя к вопросу о признании вины, указанный вывод основывается на положениях ч. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также п. 3 ч. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», в соответствии с которыми адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя [14].

Недопустимость действий против законных интересов доверителя является одним из первичных постулатов, основой основ профессиональной деятельности адвокатов. Защитник по уголовному делу действует только в одном направлении, в направлении защиты прав и законных интересов обвиняемого [15]. «Со времен существования адвокатуры запрещена практика “измены” клиенту» [16].

Во многих случаях позиция защитника может быть и не ошибочной, т. е. рациональной, выгодной для обвиняемого, однако, поскольку он ее не принимает, адвокат обязан следовать позиции подзащитного [17]. Цель деятельности защитника состоит в выявлении обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и он может в связи с этим быть безразличным к установлению истины. Так, защитник не имеет права выявлять факты, изобличающие обвиняемого, поддерживать обвинение или соглашаться с последним в случае непризнания вины обвиняемым. Адвокат не вправе занимать по делу правовую позицию, противоречащую интересам клиента [18].

Обязательным признаком позиции защитника является согласованность ее с доверителем.

Имея поручение на ведение дела, защитник обязан встретиться с подзащитным, обсудить и согласовать позицию защиты с ним. В случае возникновения коллизии в уже намеченной линии защиты и невозможности согласовать единую позицию адвокату следует разъяснить обвиняемому, что тот имеет право на приглашение другого защитника или отказаться от услуг защитника вовсе [19].

Специалисты в области адвокатской деятельности рекомендуют во время встречи с подзащитным адвокату: согласовать позицию по предъявленному обвинению; узнать от подзащитного, какие имеются дополнительные доказательства, которые по тем или иным причинам не оказались в деле; обсудить, какие ходатайства целесообразно подготовить и заявить в судебном заседании; предметно разъяснить подзащитному его права и обязанности в судебном заседании; наметить тактику защиты в суде, список свидетелей, которым необходимо задать вопросы, и сами вопросы; определить круг дополнительных свидетелей и тактику (вызвать их в судебное заседание или опросить самому) [20].

Конкретные пути достижения цели должны формироваться адвокатом с обязательным учетом мнения доверителя, принимая во внимание возможные затраты времени, сил и средств [21].

Позиция защитника субъективно обусловлена процессуальной ролью адвоката-защитника в процессе по уголовному делу, а также целями и задачами его участия в уголовном деле.

Этот фактор проявляется в том, что защитник, хотя и является самостоятельным участником процесса, сам осуществляет выбор средств, методики и тактики защиты, в то же время он сочетает в себе полномочия представителя обвиняемого, с мнением которого он связан при совершении наиболее ответственных процессуальных действий и определении позиции по делу, исключающей возможность коллизии по основному вопросу уголовного дела о доказанности виновности [22].

Процессуальная роль адвоката-защитника состоит в его защите прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказании им юридической помощи при производстве по уголовному делу в соответствии со ст. 49 УПК РФ. Защитник должен следить за правильным соблюдением всех процессуальных правил, что позволяет с самого момента задержания следить за соблюдением прав подозреваемого и не допускать в отношении него нарушений закона.

Участие профессионального защитника, каковым является адвокат, есть один из конституционных принципов и необходимый фактор справедливого и законного рассмотрения уголовного дела, так как «профессиональный защитник способен противостоять обвинению на равных, невзирая на ограниченный по сравнению с последним объем его процессуальных полномочий...» [23].

Важнейшим признаком позиции защитника является ее аргументированность, т. е. обоснованность ее собранными по делу доказательствами, фактическими данными.

Профессиональный защитник, освобожденный от обязанности доказывания своих утверждений, аргументирует и отстаивает свою позицию «преимущественно путем критики и опровержения обвинения, разрушения или ослабления совокупности обвинительных доказательств путем критического анализа каждого из них. Обращая внимание на неисследованность отдельных обстоятельств, сомнительность одних доказательств и противоречивость других, защитник доказывает недоказанность обвинения, которая, как известно, равна по своим юридическим последствиям доказанной невиновности» [24].

Адвокат также вправе в соответствии с ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» самостоятельно собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии; привлечения на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи [25].

При этом адвокат собирает только те доказательства, которые нужны ему для отстаивания позиции подзащитного, а не подтверждает всю совокупность необходимых для установления обстоятельств по уголовному делу.

Таким образом, все вышеизложенные признаки понятия «позиция защитника» дают основания определить позицию защитника как его точку зрения, мнение, выражающее его отношение к предъявленному подзащитному обвинению и по вопросам, связанным с ним, включающее в себя версию защиты инкриминируемого события преступления, объективно обусловленное материалами уголовного дела, доказательствами стороны защиты и стороны обвинения, сформированное после ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, соответствующее пози-

ции подзащитного и согласованное с ним, субъективно обусловленное целью защиты прав и законных интересов подзащитного, аргументированное доводами о несостоятельности обвинения (в том случае, если обвинение оспаривается), а также доказательствами, свидетельствующими в пользу подзащитного.

Примечания

1. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львовой. М.: Юрист, 1999. С. 33.
3. Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения. М., 2001. С. 223–230; Адвокат: навыки профессионального мастерства...
4. Кудрявцев В. Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // Адвокат. 2005. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Рыжаков А. П. Защитник в уголовном процессе: науч.-практ. руководство. М.: Изд-во «Экзамен», 2007. С. 274–275.
6. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Изд-во Юрайт, 2012. С. 561–562; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2010. С. 496–497.
7. Рыжаков А. П. Указ соч. С. 274–275.
8. Кудрявцев В. Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // Адвокат. 2005. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Защита по уголовному делу... С. 33.
9. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: Изд. группа НОРМА–ИНФРА-М, 1999. С. 472–473.
10. Кудрявцев В. Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // Адвокат. 2005. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Адвокатура в России: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. М. Б. Смоленского. М.: КНОРУС, 2011. С. 203.
12. Львова Е. Ю. Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львовой. М.: Юрист, 1998. С. 40.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Кодекс профессиональной этики адвоката. Принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года. URL: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059/; См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059/.
15. Перлов И. Д. Право на защиту. М., 1969. С. 29.
16. Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России: учебник. М., 2001. С. 253.
17. Комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката / Ю. П. Гармаев. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 6. С. 8.
19. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2010. С. 229.
20. Адвокатура в России: учебник / под общ. ред. М. Б. Смоленского. М.: КНОРУС, 2011. С. 203–204.
21. Адвокатура: учебник для бакалавров / отв. ред. Ю. С. Пилипенко. М.: «Проспект», 2014. С. 110–111.
22. Комментарий к УПК РФ / под ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2010. С. 224.
23. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2013. С. 114–116.
24. Там же.
25. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059/.

Notes

1. *Advokat: navyki professional'nogo masterstva* – Lawyer: skills of professional mastership / ed. by L. A. Voskobitova, I. N. Lukyanova, L. P. Mikhailova. Access from Ref.-legal system "ConsultantPlus".
2. *Zashchita po ugovolnomu delu: posobie dlya advokatov* – Protection in a criminal case: Handbook for lawyers / edited by E. Yu. Lvova. M. Yurist. 1999. P. 33.

3. *Professional'nye navyki yurista: Opyt prakticheskogo obucheniya* – Professional skills of a lawyer: Experience of practical training. M. 2001. Pp. 223-230; *dvokat: navyki professional'nogo masterstva...* – Lawyer: skills of professional mastership...
4. Kudryavtsev V. L. *Problemy formirovaniya i realizacii pozicii advokata-zashchitnika na sudebnom sledstvii* [Problems of formation and realization of the position of the defense attorney in the trial] // *Advokat – The Lawyer*. 2005, No. 4. Access from Ref.-legal system "Consultant Plus".
5. Ryzhakov A. P. *Zashchitnik v ugolovnom processe: nauch.-prakt. rukovodstvo* [Defence counsel in criminal proceedings: scient.-practical guide]. M. Publishing house "Examen". 2007. Pp. 274-275.
6. *Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik* – Criminal procedural law: textbook / under the general editorship of V. M. Lebedev. M. Publishing house «Yurait». 2012. Pp. 561-562; *Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RF* – Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation / scient. ed. V. T. Tomin, M. P. Polyakov. 4th ed., rev. and add. M: Publishing house "Yurait". 2010. Pp. 496-497.
7. Ryzhakov A. P. Op.cit. Pp. 274-275.
8. Kudryavtsev V. L. *Problemy formirovaniya i realizacii pozicii advokata-zashchitnika na sudebnom sledstvii* [Problems of formation and realization of the position of the defense attorney in the trial] // *Advokat – The Lawyer*. 2005, No. 4. Access from Ref.-legal system "ConsultantPlus"; *Zashchita po ugolovnomu delu...* – Protection in the criminal case... P. 33.
9. *Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov* – Criminalistics: textbook for universities / ed. by R. S. Belkin. M. Publ. group NORMA-INFRA. M. 1999. Pp. 472-473.
10. Kudryavtsev V. L. *Problemy formirovaniya i realizacii pozicii advokata-zashchitnika na sudebnom sledstvii* [Problems of formation and realization of the position of the defense attorney in the trial] // *Advokat – The Lawyer*. 2005, No. 4. Access from Ref.-legal system "ConsultantPlus".
11. *Advokatura v Rossii: uchebnik* – The legal profession in Russia: textbook / group of authors; under the general editorship of M. B. Smolensky. M. KNORUS. 2011. P. 203.
12. Lvova E. U. *Zashchita po ugolovnomu delu: posobie dlya advokatov* [Defense in a criminal case: Handbook for lawyers] / edited by E. Yu. Lvova. M. Yurist. 1998. P. 40.
13. Criminal procedure code of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 13.07.2015). Access from Ref.-legal system "ConsultantPlus". (in Russ.)
14. The code of professional ethics lawyer. Adopted by the First all-Russian Congress of lawyers on 31 January 2003. Available at: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059 (in Russ.); See: Federal law of 31 may 2002 No. 63-FZ "About advocacy activity and advocacy in Russian Federation". Available at: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059/. (in Russ.)
15. Perlov I. D. *Pravo na zashchitu* [The Right for protection]. M. 1969. P. 29.
16. Lubshev Y. F. *Advokatura v Rossii: uchebnik* [Legal profession in Russia: textbook]. M. 2001. P. 253.
17. *Kommentarij k Kodeksu professional'noj ehtiki advokata* – The commentary to the Code of professional ethics of lawyer / J. P. Garmaev. Access from Ref.-legal system "ConsultantPlus".
18. *Byulleten' Verhovnogo Suda RF* – Bulletin of the Supreme Court. 1992, No. 6, P. 8.
19. *Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RF* – Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation. ed. by V. T. Tomin, M. P. Polyakov. 4th ed., rev. and add. M. Publishing house "Yurait". 2010. P. 229.
20. *Advokatura v Rossii: uchebnik* – The legal profession in Russia: textbook / ed. by M. B. Smolensky. M. KNORUS. 2011. Pp. 203-204.
21. *Advokatura: uchebnik dlya bakalavrov* – Advocacy: textbook for bachelors / resp. ed. Yu. S. Pilipenko. M. Prospekt. 2014. Pp. 110-111.
22. *Kommentarij k UPK RF* – The commentary to the criminal procedure code of the Russian Federation / under the editorship of V. T. Tomin, M. P. Polyakov. 4th ed., rev. and add. M. Publishing house "Yurait". 2010. P. 224.
23. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugolovnom processe: ucheb.-praktich. posobie* [Proof in the criminal process: textbook.-tutorial]. 4th ed., rev. and add. M. Publishing house "Yurait". 2013. Pp. 114-116.
24. Ibid.
25. Federal law of 31 may 2002 No. 63-FZ "About advocacy activity and advocacy in Russian Federation". Available at: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059/. (in Russ.)

Территориальные органы ветеринарного и фитосанитарного надзора в иностранных государствах

Статья посвящена исследованию организационных и правовых основ деятельности территориальных органов в ряде зарубежных стран, таких как Южно-Африканская Республика, Канада, Корея, Норвегия, Франция, Армения. Акцентирование внимания на некоторых аспектах контрольно-надзорной деятельности позволяет выявить особенности, пригодные для применения в практике в Российской Федерации. В заключение выдвигаются предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и организации осуществления деятельности территориальных органов Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору в контексте заимствования зарубежного опыта.

The article is devoted to the study of the organizational and legal bases of activity of territorial bodies in some foreign countries, such as South Africa, Canada, Korea, Norway, France, Armenia. Focus on some aspects of control and supervision allows us to identify the features that are suitable for use in the practice in the Russian Federation. In conclusion, put forward proposals on improvement of normative-legal regulation and organization of activities of territorial bodies of the Federal service for veterinary and phytosanitary surveillance in the context of the borrowing of foreign experience.

Ключевые слова: зарубежный опыт, территориальные органы Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, фитосанитарное состояние, пограничный ветеринарный надзор.

Keywords: foreign experience, the territorial bodies of the Federal service for veterinary and phytosanitary surveillance, phytosanitary condition, border veterinary supervision.

Проблемы продовольственной безопасности являются актуальными не только на территории Российской Федерации, но и для большинства иностранных государств. Однако различия в географическом, экономическом, социальном, религиозном и других отношениях дифференцируют подходы к решению этой проблемы. Рассмотрение вопросов организации территориальных подразделений за рубежом, в ведении которых концентрируются полномочия в сфере ветеринарного и фитосанитарного надзора, способствует решению важной задачи: заимствованию опыта организационных и правовых основ выстраивания системы территориальных органов в указанной сфере деятельности в целях совершенствования действующего национального аппарата исполнительных органов государственной власти. Ввиду этого представляется целесообразным рассмотреть основы деятельности территориальных органов в ряде зарубежных стран и акцентировать внимание на особенностях, пригодных для применения в практике в Российской Федерации.

Государственный контроль (надзор) в области ветеринарии, фитосанитарии и пищевой безопасности на территории Республики Армения осуществляется территориальными подразделениями Государственной службы безопасности пищевых продуктов Министерства сельского хозяйства Республики Армения (далее – ГСБПП) на основании многочисленных законов и постановлений Правительства Республики Армения. Среди них следует отметить, например, Законы Республики Армения «О ветеринарии», «О кормах», «Об органическом сельском хозяйстве», а также Постановления Правительства Республики Армения «Об утверждении порядка государственной регистрации в Республике Армения биопрепаратов, сывороток и диагностических средств, используемых в ветеринарии», «Об утверждении порядка установления и снятия карантина сельскохозяйственных животных» и другие.

Государственный контроль за безопасностью кормов осуществляется в соответствии с Законом Республики Армения от 17 мая 2000 г. «Об организации проведения проверок (инспекции) в Республике Армения». «Основными условиями при обороте кормов и кормовых добавок являются наличие документа, подтверждающего происхождение кормов и кормовых добавок, подтверждения соответствия (сертификата соответствия и (или) знака соответствия, или декларации о соответствии); наличие информации о кормах и кормовых добавках на маркировке и (или) сопроводительных документах поставщика, изготовителя; наличие срока годности, установленного производителем в соответствии с действующими нормативными документами по стандартизации на корма и кормовые добавки; условия и сроки хранения кормов и кормовых добавок должны исключать вероятность любого загрязнения и порчи» [1]. Контрольные мероприятия на границе при ввозе кормов заключаются в проверке документов, сопровождающих груз и, при необходимости, в проведении отбора проб для лабораторного исследования.

При выявлении нарушений законодательства на основании лабораторных заключений взятых проб даются указания об уничтожении, переработке или ином использовании продуктов и сырья. На период проведения проверок, как правило, приостанавливается реализация и экспорт производимой данным предприятием продукции. Ввоз, вывоз (перемещение) животных и подконтрольных государственной ветеринарной службе товаров осуществляется в сопровождении ветеринарного сертификата или ветеринарного свидетельства, а при вывозе – и справки соответствия, которая выдается со стороны ветеринарного специалиста (инспектора), обслуживающего данную административную территорию. Если перемещение происходит в пределах административной территории или из одной административной территории в другую, подконтрольный груз сопровождается соответствующим ветеринарным свидетельством. В случаях осуществления международных перевозок животных, продуктов и сырья животного происхождения, товаров, подконтрольных ветеринарному контролю, а также при выявлении фактов отправки товаров на экспорт без проведения их ветеринарно-санитарной экспертизы, хозяйствующий субъект несет значительные убытки в виде штрафа. В случаях выявления названных нарушений на физическое лицо налагается штраф в размере 100 крат минимальной зарплаты, а на должностное лицо – 200 крат, при минимальном размере зарплаты 1000 драм.

Организация системы территориальных органов ветеринарного и фитосанитарного надзора в Южно-Африканской Республике вызывает интерес в связи с тем, что она является крупнейшим поставщиком сельскохозяйственной продукции на африканском континенте. Вопросами ветеринарного и фитосанитарного надзора в государстве занимаются центральные офисы Национальной службы карантина и защиты растений [2] (далее – НСКЗР) и директората животноводства и здоровья животных Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее – директорат) и их территориальные органы. Территориальные органы НСКЗР расположены в каждой из девяти провинций ЮАР. К их ведению отнесены вопросы фитосанитарного и карантинного контроля подкарантинных материалов и осуществление контроля при вывозе этих растительных материалов из страны и ввозе их из-за рубежа. Территориальные подразделения директората также функционируют в девяти провинциях и занимаются вопросами борьбы с заболеваниями, эпидемиологии, импортом/экспортом, лабораторными услугами, ветеринарным здравоохранением и ветеринарной гигиеной [3].

Контроль за фитосанитарным состоянием и качеством сельскохозяйственной продукции осуществляется путем проведения проверки на любом этапе ее производства. Фермеры, производящие и поставляющие сельскохозяйственную продукцию на экспорт, проходят аккредитацию и включаются в реестр. Специалистами территориальных органов НСКЗР постоянно контролируются хозяйства, и, при невыполнении отдельных требований, предъявляемых страной-импортером, хозяйства исключаются из реестра и лишаются права поставки продукции на экспорт.

Импорт животных или продуктов животного происхождения может быть осуществлен только при наличии ветеринарного разрешения на ввоз и исключительно с боем, утвержденных Национальным директором. После ввоза продукция хранится на складах для последующего инспектирования директората Инспекционной службы. В отношении всех продуктов животного происхождения проводится проверка Министерства сельского хозяйства, лесов и рыболовства. При досмотрах растительной продукции отбор выемок и их объем, так же как и перечень необходимых анализов отобранных образцов, определяются не жесткими стандартами, а договорами торговых партнеров. Например, в зависимости от требования импортера, от партии, содержащей штучный товар, может отбираться для досмотра два или более процентов единиц подкарантинной продукции. Формирование образца для лабораторного анализа осуществляется в соответствии с международными стандартами, однако и в этом случае по требованию импортера может допускаться отклонение от норматива.

Важно отметить неотвратимость уголовного преследования в ситуациях, когда владельцем товара игнорируются или не выполняются директивы и предписания, и несоответствие требованиям обязательных спецификаций несет угрозу безопасности. Так, например, виновное лицо подвергается наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок не более одного года в случае необеспечения сохранности товара до принятия решения о соответствии или несоответствии его обязательным спецификациям. Аналогичным образом вопрос ответственности решается и во Франции. Нарушения в области продовольственной безопасности в зависимости от характера преступления влекут уголовную ответственности в виде штрафа в размере от 3 750 до 150 000 евро либо тюремного заключения на срок от шести месяцев до пяти лет [4].

Своими особенностями обладает организация системы территориальных органов по ветеринарному и фитосанитарному надзору Кореи. Организация ветеринарного и фитосанитарного надзора в Корее представлена следующими государственными учреждениями: Администрацией Кореи по продуктам питания и медикаментам, Национальной службой ветеринарных исследований и карантина, Национальной службой проверок качества рыбных продуктов и Национальной службой карантина растений [5].

Администрация Кореи по продуктам питания и медикаментам (далее – Администрация Кореи) располагает территориальными подразделениями в шести регионах страны. В их юрисдикции находят-

ся вопросы продовольственной безопасности, обеспечение гигиенической безопасности и наличие правильной маркировки отечественных и импортных продуктов питания (кроме мяса, молочных продуктов, яиц и некоторых других продуктов). Национальная служба ветеринарных исследований и карантина (далее – НСВИ) имеет шесть территориальных подразделений, в ведении которых находятся вопросы карантинной обработки и проверки импортируемого скота и продукции животноводства, а также контроля ветеринарных препаратов и биологических продуктов. Карантин растений находится в ведении территориальных подразделений Национальной службы карантина растений, расположенных в пяти регионах страны. К их компетенции относятся полномочия в сфере контроля импорта растений, растительных продуктов на наличие экзотических вредителей растений, сбора и предоставления информации по вопросам карантина растений и прочие.

В целом порядок осуществления контроля в отношении импортируемого товара подчиняется общим процедурам, применяемым в большинстве государств, но с некоторыми особенностями. Так, немалый интерес представляют процедуры, предшествующие таможенному оформлению, применяемые в целях облегчения процесса импорта продуктов питания: официально признанные лаборатории в зарубежных странах и система регистрации предварительного подтверждения.

Процедура официального признания лабораторий в зарубежных странах заключается в следующем: лаборатория, желающая быть официально признанной Администрацией Кореи, должна представить заявку с приложением различных документов, включая, например, записи о проверках, описание состояния основного тестирующего оборудования и квалификации инспекционного персонала. В случаях соответствия лаборатории установленным правилам, что производится путем проверки документации и посещения данной лаборатории, это учреждение утверждается в качестве «официальной лаборатории» в зарубежной стране. Соответственно, если пищевой продукт оценивается как «соответствующий» официально признанной лабораторией в стране-экспортере до его вывоза, то этот продукт будет подлежать только документальной проверке в Корею.

Другая процедура – система регистрации предварительного подтверждения – создана для обеспечения продовольственной безопасности на уровне производственного процесса и может использоваться любыми производителями или перерабатывающими предприятиями, расположенными за пределами Кореи. В случаях, когда завод-изготовитель представляет заявку с соответствующими документами, в их отношении производится документальная проверка, а затем выезд на место производства. При положительном решении продовольственная продукция, произведенная на оборудовании, прошедшем предварительную регистрацию, подлежит только проверке документов на границе. В ходе проверки документов удостоверяется, не подпадает ли выпуск проверяемых пищевых продуктов под категорию запрещенных к продаже, соблюдены ли надлежащим образом соответствующие стандарты и спецификации, а также требования к маркировке.

Общая процедура карантина растений и животных существенно не отличаются друг от друга. Основное различие состоит в том, что контролируемые карантинными вредители могут быть уничтожены и впоследствии растения будут разрешены к ввозу. Ветеринарный карантин и процедуры проверок проводятся тремя основными методами: эпидемиологическое расследование или обследование, клиническая проверка и лабораторные исследования. Но эти методы мало различаются по отношению к животным и продуктам животного происхождения. По итогам принимается решение о выдаче сертификата о проведении карантина либо возвращение, уничтожение водных животных или растений.

Модель построения системы ветеринарного и фитосанитарного надзора Канады интересна тем, что механизмы ее осуществления сформировались под влиянием англо-американского опыта в управлении развитием сельского хозяйства и с учетом реальных климатических условий и жесткой конкуренции со стороны США, находящихся в более благоприятной для сельского хозяйства климатической зоне [6]. Надзор в указанной сфере деятельности осуществляется территориальными подразделениями Агентства по контролю пищевых продуктов (далее – АПП), организованными на четырех операционных районах (Атлантический, Квебек, Онтарио, Западный) и входящими в структуру Министерства сельского хозяйства Канады. К числу их полномочий относятся проведение проверок в целях контроля, оценки и надзора за выполнением требований законодательства; взаимодействие с подконтрольными сторонами относительно требований законодательства, оценки соблюдения требований и выявление нарушений; выдача предписаний о принятии мер по устранению выявленных нарушений и прочие.

Система осуществления импорта через пограничные контрольно-пропускные пункты Канады отличается от таковой в РФ. Так, ветеринарные специалисты не находятся в пунктах пропуска на государственной границе. Соответственно, контроль и досмотр подконтрольной животноводческой и растениеводческой продукции на границе Канады не осуществляется. Импортер представляет Управлению пограничной службы Канады доказательства рассмотрения АПП требуемых документов и разрешения партии к ввозу. Подтверждение пригодности партии производится в Центре Национальной службы импорта (далее – ЦНСИ), в адрес которой направляются все сертификаты до получения разрешения на ввоз партии в Канаду. В ЦНСИ документы изучаются на законность и наличие всех необходимых со-

гласований, а затем отправляются в Управление пограничной службы Канады, которое позволяет провозить ввоз продукции. При направлении продукции на экспорт в зарегистрированных на федеральном уровне предприятиях, имеющих право экспорта, выдаются экспортные сертификаты на право ввоза мяса и мясных продуктов.

В основе канадской системы ветеринарного надзора лежит национальная программа идентификации скота в целях осуществления контроля за его перемещением на бойню, импорт, экспорт или захоронением, путем проведения трассировки. Подобная программа успешно реализуется и во Франции. Ее суть сводится к следующему. Канадское Агентство по Идентификации скота (далее – КАИС) предоставляет предприятию-изготовителю ушных меток значения номеров, дистрибьюторы приобретают ушные метки и отчитываются перед КАИС о том, какие номера продали владельцам скота. Владельцы скота, в свою очередь, сообщают КАИС о номерах, проданных на аукционе, отправленных на бойню, или о других перемещениях. В результате при считывании информации отображается путь номера или ушной метки от КАИС, через предприятие-изготовителя и дистрибьюторов владельцу, и, если животное использовано для производства продукции, в последней строке указывается мясокомбинат [7]. Вместе с тем важным направлением действия программы по идентификации является сбор данных о датах рождения животных. Он позволяет открыть доступ к данным всем производителям по имени и паролю через Интернет, обеспечить возможность ревизии данных и проверки на месте, а для переработчиков также обеспечить возможность оперативного доступа к данным о возрасте поступившего на переработку скота.

Регулирование лекарственных препаратов для ветеринарного применения в Канаде имеет многоуровневую систему. Например, Министерством здравоохранения Канады на федеральном уровне санкционируется реализация препаратов для использования животными. Вместе с тем применение препаратов находится в провинциальной юрисдикции.оборот лекарственных препаратов для ветеринарного применения отнесен к ведению Директората ветеринарных лекарственных препаратов Министерства здравоохранения Канады. Приобретение лекарств для ветеринарного применения осуществляется в специализированных ветеринарных аптеках и исключительно по рецепту, который выдается ветеринарным врачом на приобретение лекарственных препаратов в конкретной аптеке для конкретного хозяйства.

Функции в области безопасности кормов и кормовых добавок, изготовленных из генно-инженерно-модифицированных организмов, обеспечиваются на основе закона «О кормах», а также подзаконных актов и входят в компетенцию Министерства по охране окружающей среды и Агентства по контролю за продовольствием. В сферу влияния закона подпадают ГМ микроорганизмы, витамины, энзимы, вакцины и другие компоненты кормов. Регулирование, в том числе оборота новых кормов, сводится к ряду моментов: «возможности введения моратория на поступление в коммерческий оборот тех ГМО, риск от попадания в окружающую среду на данном этапе развития науки сложно оценить; требованию признания научно обоснованным распространению в США и Канаде принципа “устойчивой эквивалентности” новых продуктов; необходимости снизить уровень секретности разработок и исследований, несмотря на существующие нормы законодательства по защите прав интеллектуальной собственности» [8].

В Испании ответственность за здоровье и благополучие животных, корма, первичное производство пищевых продуктов животного происхождения, фитосанитарию и качество пищевых продуктов возложена на территориальные подразделения Министерства сельского хозяйства, продовольствия и окружающей среды (далее – МСХП), а вопросы всех последующих этапов производства пищевых продуктов: безопасность пищевых продуктов и питания, сертификация ветеринарных медикаментов – отнесены к ведению территориальных подразделений Министерства здравоохранения, социальных служб и равенства (далее – МЗСС). МСХП и МЗСС «несут ответственность в сфере контроля импорта продовольственных продуктов, кормов, растений и живых животных в Испанию. 17 автономных сообществ и два автономных города (Сеута и Мелилья) являются компетентными органами, ответственными за проведение государственного контроля за безопасностью пищевых продуктов, благополучие животных и фитосанитарию, за исключением случаев, подпадающих под компетенцию государства (ст. 148 Конституции Испании) [9].

Экспорт животных и продуктов животного происхождения предполагает прохождение инспекции и санитарных исследований, необходимых для его оформления на таможне. Данные полномочия возложены на государственных ветеринарных врачей, работающих в компетентных органах, организационно приписанных к МЗСС, но функционально подчиняющихся МСХП. Процедура инициируется запросом экспортёра, после получения информации о форме официального экспортного санитарного сертификата, требуемого третьей страной-получателем. Экспортёр может ознакомиться с условиями и формами официального санитарного сертификата посредством консультации в МСХП или доступа на веб-сайт CEXGAN (<http://cexgan.magrama.es>). При экспорте животных к экспортному санитарному сер-

тификуату прилагается План перевозки, а в случае экспорта племенных животных, в зависимости от страны происхождения, также необходимо получение зоотехнического сертификата.

Импорт животных и продуктов животного происхождения осуществляется путем проведения контрольных мероприятий и выдачей импортных сертификатов со стороны государственных инспекторов Ветеринарных служб внешнего здравоохранения и животного здравоохранения, служащих на Постах пограничного контроля (далее – PIF). Каждая партия продуктов животного происхождения, поступившая из третьих стран и предназначенная для потребления человеком, должна пройти санитарный контроль, осуществляемый государственным санитарным инспектором на PIF. Контроль может осуществляться в виде документального, физического контроля или контроля идентификации и в случаях, когда из результатов санитарного контроля следует, что продукт не отвечает условиям для импорта или является очевидным наличие несоответствий, компетентные органы, проводящие контроль, отказывают в разрешении на ввоз партии. Затем об отказе на ввоз оповещается лицо, заинтересованное в получении груза, компетентные органы таможи и Главное управление внешнего здравоохранения. И принимается решение о реэкспорте продукта за пределы территории ЕС, при соблюдении определённых условий, или уничтожении, или переработке продуктов.

Рядом вызывающих интерес особенностей обладает организация ветеринарного и фитосанитарного надзора в Королевстве Норвегия. Прежде всего, система территориальных органов здесь представлена двумя уровнями: восьмью региональными и 54 муниципальными офисами. При этом региональные офисы координируют деятельность муниципальных офисов и рассматривают жалобы компаний на их решения. Территориальные подразделения являются органами Государственной службы по надзору за растениями, рыбой, животными и пищевыми продуктами Норвегии (далее – ГСН), которая находится в подчинении трёх министерств – Министерства здравоохранения и медицинского обслуживания, Министерства сельского хозяйства и продовольствия и Министерства рыболовства и береговой администрации. Основной сферой деятельности территориальных органов ГСН являются обеспечение безопасности питьевой воды и сырья животного происхождения, из которого в дальнейшем осуществляется производство продуктов питания для населения, а также контроль за здоровьем растений, рыб, животных и их содержанием [10].

Каждый из 54 муниципальных офисов наделен полномочиями по осуществлению ветеринарной сертификации экспортных грузов. Однако для получения ветеринарного сертификата на экспортируемую продукцию предприятие должно иметь одобрение. Процедура получения одобрения сводится к следующим действиям: от заинтересованного лица поступает заявление, после чего производится выезд инспекторов на место осуществления предприятием заявленных видов деятельности. Если предприятие не осуществляет деятельность в период проведения процедуры одобрения, но при этом подлежит одобрению, в таких случаях достаточно уведомления от предприятия в адрес ГСН о начале деятельности. При этом муниципальные офисы производят одобрение поднадзорных объектов и присваивают им идентификационные номера. Информация о заявках и одобрении предприятий поступает в информационную систему MATS, которая в числе прочей информации также содержит базу данных (единый реестр), включающую в себя сведения обо всех поднадзорных офису предприятиях. Необходимо отметить, что ветеринарная сертификация продукции также производится с использованием MATS, и в процессе ее проведения осуществляется автоматическая проверка наличия у предприятия «одобрения».

Непосредственно сама процедура ветеринарной сертификации инициируется подготовкой предприятием-экспортером заявки на выдачу ветеринарного сертификата посредством информационной системы Alt Inn, которая автоматически сопряжена с системой MATS и служит информационному обмену между хозяйствующими субъектами и госветслужбой Норвегии. Поданная заявка автоматически доставляется в систему MATS, где ее получает и рассматривает дежурный инспектор. Важно отметить, что инспектирование и 100%-ный досмотр груза перед выдачей ветеринарного сертификата ветеринарным инспектором не являются обязательными.

Таким образом, изучение зарубежного опыта сквозь призму достигнутых результатов осуществления контрольно-надзорных мероприятий в сфере ветеринарии и фитосанитарии позволяет выявить наиболее успешно произведенные меры. В целях приобретения положительного опыта для совершенствования российской практики в данной области представляется возможным применение следующих мероприятий:

1. Увеличение размера административного штрафа по отдельным статьям КоАП РФ ввиду несоответствия санкций наступившим последствиям. Так, например, ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ за уничтожение плодородного слоя почвы в результате нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления предусматривает для физических лиц наложение административного штрафа в размере от 3 до 5 тысяч рублей. Вероятно, в данном случае размер санкции не выполняет предупредительную функцию ввиду чрезвычайно частой повторяемости совершения данного административного правонарушения. Кроме того, вследствие особой значимости рассматриваемой проблематики обеспечения про-

довольственной безопасности необходимо ужесточение уголовного наказания за совершенные преступления экологического характера, повлекшие тяжкие последствия. Уголовное законодательство РФ предусматривает наказание, установленное некоторыми статьями в гл. 26 УК РФ, в виде штрафа, обязательных и исправительных работ, ограничения свободы [11], и лишь один квалифицированный состав рассматривает возможность лишения свободы до пяти лет. Однако тяжесть понесенных последствий несоизмерима с размером установленного наказания, в связи с чем целесообразно введение такой меры ответственности, как лишение свободы в большинстве составов преступлений, предусмотренных гл. 26 Уголовного кодекса РФ.

2. Введение национальной программы идентификации скота. Подобные программы успешно действуют на территориях многих государств. Заимствование опыта в этой сфере потребует высоких технических, экономических затрат и повлечет необходимость в подготовке массивной правовой основы. Вместе с тем это позволит контролировать перемещение животных, обеспечивать оперативный доступ к сведениям, например, о возрасте, о месте рождения, проводить ревизию на месте и прочее.

3. Утверждение на основе корейского опыта процедур, предшествующих таможенному оформлению: системы «официально признанных лабораторий» и системы регистрации предварительного подтверждения, что позволит ускорить процесс пропуска импортной продукции животного и растительного происхождения, а также продуктов их переработки.

4. Усиление контроля за приобретением лекарственных средств для ветеринарного применения, например, путем организации их отпуска исключительно по рецепту.

5. В целях ускорения процедуры оформления ветеринарных сопроводительных документов, карантинных и фитосанитарных сертификатов целесообразно их оформление в электронном виде с ведением соответствующих государственных информационных систем. В настоящий момент планируется переход до 01.08.2017 г. на оформление в электронном виде ветеринарных сопроводительных документов [12]. Однако создание информационной системы, содержащей сведения о предприятиях-экспортерах, позволило бы оперативнее подавать заявления на выдачу сертификатов и сокращать время рассмотрения поданных заявлений.

Примечания

1. Предварительный отчет о служебной командировке специалистов Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору в Республику Армения (26.01.2015 – 06.02.2015). URL: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/armenia/files/pre_armenia_26012015.pdf.

2. Абасов М. М., Атанов Н. Л., Александров И. Н. и др. Система карантина и защиты растений ЮАР // Защита и карантин растений. 2008. № 6. С. 29–32.

3. Предварительный отчет о служебной командировке специалистов Россельхознадзора в Южно-Африканскую Республику 02–13.03.2015 г. URL: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/uar/files/pre_uar_0213032015.pdf.

4. Окончательный отчет о проведении специалистами Таможенного союза инспекции предприятий Франции по производству продукции животного происхождения на соответствие ветеринарно-санитарным требованиям и нормам Таможенного союза и Российской Федерации (17–29 июня 2013 года). URL: http://www.fsvps.ru/fsvpsdocs/ru/importExport/france/files/inspection_20130826_final.pdf.

5. Улучшение санитарных и фитосанитарных систем в Республике Казахстан URL: wto.kz/documents/Files/Research/SPS_final_report.

6. Масленников И. П. Структурная характеристика сельского хозяйства Канады и роль министерства этой отрасли. URL: <http://www.agroxxi.ru/journal/199901/199901002.pdf>.

7. Окончательный отчет о проведении Россельхознадзором инспекции предприятий Канады по производству продукции животного происхождения на соответствие ветеринарно-санитарным требованиям и нормам Таможенного союза и Российской Федерации (24 мая – 9 июня 2013 года). URL: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/canada/files/inspection_20130718_final.pdf.

8. Ревенко Л. С. Регулирование рынков генетически модифицированных продуктов // США–Канада: экономика, политика, культура. 2004. № 9. С. 105–119.

9. Окончательный отчет о служебной командировке специалистов Россельхознадзора в Королевство Испания 30.03.2014 – 09.04.2014. URL: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/spain/files/final_report_spain.pdf.

10. Окончательный отчет о проведении Россельхознадзором инспекции предприятий Норвегии по производству рыбопродукции на соответствие ветеринарным и санитарным требованиям и нормам Таможенного союза и Российской Федерации. (2–12 декабря 2014 года). URL: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/norway/files/inspection_02122014_final.pdf.

11. Карлик Ф. А., Гричанов И. Я. Фитосанитарное законодательство России. Аналитический обзор // Вестник защиты растений. Вып. 10. СПб., 2013. URL: <http://vestnik.iczr.ru/supplement/pdf/s10.pdf>.

12. Об утверждении Правил организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов и Порядка оформления ветеринарных сопроводительных документов в электронном виде: утв. приказом Министерства сельского хозяйства РФ от 17 июля 2014 г. № 281 // Российская газета от 13 августа 2014 г. № 181.

Notes

1. A preliminary report on an official business trip of the specialists of the Federal service for veterinary and phytosanitary surveillance in the Republic of Armenia (26.01.2015 – 06.02.2015) Available at: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/armenia/files/pre_armenia_26012015.pdf. (in Russ.)

2. Abasov M. M., Atanov N. L., Aleksandrov I. N. etc. *Sistema karantina i zashchity rastenij YUAR* [System of quarantine and plant protection in South Africa Republic] // *Zashchita i karantin rastenij* – Protection and quarantine of plants. 2008, No. 6, pp. 29-32.

3. A preliminary report on an official business trip of the specialists of Rosselkhoz nadzor in the Republic of South Africa 02-13.03.2015. Available at: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/uar/files/pre_uar_0213032015.pdf. (in Russ.)

4. Final report on the conduct of specialists of the Customs Union Inspectorate of the French enterprise on production of products of animal origin for compliance with veterinary-sanitary requirements and norms of the Customs Union and the Russian Federation (17-29 June 2013). Available at: http://www.fsvps.ru/fsvpsdocs/ru/importExport/france/files/inspection_20130826_final.pdf. (in Russ.)

5. Improved sanitary and phytosanitary systems in the Republic of Kazakhstan. Available at: wto.kz>documents/Files/Research/SPS_final_report. (in Russ.)

6. Maslennikov I. P. *Strukturnaya harakteristika sel'skogo hozyajstva Kanady i rol' ministerstva ehnoj otrasli* [Structural feature of canadian agriculture and the role of the Ministry of the industry]. Available at: <http://www.agroxxi.ru/journal/199901/199901002.pdf>

7. Final report on the conduct of the Rosselkhoz nadzor inspection of enterprises in Canada for the production of products of animal origin for compliance with veterinary-sanitary requirements and norms of the Customs Union and the Russian Federation (24 may – 9 June 2013). Available at: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/canada/files/inspection_20130718_final.pdf (in Russ.)

8. Revenko L. S. *Regulirovanie rynkov geneticheskii modifitsirovannykh produktov* [Regulation of the markets of genetically modified foods] // *SSHA-Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura* – USA-Canada: Economics, politics, culture. 2004, No. 9, pp. 105-119.

9. Final report on an official business trip of the specialists of the Rosselkhoz nadzor in the Kingdom of Spain 30.03.2014 – 09.04.2014. Available at: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/spain/files/final_report_spain.pdf (in Russ.)

10. Final report on the conduct of the Rosselkhoz nadzor inspection of the Norwegian plants producing fish products for compliance with veterinary and sanitary requirements and norms of the Customs Union and the Russian Federation. (2-12 December 2014). Available at: http://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/norway/files/inspection_02122014_final.pdf (in Russ.)

11. Karlik F. A., Grichanov I. Ya *Fitosanitarnoe zakonodatel'stvo Rossii. Analiticheskij obzor* [Phytosanitary legislation of Russia. Analytical review] // *Vestnik zashchity rastenij* – Herald of plant protection. Issue 10. St. Petersburg. 2013. Available at: <http://vestnik.iczr.ru/supplement/pdf/s10.pdf>

12. About approval of Rules of organization of work on registration of veterinary accompanying documents and Order of registration of veterinary accompanying documents in electronic form: approved by order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation of 17 July 2014, No. 281 // *Rossiyskaya gazeta* – The Russian newspaper from August 13, 2014, No. 181. (in Russ.)

УДК 374.7

О. А. Коряковцева, И. Ю. Тарханова

Непрерывное образование как средство социализации взрослого человека

В статье представлена авторская позиция по вопросам социализации взрослого человека средствами непрерывного образования. Выявляются основания модернизации целей непрерывного образования, анализируется возможность принятия социализации взрослого человека в качестве надучебной цели непрерывного образования, что обеспечивает оптимальную реализацию интересов взрослой личности, работодателей, общества и самой системы непрерывного образования в современных условиях. Рассматриваются перспективы организации обучения взрослых в контексте личностной самореализации обучающегося. Авторы предполагают, что включение в образовательные программы содержания, ориентированного на социализацию, вовлечение обучающихся в социально-ориентированное учебное взаимодействие со всеми субъектами образовательного процесса, является основой программ непрерывного образования для взрослой аудитории. Утверждается, что непрерывное образование как социально-педагогический феномен создает условия для развития и социализации человека. В статье также презентуются результаты исследования образовательных потребностей взрослых, анализируются барьеры, которые препятствуют принятию взрослым человеком решения о непрерывном образовании.

This article explains the author's position on the socialization of the means of continuous adult education. Identified base modernization purposes of continuing education. The possibility of adopting an adult socialization as naduchebnoy goal of continuous education that provides the optimal implementation of the interests of the adult individual, employers and society of the continuing education system in modern conditions and perspectives of the organization of adult education in the context of personal self-learning. The authors suggest that the inclusion of the contents of educational programs focused on socialization, involving students in socially-oriented educational interaction with all actors of the educational process are the basis of continuing education programs for adult audiences. It is argued that lifelong learning as a socio-pedagogical phenomenon creates the conditions for the development and socialization. The article also present the results of the research of educational needs of adults, analyzes the barriers that hinder the adoption of a decision on an adult continuing education.

Ключевые слова: социализация, образование взрослых, непрерывное образование.

Keywords: socialization, adult education, continuing education.

Непрерывность образования как стратегическая идея на сегодняшний день не вызывает особых возражений. Она имеет достаточно сторонников как в России, так и за рубежом. Однако непрерывность как форма организации образования до сих пор не нашла собственного специфического содержания. На сегодняшний день в педагогической науке и практике представлена единственная модель непрерывного образования, а именно: модель образования, непрерывного в пространстве и времени. В данной модели непрерывность образования понимается как обеспечение каждому человеку постоянной возможности осуществлять собственное образование, причем эта возможность должна быть доступна каждому. Как правило, именно в этом и видится перспектива и стратегия развития системы непрерывного образования.

Мы убеждены, что проблему непрерывности надо рассматривать иначе, не со способа ее практического осуществления, а с ее цели. Продемонстрируем данный тезис на примере непрерывного образования преподавателя вуза, деятельность которого отличается многогранностью и многоаспектностью. Эффективность педагогической деятельности в высшей школе сегодня обусловлена не только актуальным содержанием предмета и умелой организацией образовательного процесса, но и пониманием специфики молодежной аудитории, осознанием того, что современный студент во многом отличается от студента предыдущих поколений. А это значит,

что целью непрерывного образования становится не просто усвоение сути перемен в содержании профессиональной деятельности, но и перевод внешних социокультурных феноменов во внутреннюю психическую сферу личности, что обеспечивает непрерывное качественное саморазвитие личности за счет непрерывного раскрытия собственных способностей. Таким образом, непрерывное образование предстает как средство социализации личности.

Идеи непрерывного образования развиваются в мире достаточно интенсивно и как педагогическая концепция, и как область образовательных практик, чаще всего это связано с активизацией адаптационных механизмов социализации (конкурентоспособность, профессиональная ротация, защита от возрастной дискриминации). Решение же специфических для взрослого человека задач автономизации при одновременном развитии социальности требует несколько иного взгляда на непрерывное образование, прежде всего как на пространство «совместности» в обновлении жизненного опыта и как на способ нивелирования негативных альтернатив социализации.

Как отмечает Л. И. Ермакова, непрерывное образование как практика социальной уверенности связана с недостаточной удовлетворенностью человека своим базовым образованием, а также с приоритетом развивающих стратегий образования в жизненных ценностях взрослого человека [1]. Согласимся с данным автором и в том, что культивируемый сегодня упор на развитие способностей личности не снимает противоречий индивидуализации и декомпозитивности образования, при этом личность лишается онтологической уверенности, не может прогнозировать свою жизнь и карьеру. Культивирование в образовании взрослых модуса «самореализации для себя» не способствует обретению человеком социальности, деиндивидуализации его сознания и смысложизненных ориентаций.

Что же заставляет взрослого человека вновь принять на себя роль учащегося? Для выявления образовательных потребностей взрослых в блок собеседования при приеме на обучение по дополнительным профессиональным программам мы включили вопрос «С какой целью вы планируете получить дополнительное образование?». Ответы респондентов, полученные в течение шести лет, представлены в таблице.

Цели обучения взрослых по дополнительным профессиональным программам

Цель	Слушатели программ профессиональной переподготовки (n = 2052)	Слушатели программ повышения квалификации (n = 3450)	Всего
Освоить новый вид профессиональной деятельности	51%	6%	57%
Справляться с профессиональными обязанностями в изменившейся ситуации	16%	65%	81%
Освоить новое (знания, умения, компетенции) в профессиональной деятельности	14%	43%	57%
Получить возможность карьерного роста (больше зарабатывать)	67%	31%	98%
Организовать досуг (провести время с пользой)	6%	3%	9%
Отдохнуть от работы	4%	11%	15%
Нет цели (либо она не осознана)	0	9%	9%
ИТОГО	162	174	336

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что у взрослых обучающихся преобладают цели профессионального роста. При этом в их основе лежат как потребности в профессиональном самосовершенствовании (повышение компетентности в сфере профессиональной деятельности), так и потребности в профессиональном продвижении (карьерный рост, рост заработка). Это означает, что стереотип, сформированный в сознании людей, достаточно прочно удерживает понимание непрерывного образования взрослых как объективно необходимого повышения квалификации. Следовательно, профессионально-трудовая деятельность составляет не только ценностно-мотивационное ядро целей непрерывного образования, но и во многом определяет ведущий тип образовательных установок взрослых.

Вместе с тем у ряда респондентов выражены потребности в образовании как способе организации досуга: провести время с пользой, отдохнуть от работы. И хотя данный вид целей упоминается гораздо реже, чем цели роста в профессиональной сфере, их тоже следует учитывать в проектировании содержания программ непрерывного образования для взрослых.

Интересным представляется и то, что у части опрошенных (9%) вообще нет осознания цели обучения, как правило, это люди, которых учить «прислало руководство», они же потребностей в обучении не имеют и воспринимают обучение как «бесполезное времяпрепровождение». К слову, во время обучения их негативное отношение зачастую меняется, и на выпуске некоторые из них даже изъявляют желание освоить еще какие-либо образовательные программы. Этот факт и заставил нас задуматься о наличии неких барьеров, препятствующих формированию потребности взрослого человека в непрерывном образовании и обучении вообще.

Категория «психологический барьер» раскрывается в следующих определениях:

– это психическое состояние, проявляющееся как неадекватная пассивность, препятствующая выполнению тех или иных действий [2];

– это мотив, препятствующий выполнению определенной деятельности или действий, в частности общению с определенным человеком или группой людей [3];

– «внутренняя помеха», наиболее частая причина внутренних конфликтов [4].

В социальной психологии психологические барьеры рассматриваются с точки зрения общения и включения личности в социальные группы:

– коммуникативный барьер образуется, если личность не может усвоить новые образцы делового и неформального общения, принятого в профессиональной среде, в которую входит [5];

– психологические барьеры межличностного общения – осознанные и неосознанные препятствия и трудности, которые возникают между индивидами, вступают друг с другом в психологический контакт [6];

– новая социальная ситуация обуславливает появление новой роли. Непринятие роли – неадекватное поведение, а во внутреннем плане – образование социально-психологического барьера личности [7].

Очевидно, что есть нечто общее в различных трактовках барьера, как, например, препятствие, трудность, негативное состояние и соответствующее поведение, изменение ситуации и др.

Проведенный нами опрос 340 человек, высказывавших негативное отношение к обучению на этапе собеседования, показал, что можно выделить барьеры, существенно сдерживающие стремление взрослого человека к непрерывному образованию. Главным сдерживающим барьером для взрослого человека является нехватка времени – это основная причина неготовности к повышению квалификации, называемая нашими слушателями (порядка 56% опрошенных). Нередко барьером становятся сопутствующие этому процессу денежные затраты – это отметили около четверти опрошенных. По мнению 87 участников опроса (21%), их уровень компетентности на данный момент является достаточным для эффективного выполнения профессиональных функций, и поэтому они не испытывают потребности в обучении. Наконец, интересным является тот факт, что 41 человек (12%) разочарованы в дополнительном профессиональном образовании, их прошлый опыт свидетельствует о неэффективности и формальности системы повышения квалификации. Следовательно, негативный образовательный опыт также можно назвать определенным барьером на пути к обучению в течение всей жизни.

Каким образом можно преодолевать данные барьеры? Убеждены, что наиболее перспективным направлением решения данной проблемы является интеграция неформального и неформального образования с формальным, например, с целью оценки и сертификации образовательных результатов, полученных взрослым человеком самостоятельно или в неформальном образовательном взаимодействии. Важным представляется и расширение целей непрерывного образования взрослого человека, как отмечает Р. М. Шерайзина, от непрерывного образования ожидается внесение вклада в развитие гражданского общества, содействие широкому и демократичному профессиональному и культурному общению людей, находящихся на разных ступенях социальной лестницы [8].

На наш взгляд, непрерывное образование действительно может играть существенную социальную роль, так как оно противостоит целому ряду десоциализирующих влияний, адекватно социальному заказу и условиям инновационного развития. Возникновение широких возможностей неформального и неформального образования, в том числе с применением новых дистанционных технологий обучения, способствует построению личностно-ориентированных траекторий обучения и позволяет взрослому человеку чувствовать себя полноценным и активным субъектом образовательного процесса, свободно получая знания и умения, необходимые ему в условиях постоянного обновления социальной и профессиональной сферы.

Таким образом, целевая установка непрерывного образования на системное саморазвитие личности развивает такие профессионально важные социальные качества, которые помогают взрослому человеку не только успешно выполнять свою профессиональную деятельность, но и эффективно преодолевать стресс, выходить за пределы индивидуально-ориентированных потребностей и интересов, меняться самому и изменять свою жизненную ситуацию.

Примечания

1. Ермакова Л. И. Постклассическая философия и проблемы непрерывного образования // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 240–246.
2. Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М.: Флинта, 1998.
3. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д.: Изд. центр «МарТ», 2005.
4. Кашапов М. М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций. Краткий словарь. М.; Ярославль: Ремдер, 2003.
5. Бабаева Э. С. Психолого-педагогические особенности неформального образования взрослого населения // В мире научных открытий. 2011. № 9.1. С. 195–208.
6. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999.
7. Петрова Л. Е. Молодые взрослые: типология стратегий совладания с жизненными трудностями // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2006. № 2 (57). С. 208–211.
8. Шерайзина Р. М., Александрова М. В. Становление и инновационное развитие региональной системы образования взрослых как организационно-педагогическая проблема // Педагогическое образование и наука. 2008. № 5. С. 69–73.

Notes

1. Ermakova I. L. *Postklassicheskaya filosofiya i problemy nepreryvnogo obrazovaniya* [Post-classical philosophy and the issues of continuous education] // *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* – Scientific problems of humanitarian studies. 2012, No. 1, pp. 240-246.
2. Bodalev A. A. *Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka: harakteristiki i usloviya dostizheniya* [Peak in the development of the adult person: characteristics and conditions of achievements]. M. Flinta. 1998.
3. Kodzhaspirova G. M. *Slovar' po pedagogike* [Dictionary of pedagogy]. M. ICC "MarT"; Rostov-na-Donu. Publ. center "MarT". 2005.
4. Kashapov M. M. *Teoriya i praktika resheniya konfliktnykh situatsij. Kratkij slovar'* [Theory and practice of conflict resolution. A brief dictionary]. M.; Yaroslavl. Remder. 2003.
5. Babayeva E. S. *Psihologo-pedagogicheskie osobennosti neformal'nogo obrazovaniya vzroslogo naseleniya* [Psychological and pedagogical features of non-formal education of the adult population in the world of scientific discoveries]. 2011, No. 9.1, pp. 195-208.
6. Parygin B. D. *Sotsial'naya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social psychology. Problems of methodology, history and theory]. SPb. IPPA. 1999.
7. Petrova L. E. *Molodye vzroslye: tipologiya strategij sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami* [Young adults: a typology of strategies of coping with life's difficulties] // *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of South Ural state University. Ser. "Social Sciences and Humanities". 2006, № 2 (57), pp. 208-211.
8. Sheraizina R. M., Alexandrova M. V. *Stanovlenie i innovacionnoe razvitie regional'noj sistemy obrazovaniya vzroslykh kak organizacionno-pedagogicheskaya problema* [Formation and development of regional innovative system of adult education as the organizational-pedagogical problem] // *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* – Pedagogical education and science. 2008, No. 5, pp. 69-73.

УДК 378.147:57(077)

Е. В. Батухтина

Педагогические условия формирования социально-экологических компетенций будущих бакалавров биологии

Педагогические условия обеспечивают достижение наилучших результатов в образовательном процессе. В статье представлены наиболее важные педагогические условия, апробированные в опытной работе, влияющие на формирование социально-экологических компетенций будущих бакалавров биологии.

Интеграция содержания и методов естественных и гуманитарных наук, открытость образовательной среды, интерактивность образовательного процесса содействуют готовности выпускников биологического факультета успешно применять в своей будущей профессиональной деятельности полученные знания о взаимоотношениях общества и природы, способности принимать наиболее рациональные, конструктивные решения с учетом социально-экологических факторов.

The pedagogical conditions are aimed at achieving the best results in students' education. The author presents the most important pedagogical conditions, which affect the formation of social and environmental competencies of future bachelors of biology. These conditions were tested in the author's experimental work. The integration of the content and methods of natural and human sciences, openness of education, and interactivity of educational process make the graduates of the biological faculty be ready to use the received knowledge about relationships between society and nature, skills to make rational and constructive decisions taking into account social and environmental factors in their future professional activity.

Ключевые слова: педагогические условия, социально-экологические компетенции, образовательный процесс, будущие бакалавры биологии.

Keywords: pedagogical conditions, social and environmental competencies, the process of education, future bachelors of biology.

Проблема улучшения экологической ситуации в России является одной из приоритетных как для государства, общественных организаций, так и для образовательных организаций. Государству и обществу необходимы специалисты, способные анализировать социально значимые и экологические проблемы, устанавливать оптимальные отношения со средой с позиции упорядоченного и сознательного регулирования взаимодействия и поддержания восстановительных способностей природы и учитывать последствия своих решений. Таковыми должны стать выпускники образовательных программ подготовки биологов.

Социальный и государственный заказ свидетельствуют об актуальности проблемы формирования **социально-экологических компетенций будущих бакалавров биологии**. Данные компетенции можно определить как способность личности успешно применять в своей профессиональной деятельности полученные знания о биосоциальной системе «человек – общество – природа» и сформированные умения, навыки по решению социально-экологических проблем, готовность принимать на себя ответственность за принятые решения [1].

Формирование социально-экологических компетенций мы рассматриваем как целенаправленный процесс профессиональной подготовки будущих бакалавров биологии, включающий взаимосвязь социально-экологических знаний, т. е. знаний о взаимоотношениях общества и природы, экологического сознания и поведения, осуществляемый через интеграцию содержания естественнонаучного и гуманитарного образования.

Сложность подготовки бакалавров биологии для инновационной экономики связана с необходимостью соединить глубокое освоение фундаментальных знаний в области живых систем с овладением основами биоинженерного творчества, а также предпринимательским искусством. Все это требует перестройки содержания основных образовательных программ, интеграции новейших передовых методов обучения, поиска и создания нетрадиционных образовательных технологий и реализации комплексной подготовки к инновационной деятельности [2].

Любая педагогическая система успешно функционирует и развивается при соблюдении определенных условий. А. Я. Найн определяет педагогические условия как совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов, средств и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных задач [3]. В. И. Андреев считает, что педагогические условия – это результат целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей [4].

Применительно к нашему исследованию *педагогические условия* мы понимаем как совокупность необходимых мер, которые способствуют эффективному формированию социально-экологических компетенций будущих бакалавров биологии в ходе образовательного процесса, и выделяем следующие:

1. *Гуманизация и гуманитаризация образовательного процесса.*

Современные реалии требуют такой перестройки образования, которое бы вооружило специалистов знаниями и навыками социальной рефлексии, способностями к прогнозированию и проектированию. Это проявляется в системе требований к уровню профессионализма, общей культуры, менталитета членов общества, получающих высшее образование. Ведущую роль в ре-

шении данных задач призвана сыграть гуманизация и гуманитаризация в образовании, задачи которых не исчерпаны, а, наоборот, становятся все более актуальными [5].

Гуманизация образования указывает на главный интегрирующий фактор педагогического процесса – личность субъекта образовательного процесса в его взаимоотношении с социумом и природой, на приоритеты общечеловеческих ценностей. Гуманизация призвана оптимизировать взаимодействие личности и социума, обеспечить их наиболее эффективное развитие.

Гуманитаризация образования понимается как дидактический принцип, предписывающий на основе интеграции содержания и методов естественных и гуманитарных наук создавать расширенное содержательное поле, позволяющее воспитать человека не только знающего, но и осознающего мир. Такой человек обладает экологическим мировоззрением и способен взять на себя ответственность за свою судьбу и судьбу человечества [6].

Экологизация гуманитарных дисциплин (философия, история, иностранный язык, психология и педагогика) и установление междисциплинарных связей с естественнонаучными и профильными дисциплинами являются необходимым условием в социально-экологическом образовании будущих бакалавров биологии.

«Актуален лишь целостный подход – природа+человек, – в свою очередь отмечает В. Г. Буданов, – следовательно, мы приходим к необходимости воспитания с учетом целостного видения мира, свойственного нашим предкам. Синтез мудрости древних цивилизаций, гуманитарных и естественных наук – это путь к новому пониманию природы человека и общества» [7].

Большое значение для изучения и понимания современных социально-экологических проблем во всей их сложности, специфичности и важности для людей имеют философские исследования, поскольку для философии всегда в центре внимания был и остается вопрос о месте и роли человека в окружающем его мире. Важным является обобщение конкретно-научных и философских представлений о мире. Особое значение приобретают раскрытие на основе междисциплинарных связей нравственных аспектов науки, анализ взаимосвязей «человек – общество – природа».

При изучении социальных наук студенты должны научиться оперировать такими понятиями, которые комплексно включают в себя социальные и природные феномены в их системном единстве.

Иностранный язык становится таким средством, которое позволяет выпускнику постоянно совершенствовать свои знания, изучая современную иностранную литературу по специальности, и дает возможность студенту вести продуктивную деятельность по изучению и анализу зарубежного опыта.

В ФГБОУ ВПО «Вятская государственная сельскохозяйственная академия» на занятиях по немецкому языку мы рассматриваем следующие темы: Fortschritt und Umweltbelastung/ Процесс и загрязнение окружающей среды, Zustand der Natur/ Состояние природы, Artenschutz/ Защита видов, Gebietsschutz/ Охрана территорий, Biologische Vielfalt/ Биологическое разнообразие, Umweltschutzorganisationen/ Природоохранные организации. Во время занятий мы уделяем большое значение формированию *ценностно-мотивационного* компонента социально-экологических компетенций – восприятие природы как субъекта, ценностную ориентацию на сохранение природы, а также *личностному* компоненту – формирование активной социальной позиции в области охраны окружающей среды. Знакомство с экологическими проблемами во всем мире, анализ экологической ситуации в нашем регионе мотивирует будущих бакалавров биологии к волонтерскому участию в природоохранных акциях, формирует способность и готовность вести дискуссию по социально значимым проблемам биологии и экологии.

2. Открытость образовательной среды вуза.

Процесс формирования социально-экологических компетенций у будущих бакалавров биологии будет эффективным, если содержание обучаемых дисциплин ориентировано на практику, на проведение реальных природоохранных мероприятий; образовательное учреждение имеет материально-технические возможности для организации современной учебной деятельности; внеаудиторные формы работы направлены на формирование способности применять полученные знания по решению социально-экологических проблем. Высшее учебное заведение должно предоставить студентам возможность самореализации, самообразования, участия студентов в конференциях и научных семинарах, различных конкурсах, зарубежных стажировках.

Необходимо содействовать становлению социально активной личности, понимающей новые явления и процессы общественной жизни, владеющей системой идейно-нравственных, культурных и этических принципов, норм поведения, обеспечивающих готовность к социально-ответственной деятельности для улучшения качества жизни без угрозы для будущего планеты.

В современных условиях профессиональное образование не может функционировать и развиваться без учета запросов работодателей. Налаживание взаимодействия вуза и работодате-

лей по реализации вузовских основных образовательных программ обеспечивается через использование следующих форм: создание организационно-педагогических условий для профессионального образования; выявление проблемных областей деятельности предприятий и формирование тематик курсовых и дипломных работ в соответствии с выявленными проблемами; осуществление руководства дипломными проектами специалистами предприятий, организация и участие в научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах; привлечение работодателей к проведению мастер-классов [8].

В ФГБОУ ВПО «Вятская государственная сельскохозяйственная академия» уделяется большое внимание технологическому компоненту образовательной среды и внеаудиторным формам работы. На биологическом факультете Вятской ГСХА ведет активную деятельность учебный музей, где проводятся занятия со студентами по трофейному делу, биологии птиц, териологии, орнитологии, биологии пушных зверей, звероводству. Экспонаты музея пополняются благодаря стараниям студентов, преподавателей и сотрудников академии и факультета, здесь имеются уникальные и редкие экземпляры.

В рамках «Программы содействия развитию институтов гражданского общества» на факультете действует добровольческая студенческая дружина по охране природы, которая занимается вопросами экологического характера различных экосистем Кировской области, проводит экологический мониторинг рек и лесов вблизи областного центра, активно занимается просвещением населения, рассказывая о действующих сегодня законах в сфере охоты и рыболовства.

3. *Педагогическая поддержка* будущих бакалавров биологии в овладении социально-экологическими компетенциями, основанная на субъект-субъектном диалогическом взаимодействии студента и преподавателя.

Ведущее место в образовательном процессе занимает общение, основанное на субъект-субъектных отношениях, при котором уделяется большее внимание личности обучающегося и равноправному взаимодействию студента и преподавателя, активизации субъектной позиции студента в этом взаимодействии, предоставление ему значительных академических свобод и возможности выбора содержания и форм выполнения учебной работы, построения индивидуальной образовательной траектории.

Педагогическая поддержка студентов в образовательном процессе со стороны преподавателей направлена на выявление имеющихся затруднений и проблем и совместный со студентами выбор оптимального варианта их преодоления. В процессе обучения в вузе студентам приходится соотносить свои возможности и потребности с требованиями, предъявляемыми к будущей профессиональной деятельности. Необходимым является построение жизненных и профессиональных перспектив, овладение приемами профессионального и личностного самосовершенствования.

Примером такого взаимодействия можно назвать консультации и помощь при подготовке докладов, написании научных статей, разработке междисциплинарных проектов. В ФГБОУ ВПО «Вятская ГСХА» ежегодно проходит научная студенческая конференция «Знания молодых – будущее России», на которой студенты могут представить результаты своей научно-исследовательской работы. Руководство биологического факультета организует встречи студентов и преподавателей факультета с научными сотрудниками ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. профессора Б. М. Житкова. 4 декабря 2014 г. В. А. Тетера прочитал лекцию «Философия прав животных и охота в России: конфликт интересов», которая переросла в продолжительную дискуссию, в ней приняли участие не только преподаватели, но и студенты. Эта дискуссия нашла свое продолжение на базе областной библиотеки им. А. И. Герцена. Студент IV курса биологического факультета Юрий Козлов выступил модератором данного мероприятия. Идет подготовка еще двух дискуссий с привлечением экспертов по теме «Утки в городе. За и против», а также о судьбе реки Вятки.

4. *Интерактивность образовательного процесса* – одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов в современном вузе. Интерактивные («inter» – взаимный, «act» – действовать) методы ориентированы на более широкое взаимодействие студентов не только с преподавателем, но и друг с другом и на доминирование активности студентов в процессе обучения: диалогические методы обучения, проблемное обучение, когнитивные карты, методы проектов, имитационные и ролевые игры, контекстное обучение и другие.

Диалог выступает как совместный и коллективный поиск своеобразного решения образовательных проблем. Включение диалоговых отношений в содержание образования способствует формированию образовательного пространства на всех его уровнях: на уровне знаний, на уровне умений и навыков, на уровне опыта творческой деятельности, на уровне опыта ценностно-эмоциональной ориентации [9].

Диалогизация образовательного процесса характеризуется также степенью сотрудничества в исследовательской деятельности и при решении познавательных задач, признанием индивидуальной позиции студента, его интересов, ценностных ориентаций.

Благодаря применению интерактивных технологий в социально-экологическом образовании будущих бакалавров биологии создаются условия для формирования и развития профессиональных знаний и умений рационального природопользования, навыков по решению социально-экологических проблем, готовности действовать в изменяющихся условиях.

Наиболее активно применяемой технологией является метод проектной деятельности. Студенты особенно активно участвуют в междисциплинарных исследовательских проектах, например: «Die Auswirkungen der sauren Regen/ Воздействия кислотных дождей», «Treibhauseffekt als globales ökologisches Problem/ Парниковый эффект как глобальная экологическая проблема», «Mein zukünftiger Beruf des Wildbiologen/ Моя будущая профессия – биолог».

Комплекс педагогических условий, выявленных в ходе нашего исследования, мы рассматриваем как совокупность взаимосвязанных компонентов, реализация которых будет способствовать не только освоению знаний принципов оптимального природопользования, но и профессионально решать практические проблемы, прогнозировать возможные последствия в сфере устойчивости природных экосистем.

Примечания

1. Батухтина Е. В. Принципы формирования социально-экологических компетенций у будущих бакалавров биологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 76–80.
2. Вечканов Е. М., Сорокина И. А., Паршин В. Г., Языкова И. М., Юшко Г. Н., Бондаренко Т. И., Полякова А. В. Проблемный анализ модернизации биологического образования в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов // Высшее образование сегодня. 2012. № 3. С. 7–12.
3. Найн А. Я. О методологическом аппарате диссертационных исследований // Педагогика. 1995. № 5. С. 44–49.
4. Андреев В. И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. 2-е изд. Казань: Центр инновационных технологий, 2000.
5. Коршунова О. В., Симонова Г. И. Традиции современного университетского образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 3. № 3. С. 8–15.
6. Зув П. В., Колясникова Н. Н. Педагогическая интеграция как условие модернизации образования // Педагогическое образование в России. 2010. № 4. С. 155–160.
7. Там же.
8. Ходырева Е. А. Проблемы и перспективы взаимодействия вуза и работодателей в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 1. № 3. С. 143–147.
9. Шмачилина С. В. Проектирование культурно-образовательного пространства педагогического вуза как условие подготовки компетентного выпускника // Омский научный вестник. 2009. № 2(76). С. 9–13.

Notes

1. Batukhtina E. V. *Principy formirovaniya social'no-ehkologicheskikh kompetencij u budushchih bakalavrov biologii* [Principles of formation of socio-ecological competence of future bachelors of biology] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2014, No. 1, pp. 76–80.
2. Vechkanov E. M., Sorokina I. A., Parshin V. G., I. M. Yazykova, Yushko G. N., Bondarenko T. I., Polyakov V. A. *Problemnyj analiz modernizacii biologicheskogo obrazovaniya v ramkah Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov* [Problem analysis of modernization of biological education in the context of Federal state educational standards] // *Vysshee obrazovanie segodnya* – Higher education today. 2012, No. 3, pp. 7–12.
3. Nayn A. Y. *O metodologicheskom apparate dissertacionnyh issledovanij* [On the methodological device of dissertational research] // *Pedagogika* – Pedagogy. 1995, No. 5, pp. 44–49.
4. Andreev V. I. *Pedagogika: uchebnyj kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya* [Pedagogics: educational course for creative self-development. 2nd issue]. Kazan. Center for innovative technology. 2000.
5. Korshunova O. V., Simonova G. I. *Tradicii sovremennogo universitetskogo obrazovaniya* [Traditions of modern University education] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2008, Vol. 3, No. 3, pp. 8–15.
6. Zuev P. V., Kolyasnikova N. N. *Pedagogicheskaya integraciya kak uslovie modernizacii obrazovaniya* [Pedagogical integration as a condition of modernization of education] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2010, No. 4, pp. 155–160.
7. Ibid.
8. Khodyreva E. A. *Problemy i perspektivy vzaimodejstviya vuza i rabotodatelej v usloviyah realizacii Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Problems and prospects of interaction between University and employers in the conditions of realization of Federal state

educational standards of higher professional education] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University of Humanities. 2012, Vol. 1, No. 3, pp. 143-147.

9. Shmachilina S. V. *Proektirovanie kul'turno-obrazovatel'nogo prostranstva pedagogicheskogo vuza kak uslovie podgotovki kompetentnostnogo vypusknika* [Designing of cultural-educational space of a pedagogical University as a condition of training the competency of the graduate] // *Omskij nauchnyj vestnik* – Omsk scientific herald. 2009, No. 2(76), pp. 9-13.

УДК 372.851

И. Л. Тимофеева

Об использовании кванторов в определениях школьного курса математики

Рассмотрены некоторые проблемы логического характера, связанные с использованием кванторов (кванторных слов) в определениях и теоремах школьного курса математики. Отмечены логические погрешности, встречающиеся в школьных учебниках математики, вызванные некорректным опусканием кванторов в определениях. Даны четкие рекомендации, когда кванторы в определениях можно опускать, а когда нельзя. Все некорректности проанализированы, и рекомендации научно обоснованы с помощью средств математической логики.

Some logical issues concerning the use of quantifiers (quantifier words) in mathematics theorems and definitions at secondary school are discussed. Special emphasis is made on some logical errors in secondary school math manuals. These errors are usually made when quantifier are missing in definitions. Clear recommendations are given concerning the cases when quantifier can be omitted and when they must not be omitted. All mentioned errors are analyzed and recommendations are scientifically grounded by mathematical logics tools.

Ключевые слова: кванторные слова, кванторы, квантор общности, опускание кванторов, математическое определение, некорректная формулировка определения, логические нормы, возрастающая функция, школьный курс математики, школьные учебники.

Keywords: quantifier words, quantifiers, universal quantifier, quantifier's omitting, mathematics definition, incorrect definition's formulation, logical norms, increasing function, secondary school math course, secondary school manuals.

В школьном курсе математики учителя и авторы учебников традиционно избегают использования кванторных слов в формулировках определений и теорем. Делается это, видимо, для упрощения этих формулировок, однако, к сожалению, не всегда логически корректно. Опускание кванторных слов (далее, для краткости, просто *кванторов*), не отвечающее логическим нормам, ничем не оправдано, а значит недопустимо. Используя средства математической логики, проанализируем нормы опускания кванторов в определениях и теоремах, а также некоторые ошибки, связанные с нарушением этих норм.

1. Опускание внешних кванторов общности в теоремах

Как известно, в естественном (неформальном) математическом языке принято опускать неформальный квантор общности (кванторное слово «всякий», «любой» и т. п.), стоящий в начале теоремы вида $\forall x (A(x) \rightarrow B(x))$ и относящийся ко всей импликации $A(x) \rightarrow B(x)$ – так называемый «внешний» квантор общности. Можно рассматривать это как норму естественного математического языка. Так, например, формулируя известную теорему школьного курса геометрии, обычно говорят: «Если диагонали параллелограмма взаимно перпендикулярны, то он является ромбом», подразумевая при этом следующее: «*Каким бы ни был* параллелограмм, если его диагонали взаимно перпендикулярны, то он является ромбом». Формулируя эту теорему в категорической форме, обычно говорят: «Параллелограмм, диагонали которого взаимно перпендикулярны, является ромбом», подразумевая «*Всякий* параллелограмм, диагонали которого взаимно перпендикулярны, является ромбом».

Нередко полезно сделать обратный переход – восстановить внешний квантор общности в формулировке теоремы, в которой этот квантор отсутствует. Такое восстановление также является общепринятым и представляет собой норму математического языка.

Возникают вопросы: какова природа этих норм? каково их обоснование? Ответим на эти вопросы, используя средства математической логики.

На неформальном уровне нормы опускания/восстановления внешнего квантора общности в теоремах являются отражением следующего обстоятельства: каково бы ни было предложение $F(x)$ с переменной x по некоторому заданному множеству M , оно является теоремой некоторой теории тогда и только тогда, когда является теоремой этой теории предложение «Для любого элемента x множества M верно $F(x)$ ».

На формальном уровне указанные нормы соответствуют следующей теореме математической логики: «Пусть T – формальная теория, F – формула языка теории T . Формула F доказуема в теории T тогда и только тогда, когда формула $\forall x F$ доказуема в теории T ».

Однако кванторы часто опускают не только в соответствии с указанной нормой. Небрежное отношение к кванторам, особенно опускание внутренних кванторов, ведет к неоднозначным и некорректным формулировкам теорем и определений. Если квантор опущен учителем или авторами учебника, учащийся может только гадать, в каком месте и какой квантор подразумевается, но опущен. При этом можно было бы опираться на интуицию. Но ведь интуиция всегда основана на опыте, а у школьников опыт работы с кванторами практически отсутствует. Можно рассмотреть разные варианты восстановления квантора и путем *рассуждения* исключить неприемлемые. Однако такой путь возможен, только если речь идет о теоремах. А вот как быть, если речь идет об определениях? Тут рассуждениями не поможешь, поскольку рассуждения могут опираться на определения. Да и вообще, определения – это дело договоренности.

2. Опускание внешних кванторов общности в определениях

Выясним, в какой степени норма опускания внешнего квантора общности распространяется на математические определения. Прибегнем к средствам математической логики.

Как известно, явные определения (через ближайший род и видовое отличие) имеют следующую логическую структуру:

$$\forall x (P(x) \xleftarrow{\text{def}} Q(x)),$$

где x – переменная по некоторому заданному множеству M . Здесь $Q(x)$ – правая часть эквиваленции – *определяющее условие*, представляет собой предложение с переменной x , в котором используются только определенные ранее понятия (высказывательная форма на M), а $P(x)$ – левая часть эквиваленции – *определяемое условие*, представляет собой некоторое предложение с переменной x , в котором фигурирует новый, вводимый этим определением термин. Само определение представляет собой договоренность о том, что всем объектам из множества M , удовлетворяющим условию $Q(x)$, и только им дается новое имя путем введения нового термина. Таким образом, определение – это договоренность (соглашение) о том, для каких x из M считать предложение $P(x)$ истинным [1].

При желании можно явно указать область изменения переменной x , и тогда логическую структуру определения можно символически отразить так (см., например, [2]):

$$\forall x_{x \in M} (P(x) \xleftarrow{\text{def}} Q(x)).$$

Для простоты будем считать, что рассматриваемые определения имеют следующую логическую структуру:

$$\forall x (P(x) \xleftarrow{\text{def}} Q(x)), \quad (1)$$

где x – переменная по некоторому заданному множеству.

Опустив внешний квантор общности, получим следующее:

$$P(x) \xleftarrow{\text{def}} Q(x), \quad (2)$$

где x – переменная по некоторому заданному множеству.

З а м е ч а н и е 1. Заметим, что в любом случае в определении мы имеем дело с эквиваленцией. Приняв определение (1), мы в дальнейшем оперируем с утверждением $\forall x (P(x) \leftrightarrow Q(x))$, считая его верным в силу определения. Таким образом, по привычке используя в определении союз «если», мы всегда подразумеваем «если и только если». На это обстоятельство следует особо обратить внимание учащихся.

З а м е ч а н и е 2. Обе части определения могут иметь более чем одну переменную, а значит и более одного внешнего квантора общности. Чтобы не рассматривать отдельно случаи, когда левая и правая части определения являются предложениями с двумя, тремя или более переменными по одному или по нескольким множествам, можно в этих случаях рассматривать x как переменную по множеству пар (троек и т. д.) элементов одного множества или нескольких множеств. Однако в любом случае обе части определения – определяемое условие и определяющее условие, должны иметь одни и те же свободные переменные.

Если в определении, имеющем форму (1), опустить внешний квантор общности, то смысл определения при этом не изменится, а формулировка только выиграет, поскольку станет более краткой и легкой для восприятия. В действительности, внешние кванторы общности в определениях практически всегда опускают (но подразумевают!).

Например, очень тяжеловесной является формулировка: «Какой бы ни была функция f , будем называть ее четной, если...». Гораздо легче воспринимается привычная формулировка без внешнего квантора общности: «Функция f называется четной, если ...».

Таким образом, опускание внешних кванторов общности в определениях представляет собой норму математического языка. Обоснуем эту норму средствами математической логики.

После того как дано определение вида $\forall x (P(x) \xleftrightarrow{\text{def}} Q(x))$, в дальнейшем мы начинаем в рассуждениях (доказательствах) пользоваться предложением $\forall x (P(x) \leftrightarrow Q(x))$ и его логическими следствиями $\forall x (P(x) \rightarrow Q(x))$ и $\forall x (Q(x) \rightarrow P(x))$ как предложениями, верными в силу определения. В доказательствах эти предложения могут фигурировать наряду с аксиомами теории в качестве исходных предложений, т. е. в дедуктивном плане мы уравниваем определения и аксиомы (см. [3]). Заметим, что отнесение тех или иных предложений к аксиомам теории также является результатом определенной договоренности.

С учетом сказанного опускание внешних кванторов общности в предложениях, справедливых в силу определения (1):

$$\forall x (P(x) \leftrightarrow Q(x)), \forall x (P(x) \rightarrow Q(x)) \text{ и } \forall x (Q(x) \rightarrow P(x)),$$

можно обосновать аналогично тому, как это было сделано для теорем.

Таким образом, опускание внешнего квантора общности в определениях логически обосновано. Кроме того, опускание внешнего квантора общности в определении вида (1) облегчает его восприятие, а значит методически оно также оправдано. Далее будем рассматривать определения с уже опущенным внешним квантором общности, т. е. вида (2).

Как и в случае теорем, иногда бывает полезно восстановить внешний квантор общности в формулировке определения, если этот квантор отсутствует. Такое восстановление также является нормой математического языка.

3. Внутренние кванторы в определениях

Совсем другая ситуация возникает, когда речь идет о кванторе общности в определении, относящемся не ко всей эквиваленции $P(x) \leftrightarrow Q(x)$, а входящем в определяющее условие $Q(x)$.

Квантор, входящий в определяющее условие определения вида (2), будем называть *внутренним*.

Рассмотрим случай, когда внутренним квантором является квантор общности, стоящий в начале определяющего условия, т. е. когда определяющее условие $Q(x)$ определения (2) имеет вид $\forall y R(x, y)$, а значит само определение имеет следующую структуру:

$$P(x) \xleftrightarrow{\text{def}} \forall y R(x, y), \quad (3)$$

где $R(x, y)$ представляет собой предложение с двумя переменными x, y по некоторым заданным множествам, возможно, совпадающим.

Проанализируем подробно этот особенно интересующий нас случай.

Приведем примеры таких определений с уже опущенным внешним квантором общности.

Определение 1. Элемент e множества M называется *нейтральным* (единичным) относительно бинарной операции $*$ на этом множестве, если для любого x из M выполняются равенства $x * e = x$ и $e * x = x$.

Символически это определение можно записать следующим образом:

$$e - \text{нейтральный элемент относительно операции } * \xleftrightarrow{\text{def}} \forall x (x * e = x \ \& \ e * x = x).$$

Вряд ли в литературе можно встретить ситуацию, когда фраза «для любого x из M » опущена в формулировке этого определения.

Определение 2. Натуральное число, большее единицы, называется *простым*, если всякий его делитель равен единице или самому этому числу.

Символически это определение можно записать так:

$$x - \text{простое число} \xleftrightarrow{\text{def}} \forall d (d | x \rightarrow d = 1 \vee d = x)$$

(для простоты здесь x рассматриваем как переменную по натуральным числам, большим единицы).

Формулировку определения простого числа с выброшенным словом «всякий» также трудно себе представить.

Определение 3. Прямая называется перпендикулярной плоскости, если она перпендикулярна любой прямой, лежащей в этой плоскости.

Символически это определение можно записать так:

$$I_0 \perp \alpha \xleftarrow{\text{def}} \forall I_{\perp \alpha} (I_0 \perp I).$$

Вряд ли учителю придет в голову выбросить слово «любой» в этом определении, правда, школьники, не понимающие значения кванторных слов, довольно часто это слово опускают (см. [4]).

Теперь обратимся к определению четной функции. Для наших целей достаточно ограничиться функциями, определенными на всей числовой прямой.

Определение 4. Пусть f – функция, определенная на всей числовой прямой. Будем называть функцию f четной, если для любого x выполняется равенство

$$f(-x) = f(x).$$

Символически это определение можно записать так:

$$f \text{ – четная функция } \xleftarrow{\text{def}} \forall x (f(-x) = f(x)).$$

Вряд ли учитель выбросит в этом определении слова «для любого x », хотя учащиеся теряют их довольно часто.

4. Некорректное опускание кванторов в определении возрастающей функции

Перейдем к главному для нас примеру, поскольку именно в следующем определении часто допускают некорректное опускание кванторов общности.

Определение 5. Пусть f – функция, определенная на числовом промежутке E . Функция f называется (строго) *возрастающей* на E , если для любых двух чисел из E большему из них соответствует большее значение функции (т. е. если для любых двух чисел x_1 и x_2 из E , таких что $x_1 < x_2$, выполняется условие $f(x_1) < f(x_2)$).

Символически это определение можно записать так:

$$f \text{ возрастает на } E \xleftarrow{\text{def}} \forall x_1 \in E \forall x_2 \in E (x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)). \quad (4)$$

При формулировке этого определения возникает весьма странная ситуация. В школьных учебниках часто встречается следующая формулировка определения возрастающей функции, в которой опущены кванторы общности по переменным x_1 и x_2 : «Функция называется возрастающей в некотором промежутке, если большему значению аргумента из этого промежутка соответствует большее значение функции» (см., например, [5], [6] и [7]). С использованием логической символики эту формулировку можно записать так:

$$f \text{ возрастает на } E \xleftarrow{\text{def}} (x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)). \quad (5)$$

Эта запись наглядно показывает, что кванторы общности по переменным x_1 и x_2 в определяющем условии опущены.

Для справедливости заметим, что в этих же учебниках, наряду с формулировкой, в которой опущены внутренние кванторы общности, приведен и другой вариант формулировки, в которой эти кванторы не опущены. Однако авторы не видят между ними различия, отмечая, что выражают то же самое «иными словами».

Возникает вопрос: насколько правомерно опускание квантора (кванторов) общности в определяющем условии определений вида (3)? В частности, будет ли корректной формулировка определения возрастающей функции (5)?

Вопрос не столь прост, как это может показаться на первый взгляд, о чем свидетельствуют резко выраженные разногласия по этому поводу между авторами статей [8] и [9].

Считаем, что формулировка (5) не является корректной. При обосновании своей позиции, чтобы не отвлекать внимание читателя на конкретное содержание, будем обсуждать только форму рассматриваемых определений. Кроме того, это позволит нам опять воспользоваться средствами математической логики.

5. Проблема корректности опускания внутренних кванторов в определениях

Сформулируем *проблему* в общем виде: корректно ли в определяющем условии определения вида

$$P(x) \xleftarrow{\text{def}} \forall y R(x, y) \quad (6)$$

опускать внутренний квантор общности по y , тем самым подменяя формулировку (6) следующей:

$$P(x) \xleftarrow{\text{def}} R(x, y)? \quad (7)$$

Напомним, что x и y здесь – переменные по некоторым фиксированным множествам, возможно, совпадающим.

Предлагаем два варианта обоснования того, что опускание внутреннего квантора общности в определяющем условии определения вида (6) не является логически корректным.

5.1. Недопустимое увеличение числа переменных в определяющем условии

Прежде всего, отметим, что при опускании внутреннего квантора общности в определении (6) получаем формулировку (7), правая часть которой зависит от переменных x и y , а левая – только от x . Покажем, к чему это приводит.

Если правая часть определения зависит от переменной, не входящей в левую часть, то возникает странная ситуация. Допустим, что требуется установить, верно ли $P(x)$ для данного x , если принято определение (7). Для этого необходимо (и достаточно) проверить, удовлетворяет ли данный элемент x условию из правой части определения, т. е. $R(x, y)$. Правая часть зависит не только от x , но и от y , поэтому при заданном x условие $R(x, y)$ может быть при некоторых значениях переменной y выполнено, а при некоторых – нет.

Например, мы хотим проверить, пользуясь определением (5), является ли возрастающей на множестве всех действительных чисел $\mathbf{R}$ функция, заданная на этом множестве равенством $f(x)=x^2$. Попытаемся проверить, удовлетворяет ли эта функция условию $x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)$, которое зависит от x_1 и x_2 . Если мы положим $x_1 = -4$, а $x_2 = -3$, то правая часть определения примет значение *ложь*: высказывание « $-4 < -3 \rightarrow (-4)^2 < (-3)^2$ » ложно. Если мы положим $x_1 = 3$, а $x_2 = 4$, то правая часть определения примет значение *истина*: высказывание « $3 < 4 \rightarrow 3^2 < 4^2$ » истинно. Таким образом, мы не можем утверждать, что данная функция удовлетворяет условию $x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)$, как, впрочем, и то, что она не удовлетворяет этому условию, поскольку при одних значениях x_1 и x_2 получаем ложное высказывание, а при других – истинное. Значит мы не можем выяснить, пользуясь определением (5), возрастает ли эта функция на $\mathbf{R}$.

Эта досадная ситуация возникла в результате опускания внутренних кванторов общности в определении возрастающей функции, повлекшего за собой увеличение числа свободных переменных в определяющем условии.

5.2. Странное следствие странного определения

Попробуем посмотреть с другой стороны на формулировку $P(x) \xleftarrow{\text{def}} R(x, y)$ с опущенным квантором общности по y в определяющем условии.

Если мы принимаем такое «определение», то должны считать справедливым предложение $P(x) \leftrightarrow R(x, y)$, а значит и полученное из него восстановлением внешних кванторов общности предложение $\forall x \forall y (P(x) \leftrightarrow R(x, y))$.

Преобразуем последнее предложение. Сначала заменим эквиваленцию конъюнкцией двух импликаций, а затем применим известные законы равносильности, связанные с кванторами:

$$\begin{aligned} \forall x \forall y (P(x) \leftrightarrow R(x, y)) &= \forall x \forall y [(P(x) \rightarrow R(x, y)) \& (R(x, y) \rightarrow P(x))] = \\ &= \forall x [\forall y (P(x) \rightarrow R(x, y)) \& \forall y (R(x, y) \rightarrow P(x))] = \\ &= \forall x [(P(x) \rightarrow \forall y R(x, y)) \& (\exists y R(x, y) \rightarrow P(x))]. \end{aligned}$$

Итак,

$$\forall x \forall y (P(x) \leftrightarrow R(x, y)) = \forall x [(P(x) \rightarrow \forall y R(x, y)) \& (\exists y R(x, y) \rightarrow P(x))].$$

Поскольку первое из этих равносильных предложений истинно, то и второе тоже истинно:

$$\forall x [(P(x) \rightarrow \forall y R(x, y)) \& (\exists y R(x, y) \rightarrow P(x))] = \text{И.}$$

Фиксируем произвольный x .

Тогда $(P(x) \rightarrow \forall y R(x, y)) \& (\exists y R(x, y) \rightarrow P(x)) = \text{И}$, а значит истинны и оба члена конъюнкции: $P(x) \rightarrow \forall y R(x, y) = \text{И}$ и $\exists y R(x, y) \rightarrow P(x) = \text{И}$.

Теперь покажем, что $\exists y R(x, y) = \text{И}$ тогда и только тогда, когда $\forall y R(x, y) = \text{И}$.

Символически запишем это так: $\exists y R(x, y) = \text{И} \Leftrightarrow \forall y R(x, y) = \text{И}$.

Допустим, что $\exists y R(x, y) = \text{И}$. Тогда, поскольку $\exists y R(x, y) \rightarrow P(x) = \text{И}$, то $P(x) = \text{И}$. Отсюда, учитывая, что $P(x) \rightarrow \forall y R(x, y) = \text{И}$, получаем, что $\forall y R(x, y) = \text{И}$.

Итак, если $\exists y R(x, y) = \text{И}$, то $\forall y R(x, y) = \text{И}$. Очевидно, обратное тоже верно.

Таким образом, для произвольного x равносильны предложения «Существует y такой, что выполняется $R(x, y)$ » и «Для любого y выполняется $R(x, y)$ »:

$$\exists y R(x, y) = \text{И} \Leftrightarrow \forall y R(x, y) = \text{И}. \quad (8)$$

Этот странный вывод мы вынуждены признать, если принимаем некорректную формулировку (7).

Вернемся к формулировке определения возрастающей функции с опущенными кванторами общности в определяющей части:

$$f \text{ возрастает на } E \xleftarrow{\text{def}} (x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)).$$

Она имеет рассматриваемый вид. Действительно, здесь в качестве $R(x, y)$ фигурирует предложение $x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)$, вместо переменной x используется переменная f по множеству определенных на промежутке E функций, вместо y – пара переменных x_1 и x_2 по E .

Странный вывод (8) в данном случае приобретает такой вид: Для любой определенной на промежутке E функции f имеет место равносильность

$$\exists x_1 \in E \exists x_2 \in E (x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)) \Leftrightarrow \forall x_1 \in E \forall x_2 \in E (x_1 < x_2 \rightarrow f(x_1) < f(x_2)).$$

Очевидно, этот вывод легко опровергнуть. Причиной этой нелепости является использование некорректной формулировки определения. Значит рассматриваемую формулировку (5) нельзя использовать для определения возрастающей функции.

Итак, нельзя переносить традицию опускания внешнего квантора общности в теореме или определении на случай, когда опускается внутренний квантор.

З а м е ч а н и е 3. Опускание внутреннего квантора общности в *теоремах* вида $P(x) \leftrightarrow \forall y R(x, y)$ и $P(x) \rightarrow \forall y R(x, y)$ также недопустимо, поскольку не является логически корректным. Обосновать это можно аналогичным образом. Кроме того, можно обосновать, что опускание квантора *существования*, как бы он ни входил в формулировку определения или теоремы, является логически некорректным. Мы не ставим своей целью рассмотреть в этой статье все случаи некорректного опускания кванторов в определениях. Отметим только, что учащиеся довольно часто теряют в определениях внутренний квантор *существования*. Например, они часто ошибочно формулируют определение четного числа так: «Натуральное число n называется четным, если $n = 2k$ », теряя при этом квантор существования по переменной k . Но мы не будем останавливаться на таких ошибках, поскольку в учебной литературе они встречаются нечасто.

6. Неоднозначность восстановления опущенного внутреннего квантора

Допускаем, что кто-то может возразить нам вопреки приведенным аргументам: «В определении с опущенным квантором в определяющем условии всегда подразумевается квантор общности». Но это не так!

Рассмотрим, например, следующие определения из учебника [10]:

Определение 6. Две фигуры называются равными, если они движением переводятся одна в другую [11].

Определение 7. Две фигуры называются подобными, если они переводятся одна в другую преобразованием подобия [12].

В обоих определениях опущены кванторные слова. Опытному учителю понятно, что в обоих случаях опущено кванторное слово «некоторым» со смыслом квантора существования («некоторым движением» и «некоторым преобразованием подобия»), однако сомнительно, что это понятно ученику.

Рассмотрим еще один пример из [13], когда в определении опущен квантор в определяющем условии.

Определение 8. Две пересекающиеся плоскости называются перпендикулярными, если третья плоскость, перпендикулярная прямой пересечения этих плоскостей, пересекает их по перпендикулярным прямым [14].

Что здесь имеется в виду: «*некоторая* третья плоскость» или «*любая* третья плоскость»? Какой квантор опущен: существования или общности? Правда, в данном случае можно доказать, что если существует плоскость, удовлетворяющая указанному условию, то и любая плоскость будет удовлетворять этому условию. Однако стоит ли заставлять учащегося гадать, какой квантор подразумевал автор, или доказывать, что можно по-разному восстановить квантор в определении, которое и без того является непростым?

Последние три примера показывают, что нельзя утверждать, будто всегда в определении с опущенным квантором в определяющем условии подразумевается квантор общности. Поэтому формулировки с опущенным внутренним квантором могут быть поняты неоднозначно.

7. Выводы

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*.

Логически некорректное опускание кванторов в определениях и теоремах ведет к логически некорректным и неоднозначно понимаемым формулировкам. В частности, является логически некорректной распространенная в школьных учебниках формулировка определения возрастающей функции с опущенными кванторами общности в определяющем условии.

Во избежание подобных логических погрешностей необходимо соблюдать следующие логические нормы математического языка (рекомендации).

Во-первых, можно опускать в определениях и теоремах внешний квантор общности, подразумевая его при этом.

Во-вторых, логически некорректно, а значит недопустимо опускать в определениях и теоремах внутренний квантор общности.

В-третьих, недопустимо (логически некорректно) опускать в определениях и теоремах квантор существования, независимо от его вхождения.

Эти нормы логически обоснованы, и нарушение двух последних из них не может быть оправдано никакими методическими соображениями.

В заключение отметим, что изложенный в этой статье материал является примером того, каким образом средства математики как науки помогают решить методическую проблему математики как предметной области.

Примечания

1. Тимофеева И. Л. О логической структуре математических определений // Математическое образование. 2002. № 3. С. 75–86.
2. Болтянский В. Г. Использование логической символики в работе с определениями // Математика в школе. 1973. № 5. С. 45–50.
3. Тимофеева И. Л. Как устроено доказательство? // Математика в школе. 2004. № 8. С. 74–81.
4. Дразнин И. Е. О работе над определениями // Математика в школе. 1995. № 5. С. 9–11.
5. Алгебра. 9 класс: учеб. для общеобраз. организаций / Ю. Н. Макарычев [и др.]; под ред. С. А. Теляковского. 21-е изд. М.: Просвещение, 2014. С. 13.
6. Мордкович А. Г., Семенов П. В. Алгебра. 9 класс: в 2 ч. Ч. 1: учебник для учащихся общеобраз. учрежд. 12-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2010. С. 97.
7. Алгебра: учеб. для 9 кл. общеобраз. учрежд. / Ш. А. Алимов [и др.]. 2-е изд. М.: Просвещение, 1995. С. 55.
8. Дорофеев Г. В. Контрпримеры в математике // Математика для каждого. Сер. «Наука для каждого». М.: Аякс-пресс, 1999. С. 229–234.
9. Финкельштейн В. М. О двух видах контрпримеров и одном неудачном определении из учебника // Математика в школе. 1997. № 5. С. 57–60.
10. Погорелов А. В. Геометрия. 7–9 классы: учеб. для общеобраз. организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2014.
11. Там же. С. 133.
12. Там же. С. 156.
13. Погорелов А. В. Геометрия. 10–11 классы: учеб. для общеобраз. организаций: базовый и профил. уровни. 13-е изд. М.: Просвещение, 2014.
14. Там же. С. 32.

Notes

1. Timofeeva I.L. O logicheskoy strukture matematicheskikh opredelenij // Matematicheskoe obrazovanie. 2002. № 3. P. 75–86.
2. Boltjanskij V.G. Ispol'zovanie logicheskoy simvoliki v rabote s opredelenijami // Matematika v shkole. 1973. № 5. P. 45–50.
3. Timofeeva I.L. Kak ustroeno dokazatel'stvo? // Matematika v shkole. 2004. № 8. P. 74–81.
4. Draznin I.E. O rabote nad opredelenijami // Matematika v shkole. 1995. № 5. P. 9–11.
5. Algebra. 9 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizacij / Ju.N. Makarychev [i dr.]; pod red. S.A. Teljakovskogo. 21-e izd. M.: Prosveshchenie, 2014. P. 13.
6. Mordkovich A.G., Semenov P.V. Algebra. 9 klass. V 2 ch. Ch. 1. Uchebnik dlya uchashhihsja obshcheobrazovat. uchrezhdenij. 12-e izd., ster. M.: Mnemozina, 2010. P. 97.
7. Algebra: ucheb. dlya 9 kl. obshcheobrazovat. uchrezhdenij / Sh.A. Alimov [i dr.]. 2-e izd. M.: Prosveshchenie, 1995. P. 55.
8. Dorofeev G.V. Kontrprimery v matematike // Matematika dlya kazhdogo. Seriya Nauka dlya kazhdogo. M.: Ajaks-press, 1999. P. 229–234.
9. Finkel'shtejn V.M. O dvuh vidah kontrprimerov i odnom neudachnom opredelenii iz uchebnika // Matematika v shkole. 1997. № 5. P. 57–60.
10. Pogorelov A.V. Geometrija. 7–9 klassy: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizacij. 2-e izd. M.: Prosveshchenie, 2014. 240 pp.
11. Ibid. P. 133.
12. Ibid. P. 156.
13. Pogorelov A.V. Geometrija. 10–11 klassy: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizacij: bazovyy i profil. urovni. 13-e izd. M.: Prosveshchenie, 2014. 175 pp.
14. Ibid. P. 32.

Художественно-языковая компетенция как фактор лингвокреативности и коммуникативной эффективности будущего специалиста

В статье рассматривается вопрос о формировании художественно-языковой компетенции как факторе лингвокультурного развития личности в целом и вербальной креативности в частности. Понятие художественно-языковой компетенции адресата речи предлагается трактовать как лингвокреативную способность индивида использовать эстетический потенциал языка. Прагмаэстетические речевые конструкции, используемые в убеждающей речи, признаются одними из наиболее эффективных при речевом воздействии, так как они обращены к эмоциональному и логическому восприятию одновременно. Автор говорит о необходимости приобретения актуальных навыков, необходимых современному специалисту, – убеждать и быть интересным лингвокреативным собеседником. Особое внимание уделяется анализу лингвокреативных способностей ребенка дошкольного возраста, школьника, студента. Описывается эксперимент проверки степени понимания лингвокреативного текста (отрывка стихотворения из школьной программы) студентами негуманитарного профиля. На основе полученных данных делается вывод о необходимости факультативных лингвокультурологических занятий и других форм эстетически значимой организации внеучебного времени современного студента.

The article deals with the forming of lingo-artistic competence as a factor of personal lingo-cultural growth in general and of verbal creativity in special. The author demonstrates the efficiency of using speech in artistic mode by influence on right-brain cognitive mechanisms. The conception of lingo-artistic competence of the addressee of the speech is suggested to be interpreted as lingo-artistic capability to use aesthetic potential of speech. The applied artistic resources of speech reconstruction, used in persuading speech, are used to be one of the most efficient ways of verbal influence, being addressed to emotional and logical appreciation simultaneously. The author says about necessity of acquiring relevant skills, needed for modern specialist in order to persuade and to be attractive, linguistically creative interlocutor. Special attention is paid to analysis of linguistically creative capacities of a preschool child, of a schoolboy and of a student. The experiment is being interpreted, concerning the ability to understand lingo-artistic by the student of non-humanitarian profile (an extract from the poem of school program). According to this the author gives a conclusion about necessity of facultative lingo-cultural lessons as well as other forms of aesthetically important organization of free-time of modern student.

Ключевые слова: художественно-языковая компетенция, лингвокреативность, прагмаэстетические средства, концептосфера, речевое воздействие, убеждение.

Keywords: lingo-artistic competence, linguistic creativity, applied artistic resources, conceptual sphere, voice influence, persuasion.

Понятие коммуникативной языковой личности и ее коммуникативной компетенции разрабатывают в когнитивной науке И. А. Стернин, М. Б. Бергельсон, О. А. Безнаева и другие. Со знаниями и умениями, составляющими коммуникативную компетенцию индивида, связываются прагматические механизмы, и в том числе механизм воздействия на адресата (в работе М. Б. Бергельсон). В структуре коммуникативной компетенции этот автор выделяет, во-первых, *собственно языковые знания*, «в терминах которых происходит коммуникация» [1]. Во-вторых, ее образуют *знания о внешнем мире*, связанные с принадлежностью индивида к той или иной группе, в том числе профессиональной («групповые, или «культурные», знания). В-третьих, выделяются *коммуникативные умения*, основанные на знаниях о коммуникативном поведении людей, «владение правилами, регулирующими коммуникацию» [2]. Коммуникативная компетенция включает в себя языковую и предполагает «рабочий набор коммуникативных стратегий, присущих индивиду или группе индивидов» [3]. В данной работе речь пойдет о художественно-языковой компетенции, которая является частью языковой компетенции и отвечает за способность человека воспринимать и воспроизводить выразительные языковые средства в любой коммуникации.

В результате психолингвистических исследований было установлено, что человек сначала овладевает правополушарными механизмами постижения мира, в основе которых лежит сходство, смежность предметов и явлений, и лишь потом приобщается к левополушарным [4]. По Т. М. Дридзе, существует сенсорное поле сознания, функция которого состоит в переработке поступающей через органы чувств информации и продуцировании образных представлений на ос-

нове эмоциональных процессов: «Содержание сенсорного поля – чувственные образы и связанные с ним представления» [5]. Исследователи говорят о специальной образной памяти, которая способствует привлечению и усвоению новой информации «на фоне узнавания» – «для того чтобы выделить это новое, нужна память на старое» [6]. При этом происходит своеобразный «перевод на внутреннюю речь», чему помогает «полисемия языка, метафория и языковая общность говорящих, а также, конечно, смысловая уместность применения этих лексических замен в данном виде и отрезке текста» [7]. Эти базовые образы и составляют концептосферу [8], а по Н. И. Жинкину, универсальный предметный код. Эффективность использования языка в художественном модусе означает воздействие на правополушарные механизмы, при этом приводится в движение «целый комплекс ассоциаций, воспоминаний и эмоций, складывающихся в определенную картину, составленную из конкретно-чувственных образов предметов, явлений и свойств действительности...» [9].

Таким образом, со способностью субъекта переходить на эстетический словесный код связана лингвокреативность субъекта любого дискурса. Продуцирование же лингвокреативных знаков зависит от художественно-языковой компетенции носителя языка, которая «обуславливается его индивидуальными способностями, приобретается в деятельности и предопределяется творческими потенциями индивида» [10]. Понятие художественно-языковой компетенции введено в научный оборот О. И. Колесниковой, исследовавшей становление языковой способности на уровне понимания речи [11]. Мы рассматриваем художественно-языковую компетенцию, во-первых, как дискурсивную способность языковой личности творить и воспринимать оригинальные языковые конструкции и, во-вторых, как дискурсивный фактор убеждения. Сущностью лингвокреативной деятельности носителя художественно-языковой компетенции является, таким образом, переход от обыденных («рутинных», по В. З. Демьянкову) способов выражения мысли к креативным, нестандартным для той или иной сферы средствам. К последним можно отнести и эстетически значимые – своеобразные «сигналы эстетической информации», способные вызвать определенный перлокутивный эффект [12].

В каждый период развития языка существует своя парадигма, вырабатывающая собственные доминантные признаки художественности. Если в прошлые века доминировали признаки изысканности эстетической формы, декоративности (украшения), то для современной парадигмы характерны такие признаки, как парадоксальность, провокативность, процессуальность [13]. Нашему подходу ближе позиция Н. Б. Мечковской: под эстетическим в языке подразумевается такая творческая организация текста, которая обновляется, преобразуется с помощью художественного использования языковых ресурсов, например лексической и грамматической семантики, синтаксической структуры, звуковой организации речи, точного выбора старинных, диалектных или просторечных слов [14]. Понятие художественно-языковой компетенции адресата речи предлагаем трактовать как лингвокреативную способность индивида использовать эстетический потенциал языка.

В работе [15] нами уже исследовались лингвокреативные средства, являющиеся средствами убеждения в рамках прагмаэстетической стратегии публичного делового дискурса. Многочисленные примеры (нами было собрано 3000 фрагментов) показали, что субъекты делового дискурса, а именно представители деловой элиты, активно используют выразительные средства языка при актуализации точек зрения. В результате такой репрезентации речевые конструкции можно назвать убеждающими, так как, по мнению ученых, именно убеждение обращено и к эмоциональному, и к логическому восприятию и признаётся наилучшим способом речевого воздействия [16]. Таким образом, можно сделать предположение, что эффективное общение, эффективное выступление, творческие способности человека в целом обусловлены во многом именно художественно-языковой компетенцией. Способность убеждать и быть интересным, лингвокреативным собеседником – это крайне актуальные навыки, необходимые современному специалисту практически в любой сфере деятельности. Именно поэтому необходимо обращать внимание на лингвоэстетическое развитие ребенка дошкольного возраста, школьника, студента.

В работах о развитии эстетического начала / художественно-языковой компетенции / уровне лингвокреативности дошкольников и школьников отмечается высокая степень развития лингвокреативности в детском возрасте и снижение ее у школьников в связи с повышением количества логических операций, увеличением «груза правил и стереотипов» [17]. При этом Т. А. Гридина отмечает, что наращивание языковых знаний и расширяющаяся речевая практика, несомненно, способствуют развитию ассоциативной связей и операциональных навыков, которые могут стимулировать проявление лингвокреативных способностей детей школьного возраста, поэтому и предлагает вводить факультативы по развитию вербальной креативности. По нашему мнению, «левополушарные перекосы» (перегруженность работы левого полушария) осо-

бенно касаются современного студента, которому необходимо запоминать большие объемы информации и обращаться к научной литературе. Каким же образом получивший высшее образование специалист будет порождать креативные идеи и участвовать в убеждающей коммуникации? Насколько он к этому готов?

Такие предположения послужили основанием для проведения нами эксперимента, в ходе которого студентам экономического, инженерного, агрономического факультетов Вятской ГСХА (всего было опрошено 504 человека) предлагалась анкета с разными вопросами: простыми (возраст, место жительства и др.) и более сложными (какие, по-вашему, качества характера наиболее важны для человека) – всего 22 вопроса. Под номером 21 следовало задание – объясните, как вы понимаете эти строки:

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость,
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.
Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Отметим, что анкетирование проводилось с помощью компьютеров, чтобы исключить такой негативный фактор, как неразборчивость почерка. В результате опроса 243 респондента не ответили совсем; 148 – не поняли, о чем говорится в тексте (точнее, поняли по-своему); 56 человек показали частичное понимание. Только 57 студентов (11% из всех опрошенных) дали относительно правильные ответы, причем правильными мы считали даже такие как: «речь идет о механизации сельского хозяйства». Напомним, что вышеприведённые строки взяты из стихотворения школьной программы (С. Есенин «Я последний поэт деревни»).

Итак, можно сделать вывод о крайне низком уровне художественно-языковой компетенции современного студента негуманитарного профиля, что говорит о его неспособности воспринимать лингвоэстетические фрагменты и возможной неспособности самостоятельно их продуцировать. Учеными называются причины возникновения креативности в разных сферах речевой коммуникации. В поэтической – это потребность выразить внутренний мир, в научной – потребность найти новые пути исследования проблем, в разговорной – потребность в игре [18]. Причина возникновения креативности в деловом дискурсе – потребность убедить и произвести впечатление, «зацепить» [19]. Однако при отсутствии художественно-языковой компетенции само возникновение потребности не способно запустить когнитивные процессы и изобрести необходимую речевую конструкцию, так как нет самого когнитивного материала, нет необходимых ассоциативных связей и способности эти связи создавать и поддерживать.

В работе [20] представлен анализ исследования лингвокреативности детей из семей с разным социокультурным уровнем. Выяснилось, что дети из семей с высоким социокультурным статусом гораздо более склонны к креативности, «различаются как по степени склонности к инновациям, так и по “активному” отношению к языку». По мнению автора, такое явление объясняется тем, что в семьях с низким социокультурным статусом сами взрослые не используют нестандартных языковых выражений и не поощряют в этом детей, которые, в конце концов, «начинают воспринимать словообразовательные инновации как однозначно ошибочные языковые знаки, боятся их создавать и предпочитают промолчать, если есть опасения, что произнесенный языковой знак окажется не соответствующим узуальному» [21].

В свою очередь, нам хотелось бы указать еще на тот фактор, что в семьях с более высоким социокультурным уровнем детей стараются приобщать к чтению (чтение вслух), посещению филармонии, театра, совмещают языковое развитие с музыкальным (пение, актерское мастерство), записывают в различные развивающие студии, что не может, в конечном итоге, не отразиться на их общем и лингвокультурном развитии. Следует отметить, что в школах в связи с сильной загруженностью детей в рамках школьной программы и постоянной социальной и возрастной их адаптацией мероприятия, способные повысить уровень вербальной креативности и в целом улучшить культурное развитие, часто бывают неэффективными. Зачастую детям в театре гораздо интереснее просто общаться друг с другом, чем внимательно следить, например, за сюжетом театрального действия, оценивать оригинальные языковые комбинации воспринимаемого текста. Классическая музыка, особенно оперная, классические литературные произведения им пока еще «не по размеру»: слишком мал жизненный опыт. По нашему мнению, самое оптимальное

время для этого – время учёбы в вузе, когда индивид уже осознал себя как личность, но еще не имеет твердой духовно-нравственной опоры, склонен искать новые ощущения – прежде всего те, которые способны приносить удовольствие. Крайне важно в этот период помочь студенту осознать себя еще и языковой личностью (термин Караулова), научить использовать язык как средство когнитивного и коммуникативного творчества, средство самовыражения, средство получения эстетического наслаждения.

Примечания

1. Бергельсон М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
2. Там же.
3. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Коммуникативные стратегии. Коммуникативные тактики. Успешность речевого взаимодействия. М.: ПРИОР, 1998.
4. См.: Дридзе Т. М. Сознание и текст // Психология и психоанализ рекламы / сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Байрах-М, 2007. С. 193–203; Седов К. Ф. Нейропсихоллингвистика. М.: Лабиринт, 2007.
5. Дридзе Т. М. Указ. соч. С. 194.
6. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. М.: Лабиринт, 1998. С. 316.
7. Там же. С. 323.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
9. Савранский И. Л. Функциональная роль ассоциативности // Психология и психоанализ рекламы / сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Байрах-М, 2007. С. 204.
10. Колесникова О. И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребенка: дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2006. С. 46–47.
11. Там же.
12. Колесникова О. И. Сигналы эстетической информации как факторы персуазивности в книжной рекламе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч. журн. 2014. № 4. С. 100–108.
13. Рубцова Е. В. Историчность парадигм искусства и проблема современной художественности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
14. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000.
15. Козлова Е. А. Прагмаэстетические средства убеждающей речи в публичном деловом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2011.
16. Анисимова Т. В. Аргументация // Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. М.: Изд-во МПСИ, 2004; Де Джордж Ричард Деловая Этика. М.: Прогресс: РИПОЛ КЛАССИК, 2003; Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М.: Либроком, 2009; Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006; Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дис.... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009.
17. Гридина Т. А. Педагогическое образование в России. Лингвистика креатива – 2: коллективная моногр. / под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2012.
18. Карасик В. И. Рутинное и креативное общение: функции, типы, способы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2008. № 3. С. 112–118.
19. Козлова Е. А. Лингвокреативность управленца. Киров: ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА, 2014.
20. Доброва Г. Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативного речевого онтогенеза. Лингвистика креатива – 2: коллективная моногр. / под общей ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2012.
21. Там же. С. 44.

Notes

1. Bergelson M. B. *Pragmaticheskaya i sociokul'turnaya motivirovannost' yazykovoj formy: dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmatic and socio-cultural motivation of linguistic form: dis. ... Dr Philology]. M. 2005.
2. Ibid.
3. Klyuev E. V. *Rechevaya kommunikaciya: Kommunikativnye strategii. Kommunikativnye taktiki. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstviya* [Speech communication: Communicative strategies. Communication tactics. The success of the linguistic interaction]. M. PRIOR.1998.
4. See: Dridze T. M. *Soznanie i tekst* [Text and Consciousness] // *Psihologiya i psihoanaliz reklamy* – Psychology and psychoanalysis of advertising / comp. A. Ya. Raigorodsky. Samara. Bairah-M. 2007. Pp. 193-203; Sedov K. F. [Neuropsycholinguistics]. M. Labirint. 2007.
5. Dridze T. M. Op. cit. P.194.
6. Ginkin N. I. *Yazyk – rech' – tvorchestvo* [Language – speech – creativity]. M. Labirint. 1998. P. 316.
7. Ibid. P. 323.
8. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh. 2007.
9. Savransky L. I. *Funkcional'naya rol' associativnosti* [Functional role of associativity] // *Psihologiya i psihoanaliz reklamy* – Psychology and psychoanalysis of advertising / comp. A. Ya. Raigorodsky. Samara Bairah-M. 2007. P. 204.

10. Kolesnikova O. I. *Hudozhestvennyj modus yazyka i yazykovaya kompetenciya rebenka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Artistic mode of language and linguistic competence of the child: dis. ... Dr Philology]. Kirov. 2006. Pp. 46-47.
11. Ibid.
12. Kolesnikova O. I. *Signaly ehsteticheskoy informacii kak faktory persuazivnosti v knizhnoj reklame* [The signals of aesthetic information as factors of persuasively in book advertising] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: nauch. zhurn.* – Herald of Vyatka State University of Humanities: scient. magazine. 2014, No. 4, pp. 100-108.
13. Rubtsova E. V. *Istorichnost' paradigm iskusstva i problema sovremennoj hudozhestvennosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Historical paradigms of art and the problem of modern artistry: abstract dis. ... Cand. of Philology]. Ekaterinburg. 2004.
14. Mechkovskaya N. B. *Social'naya lingvistika* [Social linguistics]. M. Aspect-Press. 2000.
15. Kozlova E. A. *Pragmaehsteticheskie sredstva ubezhdayushchej rechi v publichnom delovom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk* [Pragmatic means of persuasive speech in public business discourse: dis. ... Cand. of Philology]. Kirov. 2011.
16. Anisimova T. V. *Argumentaciya* [The Argument] // Anisimova T. V., Gimpelson E. G. *Sovremennaya delovaya ritorika* – Modern business rhetoric. M. Publishing house MPSI. 2004; De George, Richard *Delovaya Ehtika* [Business Ethics]. M. Progress: Ripol KLASSIK. 2003; Sidorov E. V. *Ontologiya diskursa* [Ontology of discourse]. M. Librokom. 2009; Khazagerov G. G. *Partiya, vlast' i ritorika* [Party, power, and rhetoric]. M. Evropa. 2006; Shelestyuk E. V. *Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya: avtoref. dis.... d-ra filol. nauk* [Influence of speech: ontology and methodology of research: abstract dis.... Dr Philology]. Chelyabinsk. 2009.
17. Gridina T. A. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. Lingvistika kreativa – 2: kollektivnaya monogr.* [Pedagogical education in Russia. Linguistics creativity – 2: collective monograph] under the general editorship of T. A. Gridina. 2nd issue. Ekaterinburg. 2012.
18. Karasik V. I. *Rutinnoe i kreativnoe obshchenie: funkcii, tipy, sposoby* [Routine and creative communication: functions, types, methods] // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* – Herald of the Irkutsk State linguistic University. 2008, No. 3, pp. 112-118.
19. Kozlova E. A. *Lingvokreativnost' upravlenca* [Psychological Manager]. Kirov. FGBOU VPO Vyatka State Agricultural Academy. 2014.
20. Dobrova G. R. *Kreativnost' yazykovoj lichnosti v aspekte variativnogo rechevogo ontogeneza. Lingvistika kreativa – 2: kollektivnaya monogr.* [Creativity of linguistic identity in the variable aspect of language acquisition. Linguistics creativity – 2: collective monograph] / under the general editorship of T. A. Gridina. 2nd issue. Ekaterinburg. 2012.
21. Ibid. P. 44

УДК 802.0:378.147

Н. Г. Козлова

Реализация принципов модульно-рейтинговой системы в процессе иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза (на материале НОУ ВПО «Тольяттинская академия управления»)

В статье рассматриваются принципы модульно-рейтинговой системы, разработанной в НОУ ВПО «Тольяттинская академия управления». Выделяются четыре группы принципов, классифицированные по следующим аспектам: план содержания модуля, план иноязычной речевой деятельности, план технологии обучения, план контроля. Описываются активные формы и методы обучения иностранному языку в данном учебном заведении. Обрисовывается современная ситуация владения иностранным языком абитуриентов в сравнении с установленными требованиями. Приводятся уровни изучения иностранного языка в академии на основе международных уровней для более эффективного обучения. Представляется подсчёт балла и рейтинга, где учитывается работа обучающегося в течение семестра, его письменные работы и результаты устного и письменного экзамена. Описываются разные формы организации устного экзамена. Дается система оценивания письменных работ обучающихся.

In the article the principles of module and rating system that was developed in non-stated higher educational establishment "Togliatti academy of Management" are studied. Four groups of principles are distinguished and classified based on the following aspects: the plan of the content of the module, the plan of the foreign language speaking activity, the plan of the teaching technology, the plan of the testing. Active forms and methods of teaching a foreign language used in this university are described. The modern situation in using the foreign language by the uni-

versity entrants in comparison with the prescribed requirements is outlined. The levels of learning the foreign language used at the academy distinguished on the basis of the international levels for more effective teaching are given. Calculating the mark and the rating are presented where the student's work during the semester, his written tasks and the results of written and oral exams are taken into account. Different forms of oral exam organization are described. The system of students' written works evaluation is given.

Ключевые слова: модуль, модульно-рейтинговая система, педагогический принцип, активные формы и методы работы, балл, рейтинг.

Keywords: module, module and rating system, pedagogical principle, active forms and methods of teaching, mark, rating.

Сегодня специалисты в области преподавания иностранного языка задумываются над тем, как организовать процесс обучения языку наиболее эффективно, чтобы при минимальных временных затратах достичь максимального результата. Они всё чаще обращаются к модульной системе, которая становится более популярной и повсеместно внедряется.

НОУ ВПО «Тольяттинская академия управления» (ТАУ) была основана в 1991 г. как инновационное учебное заведение, ведущее подготовку специалистов в области банковского дела, финансов, управления. С начала подписания Болонской декларации ТАУ является активным участником болонского процесса. Курс обучения английскому языку в ТАУ построен на модульной системе, отдельные составляющие которой (модули) строятся на принципах, наиболее приемлемых для данной специальности. За годы использования модульной системы в ТАУ принципы выделения модулей определились наиболее чётко. Рассмотрим их подробнее.

Итак, выделяется четыре группы принципов организации модулей: 1. План содержания модуля: 1) уровневый характер; 2) от простого к сложному; 3) количество и распределение занятий; 4) динамичность модуля. 2. План обучения иноязычной речевой деятельности: 5) структурирование деятельности студента в логике этапов усвоения знаний: восприятие – понимание – осмысление – запоминание – применение – обобщение – систематизация; 6) паритетность. 3. План технологии: 7) активные формы и методы работы. 4. План контроля: 8) рейтинг; 9) балл.

Следует отметить, что многие принципы модульно-рейтинговой системы сходны с принципами педагогической системы. Так, например, дидактический принцип «доступность изучаемого материала, посильная трудность» схож с принципом построения модуля в модульно-рейтинговой системе «от простого к сложному». В связи с этим модуль должен носить уровневый характер, поскольку каждый абитуриент приходит в вуз с разным набором знаний и навыков, приобретённых в общеобразовательной школе.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту среднего (полного) общего образования, выпускник 11-го класса общеобразовательной школы должен владеть иностранным языком не ниже порогового уровня B1 (Intermediate), позволяющего выпускникам общаться в устной и письменной формах как с носителями изучаемого иностранного языка, так и с представителями других стран, использующими данный язык как средство общения [1], которых по факту не более 15,8% абитуриентов ТАУ. На кафедре иностранных языков ТАУ в настоящее время выделяется четыре уровня владения языком [2]. Поэтому входной уровень владения иностранным языком абитуриентов, усвоивших школьную программу по иностранному языку на «отлично», оценивается по международной шкале B2 компетентный пользователь (Upper-intermediate). В ТАУ за последние три года (с 2012 по 2014 г.) на таких абитуриентов приходилось от 7,5 до 13,6%. От 13,6 до 15,8% абитуриентов усвоили школьную программу по английскому языку на оценку «хорошо», и их уровень знаний соответствует международному показателю B1 – независимый пользователь (Intermediate). От 19,1 до 40% абитуриентов усвоили школьную программу по иностранному языку «удовлетворительно» – их уровень владения языком оценивается как A2 – базовый пользователь (Pre-intermediate). Большинство абитуриентов – от 40,8 до 70% – не усвоили школьную программу по английскому языку либо изучали другой иностранный язык в школе. Их уровень владения иностранным языком оценивается по международной шкале A1, или начинающие пользователи (Beginners).

Для оценки описанных выше уровней был использован тест (Academy Placement Test) на определение уровня знаний по английскому языку, разработанный на кафедре иностранных языков ТАУ, который студенты проходят в первый день обучения в академии в течение четырех занятий: два занятия студенты пишут письменную часть, где представлены задания на чтение, грамматику, использование языковых средств языка; два занятия студенты беседуют с преподавателями, отвечая на их вопросы, задавая вопросы партнёру и представляя своё короткое сообщение на заданную тему.

Таким образом, *входной уровень владения иностранным языком студента* составляет **первый принцип выделения модулей**.

Второй принцип выделения модулей – педагогический принцип *«от простого к сложному»*. Весь материал в модуле строится спирально – сначала дается легкий материал для усвоения, потом сложность материала нарастает. Этот принцип сохраняется и относительно обучения речевой деятельности как в отдельном модуле, так и при переходе от одного модуля к последующим. Сложность грамматического материала тоже нарастает постепенно. Сначала студенты учат одно грамматическое явление. Затем они учат два грамматических явления и сравнивают их между собой. После этого они употребляют в речи оба грамматических явления, зная между ними разницу.

Третьим принципом выделения модулей в модульно-рейтинговой системе является *количество и распределение занятий в модуле*. Оптимальным представляется количество занятий в модуле от 20 до 28. Из них одно занятие занимает письменный итоговый контроль, одно занятие – устный рубежный контроль, остальные – рабочие занятия с промежуточными мини-контролями. Устный итоговый экзамен в зависимости от модуля и его целей может проходить в разной форме. Это может быть традиционная билетная форма проведения экзамена, но предпочтение мы отдаем таким формам проведения устного экзамена, как, например, презентация компании или продукта, конференция, где в первой её части студенты делают групповые презентации стратегии компании, приведшей её к успеху, а во второй части должны выполнить задание – договориться с каким-либо участником конференции.

Письменные работы по модулю задаются минимум по одной после каждого занятия. Это может быть письменное выполнение глоссария (написать транскрипцию термина, его дериваты, написать перевод предложения с использованием данного термина или нескольких терминов и др.), написание эссе на обсуждаемую в аудитории тему, написание делового письма/электронного письма/заявления/объявления. К разряду письменных работ также относятся мини-тесты.

Четвёртый принцип выделения модулей – *принцип динамичности модуля*. Следует отметить, что, несмотря на многолетнюю практику проведения модульного обучения в рамках балльно-рейтинговой системы, на кафедре иностранных языков ТАУ всегда пересматривается содержание каждого модуля на каждом уровне обучения. Учитываются (на основе анкетирования) мнения студентов по поводу пройденного модуля. Полученные данные анализируются сначала самим преподавателем, потом сравниваются результаты во всех группах данного уровня обучения (Intermediate), и в методическом объединении названного уровня обучения принимается решение об изменениях в модуле.

Вторая группа принципов, которые мы выделяем, – план обучения иноязычной речевой деятельности. Сюда входят два принципа выделения модулей: **пятый принцип** – это *структурирование деятельности студента в логике этапов усвоения знаний: восприятие – понимание – осмысление – запоминание – применение – обобщение – систематизация* и шестой принцип: *паритетность*.

Следует отметить, что психологическим основанием технологии модульного обучения А. В. Чигарева предлагает считать теорию П. Я. Гальперина о поэтапном формировании умственных действий, суть которого заключается в создании ориентировочной основы действия. Действие, прежде чем стать умственным, обобщённым, сокращённым и освоенным, проходит через переходные состояния, соответствующие логике усвоения знаний, которые и составляют этапы усвоения действия. При этом каждое действие характеризуется совокупностью изменения основных свойств (параметров) действия [3].

Шестым принципом выделения модулей является *принцип паритетности, или принцип субъект-субъектного взаимодействия педагога и обучающегося* [4]. Важно, чтобы преподаватель выполнял роль не просто информационного транслятора, но максимально вовлекал студентов в процесс обучения. Это не только и не столько самостоятельная работа студентов во время занятия и после него, а перенос функции преподавателя на студента. Это и, например, наделение отличившихся в учении студентов ролью преподавателя для проверки какого-либо задания, и проверка письменных работ друг друга с указанием ошибок и подписью проверившего.

Третья группа принципов, которые мы выделяем, составляет план технологии обучения. К этой группе принципов относится **седьмой принцип**: *активные формы работы*, такие как работа в парах и мини-группах, кейсы (метод ситуаций), дебаты, групповые дискуссии, мозговой штурм, ролевые и деловые игры. Работа в парах и мини-группах подразумевает не только подготовку диалогов или полилогов, но и общую работу на занятии – ответы на вопросы, чтение, сравнение ответов после аудирования. Эта форма работы позволяет также организовать подготовку итоговой или текущей презентации. Таким образом, у студентов развивается не только навык

работы в команде (а не только индивидуально), но и система ценностей, формируется *социокультурная позиция*. При этом студенты учатся взаимодействовать друг с другом – договариваться, приходить к компромиссу, используя языковой материал и такт в общении с собеседником. Н. А. Антонова утверждает, что при коллективном способе обучения с доминирующей ролью взаимообучения в парах сменного состава происходит интенсификация речевого общения студентов, что является основой становления *социокультурной позиции* [5], Т. А. Салимова называет групповую работу основой, на которой базируются все активные методы обучения, и утверждает, что групповое обучение способствует развитию тех социальных качеств, которые необходимы будущему менеджеру для успешной профессиональной деятельности [6].

Четвертая группа принципов организации модулей представлена планом контроля. Здесь выделяются два принципа: *рейтинг* и *балл*. Нам представляется, что при становлении социокультурной позиции студентов *дифференциальный рейтинг* будет наиболее эффективным. Во-первых, он учитывает как текущую работу на занятиях, так и самостоятельную подготовку к каждому занятию, а также повышает мотивацию студентов, играющую ключевую роль в иноязычной подготовке. В отличие от сессионной организации контроля в вузе, студент при рейтинговой системе понимает, что необходимо не только выполнить итоговый письменный тест, отражающий знания и умения по всему модулю, но и активно работать на каждом занятии и качественно выполнять все домашние устные и письменные работы, поскольку в рейтинге, в отличие от экзамена в сессионной форме обучения, учитывается удельный вес каждой оценки на каждом занятии и за самостоятельную работу как дома, так и в аудитории. *Дифференциальный подход к подсчёту рейтинга* будет составлять **восьмой принцип** построения модулей в модульно-рейтинговой системе.

Девятым принципом выделения модулей в семестре является *балл* студента за работу на занятии и дома. За работу на каждом занятии студент получает отметку по 5-балльной шкале. При этом, в отличие от традиционной 5-балльной системы оценивания, студент может получить балл, кратный 0,25 балла: например, 3,25; 4,5; 2,75. Это делается для максимально точной оценки знаний и работы студента и более объективного итогового рейтинга за работу в течение всего модуля.

В 2005 г. на кафедре иностранных языков ТАУ было принято решение оценивать работу в течение семестра в 70%, итоговый письменный тест – в 15%, итоговый устный экзамен – в 15%. Это было сделано с целью повышения мотивации студентов эффективно работать в течение всего семестра, а не ориентироваться только на финальный письменный тест и устный экзамен. Данное мероприятие действительно повысило мотивацию студентов, и они стали активно как работать на самих занятиях, так и выполнять письменные работы в течение семестра. Наши коллеги из Чебоксарского института экономики и менеджмента предлагают вычитать баллы за пропуски, а также несвоевременное или некачественное выполнение заданий [7]. На кафедре иностранных языков ТАУ такой практики нет, однако формула подсчёта рейтинга запрограммирована таким образом, что если студент не приходит на занятие или не сдаёт письменную работу, за это занятие или письменную работу в данной ячейке появляется балл «ноль», что существенно снижает как общий рейтинг, так и финальную оценку за модуль. Студенты понимают данную ситуацию, в связи с чем стараются не пропускать занятия, а пропущенные занятия по любой причине отрабатывают при помощи взятого у преподавателя дополнительного материала и задания.

Педагоги выделяют различные процентные соответствия: «отлично» – 100%, «хорошо» – 80%, «удовлетворительно» – 60% [8]. 85–100 баллов – «отлично», 71–84 балла – «хорошо», 60–70 баллов – «удовлетворительно», менее 60 баллов – «неудовлетворительно» [9]. Рекомендуемой является единая европейская шестибалльная система оценок: «отлично» – 95–100 баллов, «очень хорошо» – 86–94 балла, «хорошо» – 69–85 баллов, «удовлетворительно» – 61–68 баллов, «посредственно» – 51–60 баллов, «неудовлетворительно» – 0–50 баллов [10].

Для оценивания письменных работ студентов за основу мы взяли шкалу оценивания Европейской системы накопления и перевода кредитов European Credit Transfer and Accumulation System (ECTS) [11]. На основании данных расчётов письменные работы студентов должны оцениваться следующим образом: 0–59% – «неудовлетворительно», 60–69% – «удовлетворительно» (sufficient – достаточно, E); 70–89% – «хорошо» (good, B, C, D); 90–100% – «отлично» (excellent, A).

Рассмотренные принципы отрабатывались и модифицировались в течение долгих лет, и мы можем назвать их действенными, поскольку обучение студентов межкультурной коммуникации на основе модульно-рейтинговой системы показывает хорошие результаты и поэтому активно внедряется в методику преподавания иностранного языка.

Примечания

1. Приложение к Приказу Министерства образования и науки Российской Федерации № 413 от 17.05.2012 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования». URL: <http://www.rg.ru/2012/06/21/obrstandart-dok.html> (дата обращения 04.02.2015).
2. Анисимова Л. А. К вопросу о технологизации учебного процесса при обучении английскому языку студентов Тольяттинской академии управления // Преподавание и изучение иностранного языка: традиции и новации: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Тольятти: Современник: ТВТИ, 2005. С. 101–113.
3. Чigareва А. В. Иностранный язык как средство саморазвития личности при применении модульной технологии обучения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 1. С. 80–82. – С. 80–81.
4. Юцявичене П. Я. Теория и практика модульного обучения. Каунас: Швиеса, 1989. С. 47.
5. Антонова Н. А. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности у студентов медицинского вуза на основе модульно-рейтинговой технологии обучения // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–5. С. 1087–1091.
6. Цит. по: Лукиных Ю. В. Становление социокультурных ориентаций будущего менеджера: дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2006. С. 57.
7. Никитина Е. Г. Блочно-модульное обучение как фактор совершенствования иноязычной подготовки студентов экономических факультетов вузов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74–1. С. 372–375.
8. Ким Н. М. Балльно-рейтинговая система в курсе физической химии на кафедре технологии переработки пластмасс // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 155–157.
9. Левченко Т. А. Проблемы и перспективы использования балльно-рейтинговой системы для аттестации учебной работы студентов высших учебных заведений // Успехи современного естествознания. 2008. № 9. С. 55–56. URL: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7783302 (дата обращения 06.02.2015).
10. Гириная Л. В., Мокашов В. В., Румянцева Н. М. К проблеме внедрения балльно-рейтинговой системы в процесс обучения РКИ (довузовский этап) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 221–229.
11. Студопедия. Шкала оценок ECTS. URL: http://studopedia.net/10_107072_shkala-otsenok-ECTS.html (дата обращения 05.02.2015).

Notes

1. Annex to the Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation No. 413 dated 17.05.2012 "On approval of Federal state educational standard of secondary (complete) General education" Available at: <http://www.rg.ru/2012/06/21/obrstandart-dok.html> (04.02.2015). (in Russ.)
2. Anisimova L. A. *K voprosu o tekhnologizacii uchebnogo processa pri obuchenii anglijskomu yazyku studentov Tol'yatinskoy akademii upravleniya* [To the issue of technologization of the educational process when teaching English to students of Togliatti Academy of Management] // *Prepodavanie i izuchenie inostrannogo yazyka: tradicii i novacii: sb. dokl. Vseros. nauch.-prakt. konf.* – Teaching and learning a foreign language: traditions and innovations: proc. all-Russia scientific-practical conf. Togliatti. Contemporary: TVTI. 2005. Pp. 101–113.
3. Chigareva A.V. *Inostrannyj yazyk kak sredstvo samorazvitiya lichnosti pri primenении modul'noj tekhnologii obucheniya* [Foreign language as a means of self-development in applying modular learning technologies] // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* – Humanitarian research of East Siberia and the Far East. 2010, No. 1, pp. 80–82 – pp. 80–81.
4. Jutsyavicene P. J. *Teoriya i praktika modul'nogo obucheniya* [Theory and practice of modular training]. Kaunas. Shviesa. 1989. P.47.
5. Antonova N. A. *Formirovanie inoyazychnoj kommunikativnoj kompetentnosti u studentov medicinskogo vuza na osnove modul'no-rejtingovoj tekhnologii obucheniya* [Formation of foreign language communicative competence of students of medical university on the basis of module-rating technology of training] // *Fundamental'nye issledovaniya* – Fundamental research. 2014, No. 9-5, pp. 1087–1091.
6. Cit. by: Lukinykh Y. V. *Stanovlenie sociokul'turnyh orientacij budushchego menedzhera: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of sociocultural orientation future Manager: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Krasnoyarsk. 2006. P. 57.
7. Nikitina E. G. *Blochno-modul'noe obuchenie kak faktor sovershenstvovaniya inoyazychnoj podgotovki studentov ehkonomicheskikh fakul'tetov vuzov* [Bloc-modular training as a factor of improving the foreign language training of students of economic faculties of universities] // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* – News of PSPU of A. I. Herzen. 2008, No. 74-1, pp. 372–375.
8. Kim N. M. *Ball'no-rejtingovaya sistema v kurse fizicheskoy himii na kafedre tekhnologii pererabotki plastmass* [Point-rating system in the course of physical chemistry at the Department of technology of processing of plastics] // *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* – Herald of the Kuzbass State Technical University. 2006, No. 2, pp. 155–157.
9. Levchenko T. A. *Problemy i perspektivy ispol'zovaniya ball'no-rejtingovoj sistemy dlya attestacii uchebnoj raboty studentov vysshih uchebnyh zavedenij* [Problems and prospects of use of point-rating system for assessment of academic work of students in higher education] // *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* – Successes of modern

natural science. 2008, No. 9, pp. 55-56. Available at: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7783302 (accessed 06.02.2015).

10. Girinskaya L. V., Mochalov V. V., Rumyantseva N. M. *K probleme vnedreniya ball'no-rejtingovoj sistemy v process obucheniya RKI (dovuzovskij ehtap)* [To the problem of implementation of point-rating system in the process of learning physics (pre-stage)] // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* – News of the Tula State University. Humanities. 2014, No. 2, pp. 221-229.

11. *Studopediya. SHkala ocenok ECTS* – Studopedia. Grading scale ECTS. Available at: http://studopedia.net/10_107072_shkala-otsenok-ECTS.html (05.02.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЙКОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БАРМИНА Ольга Викторовна – ассистент кафедры философии и культурологии ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: obarmina@inbox.ru

БАТУХТИНА Елена Владимировна – аспирант кафедры педагогики ВятГГУ, старший преподаватель кафедры иностранных языков Вятской ГСХА. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: batuhtina-elena@mail.ru

БЕРЕЗИНА Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: olga-bay

БОГАТОВА Екатерина Борисовна – соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета. 672039, г. Чита, ул. Александровская, д. 30.
E-mail: nuhtel@mail.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Эльвира Камиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного университета экономики и сервиса. 450078, г. Уфа, ул. Чернышевского, д. 145.
E-mail: Belaya2808@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВА Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: tagrig8@mail.ru

ГУБИК Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: bashenyovs@mail.ru

ЕЛКИНА Вероника Вадимовна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: veronika06061988@mail.ru

КОЗЛОВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и философии Вятской государственной сельскохозяйственной академии. 610000, г. Киров, Октябрьский проспект, д. 133.
E-mail: ASK2712@mail.ru

КОЗЛОВА Наталия Геннадьевна – учитель английского языка, ГБОУ СОШ № 2091. 109443, г. Москва, Есенинский бульвар, д. 14, стр. 2.
E-mail: nnadezhdina@yandex.ru

КОРЯКОВЦЕВА Ольга Алексеевна – доктор политических наук, кандидат педагогических наук, декан факультета дополнительного профессионального образования, профессор кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.
E-mail: youth1@mail.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: wikma116@rambler.ru

ПЛОТНИКОВ Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Вятского государственного университета. 610014, г. Киров, ул. Щорса, д. 66.
E-mail: plotnikowprawo@yandex.ru

ПУТИХИНА Наталья Викторовна – аспирант кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23.
E-mail: natalia2537@mail.ru

РОСИНА Марина Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: marina_rosina@mail.ru

САДАКОВ Денис Андреевич – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: rstk2005@gmail.com

СМОЛЬНЯК Игорь Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: zamscience.inik@vshu.kirov.ru

СТУПНИКОВА Валерия Владимировна – аспирант Института Дальнего Востока РАН. 117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.
E-mail: Leronka86@mail.ru

СУХАНОВА Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.
E-mail: ioeirena1955@mail.ru

ТАРХАНОВА Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.
E-mail: tarhanova3000@mail.ru

ТИМОФЕЕВА Ирина Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры математического анализа математического факультета Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1.
E-mail: iltimofeeva@mail.ru

ТРУШКОВА Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии, этнологии и культурной антропологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: arina_trushkova@mail.ru

ХАБИБУЛЛИН Марс Забирович – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. 420015, г. Казань, ул. Пушкина, д. 56.
E-mail: kazanmars@rambler.ru

ХАПЧАЕВ Исмаил Абуевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и прикладных правовых дисциплин Северо-Кавказского юридического института (филиала) Саратовской государственной юридической академии. 369000, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Космонавтов, д. 100.

E-mail: khasfotia@mail.ru

ЧЕХЛОВА Лилия Айратовна – аспирант кафедры немецкого и английского языков Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. 423600, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.

E-mail: lilyachehlova@yandex.ru

ШАЙМАРДАНОВА Миляуша Равилевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Елабужского института Казанского федерального университета, соискатель кафедры германской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. 423600, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.

E-mail: milyausha33@mail.ru

ШАРИПОВА Василия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: vasilia.anatolevna@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAYKOVA Olga Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, head of Department of linguistics and translation of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

BARMINA Olga Viktorovna – assistant of the Department of philosophy and cultural studies of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: obarmina@inbox.ru

BATUKHTINA Elena Vladimirovna – postgraduate student of the Department of pedagogy of Vyatka State University of Humanities, senior lecturer of the Department of foreign languages of Vyatka State Agricultural Academy. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: batuhtina-elena@mail.ru

BEREZINA Yuliya Valer'evna – Candidate of philology, Associate Professor of the Department of linguistics and translation of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru kova@yandex.ru

BOGATOVA Ekaterina Borisovna – postgraduate student on the Department of theoretical and applied linguistics of Baikal State University. 30 Aleksandrovsko-zavodskaya str., 672039 Chita.

E-mail: nuhtel@mail.ru

VALIAKHMETOVA Elvira Kamilovna – Candidate of Philology, docent of Department of foreign languages of the Ufa State University of Economics and Service. 145 Chernyshevskiy str., 450078, Ufa.

E-mail: Belaya2808@yandex.ru

GRIGOREVA Tatyana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of modern Russian linguistics of Bashkir State University. 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.

E-mail: tagrig8@mail.ru

GUBIK Svetlana Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of foreign languages for professional communication at the Institute of Economics, Finance and Business of Bashkir State University. 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.

E-mail: bashenyovs@mail.ru

ELKINA Veronika Vadimovna – postgraduate student of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: veronika06061988@mail.ru

KOZLOVA Elena Anatolievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of history and philosophy of Vyatka State Agricultural Academy. 133 Oktyabrskiy Ave., 610000, Kirov.

E-mail: ASK2712@mail.ru

KOZLOVA Natalia Gennadjevna – teacher of English, School N2091. 14, building 2, Esenin boulevard, Moscow.

E-mail: nnadezhdina@yandex.ru

KORYAKOV TSEVA Olga Alekseevna – Doctor of Political Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Dean of the faculty of additional professional education, Professor of the Department of theory and methods of professional education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya str., 150000, Yaroslavl.

E-mail: youth1@mail.ru

MASHKOVTSSEV Andrey Anatol'evich – Candidate of Historical Sciences, Professor, head of Department of Russian history of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: wikma116@rambler.ru

PLOTNIKOV Dmitry Alexandrovich – Candidate of Legal Sciences, head of Department of civil law disciplines of the Kirov branch of the Moscow Humanitarian-Economic Institute, Professor of civil and legal disciplines of the Vyatka State University. 66 Shchors str., 610014, Kirov.

E-mail: plotnikowprawo@yandex.ru

PUTIKHINA Natalia Viktorovna – postgraduate student of the Department of criminal law and procedure of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 23 Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod.

E-mail: natalia2537@mail.ru

ROSINA Marina Anatolyevna – Candidate of Historical sciences, senior lecturer of the Department of General History of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: marina_rosina@mail.ru

SADAKOV Denis Andreevich – postgraduate student of the Department of General history of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: rstk2005@gmail.com

SMOLNYAK Igor Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of General history of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: zamscience.inik@vshu.kirov.ru

STUPNIKOVA Valeria Vladimirovna – postgraduate student of RAS Institute of Far Eastern studies. 32 Nakhimovsky Ave., 117997, Moscow.

E-mail: Leronka86@mail.ru

SUKHANOVA Irina Alekseevna – Candidate of Philology, docent of Department of Russian language of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya str., 150000, Yaroslavl.

E-mail: ioeirena1955@mail.ru

TARKHANOVA Irina Yurievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the theory and methods of professional education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya str., 150000, Yaroslavl.

E-mail: tarhanova3000@mail.ru

TIMOFEEVA Irina Leonidovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of mathematical analysis of mathematics faculty of Moscow State Pedagogical University. 1 building 1, Malaya Pirogovskaya str., 119991, Moscow.

E-mail: iltimofeeva@mail.ru

TRUSHKOVA Irina Yurievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of archeology, ethnology and cultural anthropology of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya st. 610002, Kirov.

E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

KHABIBULLIN Mars Zabirovich – Candidate of Historical Sciences, associate professor, scientific secretary of Institute of Tatar Encyclopedia and Area studies of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 56 Pushkin str., 420015, Kazan.

E-mail: kazanmars@rambler.ru

KHAPCHAEV Ismail Abuevich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of humanitarian, social, economic and applied legal disciplines of North Caucasian Law Institute (branch) of Saratov State Law Academy. 100 Kosmonavtov str., 369000, Cherkessk, Karachay-Cherkessia.

E-mail: khasfotia@mail.ru

CHEKHLOVA Lilia Airatovna – postgraduate student of the Department of German and English languages of Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga region) Federal University. 89, Kazanskaya Str., Elabuga, 423600, Russia.

E-mail: lilyachehlova@yandex.ru

SHAIMARDANOVA Milyausha Ravilevna – senior lecturer of the Department of Foreign Languages of Elabuga Branch of Kazan Federal University, applicant of the Department of Germanic Philology of Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University. 89, Kazanskaya Str., Elabuga, 423600, Russia.

E-mail: milyausha33@mail.ru

SHARIPOVA Vasilya Anatolievna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of foreign languages for professional communication at the Institute of Economics, Finance and business Bashkir state University. 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.

E-mail: vasilia.anatolevna@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 8 (2015)

Подписано в печать 31.08.2015 г.
Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1000. Заказ № 114.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390